

И С Т О Р И Я
А М Е Р И К А Н С К О Г О
Н А Р О Д А

Т. Аптекер

АМЕРИКАНСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ

1763-1783

Herbert Aptheker

A HISTORY OF THE AMERICAN PEOPLE:
AN INTERPRETATION

THE AMERICAN REVOLUTION
1763—1783

NEW YORK
INTERNATIONAL PUBLISHERS

1960

Герберт Аптекер

*

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА

*

**АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1763—1783**

Перевод с английского

И. З. Романова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1962

Редакция литературы по историческим наукам

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию советского читателя книга известного американского историка-марксиста Г. Аптекера представляет собой второй том задуманного им многотомного труда по истории народа Соединенных Штатов Америки. Первый том этого труда, «Колониальная эра», написанный автором в 1959 году, был издан в русском переводе Издательством иностранной литературы летом 1961 года.

Настоящий, второй том этого труда, «Американская революция», вышел в свет в Нью-Йорке в 1960 году.

Русскому переводу этой книги предпослана статья ныне покойного Уильяма З. Фостера — страстного борца за дело коммунизма, выдающегося деятеля американского и международного рабочего движения. Эта статья, написанная им в связи с выходом в свет двух первых томов «Истории американского народа» Г. Аптекера, была опубликована в журнале «Проблемы мира и социализма» в феврале 1961 года.

«ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА»

Выход в свет двух первых томов двенадцатитомника «История американского народа» Герберта Аптекера* явился важным событием в литературной и политической жизни Соединенных Штатов. В США имеется множество пестрящих ошибками исторических работ буржуазных авторов и ряд исследований по отдельным вопросам истории, написанных с революционных позиций. Однако ощущается сильная потребность во всестороннем марксистско-ленинском анализе истории страны. Как и многие другие, я считаю, что Аптекер, редактор теоретического органа Коммунистической партии США «Политикл афферс», является ведущим историком Соединенных Штатов. Хотя опубликованы лишь два из намеченных двенадцати томов «Истории американского народа», тем не менее уже сейчас ясно, что труд Аптекера будет отличаться присущим автору исключительно высоким качеством исследования.

При чтении данной рецензии на первые два тома «Истории» следует помнить, что тот исторический период, который они охватывают,— это всего лишь небольшая часть истории Соединенных Штатов. В тот период Соединенные Штаты, только что закончившие буржуазную революцию, несомненно, являлись наиболее прогрессивной страной в мире. Однако за прошедшие с тех пор 177 лет США превратились в самую богатую, самую могущественную среди капиталистических стран и самую реакционную страну мира, целью которой в настоящее время является установление мирового господ-

* Aptheke H., History of the American People, New York, International Publishers, vol. I, 1959, 158 pp., vol. II, 1960, 304 pp.

ства. США являются злейшим врагом социализма и коммунизма. Они постоянно грозят человечеству ужасной гибелью в результате мировой атомной войны. Многие из семян грядущего могущества американского империализма можно найти уже в период Американской революции.

Том I. Колониальная эра

В этом томе рассматривается период колонизации. Начинается этот период открытием Америки Христофором Колумбом в 1492 году. Однако Аптекер, дав обзор борьбы основных стран за колонии в Америке, относит начало подлинной истории американского народа к 1607 году, когда Англия, вытеснив большинство других великих держав из данного района, основала г. Джеймстаун в Виргинии — первой из 13 колоний, образовавших впоследствии Соединенные Штаты. Общее содержание первого тома, подобно широкому потоку, подводит к неизбежности революционного взрыва 1775 года. Аптекер тщательно анализирует эти исторические события, делая на основании их принципиальные выводы.

Одной из основных задач новой, еще только зарождавшейся нации было принятие необходимых мер — как идеологических, так и политических — для того, чтобы связать разобщенные колонии в единое государство, достаточно сильное, чтобы противостоять Англии, в то время, бесспорно, наиболее могущественной стране в мире. Цель же английских колонизаторов сводилась к тому, чтобы и впредь удерживать молодые колонии на положении разобщенных групп, не способных на согласованные действия. Колонии были накрепко привязаны к метрополии, но полностью изолированы друг от друга в торговле, политике и идеологии. Однако на протяжении всего периода колонизации массы постепенно уничтожали искусственные преграды, разделявшие колонии, закладывая основы новой, американской нации. Эта тенденция в огромной степени способствовала росту революционных настроений среди народа.

В то время Англия была страной, проводившей политику меркантилизма. Она рассматривала свои колонии лишь как источник благоденствия метрополии и

соответственно с этим строила свои отношения с ними. Так, например, она делала все возможное, чтобы не допустить создания всесторонне развитой промышленности и торговли в колониях. Единственное, что им разрешалось, — это иметь минимальное количество предприятий тех отраслей промышленности, которые не имели перво-степенного значения. В то же время в Англию направлялась продукция наиболее важных, но не представлявших для нее конкуренции отраслей экономики. Из колоний в метрополию сплошным потоком шли табак, лес, рис, рыба и другие товары. Драконовскую политику меркантилизма дополняли законы, препятствовавшие торговле между колониями, обязывавшие их перевозить все направляемые за границу товары на английских кораблях и только через английские порты, строго запрещавшие производство в колониях товаров, производившихся в Англии, и т. д. Англия установила строгий контроль над вывозом капитала в колонии, предоставлением им кредитов, над чеканкой денег и т. д. Эти ограничения таили в себе зародыш революции. Колонисты боролись против этих жестоких законов и обходили их; они были вынуждены прибегать к таким мерам, как торговля в широких масштабах с противниками Англии во время войны.

В целях удовлетворения огромного спроса на рабочую силу англичане создали в американских колониях разветвленную систему рабства. У американских индейцев были отобраны земли; их убивали по малейшему поводу; тех из них, кого удавалось поймать, продавали и заставляли работать как рабов. Однако индейцы не хотели работать на своих поработителей. Им часто удавалось бежать. Почти единственной отраслью, где их можно было жестоко эксплуатировать, была торговля мехами. Леса изобиловали пушным зверем, на которого охотились индейцы. Формально они являлись свободными охотниками; однако их безжалостно обирали английские и американские торговцы мехами. На всей территории, ставшей впоследствии известной как Соединенные Штаты, насчитывалось около миллиона индейцев.

Белые иммигранты, преимущественно выходцы с Британских островов, попадали в жестокую кабалу, будучи обязанными отработать «по контракту» от 2 до

14 лет в уплату стоимости своего переезда через Атлантический океан. Большое число, если не большинство, рабочих, иммигрировавших в колонии, должно было пройти через порочную систему «выкупа» или «контракта», существовавшую до самой революции и даже некоторое время после нее.

Однако таких зависимых рабочих оказалось недостаточно, вследствие чего эксплуататоры начали массовое обращение в рабство народов Африки. Первые рабы-негры были захвачены и доставлены в Джеймстаун в начале XVII столетия. Чудовищная работоторговля, продолжавшаяся в течение столетий, приобрела колоссальные размеры и повлекла за собой неисчислимые жертвы. «Африка потеряла порабощенными и убитыми 65—75 миллионов своих сыновей и дочерей» (стр. 31). Согласно оценке Аптекера, в период американской революции XVII века из 2500 тысяч человек, составлявших население колоний, около $\frac{1}{3}$ были рабы и «законтрактанные рабочие».

Рабы играли большую роль в развернувшейся в период колонизации борьбе, которая в конечном итоге привела к революции.

Важным фактором в развитии Американской революции явились две английские революции XVII века: революция 40-х — 50-х годов и революция 1689 года. Эти коренные перевороты позволили придать классовое значение многим выступлениям, имевшим место в колониях на протяжении этих лет, а также способствовали развертыванию Американской революции в следующем веке. Отличительной чертой почти всех политических выступлений в период колонизации явилось то, что в них применялись насильственные формы борьбы, особенно по мере приближения Американской революции.

Подобно другим странам, имевшим колонии в различных частях Западного полушария, Англия пыталась предотвратить революцию, которой она боялась и которую предвидела почти с начала существования колониальной системы. Англичане сохраняли в своих руках наиболее важные политические посты: губернаторов, военачальников, церковных сановников и т. д. и поворачивали дело таким образом, что все важные государственные вопросы решались в Англии. Англичане стремились создать сильный класс крупных землевла-

дельцев, предоставляя им всяческие льготы. Нарождавшийся в то время класс торговцев в колониях они превращали преимущественно в агентов крупных лондонских торговых компаний. Рассматривая местную промышленную буржуазию как угрозу для себя, они использовали все средства, чтобы сократить ее численность, ограничить власть и влияние.

Колонисты были людьми, сравнительно свободными и независимо мыслящими. Они жили на фермах, расположенных на большом расстоянии друг от друга в лесных районах и в основном не были подчинены контролю со стороны далеких английских правителей. Люди, обитавшие в районах, граничащих с территорией индейцев, жили, одевались, питались и сражались почти так же, как индейцы. Необходимую им землю они отбирали у индейцев (скваттерство), почти не обращая внимания на законы далекой Англии. Колонисты создали примитивную стихийную демократию, являющуюся очень важным фактором жизни в Соединенных Штатах на протяжении почти двух столетий.

Религия играла большую роль в создании многочисленных колоний Западного полушария, в том числе и английских колоний. В английских колониях существовало множество церквей, преимущественно протестантских. Многие из них, особенно церковь Новой Англии, были крайне реакционны, но они не вцеплялись в общество той мертвой хваткой, которая была присуща испанской католической церкви, не сдерживали развитие промышленности в такой мере, как это делала испанская католическая церковь в Латинской Америке.

Промышленное производство в колониях быстро росло. К 1775 году колонии больше производили брускового железа и чугуна, чем метрополия.

Быстро росло национальное сознание американцев. Аптекаер отмечает, что примерно с 1765 года пресса колоний зачастую причисляла англичан к «иностранцам» (стр. 175). Колонисты быстро создавали новую машину управления, приспособленную к своим потребностям. О росте национализма в колониях хорошо сказал Патрик Генри: «Различия между виргинцами, пенсильванцами, нью-йоркцами и ньюангличанами более не существует. Я не виргинец, а американец» (стр. 177).

Однако американцы еще считали, что противоречия с английским правительством могут быть разрешены и без революционной борьбы. Тем временем опьяненная властью, надменная Англия издавала один за другим законы, дискриминирующие развитие промышленности в колониях, и наводняла их солдатами-карателями. Королю Георгу III, деспоту, и не снилось, что колонии осмелятся поднять оружие против, казалось бы, всемогущей Англии. Но начавшись с незначительных столкновений у Конкорда и Лексингтона, весной 1775 года революция приняла форму открытого конфликта.

Том II. Американская революция

За последние годы, особенно с тех пор, как Соединенные Штаты начали играть в мире крайне реакционную роль, американские политические лидеры считают все менее удобным подчеркивать значение Американской революции. Это отразилось и на американской историографии, принижающей революционные события прошлого. В противоположность этой тенденции Аптекер дает блестящий анализ Американской революции, наилучший из известных мне анализов. В характеристике этого великого движения решающее слово принадлежит В. И. Ленину, которого Аптекер цитирует. Ленин заявил, что это была одна «из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного...» (Соч., т. 28, стр. 44). Автор приводит данную Фостером характеристику этой борьбы как «буржуазной революции, внутри которой существовали сильные демократические течения».

Для историков, придерживающихся консервативной точки зрения, неразрешимой загадкой революции является вопрос о том, каким образом великая и могущественная Англия потерпела решительное поражение от гораздо более бедных и менее развитых колоний. Аптекер дает всесторонне обоснованный ответ на этот вопрос. Прежде всего следует принять во внимание географическое положение колоний. Колонии простирались примерно на 1500 миль вдоль побережья Атлантического океана, и колонисты хорошо знали свою страну; за ними, почти на 3000 миль в глубь материка, лежали огромные про-

сторы земель, населенных индейцами, большинство из которых было недружелюбно настроено как по отношению к поселенцам, так и — в значительной степени — к англичанам. Война велась на сравнительно узкой полоске земли.

Англичане на протяжении почти всех восьми лет войны оккупировали крупные города, расположенные на побережье. Их войска были хорошо снабжены и в случае необходимости могли легко перебрасываться с помощью мощного морского флота. Повстанцы сражались на обширной территории внутри страны, ведя преимущественно партизанскую войну. Командовал ими генерал Джордж Вашингтон. Что же касается офицеров, то в большинстве своем они не проходили никакой или почти никакой специальной военной подготовки. Солдат набирали главным образом из числа фермеров, людей, живших в пограничной полосе, и городских рабочих. Вначале у солдат существовало лишь подобие военной формы; платили им очень мало или не платили совсем. Тем не менее «оборванцы», проявлявшие образцы героизма в боях, часто разбивали наголову известные своей «непобедимостью» английские войска, примерно в 4 раза превосходившие по численности войска колонистов.

Другим наиболее важным фактором, обеспечившим победу американцев в революционной войне, явились успехи американской дипломатии в отношениях с различными европейскими государствами. (В области дипломатии на протяжении многих лет руководящую роль играл Бенджамин Франклин.) Европейские страны — Франция, Испания, Нидерланды и Россия — предоставляли повстанцам щедрые займы и направляли в Америку своих добровольцев. Франция, располагавшая большим флотом, превратилась в поистине первоклассного союзника. Вообще говоря, американским колонистам удалось в большей или меньшей степени завоевать симпатии народов Европы. В войсках повстанцев сражались Лафайет, Сен-Симон, Костюшко, Пулаский, фон Штойбен и другие известные европейцы. Это явилось важным фактором, обеспечившим победу американцев в войне.

Еще одним благоприятным для американцев фактором явилось тесное сотрудничество между повстанцами и либеральными и революционными силами в метропо-

лии. В этот период в Англии наблюдалось сильное недовольство правящей автократией. Нередко оно выливалось в выступления солидарности с революционным движением в Америке. Ведущую роль в этом играл известный публицист Томас Пейн.

Американская революция, несомненно, была народной, массовой. Однако современные реакционные авторы выступают с нападками на массовый характер революции и пытаются изобразить ее как результат деятельности сравнительно небольшого числа людей. Их излюбленный аргумент сводится к тому, что в период революции население страны подразделялось следующим образом: $\frac{1}{3}$ — за революцию, $\frac{1}{3}$ — против и $\frac{1}{3}$ нейтральных. Аптекер опровергает этот довод и приводит убедительные факты, подтверждающие, что революция являлась движением большинства. «Так, когда в сентябре 1774 года распространился слух — как выяснилось позже, ложный, — что войска генерала Гейджа убили в Бостоне шесть человек, почти все годные к военной службе мужчины Массачусетса [а их насчитывалось 80 тысяч] взялись за оружие и направились в город» (стр. 82). Автор приводит множество таких примеров, подтверждающих массовый характер революции.

Хотя индейцы и выступали на стороне революции, но делали это далеко не везде, ибо понимали, что в основном именно белые колонисты отбирали у них земли, совершая при этом массовые убийства. Индейцы, поддерживавшие англичан, оказались в чрезвычайно трудном положении после того, как американцы одержали победу в революционной войне, потому что (вероломные до предела) английские союзники индейцев покинули их, отдав на милость победителей — колонистов.

Отношение к революции огромной массы рабов-негров, составлявших около 20 процентов населения, было неодинаковым. Своими главными врагами они считали колонистов-плантаторов, представлявших собой часть революционных сил. Многие бежали к англичанам, поверив лживым обещаниям о предоставлении свободы. В результате массового бегства рабов число их во всех американских рабовладельческих колониях сильно сократилось. Томас Джефферсон заявлял, что одна только Виргиния в 1778 году потеряла 30 тысяч рабов (стр. 273). Аптекер пишет, что, «по-видимому, по скром-

ным подсчетам, с 1775 по 1783 год ста тысячам рабов (то есть примерно одному из шести мужчин, женщин и детей) удалось избавиться от рабства бегством, хотя и на новом месте многие из них нашли свою смерть или вновь попали в рабство» (стр. 274). Тем не менее, продолжает автор, «негры — свободные и рабы — сыграли заметную роль в вооруженных силах революции, когда им представлялась такая возможность. Много бюрократических рогаток приходилось преодолевать, прежде чем негру, особенно рабу, разрешалось вступить в ряды революционной армии, но военный флот — как общий континентальный, так и провинциальный — не следовал негрофобскому курсу. Вот почему на протяжении всех лет революции мы встречаем многократные упоминания о неграх, служивших в качестве членов команд кораблей, которые представляли собой зарождающуюся морскую боевую силу нации (стр. 276). «Не подлежит никакому сомнению, — говорится далее в книге, — что несколько тысяч (по самым скромным подсчетам — пять тысяч) негров служили в качестве кадровых солдат в американской революционной армии. Не подлежит никакому сомнению также, что в армии служили и многие другие негры в качестве возчиков, поваров, проводников и пионеров (так в те времена называли нынешних саперов), и их было, вероятно, еще больше, чем негров — кадровых солдат» (стр. 282—283). Исключительное мужество солдат-негров в боях широко отмечалось и поощрялось.

Среди колонистов было много предателей. Их можно было встретить повсюду, но они не были достаточно сильны для того, чтобы установить свой контроль над какой-либо из 13 колоний. Главным образом в их числе были представители правящей верхушки колоний, богатых помещиков, высшего чиновничества, духовенства и т. д. Зачастую восставший народ весьма грубо обходился с вероломными предателями; их мазали дегтем и обваливали в перьях, сажали в тюрьмы; конфисковали их земли, некоторые были повешены. Почтенные буржуазные историки старательно скрывают эту боевую сторону революции.

Политический контроль в ходе революции осуществляли в основном представители имущих классов: торговцы, плантаторы и другие землевладельцы, юристы,

представители интеллигенции, игравшие большую роль в управлении колониями и в руководстве революцией. Колонисты часто жаловались на отсутствие демократии и снобизм правящих классов. Аптекер цитирует следующую жалобу, напечатанную в «Пенсильвания джернэл» 5 апреля 1776 года:

«Разве ремесленники и фермеры не составляют девяносто девять сотых населения Америки? И если их по причине рода занятий исключить из участия в выборах своих правителей или формы государственного устройства, то не лучше ли признать юрисдикцию английского парламента, составленного целиком из ДЖЕНТЛЬМЕНОВ?» (стр. 74).

В тот ранний период в Америке не существовало ни профсоюзов, ни каких-либо других рабочих организаций. Хотя рабочие и ремесленники принимали очень активное участие в революции, им, однако, недоставало собственной организации. Рабочее движение как таковое начало оформляться только после победоносного завершения революционной войны в 1783 году; тогда же начался рост классового сознания рабочих.

Ремесленники, портовики, чернорабочие и другие категории рабочих оказали большое влияние на ход революции. Почти все «Сыны Нептуна» и знаменитые «Сыны свободы» были из рабочих. Их действия были настолько радикальными, что нередко вызывали возражения со стороны консервативного буржуазного руководства. Вообще в руководстве революцией рабочие не играли сколько-нибудь значительной роли, но именно рабочие и фермеры, представлявшие собой левое крыло революционных сил, играли главную роль на всех фронтах борьбы. Их союзниками являлись мелкие лавочники, большинство которых также было лишено избирательных прав.

Отношения между колониями и Англией были настолько напряженными, что уже в 1750 году начали возникать первые революционные институты, призванные заменить английские государственные органы в колониях. Еще задолго до начала революции эти новые органы, существовавшие иногда легально, а чаще нелегально, стали играть решающую роль, так как массы бойкотировали учреждения, созданные англичанами. К началу революции была создана сравнительно широ-

кая организация, готовая прийти на смену устаревшей системе английского колониального господства.

В 1775 году революционная война была уже в полном разгаре. Гордые своим богатством, правившие в то время миром лорды Англии — страны, население которой более чем в 3 раза превышало население колоний, страны, имевшей опытную армию, разбившую крупные армии ряда других европейских государств, и самый сильный в мире флот, несравненно более могущественный, чем раздробленный флот колоний, — относились к колонистам с чувством величайшего презрения. Лишь через восемь лет упорной борьбы твердолобые английские лорды извлекли из революционных действий народа те уроки, которые с тех пор много раз извлекали им подобные, спустили флаг и выбыли из игры.

«Независимость была провозглашена лишь пятнадцать с лишним месяцев спустя после сражений у Лексингтона и Конкорда» (стр. 122), знаменовавших собой начало революции. Это свидетельствует о том, как медленно вызревала идея об отделении. Декларация независимости, написанная Томасом Джефферсоном, была принята конгрессом 4 июля 1776 года. Составители Декларации — в подавляющем большинстве своем представители плантаторов, торговцев, юристов и т. д. — уделяли весьма незначительное внимание вопросу о правах индейцев, негров, а также женщин и бедняков белой расы, что соответствовало буржуазному характеру революции. Хотя в этом документе и возвещались «равенство, свобода и стремление к счастью, плетью заставляли работать 600 тысяч американских рабов, которые были обречены на пожизненное рабство, так же как и все их потомки по материнской линии... сам автор Декларации независимости был рабовладельцем» (стр. 142).

Однако вследствие своего прогрессивного характера Декларация возбудила большой интерес во всем мире.

От революции сильно выиграли торговцы, плантаторы, промышленники, юристы и т. д. Королевская власть в Соединенных Штатах была упразднена (хотя Гамильтон и предпринимал безуспешные попытки сделать Дж. Вашингтона королем). Буржуазия получила почти полный контроль над вновь созданным республиканским правительством.

Была осуществлена конфискация земель короны, поместий аграриев и крупных английских чиновников, положен конец правам первородства и устранены многие другие остатки феодализма. Больше всего от этого выиграла промышленная и торговая буржуазия. «Воздействие Американской революции, — пишет автор, — не ограничивалось значительными прогрессивными сдвигами в отдельных областях социальной несправедливости — таких, как рабство, приниженное положение женщин, непредоставление необходимых возможностей для получения образования, религиозная нетерпимость, варварская процедура разбора уголовных дел; она стимулировала деятельность по всему фронту экономического господства» (стр. 321). Существенным достижением было также отделение церкви от государства.

Гораздо меньше внимания было уделено низшим слоям населения. Лишь около половины американцев получили право голоса, что означало лишение избирательных прав главным образом рабочих.

Хотя рабочие значительно выиграли от многих реформ, проведенных во время революции, в целом их интересы были подчинены интересам предпринимателей. Индейцам революция не принесла ничего, кроме усиления захвата их земель. Что же касается негров, то рабство было ликвидировано только на Севере. На Юге оно осталось нетронутым и постепенно превращалось в еще большее зло.

Буржуазная революция XVIII века оставила неразрешенными много важных демократических задач, что позднее было использовано реакцией. Самое худшее состояло в том, что не было окончательно ликвидировано рабство. Плантаторы-южане отвергли план Томаса Джефферсона, предложившего сделать это. С тех пор рабство стало бедствием США. Оно явилось причиной второй американской революции 1861—1865 годов, которая под руководством Линкольна принесла свободу рабам. Но осталась позорная система сегрегации, которая под влиянием борьбы негритянского народа ликвидируется только сейчас, причем очень медленно.

Революция не прекратила также захвата земель индейцев, который происходил еще во времена английского господства и значительно усилился после революции.

У индейцев отобрали почти всю землю, а их самих загнали в резервации в пустыню.

После революции усилилось беспринципное стремление США к расширению своих границ, что уже широко практиковалось Англией. В течение последующих 75 лет США захватили много территорий, причем некоторые из них были приобретены путем мошеннических операций. Так были присвоены некоторые земли Англии, Франции, Испании, Канады, Мексики и России. Около половины территории Мексики было захвачено во время агрессивной войны с этой страной в 1846—1848 годах. Благодаря таким приемам новая республика приобрела около 3 млн. кв. миль богатой земли (в 1790 году территория США составляла 888 811 кв. миль, а в 1950 году — уже 3 628 130 кв. миль).

Во времена революции рабочий класс имел очень незначительное представительство в правительстве. Что же касается негров, бедных фермеров, индейцев, женщин, рабочих иностранного происхождения, то они совершенно не были представлены. Безраздельная власть буржуазии стала своего рода традицией. В стране никогда не существовало сильной рабочей, социал-демократической или коммунистической партии, которая могла бы оспаривать власть буржуазии.

Вследствие того, что все эти годы капиталисты контролировали правительство, США являются одной из стран, где труднее всего добиться проведения важных реформ. Благодаря этому США — родина «открытых» цехов, наемных гангстеров для слежки за рабочими, организованных штрейкбрехеров и т. п. — в течение многих лет отставали от других стран в области развития профсоюзного движения. Самые элементарные виды социального обеспечения были приняты лишь после экономического кризиса 1929—1933 годов, в период президентства Рузвельта, то есть несколько десятков лет спустя после того, как это было сделано в Европе.

Другим важным результатом контроля капиталистов над правительством является характерная для США глубокая коррупция. Во время второй революции (1861—1865) массы разбили плантаторов-рабовладельцев, но капиталисты присвоили плоды победы себе, последствия чего ощущаются до сих пор. В дальнейшем в течение многих лет они использовали правительство

В качестве дойной коровы, стремясь выдоить из него субсидии различным компаниям, добиться от него выделения им больших участков земли, обходить с его помощью слабые антитрестовские законы и наводнять правительственные органы темными элементами. Выборы превращались в фарс.

Америка всегда была страной со сравнительно высокой заработной платой, особенно в годы после первой революции. Это было вызвано хронической нехваткой рабочей силы в течение многих лет. Несмотря на это, в стране всегда было много голодных, эксплуатируемых рабочих и безработных, так же как это наблюдается и теперь. В настоящее время огромные массы негров, пуэрториканцев, мексиканцев и неквалифицированных рабочих живут в крайней нищете. Со времени первой революции из европейских и других стран в США переселилось около 40 миллионов эмигрантов, которые всегда представляли собой богатый источник дешевой рабочей силы.

В Соединенных Штатах с давних пор действуют многочисленные реакционные силы. Сейчас США стали главной реакционной силой в мире, жандармом и душителем прогресса. Американская буржуазия, когда-то боровшаяся против английского колониализма, ныне стала главной защитницей колониализма, заклятым врагом национально-освободительной борьбы народов. Успешная борьба народов против американской реакции — важнейшее условие развития сил мира, демократии, социализма.

Уильям З. Фостер

Герберт Антекер

**АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1763—1783**

*

ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИИ

Господствующая — но отнюдь не неоспариваемая — тенденция в новейшей американской историографии, поскольку речь идет об Американской революции, заключается в том, чтобы рассматривать ее как единственное в своем роде историческое событие — в том смысле, что либо она вообще не была революцией, либо если и была, то революцией консервативной. Интерпретация эта, хотя и не блещущая новизной, как мы покажем далее, несомненно, является частью общей системы «неоконсерватизма», который представляет собой столь знаменательное явление в идеологической жизни Соединенных Штатов в годы, последовавшие за окончанием второй мировой войны.

Одним из самых ярких приверженцев этой школы является профессор Дэниэл Дж. Бурстин, чей труд («Дух американской политики», 1953) может послужить нам типичным образчиком ее воззрений. Вот тот вывод, к какому приходит Бурстин: «Наиболее бросающаяся в глаза особенность нашей Американской революции заключается в том, что, в современном европейском смысле слова, она вообще едва ли была революцией». Бурстин сам замечает, что точно такой же взгляд издавна проповедовался «Дочерьми Американской революции»*, но ничто, даже это совпадение, не может удержать его от того, чтобы поведать миру результаты своих ученых изысканий. Не удивительно, что он заключает: «Чем больше я занимался исследованием проблемы, тем больше убеждался в том, какой кладезь премудрости скрывается за их [«Дочерей»] простодушием».

* Реакционная женская организация в США. — *Прим. перев.*

По существу Бурстин приходит к еще более реакционным выводам, чем даже «Дочери», ибо если последние всегда настаивали на том, что Американская революция была не революцией, а всего лишь колониальным бунтом, то Бурстин к этому еще добавляет, что она была «консервативным колониальным бунтом», поскольку ей «явно не доставало культурного самосознания и сколько-нибудь выраженного стремления к национальному единству».

Новую черту консервативного ревизионизма (ярким образчиком которого служит книга Бурстина) составляет его литературная плодовитость и закостенелость отстаиваемых им взглядов. Сущность же его можно обнаружить уже в тезисе Токвиля, высказанном сто лет назад, согласно которому Соединенные Штаты ступили на стезю демократии, не пережив демократической революции. Тем же консервативным ревизионизмом проникнуты работы ряда профессиональных историков прошлого; в качестве примера можно назвать Джона Фиске, пора деятельности которого приходится на конец XIX столетия, а также Г. А. Коха и английского историка Реджинальда Копленда, выступивших со своими трудами в 1930-х годах. Так, последний в своем богатом мыслями исследовании на тему «Американская революция и Британская империя» (1930) усмотрел примечательную черту революции в том, что она была совершена «народом преуспевающим, в общем недурно управляемым и, больше того, пользовавшимся значительным самоуправлением»; при таком взгляде на вещи он смог объяснить ее только тем, что она была «почти исключительно делом теорий и принципов».

Сходным образом уже в наше время такие авторы, как Луис Харц и Роберт Э. Браун, видят причину революции не в угнетении, а в свободе; американские революционеры домогались стабильности, а не перемен. Больше того, если среди деятелей революционной поры и были «революционеры» (то есть лица, домогавшиеся коренных перемен), то ими были бездарный, обманутый и дезинформированный английский король и его министры. А раз так, то, как заявляет Харц в книге «Либеральная традиция в Америке» (1955), «радикализм не имеет никакого отношения к Американской революции». Американцы остались «в

стороне от великого дела Просвещения, задавшегося целью уничтожить христианскую концепцию греха», «им был чужд дух крестоносцев», отличавший, по мнению Хорца, таких подлинных революционеров, как революционеры Франции и России.

Этот тезис в свою очередь сходен с более ранней точкой зрения Чарлза М. Эндрюса, настаивавшего на том, что американцы домогались лишь «прав англичан», что указанные права «не имели ничего общего с демократией и не воплощали ничего, опередившего тот век, в который жили колонисты», и что поэтому (так называемые?) революционеры «мало помогали или вовсе не помогали делу прогрессивного либерализма или распространению демократических идеалов».

Роберт Э. Браун, пытаясь доказать, что колонисты стремились к сохранению существующих порядков, а не к переменам, превратил колониальное общество в передовую «демократию среднего класса», а картину революции ограничил отделением от Англии, стремившейся разрушить уже существующий демократический социальный порядок. В тех случаях, когда Браун доказывает многочисленными фактами, что отдельные колонии добились заметного прогресса на пути развития элементарных политических демократических форм, его исследование является значительным — хотя едва ли таким новаторским, каким он хотел бы представить его читателю, ибо во многом такую же точку зрения можно обнаружить в исследовании о революции Эдуарда Чаннинга, опубликованном в 1912 году, и даже в еще более раннем труде У. Э. Х. Лекки, посвященном истории Англии XVIII столетия.

Однако, отстаивая тезис о том, что по своему характеру колониальная Америка являлась «демократией среднего класса», Браун доводит эту точку зрения до абсурда: «За исключением жителей немногочисленных городов, население огромной территории от Новой Шотландии до Западной Флориды составляли фермеры. Ими двигал дух трудолюбия, свободного от оков и узды, так как каждый работал на самого себя, а не на других».

Подобный взгляд примечателен не только тем, что он игнорирует такие основные области деловой активности колониального периода, как торговля, рыболов-

ство, пушной промысел и спекуляции землями; еще более он примечателен игнорированием всего индейского населения, а также значительной прослойки — 35 процентов — неиндейского населения, состоявшей из рабов (chattel slaves) и кабальных слуг (indentured servants). И те и другие наверняка изумились бы, узнав, что они были «свободны от оков и узды» и «работали на самих себя». А игнорирование несвободных элементов населения, конечно, означает в то же время игнорирование тех классов, которым они принадлежали и которые наживались на их труде.

Одной из разновидностей попыток вытравить революцию из Американской революции является приписывание революционного взрыва ошибочности суждений и дефектам темперамента. Именно к этому сводится основной тезис исследования Чарлза Р. Ритчесона «Политика Англии и Американская революция» (1954): схватка была вызвана взаимным непониманием и промахами лидеров обеих сторон. Сходным образом Ричард Б. Моррис в своем труде «Американская революция» (1955), возвестив для начала, что избранная им тема «не укладывается в марксистскую схему», ставит революционный взрыв в зависимость от того, что в Англии у власти находилось недостаточно пронизательное правительство, неспособное «примирить требования имперской безопасности с той степенью самоуправления, которая оправдывалась зрелостью колоний».

Влияние консервативного ревизионизма сказывается и в тех исторических трудах, которые не заходят так далеко, чтобы отрицать революционное содержание Американской революции, но говорят о нем извиняющимся тоном. Например, Джон Ричард Олден в своей книге «Американская революция» (1954) осторожно замечает: «На мой взгляд, в конечном счете мысль и поведение американских патриотов носят оборонительный характер и, следовательно, Декларация независимости может быть оправдана». А Макс Сейвелл в 1952 году изображал революцию так, словно она была ярчайшим примером человеческого заблуждения:

«Американская революция была одной из великих трагедий человеческой истории. Два общества, руководимые талантливыми и искренними деятелями и движимые высшими идеалами своего времени,

зашли в тупик из-за вопроса об истинном характере имперской конституции. А когда они в конце концов оказались в этом тупике, ни одна из сторон уже не могла отступить, не принеся в жертву свой высший политический идеал. Трудно представить себе более грандиозный пример трагических последствий явно-го недоразумения и упрямого нежелания во имя принципа достичь компромисса».

И все же, какую бы оценку ни давать революции,— а мы, понятно, в свое время выскажем и собственную точку зрения по данному вопросу,— остается связанная с ней, но тем не менее самостоятельная проблема: проблема объяснения причин революции. Этой проблеме посвящена поистине колоссальная литература, наиболее существенные черты которой мы обобщим на последующих страницах.

До сих пор широко преобладает точка зрения, которая может быть охарактеризована как экономический детерминизм,— точка зрения, подвергавшаяся яростным нападкам в прошлом и в свое время внесшая значительный вклад в развитие нашей исторической мысли. Вот как сжато выразил эту точку зрения Эмори Р. Джонсон в своей «Истории внутренней и внешней торговли Соединенных Штатов» (1915):

«Борьба в Американской революции шла за то, чтобы обеспечить торговую и промышленную свободу путем утверждения свободы политической... Революционная война велась за то, чтобы обеспечить свободу торговли и достичь самоуправления в вопросах обложения налогами, взимаемыми на содержание аппарата государственного управления».

К сходному выводу приходит Дж. Франклин Джеймсон в своем замечательном исследовании «Американская революция, рассматриваемая как социальное движение» (1926):

«...согласно всем наиболее достоверным свидетельствам, ни одна из коренных причин, которые на протяжении жизни целого поколения побуждали американцев добиваться независимости, не оказывала столь могущественного воздействия, как парламентские ограничения торговли колоний».

Другие авторы, принимая точку зрения экономического детерминизма, делают дополнительный упор на различные экономические конфликты, например на такие, которые затрагивали погрязших в долгах плантаторов, чувствовавших над собой постоянную угрозу спекулянтов землями, задыхавшихся в тисках ограничений промышленников и терзаемых тревогами владельцев капиталов, вложенных в пушной промысел, рыболовство или лесное хозяйство.

Взгляда, весьма сходного с точкой зрения Джонсона и Джеймсона, держались Эдуард Чаннинг и — в молодые годы — Чарлз О. Бирд и Луис М. Хэкер. Сущность у них оставалась та же — экономический детерминизм, но фразеология была мэдисоновской, уснащенной терминами, вызывающими представление о конфликтах между различными имущими группами и классами. Так, Чаннинг открывает третий том своей монументальной «Истории Соединенных Штатов» следующими словами:

«Торгашеский дух, жажда наживы и обогащения в торговле и промышленности — вот что лежало в основе борьбы между Англией и Америкой; что же касается непреложных принципов человеческого сообщества, то они были выдвинуты, чтобы оправдать отпор колоний британскому эгоизму. Правящие классы метрополии хотели эксплуатировать американских колонистов в своих собственных интересах и выгодах; американцы же жаждали обрабатывать свои земли и вести свою торговлю для самих себя».

Вариация Бирда — Хэкера не отличалась существенным образом от этого взгляда, хотя использование ими таких слов, как «буржуазия», и сосредоточение внимания на противоречии интересов британского меркантилизма и растущего американского капитализма послужили причиной того, что некоторые исследователи, как, например, Чарлз М. Эндрюс, спутали их точку зрения с концепцией исторического материализма, — путаница, которая тем легче могла возникнуть, по крайней мере в случае с трудом Хэкера, что и у самого автора в ту пору были такие же заблуждения.

В этой же связи надо упомянуть довольно многочисленную литературу, связанную с именами таких ученых,

как Джордж Л. Бир, Лоренс Х. Гипсон, Лоренс А. Хартер, Оливер М. Диккерсон и Кертис П. Неттелс, в которой выдвигаются различные точки зрения по вопросам о действительном воздействии навигационных и торговых актов, о тяжести ограничений в области промышленности и финансов, о времени, когда эти и другие меркантилистские меры начали пагубно сказываться на колониальной экономике. Сочинения этой группы имеют большое значение, и некоторые из их данных получают отражение на последующих страницах; однако в плане анализа, доискивающегося коренных причин, сходств оказывается больше, нежели различий, и в этом смысле данные сочинения почти ничего не прибавляют к тем школам, которые мы уже обрисовали.

Иные историки отрицают, что экономический конфликт между имущими группами Англии и колоний играл значительную роль среди причин, вызвавших раскол. Показательным примером служит посмертно опубликованный труд Эрика Робсона «Американская революция» (1955). Автор его не смог обнаружить «неумолимые законы, которые неудержимо толкали колонии к революции»; напротив, по его мнению, «отделение населения колоний от Британской империи было вызвано противоречием политических идей, а вовсе не чаем или налогами».

В одиноком великолепии стоит Томас Дж. Уэртенбейкер. Вот к какому открытию он пришел в своем исследовании «Бунтовщики «папаши Никербокера»»* (1948), посвященном революционным событиям в Нью-Йорке: «Когда колонисты порвали связи с Британской империей, они жертвовали в экономическом смысле гораздо больше, чем выигрывали, и все они отдавали себе в этом отчет. Иными словами, американцы восстали вопреки сложившемуся экономическому положению, а не в силу его».

Уэртенбейкер оказывается заодно с рядом других историков, полагая, что революция была обусловлена политикой: «американцы восстали против Великобритании потому, что они настойчиво требовали самоуправле-

* «Папаша Никербокер» — шутовское название города Нью-Йорка по имени героя юмористической книги Вашингтона Ирвинга «Knickerbocker's History of New York». — *Прим. перев.*

ния»; но никто, кроме него, не утверждает, что силы экономического притяжения действовали в противоположном направлении.

Многие ученые занимают в вопросе о происхождении революции эклектическую позицию и объясняют ее воздействием несметного множества самостоятельных и независимых «факторов» — экономических, политических, социальных, религиозных, климатических, психологических и иных. В результате бесконечного умножения «причин» от самой причины не остается и следа.

Им следует противопоставить тех ученых, которые придерживались более диалектической точки зрения и благодаря этому смогли выдвинуть свежие концепции. Трудом-пионером в этом отношении явилось исследование Чарлза Х. Линкольна «Революционное движение в Пенсильвании, 1760—1776», опубликованное в 1901 году. Линкольн подметил — и факт этот был особенно явствен в Пенсильвании, — что революционеры «больше жаждали того, чтобы добиться независимости в рамках своего собственного штата, нежели разрыва связей с Англией». Он продолжал:

«Национальное движение предоставляло возможность, которой ждало недовольное население всей провинции, и результатом явилась двойная смена правительства... Цель настоящего труда заключается в том, чтобы показать взаимозависимость колониальной и национальной революций».

В других разделах той же книги Линкольн добавил к этому еще одну мысль, хотя он нигде так и не развил ее, а именно что в XVII и XVIII столетиях в колонии прибыло весьма разношерстное (хотя по преимуществу английское) население, нашедшее здесь «обстановку, совершенно не похожую» на ту, какая окружала его на родине; в итоге интересы новопришельцев и созданные ими институты оказались отличными от европейских.

Линкольн ясно видел, что наряду с борьбой между колониями и империей шла борьба внутри самих колоний, и понимал, что именно слияние их обеих определяло характер революции — по крайней мере поскольку дело касалось Пенсильвании. Это знаменовало собой шаг вперед в постижении смысла исторических событий.

Тезис этот получил более четкую формулировку и бо-

лее общее применение в первой книге, вышедшей из-под творческого пера покойного Карла Л. Беккера. В своей «Истории политических партий провинции Нью-Йорк, 1760—1776», опубликованной в 1909 году, Беккер указал, что в период, предшествовавший 1776 году, революционное брожение сосредоточивалось вокруг двух вопросов: 1) самоуправление, 2) кому достанется власть в органах самоуправления. Работы более позднего времени, и в первую очередь исследование Артура М. Шлезингера «Колониальные купцы и Американская революция» и труд Мерилла Дженсена, стоящий еще ближе к нашим дням, добавили новые доказательства и подтверждения этой точки зрения, которая, несмотря на отдельные нападки, каким она подвергалась в прошлом и совсем недавно в труде Роберта Э. Брауна, остается плодотворной и в основе своей правильной.

Среди большого множества работ Чарлза М. Эндрюса, посвященных колониальному и революционному периодам, можно найти важные высказывания о диалектическом характере истории. Хотя, как мы уже видели, Эндрюс настойчиво утверждал — на мой взгляд, ошибочно, — что революционеры не имели ничего общего с проблемой демократии, он высказал весьма интересные мысли о характере и происхождении этой борьбы.

Так, в статье, увидевшей свет на страницах журнала «Америкэн историкал ревью» (январь 1926 года), он усмотрел коренную причину разрыва в органической противоречивости позиций Англии и ее колоний:

«По одну сторону находилась неизменная, окостеневшая система метрополии, покоившаяся на прецеденте и традиции и призванная поддерживать безмятежный «статус-кво»; по другую — подвижный, динамический организм, таивший в себе зародыш великой нации, полный неиспытанных сил, которым еще предстояло утвердить себя в жизни. Совершенно невероятно, чтобы два таких партнера — статический и динамический, — разделенные океаном, а соединенные лишь узами юридических взаимоотношений, могли долго оставаться прочно связанными между собой».

И хотя Эндрюс не раскрывает здесь, почему одна система была «статической», а другая «динамической»,

он выдвигает в только что цитированном отрывке идею созревания революционного социального процесса, которая больше оплодотворяет историческую мысль, чем поведывательная школа «несметных факторов», и гораздо больше обогащает ее, нежели механистические воззрения экономического детерминизма.

То же ясное понимание существования социально-эволюционных процессов отражают и отдельные места в его *magnum opus* *, посвященные конкретно-историческому анализу. Так, во втором томе труда Эндрюса «Колониальный период американской истории» мы находим следующий абзац:

«Отделение от метрополии нельзя сводить лишь к революционной войне, длившейся восемь лет. Оно было вековым процессом, не имеющим дат и границ, в ходе которого характерные особенности английского права, системы власти, прецедента, землевладения и других институтов, прочно укоренившиеся в умах и обычаях англичан на родине, мало-помалу, по мере того как они оказывались ненужными или нежелательными в колониях, один за другим постепенно преобразовывались, ослаблялись или вовсе сводились на нет. Таким путем и по этой причине независимость от метрополии во многих отношениях была завоевана еще до Парижского мира 1783 года».

В четвертом томе своего труда Эндрюс подробнее останавливается на деталях этого «отделения». Более того, он четче формулирует проблему в плане социальных противоречий и столкновения антагонистических интересов, хотя односторонне ограничивает ее, сводя исключительно к вопросу «Англия против колоний»:

«Непреклонная решимость Англии сосредоточить всю власть в руках Уайт-холла и Вестминстера; держать свои колонии в постоянном подчинении, как в политическом, так и в экономическом отношении; отказывать им в статусе самоуправляющихся государственных единиц, отвергая просьбы колоний о даровании привилегий и лишая их многих привиле-

* Большой труд (лат.). — Прим. перев.

гий, которыми они уже пользовались; ставить собственное преуспеяние и безопасность выше благоденствия своих далеких владений, «права» которых (как мы называем их сейчас) она никогда не признавала и не понимала; принижать значение протестов, поступавших из Америки, изображая их как дело рук одних лишь смутьянов и радикалов,— все это должно быть принято во внимание всяким, кто хочет постигнуть причины Американской революции».

Эндрюс явно полагал, что мысли и соображения вроде тех, какие высказаны в только что цитированных мною абзацах, были недоступны пониманию автора-марксиста. Это явилось следствием того, что он не понимал исторический материализм — изъясн, особенно ясно проступающий в заключительных фразах последнего тома его «Колониальной истории».

Здесь Эндрюс ополчился против того, что, по его мнению, было «марксистской доктриной» в интерпретации Бирда и Хэкера, но в действительности являлось точкой зрения экономического детерминизма. «Утверждение,— писал Эндрюс,— будто существовала какая-то одна причина недовольства, общая всем [колониям], и притом причина, связанная исключительно с торговлей или промышленностью, решительно противоречит фактам». Он видел в истории больше, нежели «столкновение экономических интересов», и заключил свою мысль следующими словами:

«Выпячивать экономические аспекты, исключая все остальные, значит истолковывать человеческие дела в плане одних лишь материальных ценностей, умалчивать о духовных силах, необходимых для того, чтобы использовать эти материальные ресурсы на благо человека, игнорировать влияние эмоционального и нравственного начал, недооценивать богатство и многообразие человеческой природы, промахи государственных деятелей, переменчивость и неопределенность событий».

Но марксизм не игнорирует ни одну из сил, упоминаемых Эндрюсом. Марксизм вовсе не рассматривает Американскую революцию «исключительно» в плане

«торговых или промышленных» (или, можно было бы еще добавить, аграрных) нужд. В действительности марксизм более реалистически решает вопрос об «Англии», чем это делал Эндрюс, ибо даже Дизраэли признавал, что существовала не одна «Англия» и что классовые противоречия в Англии играли колоссальную роль в происхождении, ходе и исходе Американской революции. Марксизм придерживается более реалистического взгляда по сравнению с Эндрюсом и на «колонии», ибо последние сами представляли собой классовое общество (в чем убеждают многие страницы *повествования* самого же Эндрюса), а этот факт также имеет решающее значение для понимания характера данного общества, изменений, происходивших в его недрах, требований, выдвигаемых различными классами и группировками внутри колоний. Без этой основы ничего не понять в колониальной истории и, уж конечно, ничего не понять в борьбе, направленной на достижение независимости от Великобритании.

Марксизм, рассматривая экономический фактор как в конечном счете решающий, отвергает понимание «экономического фактора» в узком смысле слова как того или иного конкретного экономического конфликта или экономического интереса. Экономический фактор в марксистской концепции сам является производным от коренной экономической основы — способа производства, соответствующих ему производственных отношений и социальной надстройки, которая, будучи результатом этих отношений, в то же время поддерживает их и служит им формой проявления. Вот в каком смысле экономический фактор в конечном счете является решающим фактором исторического процесса — процесса, обнаруживающегося, разумеется, в деятельности людей. Вот что лежит в основе исторического материализма, его взгляда на роль классов и историческую динамику. Такое представление в корне отлично от точки зрения, видящей в каждой экономической категории или «факторе» детерминант — решающий, определяющий фактор; оно неотделимо от настойчивого подчеркивания взаимопроникающей, сложной — диалектической — природы жизни и истории.

Уместно процитировать здесь определение исторического материализма, данное самим Марксом, обратив-

шись к отрывку, где он делает это в наиболее полной форме. Уместно потому, что именно это философское воззрение разделяет и автор настоящего труда, а также и потому, что современные американские ученые обычно сражаются с «марксизмом», не дав себе труда по-настоящему изучить его, не говоря уже о том, чтобы приводить пространные цитаты из самого Маркса. Отрывок этот мы находим в предисловии, написанном Марксом к своему труду «К критике политической экономии» (1859):

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нель-

зя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» *.

Наиболее значительные серьезные попытки рассмотреть Американскую революцию с марксистской точки зрения были предприняты в недавнее время Гербертом М. Морейсом и Уильямом З. Фостером. Совершенно очевидно, что в обоих этих случаях глубина исследования намного больше той, какая, по мнению Эндрюса, может быть достигнута сторонниками этого мировоззрения.

Морейс в своем блестящем кратком обзоре первых двух столетий американской истории («Борьба за американскую свободу», 1944) восемьдесят страниц посвящает специально Революционной войне. Его анализ подытожен в следующем абзаце:

«Первая Американская революция явилась плодом двух общих движений: с одной стороны, борьбы за самоуправление и национальную независимость и с другой — междоусобной борьбы в среде самого американского народа за более демократический общественный порядок. Вот почему революция имела два аспекта: внешний — колониальной, освободительной войны против Англии и внутренний — массового восстания против антидемократических элементов. Она открыла современную эру революционных битв и стала прототипом целой серии буржуазно-демократических переворотов в Европе и колониальных восстаний во всем мире».

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, изд. 2, стр. 6—7.

Фостер изложил свои взгляды, с несколько иным акцентом, в двух трудах: «Очерк политической истории Америки» (1951) и «Негритянский народ в истории Америки» (1954).

Во втором из них Фостер приводит хорошо известную оценку Ленина — высказанную им в «Письме к американским рабочим» (1920), — что Американская война за независимость была «одной из тех великих... действительно революционных войн, которых было так немного...» * Далее Фостер заявляет, что революция «нанесла могучий удар феодальной реакции и оказала огромное влияние на развитие демократии во всем мире». Характеризуя революцию, он пишет, что она была «буржуазной революцией, в общий поток которой вливались сильные демократические течения» **. На предшествующих страницах того же сочинения он следующим образом определяет некоторые ее черты: «Первая американская революция была резким экономическим, политическим и военным столкновением между молодым, растущим колониальным капитализмом, стремившимся к приобретению независимости, и доминировавшим в колониях английским капитализмом, стремившимся глушить и ограничивать развитие капитализма в колониях» ***.

В первом из названных трудов Фостер высказал также весьма плодотворную мысль, что Американская революция была первой и крупнейшей из «революций в Западном полушарии» ****, последовавших за ней в следующем столетии. Он охарактеризовал ее как восстание за национальное освобождение колоний, направленное против невыносимых внутренних условий и прессы тягот, подчеркнув вместе с тем ее международный характер. Важно отметить также, что в картине, нарисованной Фостером, революция в Западном полушарии является частью великой мировой капиталистической революции или всемирного движения от феодализма к

* В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 44.

** У. З. Фостер, Негритянский народ в истории Америки, М., 1955, стр. 68.

*** Там же, стр. 59.

**** У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, М., 1955, стр. 160 и далее.

капитализму; центральную черту этой перемены он усматривал в развитии политической демократии. Фостер, разумеется, признавал национальные различия в революционном процессе, зависящие от особенностей местных условий, но полагал, что указанные выше аспекты являются основными и характерны в большей или меньшей степени для всех стран Американского континента.

Американская революция явилась результатом взаимопроникновения трех потоков: коренного столкновения интересов между правящими кругами колониальной державы и громадного большинства населения колоний; классового расслоения самих колоний и порожденных им классовых битв, составлявших характерную черту колониальной истории, в ходе которых имперские власти Англии почти всегда выступали в роли оплота реакционных или консервативных сил; развивающегося чувства американской национальности, возвышавшегося над классовыми барьерами, которое сложилось на почве пестрого этнического состава населения колоний, его физического отрыва от Англии, своеобразия окружавших его фауны, флоры и климата, а также встававших перед ним проблем и возникавших у него интересов, развития его собственных культуры, психического склада и даже языка, общности его истории и, наконец, собственного опыта общей враждебности — степень которой разнилась в зависимости от места и времени — к властям предрежащим в Англии.

Все эти потоки находились во взаимной связи; каждый воздействовал на другой. Конечно, колониальное восстание может вспыхнуть только в колонии, и в этом смысле Американская революция, являвшаяся в первую очередь войной против колониальной державы, коренилась в конечном счете в антагонизме интересов между правящими кругами Англии и американскими колонистами в целом. А в основе антагонизма лежал конфликт между растущей буржуазией колоний и стремившейся задержать ее рост буржуазией Англии.

Вот как выразил суть дела Адам Смит в своем классическом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776): «Запрещать великому народу производить все, что он может, или же употреблять свои природные богатства и мастерство так, как он почитает

наиболее выгодным для себя, значит явным образом попирает священнейшие права человека».

Марксист не может отмахиваться от этой борьбы между двумя национальными имущими слоями населения, интересы которых находились в решительном противоречии. Колониальная буржуазия была молода, энергия била в ней ключом, она стремилась подчинить своему контролю национальный рынок, видя в этом необходимую предпосылку своего роста; а именно этого контроля и этого роста и старались не допустить правящие круги Англии, ибо их собственная власть держалась на монополии в области торговли, производства готовых изделий, кредита и сбыта на рынках всего мира.

Запретительная политика, проводившаяся Англией, препятствовала всемерному развитию производительных сил и потому носила реакционный характер. В этом же смысле на знамени молодых, задыхавшихся в тисках колониального ига имущих групп (за важным исключением рабовладельцев) в американских колониях Англии были начертаны демократические лозунги.

В данном же плане надо отметить, что в массовых демократических битвах, составлявших центральную черту колониальной истории, мощь Англии всегда — от восстания Бэкона в 1676 году до «войны из-за Земельного банка Массачусетса» 1740-х годов — служила последней опорой внутренней реакции, вскормленной и поддерживавшейся английскими правящими кругами. Вот почему эти битвы, от исхода которых зависели судьбы огромного множества людей и которые затрагивали самые насущные вопросы — гражданские свободы, налоги, землю, долги, избирательные права, представительство, — неизменно имели два аспекта: борьбы против Англии и борьбы против внутренней тирании, причем аспекты эти неизменно переплетались между собой.

Кроме того, в XVIII столетии возникло и постепенно развивалось, охватывая все классы, чувство американской национальности. Стремление добиться права на самоопределение новой нации, — а именно к этому сводилась сущность революционного движения, — не было ограничено каким-либо одним классом и, уж конечно, не являлось монополией зажиточных слоев населения. Напротив, примечательной чертой Американской рево-

люции, определявшейся ее характером и прогрессивностью тогдашней американской буржуазии, являлось активное участие широких масс рабочих и фермеров. Опять перед нами взаимозависимое историческое явление: прогрессивное и демократическое содержание движения привлекало широкие массы; участие широких масс помогало обеспечивать и усиливать демократическое содержание движения.

Правда, нельзя отрицать, что Американская революция была в основе своей революцией колониальной и потому не смогла преобразовать коренным образом весь строй общественных отношений, как это сделали революции, представлявшие в основе своей более социальные движения — как, например, глубокие антифеодальные перевороты Английской и Французской революций XVII и XVIII столетий, не говоря уже об антикапиталистических революциях нашего столетия. Радикальный характер Американской революции еще более ограничивался тем, что она вступила в компромисс с дофеодальной формой общественного устройства, характеризовавшей американское колониальное общество, а затем и полностью примирилась с этой формой, а именно с рабовладением, оставив ее уничтожение в наследство будущей революции. И тем не менее Американская революция, бросив вызов колониальным узам, дав толчок развитию новых демократических политических и социальных форм и утвердив право на национальное самоопределение, свершила достаточно, чтобы оправдать характеристику, данную ей Лениным, как «одной из тех великих... действительно революционных войн...»*

Необходимо подчеркнуть также радикальный характер господствовавшей тогда революционной идеологии. Вопрос этот будет рассмотрен подробно в одной из следующих глав; здесь же достаточно заметить, что эта идеология представляла собой коренной разрыв с феодальными и монархическими идеями и в данном отношении пустила столь же многочисленные ростки во всем мире, сколь многочисленны были ее международные источники.

Оценивая характер Американской революции, необходимо помнить также, если мы хотим понять в полной

* В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 44.

мере, какое воздействие она оказала на современников, что она была первой во всей человеческой истории победоносной колониальной революцией. Все державы, владевшие колониями, — Испания и Франция, Голландия и Португалия — сталкивались с колониальными восстаниями, но неизменно подавляли их. Американцы, однако, одержали победу, и сам этот факт, не говоря уже о порожденных ею политических и социальных институтах, оказал громадное революционное влияние на народы всего мира.

РОДНИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Чарлз Томсон, уроженец Ирландии, филладельфийский купец, лидер радикалов этого города, — «Сэм Адамс Филладельфии», как прозвал его Джон Адамс, — 24 сентября 1765 года обратился с письмом к лондонскому представителю Пенсильвании Бенджамину Франклину. В письме этом четко подытожены думы колониального населения о горестном настоящем и зловещем будущем.

«У нас никто и не заикался о независимости, пока английское правительство не начало лишать их [колонии] вольностей...

Солнце Свободы в самом деле быстро садится, если уже не закатилось в американских колониях. Все встревожены до последнего предела. Колонии полагают, и полагают совершенно основательно, что к их вольностям и привилегиям, равно как и к торговле, следует относиться с известным почтением. Они никак не могут поверить (и им непостижимо, как Англия, не расставаясь с разумом или справедливостью, может рассчитывать), что они должны были претерпеть ужасы существования в безлюдной местности, вынести нападения дикарей и ценой своей крови и достояния колонизировать этот край, значительно умножив доходы Англии, — и после всего этого смиренно позволить лишиться себя всего того, что англичанин привык почитать дорогим.

Мы боремся не только за нашу собственность. Удар нацелен на нашу Свободу и на наши важнейшие привилегии. Над нами властвует произвол королевских судей; суды же присяжных у нас упразднены. Печать подвергается таким ограничениям, что мы лишены возможности жаловаться. Над нами нависла угроза постоя целой армии наемников. Источники нашей торговли иссякли; а чтобы довершить

наше разорение, у нас отняли и ту малую собственность, какую мы приобрели, отказав нам даже в возможности сделать показной жест и уступить ее; я воистину страшусь последствий.

Английский парламент настаивает на том, что его власть распространяется на все вольности и привилегии, на какие заявляют права колонии, и потому требует слепого повиновения и покорного согласия во всем, что он творит. Ну а если колонии откажутся сообразовать свое поведение с этими надменными взглядами (я весьма опасуюсь, что именно так и будет)? Тогда останется лишь одно: силой принудить их к подчинению. Насилие породит возмущение и вызовет такие действия, о каких мы и слыхом не слыхали. Но я не стану накликать беду, а молю бога отвратить ее».

Нет нужды говорить, что конфликт был порожден не промахами или упрямством отдельных личностей, а всей совокупностью социальных противоречий. Провал попыток разрешить конфликт посредством компромисса был обусловлен не слабостью или неразумием тех или иных исторических деятелей, а тем, что противоречия носили непримиримый характер; они могли быть сняты лишь путем ликвидации лежавшего в их основе антагонизма — для этого требовалось трансформировать, а не реформировать социально-экономическую организацию общества.

I

XVIII столетие было столетием, в течение которого Англия достигла мировой гегемонии. Своей высшей точки процесс этот достиг, когда Франция признала свое поражение в Семилетней войне и подписала мирный договор 1763 года. Положение, завоеванное Англией по этому договору, бесспорно, делало ее могущественнейшей экономической, морской и колониальной державой мира; и она принялась тогда объединять свои колониальные территории и укреплять свою имперскую систему, раскинувшуюся на весь земной шар. Не последнее место среди этих территорий занимали владения в Новом Свете, находившиеся в самом центре имперской системы

Англии и включавшие значительную часть Вест-Индии, а на самом континенте — весь земельный массив от Новой Шотландии до Флориды и от моря до Миссисипи.

Одновременно с этим внутренняя экономика Англии, в значительной мере благодаря ее возвышению как мировой державы, а также ресурсам и рынкам сбыта, которые представляли собой колонии уже тогда, не говоря даже о том, что они сулили в будущем, претерпела такой разительный количественный рост, что он привел к качественному сдвигу — Промышленной революции. Как заметил Франк Э. Мэньюзел в своем труде «Век Разума» (1951), «после 1760 года... характер английской экономики коренным образом преобразился; стало очевидно, что главным источником богатств Англии являлось уже не сельское хозяйство, а производство и сбыт промышленных товаров».

Десять лет спустя современники подметили, что большинство населения Уэльса и Англии было занято в промышленности и торговле, а не в сельском хозяйстве. Труды Адама Смита и Иеремии Бентама, появившиеся в 1776 году, призваны были служить идеологическими системами, отражающими этот преобразовательный процесс; а яростная борьба в парламенте и рост требований о перестройке парламентской системы и изменении взаимоотношений короны и парламента отражали его в политической сфере.

Сходным образом под вопрос ставился весь характер колониальной системы, а заодно и сам меркантилизм. Взгляды таких политиков, как лидер вигов Шелберн, выражались формулой «торговля, а не господство». Такие географы, как Александр Далраймпл, писали (в 1769 году), что «если колонии домогаются независимости», то лучший способ «обеспечить могущество и процветание метрополии — это завязать торговые сношения с отдаленными народами, не имеющими никакой связи с недовольными колониями». Такие исследователи, как Джеймс Кук, совершивший три путешествия в 1768—1771, 1772—1775 и 1776—1780 годах, включили в орбиту английских интересов тихоокеанское побережье Америки, Южные моря*, Австралию и Новую Зеландию. Та-

* Южные моря — водные просторы Южного полушария и прежде всего южная часть Тихого океана.— *Прим. ред.*

кие экономисты, как Адам Смит, Ричард Прайс и Джозия Тэккер, ополчались на меркантилистскую систему как на преграду, мешавшую всестороннему развитию английской промышленности¹.

II

В то самое время, когда Британская империя достигла небывалых размеров, а английская экономика претерпевала процесс коренного преобразования; в то самое время, когда был брошен решительный вызов меркантилизму, а парламентская система подвергалась яростным нападкам,—одновременно со всеми этими процессами, а частично и под их воздействием английская корона и правительство стремились централизовать управление колониями и усилить действенность системы их эксплуатации. Тем временем колонии, в первую очередь на континенте, сами на свой лад реагировали на эти многозначительные перемены.

Колонии континента — в отличие от Канады и островных владений — имели многочисленное население; они не были окружены морем и потому не зависели так всецело от Англии, как Вест-Индия, Ньюфаундленд и Новая Шотландия. Кроме того, жители континентальных колоний не находились в районе, подавляющее большинство населения которого составляли рабы, как это было на Ямайке, и потому не особенно зависели от вооруженных сил Англии в деле поддержания порядка². И в колониях, к которым подходит эта характеристика, реакция на процессы, происходившие в XVIII столетии, неизбежно должна была принять форму выступлений против дальнейшего подчинения Англии. Именно это и имело место в тринадцати колониях (в наименьшей мере в Джорджии, колонизованной позднее других).

Надо отметить еще одно обстоятельство. Победа, одержанная Англией в 1763 году, означала для этих колоний, что враждебная Испания более не владеет Флоридой, а враждебная Франция вытеснена с Севера и Запада. Уже тогда почти все современники считали эту победу благоприятным обстоятельством, хотя в то же время предостерегали, что после того, как это произошло, дальнейшее присутствие англичан станет вызывать

не чувство облегчения, а чувство возмущения. Исключением составлял Бенджамин Франклин, писавший в 1766 году, что если бы французы остались на Североамериканском континенте, они могли бы послужить силой, к которой могли бы апеллировать американские колонии, а потому «парламент не дерзнул бы их угнетать». И все же, отдавая должное исключительной мудрости Франклина, нельзя не заметить, что в только что цитированном отрывке он касался лишь оппозиции против закона о гербовом сборе; в данном конкретном случае он, возможно, был прав. Бесспорно, однако, что в исторической перспективе устранение Франции способствовало усилению отпора колоний притязаниям Англии.

Далее. К этому времени свыше трети белого населения колоний составляли лица неанглийского происхождения — в том числе представители национальностей (в первую очередь ирландцы и голландцы), питавших лютую ненависть к Англии. Самое же главное, колонии эти настолько разрослись, что численность их населения приближалась к трем миллионам; и пока Англия была занята тем, что сокрушала своих соперников и завоевывала мир (в чем ей оказали известную помощь колонии), сами колонии добились весьма значительных успехов на поприще экономики, создали жизнеспособные политические организмы, в них развилось четко осознанное чувство солидарности — признак зарождения нации.

И вот в то самое время, когда в колониях происходили указанные процессы — быстрое укрепление чувства собственного достоинства, избавление от врагов на юге, севере и западе, усиление обособленности от Англии, — в обстановке, когда даже давние узы вызывали все большее возмущение, Англия по окончании Семилетней войны начала проводить политику централизации, объединения и усиления эксплуатации. Притеснения вызвали отпор; отпор повлек за собой кары; кары породили возмущение. Ответом на возмущение явились репрессии; репрессии привели к революции. Нельзя не отметить, что предпринятая Англией попытка централизовать управление придала отпору общий характер и тем самым сплотила колонии.

Не было буквально ни одной области в жизни американских колоний, которая не пострадала бы от политики и интересов Англии. Купцы, промышленники, план-

таторы, фермеры, должники, интеллигенция, городские рабочие, торговцы пушниной, спекулянты землями — все прослойки колониального населения сталкивались с крайне обременительными и стеснительными законодательными или административными актами, касавшимися их сферы деятельности. И какую бы роль ни играли в экономической жизни широкие массы народа, какое бы место они в ней ни занимали, все они были возмущены английской политикой в области религии, гражданских свобод и политических прав.

В итоге к 1775 году среди колонистов утвердилось почти единодушное убеждение, что Англия следует злонамеренному политическому курсу, враждебному их сокровенным интересам. Расхождения касались лишь степени — насколько злонамеренны и насколько враждебны осуществляемые Англией мероприятия; не являются ли они отражением ее *политического курса*, находящегося в непримиримом противоречии с нуждами колоний; могут ли они быть исправлены тем или иным способом, теми или иными доводами.

Сформулируем еще раз общие задачи английской колониальной политики: монополизировать рынок сбыта для изделий английской промышленности, а для этого ограничить местное промышленное производство; всемерно благоприятствовать интересам английских торговцев пушниной, спекулянтов землями, рыболовов, лесопромышленников; развивать судоходство только в пределах английских владений и монополизировать экономические выгоды от торговли; утвердить, насколько это возможно, английское господство в области торговли колониальными товарами; установить контроль над кредитом и финансами колоний; запретить заселение колонистами западных земель; централизовать политическое управление колониями, удушить развитие демократических идей и учреждений и ограничить права органов самоуправления, в первую очередь в финансовых и юридических вопросах; усилить роль военщины в жизни колоний; покрывать расходы по управлению колониями за счет самих колоний и, что имело для Англии еще большее значение, охранять интересы английских инвесторов в колониях.

Некоторые из этих целей были охарактеризованы на предшествующих страницах. Теперь же обратимся к

некоторым другим главным чертам указанной политики и посмотрим, как Англия пыталась проводить их в жизнь.

III

Начнем с характеристики положения плантаторов и фермеров Юга. Они находились в кабальной экономической зависимости от английских купцов. Томас Джефферсон часто проклинал то рабство, в котором пребывали он сам и его собратья — плантаторы-южане. «Эти долги,— писал он однажды, имея в виду задолженность англичанам,— стали передаваться по наследству от отца к сыну на протяжении уже многих поколений, а плантаторы превратились в своего рода собственность, закрепленную за определенными торговыми домами в Лондоне».

Еще раньше Уильям Бёрд, один из богатейших людей Юга, оплакивал свое положение, весьма сходное с тем, в каком находился Джефферсон. Бёрд пришел к выводу, что плантационная экономика, которая покоилась на рабском труде, служила производству монокультуры и, как правило, велась ненаучными методами, со стремительной быстротой разрушала плодородие почвы. Это делало настоятельно необходимым включение в хозяйственный оборот новых земель; расходы, которые это влекло за собой, обычно вынуждали плантаторов залезать по уши в долги. Такова была одна из причин задолженности английским купцам-капиталистам; причем проценты, выплачивавшиеся по займам, достигали таких размеров, что в 1736 году у Бёрда сорвалась жалоба, что он «распродавал за полцены землю и негров, лишь бы набить ненасытную утробу» своих кредиторов. Подобным образом выражался и Вашингтон, еще один крупный виргинский плантатор: «Сомнений нет — все наше достояние так или иначе уже уплывает в Великобританию».

Плантаторы-южане брали на себя весь риск; купцы-англичане пожинали значительную часть выгод. Плантаторы оплачивали таможенные пошлины за ввоз своих продуктов в Англию. Они платили купцам за перевоз своих продуктов; на них же лежали расходы по страхованию; а купцы обычно не ограничивались транспортировкой этих товаров плантаторов, но и сбывали

их на рынках, находившихся под господством Англии, получая за это комиссионные. Все расходы по хранению товаров на складах и содержанию инспекционной службы покрывались за счет плантаторов; из того же источника покрывались убытки.

Готовые изделия, в которых нуждались плантаторы, им приходилось покупать у тех же купцов, а те удерживали стоимость ввозимых из Англии товаров, включая торговые издержки, из стоимости принятых ими у плантаторов для транспортировки продуктов. К тому же купцы, продавая товары плантаторов, могли платить им справедливую цену, а могли и не платить. Если плантатор находился по уши в долгу, то купец знал, что тому некуда больше сбывать свой товар, и имел полную возможность платить за его табак меньше, чем другие купцы. Так или иначе, английские купцы были полновластными хозяевами в области сбыта сельскохозяйственной продукции колониальных плантаторов.

Наконец, нет нужды говорить, что по всем долгам плантаторов с них взыскивались огромные проценты. Плантаторы действительно были «своего рода собственностью», которой властвовали и пользовались торговые дома Англии.

Плантаторы как общественная прослойка, особенно их богатая верхушка, пытались поправить свое благосостояние или застраховать себя от возможных неурожаев усиленной спекуляцией землями. Томас П. Абернети в своем труде «От «границы» к плантации в Теннесси» (1932) даже заявил, что «спекуляции землями были областью деловой активности, которая больше всего поглощала усилия американцев» предреволюционного поколения.

Еще одной важной приманкой для плантаторов была большая производительность новых земель, особенно если учесть, что табак является культурой, истощающей плодородие почвы. В итоге на Юге, как писал Айзек С. Харрел, «спрос на землю был ненасытим; между тем фонд свободных земель к востоку от линии, установленной прокламацией 1763 года, уже к 1774 году был полностью исчерпан».

Надо еще отметить, что линия, установленная этой прокламацией, преградив дальнейшее продвижение американцев на запад (временно, как обещали англичане),

поставила в благоприятное положение английских спекулянтов землями (равно как и торговцев пушниной) и разбила надежды «Огайо лэнд компани», в которой самые крупные капиталовложения принадлежали Джорджу Вашингтону, Ричарду Генри Ли и Джорджу Мэйсону, на радость «Бритиш вандалиа компани». Эта конкурентная борьба не на жизнь, а на смерть продолжалась вплоть до самой революции, так что, например, права, заявленные Виргинией на земли в нынешних штатах Кентукки и Огайо, в 1774 году оказались под угрозой, исходившей от «Уолпол компани», среди вкладчиков которой фигурировали такие персоны, как лорд Кэмден и граф Хертфордский, а в роли покровителя которой выступал лично Джордж Гренвиль — тот самый, что в 1763—1765 годах занимал пост премьер-министра Англии.

IV

Таково было положение плантаторов и фермеров Юга. Что же касается остального населения колоний, то здесь следует сказать, что английская имперская политика противоречила сокровенным интересам его громадного большинства. Существо этого антагонизма было выражено в двух «новых баснях», которыми Бенджамин Франклин, выступая анонимно в январе 1770 года, потчевал читателей лондонского журнала «Паблик адвертайзер». Басни эти, подобно эзоповским прототипам их, раскрывают истину намеками. В своей совокупности они дают не менее ясное представление об углубляющемся отчуждении между Англией и ее колониями, чем многие тома исторических исследований. В первой басне рассказывается следующее:

«Крестьянин владел стадом коров. Издавна они полностью обеспечивали его молоком, маслом и сыром. Но крестьянин был скареден и жалел коровам травы, которой они питались. Дело кончилось тем, что он скосил траву, чтобы подзаработать на продаже сена, предоставив коровам самим заботиться о своем корме. Тем не менее он рассчитывал доить коров, как прежде; но те, возмущенные несправед-

ливостью, порешили на будущее сосать молоко друг у друга».

А вот вторая басня:

«На борт гвианского корабля, державшего курс на Америку, посадили львенка, отправленного в эту страну в качестве подарка. Пока львенок был мал, он был смирен и безобиден; поэтому его не держали в клетке, а позволяли свободно разгуливать по кораблю. Величавый, рослый английский дог, принадлежавший капитану, презирал немощного львенка. Часто он отбирал у него силой еду, нередко вышвыривал его из отведенной ему конуры, когда ему самому хотелось в ней понежиться. Но львенок с каждым днем прибавлял в росте и силе, а так как путешествие было долгим, в конце концов перерос дога, который, продолжая измываться над львом, получил однажды такой страшный удар лапой, что едва не испустил дух и навсегда потерял охоту мериться силами с этим растущим крепышом. Дог стал жалеть, что, вместо того чтобы завоевать дружбу льва, он возбудил в нем злобу».

Громадные территориальные размеры колоний, их колоссальные ресурсы, быстрота, с какой росло их население,— характерная черта «львенка»,— все это убеждало многих современников, особенно после Семилетней войны, в неизбежности разрыва колоний с Англией. Показательно высказывание одного француза, совершившего путешествие по Америке в 1765 году:

«Эта страна не может долго оставаться подчиненной ни Великобритании, ни какой-либо другой отдаленной державе: размеры страны столь велики, каждодневный прирост ее населения столь значителен (и она обладает всем необходимым для собственной защиты и даже больше, чем для защиты), что нет ни одной нации, которая казалась бы более предназначенной для независимости».

В наши дни профессор Уэртенбейкер считает, что экономические интересы диктовали сохранение зависимости от Англии; сходную, хотя и не высказываемую с

такой же категоричностью позицию занимал и ряд других историков. Совсем иного взгляда держались такие современники революции, как Джон Адамс, Томас Джефферсон и Александр Гамильтон.

По мнению Джона Адамса, тот, кто хотел постигнуть Американскую революцию, должен был уделить особое внимание всей меркантилистской системе, нашедшей свое наиболее полное выражение в многочисленных законах о торговле; без этого «причины, идеи и принципы революции» оставались непостижимыми. Принимали ли все эти упорядочительные законы (regulatory acts), спрашивал Джон Адамс, «хоть в малейшей степени во внимание здоровье, благо, счастье, богатство, развитие американского народа, его экономику — сельское хозяйство, промышленность, торговлю, рыболовство?» Нет, отвечал он: «Все это приносится в жертву богатству, торговле, господству Англии и ее военно-морскому флоту, главному орудию, с помощью которого она утверждает свое господство».

А вот к чему сводится основной довод Томаса Джефферсона, изложенный им в его «Кратком обзоре прав Британской Америки» (1774):

«Мы со своей стороны хотим принести любые жертвы, подсказываемые разумом, чтобы восстановить спокойствие, которого все должны желать. Но пусть и они с их стороны выразят готовность утвердить союз на добросердечной основе. Пусть формулируют свои условия, но будут справедливы. Согласимся предоставить любые торговые привилегии, которые мы в силах предоставить, в отношении всего того, что мы можем производить для них или они для нас. Но пусть они не помышляют закрывать нам доступ к другим рынкам, где мы могли бы сбыть товары, которые они не могут использовать, или удовлетворить нужды, которые они не могут удовлетворить. И пусть вовсе выкинут из головы мысль о том, чтобы право облагать нас налогами или регулировать нашу собственность в пределах наших территорий принадлежало какой-либо иной власти на земле, а не поставленной нами самими».

В том же 1774 году вышло первое сочинение Александра Гамильтона — «Полное оправдание мер, принятых конгрессом». Основная мысль его была выражена в следующем абзаце:

«Население колоний превышает три миллиона человек [sic!]. Торговля в них повсюду стремительно идет в гору. Великобритания до сих пор регулировала эту торговлю в своих выгодах. Так можем ли мы считать уничтожение столь обильного источника богатства пустячным делом? Не должно ли оно, напротив, иметь самые губительные последствия? Очевидно, что должно. Столь же очевидно, что покорение столь многочисленного народа, поднявшегося на борьбу за великое дело свободы, неосуществимо без невообразимых человеческих жертв и материальных затрат».

Правда заключается в том, что континентальные колонии к шестому десятилетию XVIII века переросли стеснительную меркантилистскую систему Англии. К этому времени английские колонии в Вест-Индии оказались не в состоянии удовлетворять нужды материка в сахаре, роме и мелассе; вместе с тем они могли поглощать лишь малую долю того потока товаров — как готовых изделий, так и сырья, — в экспорте которых нуждался континент. Не будет преувеличением сказать, что всю эту продукцию не могла бы поглотить и империя в целом, особенно потому, что установления, регулировавшие внешнюю торговлю, ставили на передний план интересы Англии.

Превышение импорта из Англии над экспортом из колоний неуклонно росло на протяжении предреволюционных десятилетий, и за первые семьдесят лет XVIII века пассив торгового баланса — пассив, разумеется, для колоний — составил без малого 20 миллионов фунтов. Это был колоссальный косвенный налог и значительный источник доходов для правящих классов Англии. Именно этот пассив торгового баланса, который подлежал оплате золотом и серебром, являлся главной экономической проблемой, стоявшей перед империей, и всю тяжесть бремени несли на себе американские колонисты.

Английские кредиторы неизменно требовали от своих колониальных должников уплаты звонкой монетой, но когда колонисты пытались расширить торговлю за пределами империи или развить промышленное производство, чтобы получить звонкую монету для расплаты с долгами, они наталкивались на ограничения и запрещения. Если же они пытались расплачиваться с долгами с помощью инфляционных уловок, их ждало вето короля, за которым следовали огульные парламентские запреты.

Между тем в Англии, как мы уже отмечали, на протяжении тех же лет полным ходом шла Промышленная революция, и это требовало рынков сбыта, значительно превосходивших поглощающую способность Вест-Индии и даже колоний к югу от линии Мэйсона — Диксона, в которых сельское хозяйство, составлявшее главную опору экономики, велось на основе плантационной системы. Показательно, что в конце XVII столетия семь восьмых оборота колониальной торговли Англии приходилось на долю колоний, расположенных к югу от Мэриленда, включая островные территории, в то время как на долю остальных американских колоний, включая Ньюфаундленд и область Гудзонова залива, оставалась всего одна восьмая. Однако к середине следующего столетия половина, а к концу 60-х годов даже две трети колониального экспорта Англии направлялись в области, расположенные к северу от Мэриленда. Этот решающий сдвиг — то есть именно то, что колонии стали цениться не столько как производители сырья, сколько как рынки сбыта, — очевидно, влек за собой представление, что колонистов вечно нужно принуждать покупать больше, чем они продают. А это означало, что колониальные купцы, промышленники, фермеры и плантаторы — говоря вообще, ибо имели место и значительные исключения, — были единодушно заинтересованы в том, чтобы сбросить господство Англии.

Вот почему даже такой умеренный защитник прав колоний, как Джон Дикинсон, взялся за составление резолюций, принятых затем собранием филадельфийских купцов в апреле 1768 года, где выражался протест против английских законов, запрещавших производство стали, сооружение сталеплавильных печей или строительство станов для изготовления листового и шинного

железа, ограничивавших шляпное производство, запрещавших экспорт шляп и налагавших запрет на торговлю колоний шерстью и шерстяными тканями, а также всего круга законодательных актов, обязывавших колонии экспортировать товары в Европу через посредство Англии.

Строгость, с какой эти постановления проводились в жизнь, усиливалась или смягчалась в зависимости от колебаний деловой конъюнктуры. В 1750-х годах, перед Семилетней войной, колонии пережили спад; война, вплоть до 1763-го года, ознаменовалась экономическим оживлением. Оно сменилось новым спадом 1764—1769 годов, достигшим размеров тяжелой депрессии; в 1770 году началось экономическое оживление, продолжавшееся около двух лет; затем с 1772 года и до начала фактических военных действий в 1775 году колониальная экономика находилась в тисках спада. А депрессия, конечно, в ту пору, как и в наши дни, означала безработицу, падение цен для фермеров и купцов, новые тяготы для должников, рост числа банкротств — и все это накаляло политическую атмосферу и усиливало недовольство режимом подчинения колоний интересам правящих кругов Англии.

Формы, в которых давал себя знать колонистам гнет английской политики, были вполне конкретными и вызвали большое недовольство. Колонисты видели усиление централизации управления, ширящуюся милитаризацию колониальной жизни, размещение в Америке тысяч солдат, все новые и новые посягательства Англии на установленные гражданские права. Они видели попытки установить епископат в Америке, уничтожить демократические политические порядки и установления, утвердившиеся в некоторых колониях, и воспрепятствовать их появлению в остальных, сделать судебные органы колоний совершенно независимыми от колонистов или избранных ими законодательных органов, лишить эти законодательные органы их прав рядом других способов, в первую очередь урезав их полномочия в финансовых вопросах, ограничить область расселения колонистов узкой полосой земли, прилегающей к побережью, неукоснительно проводить в жизнь ограничения в области торговли и промышленности. Они видели, что английскому военно-морскому флоту придавалась все

более заметная роль; что судебное разбирательство ряда колониальных дел стало вестись без участия присяжных; что из Англии устремился целый рой должностных лиц, чтобы занять посты в аппарате управления американскими колониями; что власти издавали «предписания о помощи» и посягали на святость их жилищ; что порты кишели доносчиками, получавшими награду за то, что они причиняли горе другим; что измышлялись и сурово взыскивались все новые и новые обременительные налоги; что экономическое развитие колоний тормозилось все новыми и новыми ограничениями, а пользовавшимся фавором английским компаниям или отдельным лицам предоставлялись монополии. В своей совокупности это, по мнению Томаса Джефферсона, высказанному в 1774 году, сводилось к «преднамеренному и систематическому плану обратить нас в рабство».

V

Хронологический перечень важнейших законодательных и административных мероприятий, осуществленных Англией с целью поставить колонии в полную зависимость от себя, вполне подтверждает точку зрения Джефферсона.

Первые серьезные мероприятия этого рода приходятся на тот самый 1763 год, когда был заключен мирный договор между Францией и Англией. Важнейшим из них было провозглашение пограничной линии, шедшей по гребню Аппалачей, за которой колонистам было запрещено селиться. В том же году королевскому военноморскому флоту было вменено в обязанность нести патрульную службу вдоль побережья, чтобы помочь провести в жизнь законы о торговле, причем указом короля в Совете* устанавливалось, что половина товаров, кон-

* Указы короля в Совете — приказы, разрабатываемые правительственными ведомствами Англии (главным образом министерствами) и оформляемые для придания им юридической силы без рассмотрения парламентом как «указы короля в Совете», то есть как указы, изданные королем по рекомендации Тайного совета на основании так называемой королевской прерогативы. — *Прим. ред.*

фискованных за нарушение этих законов, поступает в собственность офицеров. Одновременно представление доказательств относительно того, уплачены ли таможенные пошлины за вызвавшие подозрение товары и в какой стране последние были произведены, было возложено на их собственников. И вдобавок ко всему чиновникам колониальной таможенной службы было предписано занять свои посты в колониях; прежде таможенные чиновники рассматривали эти посты как синекуры, где их обязанности выполняли нанятые ими люди.

Законы о торговле не остались пустым звуком; показательно, что доходы от таможенных сборов в Америке, составлявшие в начале 1760-х годов примерно 2. тыеячи фунтов в год, в 1768—1774 годах превысили в среднем 30 тысяч фунтов в год.

В 1764 году правительство Гренвиля осуществило ряд дополнительных мер, ставивших своей целью не только стянуть потуже путы меркантилизма, но и выкачать из колоний средства, которые полностью избавили бы корону от расходов по управлению ими и в то же время сделали бы королевскую администрацию более независимой от провинциальных законодательных собраний. Так, «закон о таможенном обложении в Америке», обычно называемый «сахарным законом», возобновил таможенное обложение мелассы и сахара-рафинада, ввел новые таможенные пошлины на вина, шелк, индиго, кофе и текстильные изделия неанглийского производства, полностью запретил ввоз иностранного рома и французских вин и, наконец, наложил запрет на торговлю с Французской и Голландской Вест-Индией. Таможенные пошлины подлежали уплате серебром. Все дела о нарушителях законов о торговле были переданы в ведение судов вице-адмиралтейства, где разбирательство велось без участия присяжных. Наконец, в том же году был принят «закон о денежном обращении». Он распространил на все колонии порядок, который раньше, в 1751 году, был установлен в одной лишь Новой Англии, а именно запрещение выпускать бумажные деньги, обращающиеся в качестве законного платежного средства. Следует отметить, что закон этот был принят в одно время с «сахарным законом», требовавшим уплаты всех таможенных пошлин серебром. Напомним читателю и о том, что в 1761 году на все колонии было распростране-

но действие «предписаний о помощи» — ордеров на обыск общего характера; они, очевидно, должны были послужить орудием проведения в жизнь более жесткой торговой политики, которую Англия как раз тогда начала проводить.

В следующем году колониальная политика правительства Гренвиля приобрела законченную форму. Назначение верховных контролеров (superintendents) по индейским делам — главных чиновников, ведавших торговлей пушниной и дипломатическими сношениями с индейцами, — которое до тех пор находилось в основном в руках губернаторов и законодательных собраний колоний, было передано под постоянный контроль короны. Список товаров, которые, как это предусматривалось законами о торговле, хотя и предназначались для европейских рынков, должны были сначала разгружаться в Лондоне для уплаты таможенных пошлин и прохождения проверки, был расширен за счет древесины, шкур, чугуна, проката, гончарных изделий и поташа.

В том же 1765 году по настоянию генерала Томаса Гейджа, главнокомандующего английскими вооруженными силами в Америке, был принят закон о военном ~~постое~~. К этому времени в связи с планами проведения в жизнь принятых на протяжении последних лет законов в колониях находилось без малого 6 тысяч английских солдат, образовавших постоянную армию. Закон о военном постое, вступивший в силу в марте, обязывал гражданские власти обеспечивать эти войска жильем и провиантом.

И точно так же, как «сахарный закон» 1764 года был первым парламентским статутом, специально ставившим своей целью выкачивать из колоний средства для покрытия расходов короны, так и знаменитый закон о гербовом сборе, принятый в 1765 году, явился первым прямым налогом, введенным в колониях самим парламентом.

Закон вводил ряд новых налогов, ложившихся тяжелым бременем на население колоний. Авторы его задавались целью выкачивать в пользу королевской казны 60 тысяч фунтов в год; для сравнения укажем, что от «сахарного закона» надеялись получать всего 45 тысяч фунтов в год. Все налоги, предусматривавшиеся законом о гербовом сборе, как и все таможенные пошлины, пре-

дусматривавшиеся «сахарным законом», подлежали уплате серебром. Закон о гербовом сборе вводил налоговое обложение всех юридических документов, долговых обязательств, торговых патентов и лицензий, договоров об аренде, а также договоров, заключавшихся между учениками и хозяевами, всех газет, объявлений, памфлетов, рекламных листов, альманахов, календарей, карт и игральных костей.

Широкие массы колонистов усматривали в законе о гербовом сборе особую угрозу для свободы печати и свободы политической агитации. Он нанес тяжелый удар в первую очередь по представителям адвокатской профессии; пострадали от него и все те, кто занимался деловыми операциями любого рода как в городе, так и в сельской местности. С целью провести закон в жизнь устанавливались разорительные штрафы и конфискация имущества; щедрыми наградами открыто поощрялось доноительство. Кроме того, дела о нарушении закона могли разбираться судами вице-адмиралтейства, что представляло собой новое посягательство на неотъемлемое право быть судимым присяжными, избранными из той же среды, к какой принадлежит и подсудимый.

Закон о гербовом сборе вступил в силу в ноябре 1765 года, но издать закон еще не значит провести его в жизнь. Дело в том, что закон вызвал в колониях единодушный отпор, — подробнее об этом будет рассказано далее. Закон вводил высокие налоги, подлежавшие уплате только серебром, но, как заявил в феврале 1776 года парламенту Бенджамин Франклин, лондонский представитель Пенсильвании, если бы даже колонисты и хотели соблюсти этот закон, они не располагали для этого достаточным количеством звонкой монеты.

В марте 1766 года закон о гербовом сборе был отменен. В тот же день, однако, парламент принял разъяснительный закон (Declaratory act). Он не оставлял никаких сомнений, что правители Англии отменили закон о гербовом сборе не потому, что они отказались от политики, его породившей, а потому, что считали его практически неосуществимым и, следовательно, бесполезным для проведения этой политики.

Целенаправленность нового закона раскрывает его полное название: «Закон об обеспечении большей зави-

симости владений его величества в Америке от короны и парламента Великобритании». Во всем существенном он дословно повторял «Разъяснительный закон об Ирландии» 1719 года, а всеобъемлющий характер и беспощадность английского владычества в Ирландии делали еще более зловещей эту параллель. Закон 1766 года провозгласил, что парламент «имел, имеет и по праву должен иметь полную власть издавать законы и статуты, обладающие достаточной силой и законностью, чтобы быть обязательными для колоний и населения Америки, подданных короны Великобритании, во всех делах без исключения».

Весть о разъяснительном законе значительно умерила то ликование, которое вызвала в колониях отмена закона о гербовом сборе. На исходе 1766 года у колонистов вновь начало появляться мрачное настроение, ибо в ноябре вступил в силу ряд новых дополнений и изменений к законам о торговле, которые хотя и сокращали налоги в единичных случаях, но имели своим главным результатом включение в ограничительный перечень товаров, подлежащих контролю английских таможенных властей, всех предметов колониального экспорта. Иными словами, отныне *все* американские товары, предназначавшиеся для Европы (точнее, для европейских территорий к северу от мыса Финистерре, расположенного на северо-западе Испании, на одной широте с крайней южной оконечностью Франции), сначала должны были проходить таможенную проверку в английских портах.

Отпор, оказанный колониями законам 1765 года о военном постое и гербовом сборе, возбудил лютое негодование среди тех членов парламента, которые ратовали за жесткий контроль над колониями. На протяжении всего 1767 года шла яростная борьба на почве того, что Нью-Йоркская ассамблея не приняла достаточных, на взгляд короля, мер по обеспечению его войск (город Нью-Йорк был военным центром английских колоний в Америке). В то же время усилия Англии провести в жизнь политику, нашедшую выражение во включении в ограничительный таможенный перечень всех колониальных товаров, толкнула колониальных купцов на путь усиления нелегальной торговли — в первую очередь с голландцами,

Именно это имел в виду лорд Джордж Сэквилл, когда он писал в феврале 1767 года: «Эти дела должны стать предметом разбирательства парламента, к вящей радости тех, кто предсказывал роковые последствия уступок бунтовщикам и злонамеренным крикунам». Кроме того, провал закона о гербовом сборе образовал зияющую брешь в предполагаемых доходах короны, финансовые тяготы которой усугубились в связи с тем, что в начале 1767 года был резко снижен земельный налог в самой Англии, в результате чего внутренние доходы сократились ни мало ни много на полмиллиона фунтов в год.

А как лучше заполнить образовавшуюся брешь, чем обложив налогами колонистов, особенно если это одновременно даст возможность преподать необходимый дисциплинарный урок непокорным смутьянам и их обманутым последователям?

В 1767 году парламент принял несколько законодательных актов, подсказанных этими соображениями, и в октябре — ноябре того же года они вступили в силу. Новый канцлер казначейства Чарлз Тауншенд (являвшийся в связи с болезнью премьер-министра лорда Чатама фактически главой правительства) решил смириться с тем, что колонисты отвергли закон о гербовом сборе как метод *внутреннего налогообложения*. Система Тауншенда ограничивалась таможенными пошлинами и потому носила чисто внешний характер, что, однако, отнюдь не заставило колонистов прекратить оппозицию, а вынудило их лишь придать ей новую форму. Если в прошлом они отвергали, как несправедливые и незаконные, внутренние налоги, установленные парламентом, то теперь, столкнувшись с методом внешнего налогообложения, встали на позицию полной отмены парламентского налогообложения, иными словами, приняли бессмертный лозунг: «Никакого налогообложения без представительства».

«Закон Тауншенда» [первый из трех законов, принятых английским парламентом в 1767 году и известных в истории под названием «законов Тауншенда». — *Ред.*] вводил таможенные пошлины на ввоз стекла, свинца, красок, бумаги и чая; от сбора их казна рассчитывала получать около 40 тысяч фунтов в год. В законе прямо говорилось, что деньги эти предназначались для исполь-

зования на цели не только обороны колоний, но и «отправления суда и содержания аппарата государственного управления» в колониях — иными словами, он представлял собой угрозу власти провинциальных ассамблей. Парламент решительно подтвердил [во втором «законе Тауншенда». — *Ред.*] право королевских судей издавать «предписания о помощи» на всей территории Америки с целью добиться взимания новых таможенных пошлин; создал новые суда вице-адмиралтейства для разбора дел о нарушении законов; учредил «Американскую палату таможенных уполномоченных» с резиденцией в Бостоне для наблюдения за соблюдением закона, причем палата была непосредственно подчинена одной лишь Казначейской палате в Лондоне.

Одновременно парламент издал ограничительный закон [третий «закон Тауншенда». — *Ред.*], временно приостанавливавший действие законодательных привилегий Нью-Йоркской ассамблеи, пока она «не примет мер по обеспечению королевских войск всем необходимым в соответствии с требованиями закона [1765 года]».

На протяжении последующих восемнадцати месяцев парламент не осуществил ни одной новой законодательной меры, направленной против колоний, — Англия сосредоточила свои усилия на проведении в жизнь уже принятых законов, а Америка энергично сопротивлялась этому. В 1769 году, однако, парламент принял адрес королю, который гораздо больше взволновал общественное мнение Америки, чем утверждают авторы подавляющего большинства популярных исторических трудов. В этом году по рекомендации лорда Мэнсфилда, верховного судьи Англии, обе палаты парламента потребовали от короля доставлять главарей колониальных смут *в Англию для суда по обвинению в измене*, на что сам король не решался еще несколько лет.

VI

С вступлением в 1770 году на пост премьер-министра лорда Норта был предпринят пересмотр всей системы политики в отношении американцев. Это вместе с решительным и организованным противодействием «законам

Тауншенда» в колониях и растущей оппозицией законам со стороны могущественной прослойки английского купечества, поскольку они оказывали губительное воздействие на торговлю с Америкой (достаточно сказать, что ввоз в город Нью-Йорк, объем которого в 1767—1768 годах составлял 482 тысячи фунтов, в 1768—1769 годах упал до 74 тысяч фунтов), привело к крутым переменам. Все таможенные пошлины, установленные «законами Тауншенда», были отменены (отмена вступала в силу в декабре 1770 года), за единственным исключением (снова сделанным главным образом во имя подтверждения верховной власти парламента над колониями) таможенной пошлины на чай. Нет нужды говорить, что отмена эта никак не затрагивала старых таможенных пошлин, например на табак, вина, сахар и мелассу, равно как и органов управления и принуждения, созданных Англией, особенно после 1763 года.

Именно деятельность этих органов принуждения и вызвала следующий крупный кризис. Конкретно дело заключалось в следующем. Британский таможенный фрегат «Гэспи», преследуя одно колониальное судно, налетел на мель близ Провиденса (Род-Айленд). Несколько десятков колонистов во главе с Джоном Брауном, купцом из Провиденса, захватив в плен английский экипаж, высадили его на берег, а корабль сожгли. В августе король обнародовал декларацию, где предлагал награду в 500 фунтов тому, кто сообщит сведения, которые позволили бы арестовать правонарушителей, но чувства колониального населения были таковы, что не нашлось ни одного доносчика. Дело кончилось тем, что в сентябре 1772 года была назначена следственная комиссия, куда вошли виднейшие деятели, в том числе губернатор Род-Айленда и верховные судьи нескольких других колоний. При назначении комиссии было объявлено во всеуслышание, что всякое лицо, обвиненное ею, подлежит *отправке в Англию для суда*. В начале 1773 года комиссия провела ряд публичных заседаний, но население было настроено настолько враждебно, что она не собрала никакой информации, не назвала ни одного «правонарушителя» и в июне была распущена.

Одновременно с тем, как король действовал (речь идет о 1772 годе) в соответствии с парламентской рекомендацией 1769 года об отправке колониальных право-

нарушителей в Англию для суда, королевскому губернатору Массачусетса Томасу Хатчинсону было объявлено, что впредь он будет получать свое жалованье не от провинциальной ассамблеи, а непосредственно от короны; три месяца спустя, в сентябре 1772 года, такое же заявление было сделано в отношении судей Массачусетса.

Следующий, 1773 год вошел в историю как год «чайного закона». С помощью «чайного закона» английский парламент пытался переложить некоторые проблемы, накопившиеся в одной части своей колониальной империи, на плечи другой — точно так же, как с помощью закона о гербовом сборе он пытался возместить за счет таможенных поступлений то, что потерял от снижения земельного налога в самой Англии. Однако бостонские патриоты выбросили чай в море, и это событие, которое Джон Адамс назвал в своём дневнике «отмеченным печатью достоинства, величия, возвышенности» и знаменующим собой «эпоху в истории», показало, что парламент был не так уж всемогущ даже в пределах английских владений.

С первых лет XVII столетия Британская Индия управлялась и грабилась Ост-Индской компанией. К 1760-м годам война с Францией, карательные войны против местного населения, ужасающая эксплуатация трудящихся масс, безудержная коррупция — все это привело подконтинент на грань полного хаоса и опустошения. Своей высшей точки процесс этот достиг, когда разразился голод — один из самых страшных в истории человечества, — начавшийся в 1770 году и за какой-нибудь год унесший жизни миллионов людей. Погибла, вероятно, треть всего населения Индии.

Ост-Индская компания оказалась на грани банкротства. Курс ее акций упал в начале 1773 года на лондонской бирже почти на сто процентов. Компания взмолилась о помощи, и правительство сочло необходимым вмешаться с целью не только оказать эту помощь, но и взять в известной мере управление Индией в свои руки во избежание потери колонии. В итоге в 1773 году был принят закон, положивший начало переходу управления Индией в руки парламента. Одновременно правительство предприняло попытку помочь компании поправить свои финансовые дела, оказав ей содействие в

сбыте 17 миллионов фунтов чая, скопившихся на английских складах.

В апреле 1773 года парламент отменил взимание всех таможенных пошлин на чай, экспортировавшийся в Америку, и разрешил компании продавать свой чай собственным американским агентам, — причем в качестве последних были избраны купцы, отказавшиеся присоединиться к заключенному в колониях соглашению об отказе от ввоза английских товаров, — а не на публичных аукционах в Англии, как требовалось до тех пор. Оставлена была только пошлина в три пенни, подлежащая уплате в Америке, как это предусматривалось ранее [первым] «законом Тауншенда». Все это не оставляло никаких сомнений, что агенты Ост-Индской компании смогут продавать чай дешевле всех остальных купцов, торгующих этим товаром в Америке, и таким образом утвердят фактическую монополию в этой важной области торговли.

Именно вопрос о монополии, а вовсе не вопрос о мелкой таможенной пошлине (взимавшейся к тому же еще с 1767 года), лежал в основе движения протеста, охватившего Америку в связи с изданием «чайного закона». И именно предоставление монополии было главным соображением парламента, когда он издавал закон, горя желанием оказать действенную финансовую помощь политически могущественной Ост-Индской компании. Если же к этому добавить, что компания держала в своих руках сбыт в Англию фарфоровых изделий, лекарств, пряностей, ситцевых и шелковых тканей, — а утвердив монополию в области торговли чаем с Америкой, она могла бы утвердить аналогичную монополию в области торговли всеми другими товарами, — если принять во внимание указанное соображение, тогда борьба против «чайного закона» действительно обретает значение борьбы против монополизации Англией американской торговли. И именно так, несомненно, смотрело на дело большинство американцев в то время.

Компания отправила партии принадлежавшего ей чая в порты Чарлстона, Филадельфии, Бостона и Нью-Йорка, но массовая оппозиция сделала его продажу невозможной. В Нью-Йорке и Филадельфии чай был отправлен обратно в Англию; в Чарлстоне его запрятали за семью замками на складе (и три года спустя рекви-

зировали в пользу революционной армии); а в Бостоне, после того как королевские чиновники наотрез отказались отправить чай обратно в Англию, мерзостный товар был выброшен на дно гавани.

Английское правительство ответило насилиями и на протяжении нескольких месяцев 1774 года приняло целую серию законов, окрещенных колонистами «нестерпимыми законами». Бостон было приказано закрыть для торговли, пока город не возместит убытки компании и не заплатит пошлины таможенным чиновникам. Столица Массачусетса была перенесена королевским распоряжением из Бостона в Сейлем. Члены верхней палаты провинциального законодательного собрания — то есть Совета, — до тех пор избиравшиеся нижней палатой, отныне должны были назначаться королем и занимать свои места в зависимости от его соизволения. Губернатор — уже, как мы видели, полностью подчиненный короне — был облечен правом назначать всех чиновников, ведавших исполнением законов, включая шерифов, а последние — отбирать присяжных, до тех пор избиравшихся населением городов. Королевские чиновники, арестованные за преступления, совершенные в связи с исполнением своих обязанностей, включая преступления, каравшиеся смертной казнью, могли быть судимы только за пределами Америки. Городские собрания, игравшие столь значительную роль в фактическом управлении Массачусетсом и являвшиеся столь действенным орудием давления демократических элементов, впредь должны были проводиться лишь с письменного разрешения губернатора; он же утверждал их повестку дня.

Одновременно был назначен новый губернатор Массачусетса — генерал Томас Гейдж, главнокомандующий королевскими вооруженными силами в Америке. Кроме того, был принят закон (действие которого распространялось на все колонии), предусматривавший расквартирование войск не только в пустующих зданиях и гостиницах (как предусматривал закон 1765 года), но и в домах, занятых их хозяевами.

В том же злополучном 1774 году парламент принял Квебекский акт, который колонисты рассматривали как составную часть всей «нестерпимой» программы репрессий и усиления колониального гнета. Совершенно ясно (особенно в свете труда профессора Честера Мартина

«Империя и Содружество наций»), что главное, чем руководствовалась Англия при издании Квебекского акта, было желание превратить Канаду в плацдарм для развертывания принудительных и репрессивных мероприятий против непокорных американских колонистов. Кроме того, расширив границы Канады в южном направлении вплоть до реки Огайо (территория провинции Квебек по сравнению с утвержденной в 1763 году оказалась утроенной), так что они стали включать полностью нынешние штаты Мичиган, Иллинойс, Индиану, Огайо, Висконсин и частично Миннесоту, Квебекский акт послужил уздой, серьезно ограничившей рост тринадцати колоний, и нанес тяжелый удар по американским торговцам пушниной и спекулянтам землями.

Надо еще отметить, что отдельные колонии — Виргиния, Массачусетс, Коннектикут — заявляли о своих притязаниях на земли в этой области. Правда, как указал А. Л. Бёрт, один из пунктов Акта гласил: «Ничто здесь содержащееся ни в коей мере не заденет границ какой-либо другой колонии», но *на деле* Акт включил в провинцию Квебек значительные земельные массивы, на которые заявляли права другие колонии.

Акт, дав Квебеку первую конституцию, вместе с тем, исходя из того, что подавляющее большинство населения провинции составляли французы, утверждал форму правления, носившую резко выраженный авторитарный характер. Вот что пишет по этому поводу канадский историк-марксист Стэнли Б. Райерсон:

«С одной стороны, Акт признавал национальный характер француско-канадского общественного образования, сложившегося в бассейне реки Св. Лаврентия, и этим обеспечил его верность и подданство; с другой — пытался обусловить это признание отказом от демократии и сохранением феодального абсолютизма, характеризовавшего Новую Францию».

То, с чем столкнулось преимущественно протестантское население колониальных поселений от Новой Англии до Джорджии, охваченное движением протеста, представляло собой законодательный акт, который лишал подавляющее большинство жителей избирательных прав; объявлял католицизм государственной религией; облакал законодательной властью Совет, члены которо-

го назначались королем; утверждал юридическую систему, при которой судопроизводство по гражданским делам велось без участия присяжных; наконец, утверждал систему налогообложения, всецело зависимую от парламента. А размеры провинции, в которой устанавливались такие порядки, были утроены, так что она простиралась теперь до рек Огайо и Миссисипи.

Колонисты отказались подчиниться этим законам. Последние воплощали условия существования и систему взаимоотношений, которые становились все более нестерпимыми для все большего числа американцев. Правители не могли управлять по-старому; новый порядок вещей был невыносим для управляемых. Неодолимое столкнулось с неподвижным; ареной столкновения явились Лексингтон и Конкорд.

КЛАССОВЫЕ ДЕЛЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Покойный профессор Корнельского университета Генри А. Майерс в своем труде «Равны ли люди?» (1945) указывал на «множество тягот», проистекающих из колониального статуса. Раскрывая свою мысль, он заметил: «Главной из них для массы рядовых американцев было то, что метрополия поднимала социальный престиж богачей и власть имущих, угрожая утвердить в Новом Свете незыблемую и непреложную иерархическую систему, из-за которой многие колонисты бежали из Старого».

Большинство новейших исторических трудов, посвященных Американской революции, которые принадлежат к консервативно-ревизионистскому типу, направлено своим острием против точки зрения профессора Майерса. В них отстаивается взгляд, что классовый гнет в среде самого колониального населения либо вовсе отсутствовал, либо играл совершенно ничтожную роль среди причин, вызвавших Американскую революцию и определивших ее характер. Точка зрения Майерса, однако, получила весьма энергичную поддержку в исследованиях Карла Беккера, Эдуарда Чаннинга, Э. Б. Грина, Артура М. Шлезингера, Чарлза О. Бирда, Аллана Невинса и Луиса Хэкера (поскольку речь идет о трех последних — в начальный период их научной деятельности), а также Уинфреда Т. Рута, Герберта М. Морейса, Мерилла Дженсена и Кертиса П. Неттелса.

В предыдущем томе настоящего труда была вскрыта классовая структура американского колониального общества и показано, что — как следствие этой его структуры — характерную черту истории данного общества составляли классовые битвы. Было показано также, что

в этих битвах правящие классы Англии неизменно становились на сторону «статус-кво».

Свидетельства современников, несомненно, подтверждают точку зрения, что значительные прослойки колониального населения видели в борьбе против английского владычества продолжение тех битв за демократию, которые составляли стержень всей колониальной истории. Не подлежит никакому сомнению и то, что реакционные элементы в американской политической жизни усматривали нерасторжимую связь между борьбой против имперских притеснений и борьбой против ограничений политических, экономических и социальных прав значительных прослоек колониального населения.

В одном из первых донесений, отправленных из Бостона государственному казначейству в Лондон «Американской палатой таможенных уполномоченных», только что назначенной с целью наблюдать за соблюдением «законов Тауншенда», с тревогой сообщалось о городских собраниях, так как они преследуют явно «политические цели». «На этих собраниях, — говорилось в донесении, датированном февралем 1768 года, — последние мастера с полной свободой обсуждают важнейшие вопросы управления».

Публицисты-тори высмеивали собрания и комитеты патриотов в стихах, дышащих нескрываемой классовой злобой:

Из чердаков, подвалов мчатся в комитет

Политиканы-высочки — наш новый «высший свет».

Или:

Он нынче каменщик иль плотник, завтра — глядь —

Солоном иль Ликургом может стать.

Другие клялись в вечной ненависти к «сапожникам и портным», ибо те настолько забыли свое должное место в обществе, что «стали взваливать на свои могучие, широченные плечи право указывать верноподданым и здравомыслящим гражданам» Нового Света. Один священник из Южной Каролины в 1774 году дерзнул произнести проповедь, где заявил, что «ремесленники и деревенщина не вправе рассуждать о политике, о делах королей, лордов и общин». Вскоре он лишился своего прихода, и одна колониальная газета

одобрила решение об отрешении его от сана священника следующими словами: «Всем подобным богослужителям надобно втемяшить в голову, что ремесленники и деревенщина (какой позор называть их такими именами!) и есть настоящие и полные хозяева королей, лордов, общин и духовенства».

Немного позднее один из крупнейших лендлордов «патронов»* в верхней части Нью-Йорка, Генри Ван Шаак, который связывал надежду на целостность своих владений с мощью Англии, писал своему брату, что повсюду вокруг него «поддерживаются уравнивательные принципы». Надвигается хаос, он уверен в этом — «страна извивается в конвульсиях», и он не знает, что делать: «одному богу ведомо, чем все это кончится».

Примерно в это же время губернатор Джорджии Райт доносил высшему начальству в Лондон о появлении местных и общеколониальных революционных органов. Состав их он описывал следующим образом:

«В нашей провинции дела еще хуже, чем в остальных, ибо в вигских трибуналах людей, обладающих истинными способностями, джентльменов, собственников — наперечет. Приходский комитет — это сборище черни, преимущественно плотников, сапожников, кузнецов и прочих в том же роде, причем во главе его стоит еврей [Мордухай Шефтол, купец]; в Генеральный комитет и Совет безопасности входит несколько людей поприличнее — купцов и плантаторов, но большинство из низшего класса, и нельзя не ужасаться, милорд, что такому сброду дозволяют ниспровергать цивилизованное управление».

Все зажиточные элементы волновала проблема, насколько далеко должна заходить революция, — проблема, вытекавшая из классовой природы колониального общества и гегемонии буржуазии в самой революции. Одних, как Джозефа Гэллоуэя из Пенсильвании, это соображение побудило в момент окончательного выбора принять сторону короля; как выразился его биограф Э. Х. Болдуин, «тирания черни была ему страшнее тирании парламента».

Другие, как Гавернир Моррис из Нью-Йорка, считали возможным свергнуть тиранию Англии и вместе с

* См. примечание на стр. 327.

тем сохранить власть «богатых, способных и знатных». Однако они отдавали себе отчет в том, что это щекотливая операция, которая может потребовать значительных уступок. «Как ни простодушны эти овцы, — писал Моррис, имея в виду широкие массы народа, — их нельзя дурачить, как прежде. Короче говоря, на них нет управы; ныне главари толпы становятся опасными для господ, а как их держать в смирении — не приложу ума».

В другом случае Моррис назвал массы не овцами, а змеями, и это сравнение более соответствовало их явно возросшей силе. «Чернь начинает думать и рассуждать, — писал он в мае 1774 года. — Бедные змеи! Для них наступило весеннее утро, и они стараются сбросить зимнюю одежду, греются на солнышке и еще до полудня начнут кусать». Моррис не хотел быть укушенным. Если события будут развиваться так, как сейчас, писал он, тогда:

«Прощай, аристократия. Я провижу, и провижу со страхом и дрожью, что, если распре с Великобританией не будет положен конец, мы окажемся под властью худшей из всех властей — под властью взбунтовавшейся черни. Поэтому в интересах всех домогаться восстановления союза с метрополией».

Моррис, принадлежавший к умеренным правым, этому политическому курсу и следовал, но когда наступил момент окончательного выбора, он — в отличие от Гэллоуэя, крайнего правого, — решил связать свою судьбу не с королем, а со своей родиной, попытавшись в то же время свести к минимуму революционные перемены.

В некоторых колониях, особенно в Нью-Йорке и Пенсильвании, наблюдалась теснейшая связь между колониальными богачами и представителями имперской власти; колонии эти явились ареной острейшего антагонизма между колониальной беднотой, с одной стороны, и местной олигархией и английскими колониальными владыками — с другой. И в данном случае социальные взаимоотношения, дававшие себя знать в борьбе за независимость от Англии и игравшие столь важную роль, стали совершенно очевидными. Очень хорошо эту сторону дела выразил Кертис П. Неттелс в своем ценном исследовании «Джордж Вашингтон и независимость Америки» (1951):

«Английские власти после 1763 года содрогались при мысли о демократии, и на них можно было всецело рассчитывать в борьбе против уравнителей и реформаторов. Если колонии провозгласят себя независимыми, им придется перестроить систему управления на новой основе. Движение отпора было всенародным, и поэтому новая система управления неизбежно должна будет опираться непосредственно на весь народ. А основывать систему управления на народном суверенитете — значит открывать путь к ее полной демократизации. Тогда конец политической власти аристократии, обязанной своим происхождением законодательным актам английского монарха и издавна поддерживавшейся антидемократическими методами».

Колониальное движение в силу своего характера дало могучий толчок развитию демократических идей. Ведь если аргументация колоний базировалась на несправедливости произвольной власти парламента, то не был ли приложим тот же аргумент к любой группе людей, находившейся под властью других, над которыми они не имели никакого контроля? Правда, апологеты Англии высмеивали аргументацию колоний о том, что парламентское налогообложение является проявлением деспотизма, поскольку американцы не были представлены в этом органе, заявляя, что целые города и даже целые классы английского общества тоже не были непосредственно представлены в парламенте или не имели права выбирать его членов (заметьте, что последние не назывались представителями). И все же логика была на стороне апологетов Англии лишь при допущении статичности политического и социального порядка. В действительности же нет ничего статического и, уж конечно, нет статических политических и социальных порядков. Смысл происходившего в колониях заключался в том, что широкие массы, либо вовсе лишенные избирательных прав, либо ущемленные в отношении представительства (как население Запада), теперь потребовали расширения своих политических прав на основе тех же аргументов, какие были использованы провинциальными ассамблеями против парламента; те же требования выдвигали широкие массы и в самой Англии.

Вот два типичных образчика такой аргументации (то, что они увидели свет, является по меньшей мере столь же многозначительным, как и сам факт ее выдвижения). В «Пенсильвания газетт» от 27 сентября 1770 года было опубликовано следующее письмо одного филадельфийского ремесленника:

«У группы лиц, занимающих важные посты, вошло в обычай выдвигать кандидатов на посты членов ассамблей и их комиссий, податных чиновников и т. д., а также наметать программу их действий, не считаясь при этом с положительным или отрицательным мнением ремесленников... Мы покорно терпели это столь долго, что теперь эти господа без зазрения совести заявляют, что с мнением ремесленников (хотя они составляют значительное большинство жителей, особенно в нашей колонии) совсем не следует считаться, иными словами — что ремесленники по существу не имеют права ни думать, ни говорить от своего имени. Разве мы не имеем такого же права выбирать или быть избранными?.. Я полагаю совершенно необходимым, чтобы один или два выборных от ремесленников представляли столь значительную группу населения».

А вот письмо, появившееся в «Пенсильвания джорнэл» от 5 апреля 1776 года:

«Разве ремесленники и фермеры не составляют девяносто девять сотых населения Америки? И если их по причине рода их занятий исключить из участия в выборах своих правителей или формы государственного устройства, то не лучше ли признать юрисдикцию английского парламента, составленного целиком из ДЖЕНТЛЬМЕНОВ?»

В той мере, в какой это касалось широких масс населения колоний, «их [демократические] требования», совершенно правильно писал Аллан Невинс в своем новаторском исследовании «Американские штаты во время и после революции, 1775—1789 годы» (1924), «были одной из пружин, придавшей революционному движению неотразимую силу».

Вскрывая острейшую классовую заинтересованность широких масс, участвовавших в движении за независи-

мость, доказывая, что это движение было неотделимо от их усилий скинуть долговое бремя, расширить свои политические права, улучшить свое экономическое положение, мы никоим образом не пытались умалить их патриотическое рвение. Об этом приходится говорить потому, что такие ученые, как Джеймс Берд Лёвенберг, Сэмюэль Дж. Брокунир и Рэй А. Биллингтон, в своих редакторских примечаниях к летописи массовой политической борьбы в предреволюционной Виргинии пишут¹: «Низшие классы... не менее решительно [чем плантаторы] поднимали свои голоса против мероприятий Англии. Но их побуждения лишь частично носили патриотический характер; в национальном движении они усматривали счастливо подвернувшуюся возможность улучшить свое социальное и экономическое положение».

Между такими устремлениями и патриотизмом нет никакого противоречия. Напротив, патриотизм находится в самой неразрывной связи с устремлениями и усилиями, направленными на улучшение социального и экономического положения широких масс народа. С другой стороны, патриотизм вовсе не является чувством, не имеющим ничего общего с нуждами и благоденствием самых широких масс населения страны. Напротив, именно подлинные интересы громадного большинства американского народа вынудили его отделиться от Англии; именно этим интересам и служило провозглашение независимости Американской республики. Это не противоречит патриотизму, а совпадает с ним.

БЫЛА ЛИ РЕВОЛЮЦИЯ ДВИЖЕНИЕМ БОЛЬШИНСТВА?

В исторической литературе господствует точка зрения, что Американская революция была делом меньшинства американского народа. Так, Дора М. Кларк в своей книге «Общественное мнение Англии и Американская революция» (1930) писала: «Тезис о том, что революцию провело и выиграло меньшинство, стал общим местом». И тут же она выражает свое полное согласие с этим тезисом. В том же духе высказывался Джон Б. Бребнер, автор труда «Янки-нейтралы Новой Шотландии» (1937): «В наши дни стал общераспространенным тот взгляд, что в большей части из тринадцати восставших американских колоний большинство населения держалось пассивно, но из двух активных меньшинств численный перевес был на стороне радикалов». Линн Монтросс в своем ценном исследовании о Континентальном конгрессе «Мятежники поневоле» (1950) присоединился к мнению, что революция была движением меньшинства, и даже возвел это в общее правило: «Законом истории является, что революции на своих ранних этапах навязываются массе народа организованным и решительным меньшинством».

I

Когда речь заходит конкретно об Американской революции, авторы исторических трудов обычно заявляют, что треть населения принадлежала к вигам, треть — к тори, а остальная треть занимала безразличную, нейтральную позицию. Тезис этот повторялся столько раз (он восходит по меньшей мере к «Истинной истории Американской революции» Сиднея Джорджа Фишера, опубликованной еще в 1902 году), что ныне

преподносится как самоочевидная истина, которую нет нужды подтверждать документальными свидетельствами. Например, такой осторожный и эрудированный ученый, как покойный Эвартс Бутелл Грин, в своем исследовании «Революционное поколение» (1943) просто заявил: «В общем и целом, вероятно, треть населения принадлежала к лоялистам, треть — к убежденным вигам, а остальная треть не принимала участия в борьбе ни на той, ни на другой стороне».

По мере того как тема Американской революции приобретала все большую остроту в историографии, можно подметить стремление еще более сократить процент американского населения, действительно поддерживавшего революционное движение. Крейн Бринтон, к примеру, на страницах своего труда «Анатомия революции» (1938) возвестил, что не свыше десяти процентов населения попадает в эту категорию.

Популярные авторы, придерживающиеся столь различных воззрений, как У. Э. Вудурд и Лео Губерман, принимая господствующую точку зрения на революцию как на движение меньшинства, расцвечивают ее, уведомляя своих читателей, что массы, участвовавшие в движении, были обманым путем втянуты в него имущими и образованными элементами. Подобный взгляд обосновывается сообщениями английских чиновников и влиятельных тори, естественно видевших в массах, примкнувших к революции, пешки, которыми играли элементы, занимавшие более высокое общественное положение. Но ведь авторы этих сообщений видели то, что было удобно их классу; такой взгляд искажал действительное положение вещей.

Среди нынешних академических историков Американской революции можно назвать лишь одного крупного ученого, придерживающегося иного мнения, но его выдающаяся эрудиция придает большую весомость мнению, которое он отстаивает, хотя бы и в одиночестве. Джон Ричард Олден в книге «Американская революция» (1954) заявляет, что начиная с 1775 года патриоты численно превосходили тори и что «после провозглашения Декларации независимости значительное большинство поддерживало дело патриотов».

Профессор Олден добавляет, что те, кто отстаивает формулу «треть — треть — треть», исходят из неверного

понимания цитируемого ими письма Джона Адамса, относящегося к 1815 году. Олден имеет в виду письмо, с которым Джон Адамс в январе 1815 года обратился к Джеймсу Ллойдю, и он совершенно прав, заявляя, что в данном письме Адамс говорит об отношении американского народа к французской, а вовсе не к своей революции. *В данном отношении* Адамс действительно считал, что разбивка американского народа на три равные группировки правильно отражает его настроения.

Необходимо указать, однако, что в том же 1815 году Джон Адамс послал другое письмо, где коснулся отношения американского народа к своей революции, и это письмо в известной мере подтверждает точку зрения толкователей, придерживающихся формулы «трех третей». 22 декабря 1815 года Джон Адамс обратился с пространном письмом к д-ру Джедидиа Морзе, где заявил, что в период 1766—1775 годов Англия развернула энергичную пропагандистскую кампанию с целью завоевать на свою сторону часть колониального населения и что в значительной мере кампания эта увенчалась успехом. Выражаясь определеннее, продолжает Адамс, «на протяжении указанного десятилетия Великобритания создала, организовала, вымуштровала и дисциплинировала проанглийскую партию, совратив и обманув почти треть населения колоний».

Из этого письма, относящегося к 1815 году, видно, что, по мнению Джона Адамса, около трети колониального населения после 1765 года занимало проанглийскую позицию. Он ни словом не упоминает о безразличии и нейтралитете; скорее, из его письма можно заключить, что, на его взгляд, 70 (приблизительно) процентов американского народа поддерживало дело революции.

Я лично склоняюсь именно к такому пониманию письма Адамса и всецело согласен с профессором Олденом, что значительное большинство колониального населения поддерживало революционное движение. Изучение писем Адамса (и других революционных лидеров), относящихся к периоду революции, также не оставляет никаких сомнений, что сами они были убеждены в поддержке громадного большинства населения.

Например, 3 июля 1776 года Джон Адамс, характеризуя Декларацию независимости как нужную и полез-

ную меру, писал из Филадельфии жене, что «все население, в каждой из тринадцати колоний, приняло ее как свое собственное дело». Джордж Вашингтон, рассказывая в письме от 15 января 1781 года Джону Лоренсу о «паническом отчаянии», в котором была тогда армия, и о «волнениях, охвативших большую часть населения», тем не менее заявлял: «Значительное большинство [населения] по-прежнему непреклонно отстаивает независимость наших штатов [и] с презрением отвергает воссоздание союза с Великобританией».

Для американских историков революции — современников самой революции поддержка большинства населения была само собой разумеющимся фактом. Так, Дэвид Рамсей писал в своей «Истории Американской революции» (1789): «Война была народной войной, никаких денежных фондов на ее ведение не было, и поэтому усилий армии было бы недостаточно, чтобы осуществить революцию, если бы массы народа не были подготовлены к ней и в них не горел неугасимым огнем дух отпора Великобритании».

Однако все эти свидетельства, возможно, будут отвергаться как субъективные и подсказанные партийными интересами. Мы добавили бы следующие соображения. Во-первых, мы отвергаем тезис—выдаваемый за «закон истории» (который отстаивают такие авторы наших дней, как Деннис У. Броган, Крейн Бринтон, Линн Монтросс и другие), — будто революции являются движениями меньшинства. Мы полагаем, напротив, что революционное движение — это самое демократическое движение, и убеждены, что успех его может быть объяснен в решающей мере тем, что оно воплощает чаяния подавляющего большинства населения того общества, которое претерпевает процесс революционного обновления. Мы утверждаем это, принимая во внимание как колоссальную власть, какой обычно обладают силы господства и угнетения, против которых направлено революционное движение, так и инертность, присущую людям, когда им приходится действовать в условиях, выходящих за рамки их привычного существования, — а нет нужды говорить, что революционное действие — это необычное действие, связанное с громадным риском и тяготами.

Далее, если говорить конкретно об Американской

революции и все еще ограничиваться общепринципальными соображениями, то тот факт, что этой революции после нескольких лет неустанных усилий, несмотря на суровые испытания и колоссальные помехи, удалось добиться победы в борьбе против могущественного и непреклонного врага, убедительнее всего доказывает, что большинство населения жаждало довести движение до победного конца. Ведь несмотря на все трудности внутреннего и международного характера, с которыми столкнулась Англия (и которым мы уделим внимание в свое время), и несмотря на громадную удаленность колоний, Англия была могущественнейшей морской и военной державой мира, она еще никогда не была превзойдена на поле брани — и все же потерпела поражение от американских революционеров. Если бы эти революционеры не имели поддержки большинства американского народа, весьма сомнительно, что Англию удалось бы заставить признать независимость колоний, какой бы оборот ни приняли дела в Европе.

II

Оставим, однако, эти сугубо теоретические соображения и рассмотрим некоторые дополнительные свидетельства современников революции, характеризующие настроения американского народа в десятилетие, предшествующее Лексингтону*.

Одним из мерил общественного мнения в Америке XVIII столетия являлись выборы. Правда, по сравнению с нашим временем круг лиц, пользовавшихся избирательными правами, был ограничен — хотя и не в такой степени (особенно в северных колониях), как это изображали некоторые историки, — но правда и то, что в отдельных местах избирательными правами пользовалась значительная часть, процентов 70—75, взрослого мужского населения. Результаты выборов (если только они проводились с соблюдением законности), состоявшихся в конце 60-х — начале 70-х годов в таких городах,

* 19 апреля 1775 г. в Лексингтоне (возле Бостона) вооруженные колонисты вступили в бой с напавшим на них отрядом английских войск и обратили его в бегство. Это сражение явилось началом войны американских колоний за свою независимость. — *Прим. ред.*

как Филадельфия, Нью-Йорк, Бостон, Балтимор, а также во многих населенных пунктах Коннектикута и в Джорджии, неизменно свидетельствовали о том, что население решительно поддерживало патриотическую партию. Так, на выборах в Бостоне в 1771 году участвовало 410 избирателей, и хотя им надлежало сделать выбор между вигами и тори, 410 голосов было подано за Хэнкока, 403 — за Сэма Адамса и 399 — за Джеймса Отиса; иными словами, избирательный список вигов в целом прошел почти единогласно. На других выборах в Бостоне, в 1772 году, на которых королевский губернатор Томас Хатчинсон лез из кожи вон, чтобы нанести поражение патриотам, при 723 избирателях 699 голосов собрал каждый из двух патриотических кандидатов — Томас Кашинг и Джон Хэнкок. Примерно те же результаты дали выборы, состоявшиеся в Коннектикуте в 1775 году и особенно в начале 1776 года: почти единогласно прошли кандидаты бунтовщиков.

Последние выборы в Мэриленде в правление собственногоника этой колонии состоялись в 1773 году. И здесь радикальные и патриотические силы одержали полную победу, а в некоторых местах (в первую очередь здесь надо упомянуть Аннаполис и Балтимор) кандидаты губернаторского Двора даже не дерзнули выступить в открытую. На выборах 1768 года в Джорджии из двадцати пяти членов нижней палаты восемнадцать принадлежали к числу, как их называл губернатор, «неистовых „Сынов свободы“». Все последующие данные, относящиеся к этой колонии, свидетельствуют о неуклонном росте антианглийских настроений, так что в июне 1775 года губернатор Райт доносил в Лондон, что население почти единодушно поддерживает бунт, а его власть над провинцией ускользает из рук.

Голосование на городских собраниях Новой Англии — а в этом органе избирательными правами пользовалось практически все взрослое мужское население — в конце 60-х и в начале 70-х годов почти всегда заканчивалось (касалось ли дело выбора лиц или выбора политического курса) фактически единогласной победой дела патриотов, так что английское правительство не видело иного способа покончить с этим безобразием, как запретить проведение собраний.

Массовые митинги и демонстрации как в городах, так и в сельской местности собирали тысячи людей, и нередко все взрослое население активно участвовало в том или ином движении протеста, направленном против владычества или политики Англии. Примеров хоть отбавляй: борьба, развернувшаяся под руководством «Сынов свободы» против закона о гербовом сборе, борьба за свободу печати и движение в поддержку таких поборников этой борьбы, как брошенный за решетку Александр Макдугол, борьба против закона о военном постое, движение протеста против «бостонской бойни», в поддержку оппозиции «чайному закону», за отмену «нестерпимых законов», наконец, поистине замечательная солидарность, продемонстрированная всеми колониями по отношению к населению Бостона, когда его порт был закрыт одним из последних законов.

Так, когда в сентябре 1774 года распространился слух — как выяснилось позже, ложный, — что солдаты генерала Гейджа убили в Бостоне шесть человек, почти все годные к военной службе мужчины Массачусетса взяли за оружие и направились в город. Эдуард Чаннинг, историк, не склонный к преувеличениям, утверждал, что в Бостон двинулось ни мало ни много 80 тысяч человек и все они были вооружены. Это помогает понять донесение, направленное генералом Гейджем 30 октября 1774 года лорду Дартмуту в Лондон: «Брожение, охватившее весь континент, сплотило его в один общий лагерь... Сельское население настолько взбесилось, что готово к любому безумству, к какому его подстрекают».

В этой борьбе и в этих движениях выдвинулись замечательные вожди, чьи имена известны в Соединенных Штатах всем и каждому. Но их водительство было лишь воплощением воли и отваги громадного большинства американского населения, коренилось в них, черпало в них свою силу. Вожди эти действовали через организации чисто американского происхождения — общества «Сынов свободы», комитеты связи [корреспондентские комитеты], различного рода «ассоциации» и т. д. (о чем более подробный разговор нам еще предстоит), создание которых отражало чаяния масс, а последующая успешная деятельность зависела от воли тех же масс.

«Все в эти годы решалось настроением и желаниями масс», — писал Джон Адамс в одной из своих автобиографических заметок, имея в виду предреволюционные годы. А в ходе самых событий Адамс в серии статей, опубликованных за подписью «Нованглус» в «Бостон газетт» в течение декабря 1774—апреля 1775 года, заявлял, что население «безгранично поддерживает» патриотов и что «соотношение борющихся сил равно 19:1».

Мы располагаем не только многочисленными доказательствами того, что массы поддерживали вождей революционного движения; нет недостатка и в доказательствах того, что вожди часто плелись в хвосте масс, которым приходилось подталкивать их вперед. Так, например, неоспоримо, что колониальные лидеры выступали против закона о гербовом сборе, но неоспоримо и то, что большинство из них было поражено размахом и решительностью массового движения отпора, вызванного к жизни законом. Это было справедливо в отношении Франклина в Лондоне и тем более в отношении Ричарда Генри Ли в Виргинии, который после принятия закона даже подал прошение назначить его сборщиком нового налога, но тут же взял его назад, когда понял, какие широкие размеры приняло массовое движение отпора.

В апреле 1776 года Джозеф Холи, один из вождей революционного движения в Массачусетсе, писал Сэму Адамсу, находившемуся тогда в Филадельфии в качестве члена Континентального конгресса: «Народ сейчас впереди вас [то есть конгресса], и единственный способ предотвратить разлад и раскол — это ковать железо, пока оно горячо. Кровь народа слишком горяча, чтобы он потерпел проволочку».

Той же весной Джон Адамс, тоже член конгресса, сообщал о неуклонном росте требований масс: «Каждая почта и каждый день захлестывают нас потоком слов о независимости».

Джордж Мэйсон был прав, когда он в письме Джону Мерсеру, датированном 2 октября 1778 года, осудил попытки Англии пустить в ход ложь,

«будто наша великая революция была делом фракции, клики честолюбцев, действовавших вопреки чаяниям американского народа. Напротив, ничто не

было совершено без одобрения народа; в действительности народ опередил своих вождей, так что ни одна коренная мера не была принята, пока он не потребовал ее во весь голос».

Против тезиса о массовой поддержке революционного движения выдвигается одно серьезное возражение; оно повторяется так часто, что его необходимо разобрать отдельно, хотя бы и вкратце. Речь идет об участниках движения «упорядочителей» («Regulators»), развернувшегося в Северной Каролине в 1768—1771 годах. Мы уже касались этого движения в книге «Колониальная эра», и здесь достаточно лишь повторить, что оно может быть охарактеризовано как движение, направленное на защиту должников, на защиту демократии, как движение, воплощавшее конфликт между пионерским Западом и плантаторским Востоком, уклад жизни которого приобрел устойчивые формы. На протяжении долгого времени укоренилось представление, будто участники этого движения, движимые ненавистью к подавившему его Востоку, выступили против революции, стали тори и активными приверженцами короны.

Представление это держится до сих пор, несмотря на то что его несостоятельность была убедительно доказана в самом крупном и глубоком исследовании во всей литературе о движении «упорядочителей», принадлежащем перу Элмера Д. Джонсона, — может быть потому, что оно по каким-то причинам осталось неопубликованным. Труд этот, заверченный в 1942 году, показал, что в действительности имело место как раз противоположное широко распространенному взгляду. Джонсон доказал, что «многие из тех, кто выступал против «упорядочителей», стали во время революции тори». А «большинство «упорядочителей», — показал он далее, — сражались в годы революции на стороне вигов». Выражаясь определеннее, Джонсон отыскал и изучил имена всех известных «упорядочителей» — общим числом 883. Из них о 323 можно положительно утверждать, что они принимали участие в революции — будь то на стороне тори или патриотов, а из этих 323, по имеющимся данным, 289 активно сражались в рядах революционной армии и лишь 34 сражались под знаменем тори. И несмотря на такое исследование, мы все еще находим на

страницах большинства исторических трудов характеристику «упорядочителей» как тори, причем авторы таких трудов обычно добавляют, что это доказывает «антинародный» характер Американской революции!

Правда заключается в том, что Американская революция в силу своего происхождения была горячо поддержана подавляющим большинством американского народа. А то, что это была война народная, оказало, как мы покажем далее, глубокое воздействие на все ее развитие и на характер ее влияния в истории.

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ

Одну из наиболее интересных черт революционной эпохи составляет создание самочинных и нелегальных организаций, преследовавших цели агитации и политической деятельности. Организации эти возникали на почве движений протеста, таких, например, как движение, связанное с «войной из-за Земельного банка Массачусетса» 1740-х годов, и аграрные беспорядки, развернувшиеся в Нью-Йорке и Каролинах двадцать лет спустя. Аналогичная картина наблюдается и в городах, где к 1750-м годам появились оппозиционные объединения механиков, ремесленников, чернорабочих, лавочников и купцов и даже сложились более или менее оформленные политические партии — во всяком случае к 1760-м годам.

Так, в городе Нью-Йорке не позднее 1752 года существовал вигский клуб, державшийся резко выраженной радикальной политической ориентации; некоторые из его членов впоследствии стали вождями «Сынов свободы». Примерно в то же время в Хартфорде и Нью-Хейвене люди, называвшие себя «истинными сынами праведной Свободы», объединились в политический клуб, имевший более или менее регулярные заседания.

По традиции эти левые объединения, как сельские, так и городские, сосредоточивались в своих оппозиционных действиях на борьбе против провинциальных законодательных собраний, находившихся в руках консерваторов, или против губернаторов, а порой и против тех и других. Однако с начала 60-х годов становилось все более очевидным, что врагом является сам английский парламент; последние сомнения исчезли, когда парламент возвестил курс политики, нацеленный против всех колоний без исключения. В создавшейся обстановке

обычные законодательные методы борьбы — как, например, приостановка выплаты жалованья губернатору, отказ в вотировании средств, необходимых для проведения в жизнь ненавистных постановлений (вроде закона о военном постое), подача петиций — оказывались явно недостаточными.

Для того чтобы оказать эффективный и немедленный отпор таким мерам, как, скажем, «сахарный закон», закон о гербовом сборе, закон о военном постое или «законы Тауншенда», требовались массовые действия. Так, противодействие закону о военном постое требовало не только законодательных решений; оно требовало также, чтобы люди, в чьих домах должны были быть расквартированы солдаты, оказали отпор этой мере. Противодействие закону о гербовом сборе, естественно, вызвало к жизни провинциальные петиции и декларации, осуждавшие эту меру; но тем временем гербовые марки печатались, сборщики назначались и один за другим возникали вопросы, требовавшие немедленного решения. Распространять гербовые марки или нет? Продолжать ли деловые операции нелегально, не уплачивая гербового сбора? Терпеть ли в своей среде людей, принимающих пост сборщиков налога? Вопросы такого же рода возникали и в связи с «законами Тауншенда». Платить ли таможенные пошлины? Как относиться к английским доносчикам, появившимся вместе с законами? Бойкотировать ли торговлю всеми товарами, подлежащими таможенному обложению, пока пошлины не будут отменены?

Политические действия уже не могли ограничиваться провинциальными законодательными собраниями и теми строго определенными сроками, когда они заседали, равно как и круг лиц, охваченных политическими действиями, не мог ограничиваться исключительно теми, кто был в состоянии удовлетворять цензам, которыми обуславливалось право избирать или быть избранным на тот или иной пост. Вопросы, которые были выдвинуты на повестку дня послевоенной политикой Англии и решение которых не терпело отлагательства, требовали участия масс, полной отдачи делу политической борьбы, известной дисциплины, с тем чтобы силы движения не были растрочены в анархистских или чисто индивидуалистических действиях.

На почве массовой оппозиции парламентской политике появились организации, явившиеся выражением этой массовой оппозиции. Они принимали разные названия, как «*Vox Populi*»*, «Сыны Нептуна» (показатель той важной роли, какую играли в движении отпора Англии моряки и портовые рабочие) и, самая главная из организаций, «Сыны свободы», а также «Дочери свободы». Обычно они возникали как тайные организации, но когда становились достаточно многочисленными, чтобы сделать легальное преследование неразумным и бесполезным, сбрасывали покров тайны.

Организации моряков, такие, как «Сыны Нептуна», возникшие на почве движения отпора ненавистным английским законам, явились в дальнейшем предтечами благотворительных и позднейших профсоюзных объединений. Нечто подобное происходило и в среде купцов. Так, Торговая палата Нью-Йорка была основана (в 1768 году) на основе явно бунтовщического объединения купцов с целью дать отпор «законам Тауншенда» и заключенного ими соглашения не торговать товарами, попавшими в ограничительный таможенный перечень.

Самой широкой, многочисленной и распространенной из всех этих организаций были общества «Сыны свободы»¹, основание которых явилось частью движения за отмену закона о гербовом сборе. Они объединяли в своих рядах и купцов, и адвокатов, и городских рабочих, и каждая из входивших в их состав классовых прослоек часто старалась проводить свою политическую линию. Однако господствующие позиции занимали левые — круг которых, как правило, совпадал с людьми малого достатка, — и организация была одной из ведущих сил, толкавших колонии к независимости.

Именно «Сыны свободы», чьи общества раскинулись от Новой Англии до Южной Каролины, первыми выдвинули идею межколониальной солидарности в деле отпора Англии, сыгравшую решающую роль в созыве «Конгресса по поводу закона о гербовом сборе». Им же были обязаны своим созданием комитеты связи, которые в

* «Глас народа» (лат.). — Прим. перев.

свою очередь стали подлинными «локомотивами революции».

«Конгресс по поводу закона о гербовом сборе» представляет огромный интерес в организационном плане. Идея его была выдвинута в июне 1765 года в Массачусетской ассамблее Джеймсом Отисом, предложившим, чтобы все провинциальные ассамблеи назначали комитеты для совместного обсуждения проблем, возникших в связи с законом о гербовом сборе. Ассамблея направила письма другим колониям, где убеждала их провести такую встречу в октябре в Нью-Йорке. С удивительной быстротой большинство из них ответило согласием. Тем временем в ряде городов Массачусетса и Коннектикута появились комитеты связи; цель их заключалась в том, чтобы держать друг друга в курсе событий и сплачивать их усилия перед лицом кризиса.

7 октября 28 делегатов собрались в здании нью-йоркской ратуши. Они представляли девять колоний — только Виргиния, Джорджия, Нью-Гэмпшир и Северная Каролина не смогли прислать делегатов². Шесть колоний были представлены делегациями, избранными соответствующими ассамблеями; в Нью-Йорке, Делавэре и Нью-Джерси официальные выборы не состоялись, и три названные колонии были представлены делегатами, неофициально назначенными разными народными организациями и массовыми собраниями. Все 28 получили равный статус, и «Первый конгресс американских колоний против тиранических законов английского парламента» — обычно называемый «Конгрессом по поводу закона о гербовом сборе» — начал свою работу.

На конгрессе были представлены все направления общественной мысли колоний — радикалы, умеренные и консерваторы; не была представлена только точка зрения прямых агентов короны. После многодневного обсуждения конгресс единогласно принял три документа: «Декларацию прав» и петиции к королю и к обеим палатам парламента. Ни король, ни парламента не признали существования самочинной организации выскочек, величающей себя конгрессом, и петиции не были приняты.

Однако все эти документы были опубликованы и восторженно приняты общественным мнением — растущей силой, с которой с течением времени пришлось

считаться и королю и парламенту. «Декларация прав» без обиняков излагала точку зрения колонистов; она представляла собой новое орудие политической борьбы, вызванное к жизни новым институтом этой борьбы — конгрессом назначенных или избранных населением делегатов.

Декларация, обнародованная 19 октября 1765 года, начиналась с заверений в верноподданнических чувствах к королю и в «должном повиновении» парламенту. Затем в решительной форме заявлялось, что «все неотъемлемые права и вольности, какими обладают его [короля] свободнорожденные подданные» в Великобритании, «по праву принадлежат» и колонистам. Одно из этих прав, заявляла Декларация, — облагаться налогами только с собственного согласия, добровольно данного лично или через представителей; колонисты не были — а в силу географического положения колоний и не могли быть — представлены в парламенте, и поэтому налогами их могут облагать только собственные законодательные органы.

Далее в решительной форме заявлялось, что к числу «неотъемлемых и неоценимых прав» принадлежит судебное разбирательство с участием присяжных и что те из недавно изданных законов, которые отменяли такое право в определенных делах, были «явно направлены к тому, чтобы ниспровергнуть... вольности колонистов». Декларация жаловалась на обременительность налогов и законов о торговле и, касаясь ограничений в торговой области, подчеркивала, что законы сужали возможности колонистов приобретать английские промышленные товары.

Заканчивалась Декларация требованием отменить закон о гербовом сборе, законы, учреждавшие суды адмиралтейства, «и иные законы, изданные в последнее время с целью ограничить американскую торговлю».

«Конгресс по поводу закона о гербовом сборе» завершил свои заседания 24 октября 1765 года. Неделью спустя 200 виднейших купцов города Нью-Йорка передали гласности первое соглашение об отказе от ввоза английских товаров. Это был новый метод революционной борьбы, которому предстояло вновь и вновь играть важную роль в американской истории на протяжении полувека.

Купцы единодушно договорились о двух вещах: «во всех заказах, посылаемых ими в Великобританию на товары любого рода и сорта, обычно ввозимые из Великобритании, они дадут распоряжение своим корреспондентам не отправлять их, если закон о гербовом сборе не будет отменен»; и «никто из купцов не станет продавать каких-либо товаров, посланных на комиссию из Великобритании, в случае их отправки оттуда после 1 января следующего года», если закон о гербовом сборе не будет отменен. Одновременно виднейшие лавочники и розничные торговцы города обязались в публичном заявлении «не покупать ни у кого каких-либо товаров, которые будут отправлены из Великобритании после 1 января следующего года» — опять-таки если закон о гербовом сборе не будет отменен.

Тем временем по всем колониям прокатилась волна митингов и демонстраций во главе с вездесущими «Сынами свободы». Давление масс, порой доходившее до применения насильственных средств, имело своим результатом то, что к 1 ноября 1765 года — дате, когда закон о гербовом сборе должен был вступить в силу, — все сборщики налога во всех колониях отказались от своих постов.

В этот период «Сыны свободы» представляли такую силу — митинги вошли в систему, комитеты развили кипучую деятельность, для проведения в жизнь принятых решений избирались специальные уполномоченные, а печать вскоре доводила эти решения до сведения населения, — что профессор Лоренс Х. Гипсон, имея в виду Коннектикут, писал в своем биографическом исследовании «Джаред Ингерсол», что управление колонией фактически ушло из рук законно установленных властей; их место заступили своеобразные органы контроля в общественных делах, носившие резко выраженный революционный характер.

II

На протяжении тех же лет давление масс и народное возмущение вновь и вновь проявлялись и в других формах. Вспыхивали, например, явно политические забастовки, как забастовка нью-йоркских портовых рабочих против выгрузки английских транспортов в 1768 году и забастовка бостонских строителей против сооружения

в их городе укреплений для англичан. Иногда забастовки вспыхивали на почве крепнущего протеста против эксплуатации и тягот жизни. Это относится к нью-йоркским забастовкам портных 1768 года и строителей 1769 года, поднятым с целью добиться улучшения условий труда и повышения заработной платы.

В течение всех 60-х годов вновь и вновь происходили потасовки и настоящие сражения между городскими рабочими и вооруженными до зубов английскими солдатами (которые, поощряемые властями, отбивали работу у местных рабочих), особенно в городах Нью-Йорке и Бостоне. Не один рабочий был ранен и убит в этих столкновениях еще до самого крупного события такого рода, каким явилась «бостонская бойня» 5 марта 1770 года, когда английские войска убили пять рабочих, в том числе одного негра.

Именно на этом фоне раскрывается глубокий смысл сентенции священника-тори Джонатана Бучера, относящейся к 1773 году:

«В отношениях между хозяевами и рабочими, к их взаимному позору и урону, исчезли преданность и сердечность; и трудящиеся классы, вместо того чтобы видеть в богачах своих опекунов, патროнов и благодетелей, ныне глядят на них как на гробы повапленные и не считают зазорным их поносить».

Уместно отметить также, что среди студенчества решительно преобладали антиторийские настроения. Профессора Гофштадтер и Мецгер в своем выдающемся исследовании «Развитие академической свободы в Соединенных Штатах» (1955) подчеркивают: «Во всех национальных и колониальных революциях студенчество играло самую активную роль. Американские студенты не составляли исключения».

Революционные настроения студенчества обнаружались в учебных устных и письменных докладах, касавшихся таких дерзких тем, как право противодействия правителю-тирану, естественные права человека, договорная теория государства, вопрос о женском равенстве, справедливость или несправедливость негритянского рабства, вопрос о налогообложении без представительства. Репрессивные меры, которые в колледжах

XVIII столетия по сравнению с нашим столетием в большей мере носили характер жестоких физических вразумлений, вызывали бурную и энергичную оппозицию.

Показательным примером как репрессивных попыток, так и противодействия им служат события, развернувшиеся в Йейльском университете в 1760-х годах. Президент университета Томас Клэп, стремясь положить конец «буйству» студентов, в 1765 году установил жесточайшую дисциплину, ввел высокие штрафы за ее нарушение, увеличил плату за обучение, ухудшил питание и взял за правило немедленно вышвыривать вон непокорных. Большинство студентов выразили свои ответные чувства тем, что, явившись на дом к Клэпу, перебили окна и нанесли ему тяжелые увечья. Семестр 1766 года показал, что президент Клэп не научился уму-разуму. Тогда почти все студенты и большинство младших преподавателей покинули колледж и поставили перед ним дилемму: Клэп без студентов или студенты без Клэпа. В том же 1766 году Клэп подал в отставку, и учеба в Йейле возобновилась.

Самой массовой и прочной народной организацией в Новой Англии были беспрецедентные городские собрания. Вот почему они носили более радикальный и представительный характер, чем провинциальные ассамблеи и даже сам «Конгресс по поводу закона о гербовом сборе». Городские собрания принимали одну резолюцию за другой, выражая в них горячую поддержку предложениям о бойкоте и требованиям отменить все ненавистные законы.

Эти резолюции обычно содержали более левые теории государственного управления и политические предложения, чем теории и предложения конгресса, и во многих случаях служили предвестниками Декларации независимости.

Так, городское собрание Нью-Лондона (Коннектикут) 10 декабря 1765 года единогласно приняло резолюцию, где, между прочим, заявлялось:

«Когда эти границы преступаются, народ вправе вернуть себе отправление той власти, которой он обладал по естественному праву до того, как передал ее отдельным лицам.

Всякий налог, которым английские подданные облагаются без своего согласия, нарушает естественные права и преступает границы, предписанные английской конституцией...

Долг каждого жителя колоний — противодействовать всеми законными средствами исполнению этих навязанных им законов, а если зло не может быть исправлено иным способом — вернуть себе естественные права и власть, какими их наделили законы природы и законы бога».

Городское собрание Нью-Лондона не ограничилось провозглашением этих в высшей степени бунтовщических мыслей; весьма показательно, что далее оно сформулировало программу желательных действий. Программа состояла из трех пунктов, выраженных в директивах, которые отличали немногословность, сдержанность тона и вескость:

«Во-первых. Все должностные лица в нашей колонии обязаны должным образом отправлять вверенную им власть в соответствии с истинным духом английской конституции [как он был определен выше, разумеется] и законами нашей колонии.

Во-вторых. Всех должностных лиц, пренебрегающих своим долгом при отправлении служебных обязанностей, ждет справедливое негодование народа; те же, кто верен своему долгу, вправе рассчитывать на его защиту.

В-третьих. Предполагается, что никто не станет распространять публично, с церковной кафедры или иным образом, доктрину пассивного повиновения или любую иную доктрину, усыпляющую умы народа, внушая ему смиренно покоряться несправедливости и насилию».

Агитация против закона о гербовом сборе и последовавшее появление обществ «Сынов свободы» подготовили создание наиболее ранних самостоятельных политических объединений и партий мастеровых и ремесленников. Одной из первых среди них явилась Партия ремесленников Чарлстона (Южная Каролина), основанная не позднее 1766 года и руководимая Кристофером Гадсденом. Гадсден, один из самых выдаю-

щихся деятелей «Сынов свободы» на Юге, был делегатом «Конгресса по поводу закона о гербовом сборе», где выступил пионером идеи межколониального единства, решительно заявив, что «на нашем континенте не должно быть ни новоангличан, ни нью-йоркцев и т. д.; все мы должны считаться американцами».

Партия ремесленников Чарлстона просуществовала несколько лет и время от времени проводила своих кандидатов на публичные посты. Особо выдающуюся роль она сыграла, возглавив движение отпора «законам Тауншенда» в Южной Каролине и выдвинув на передний план метод экономического бойкота, к которому снова прибегли — и в более широких размерах — в конце 1767 года для борьбы против этих законов. К началу 1770-х годов не было ни одного крупного колониального города, не имевшего своей партии, ассоциации или комитета ремесленников. Это был новый орган, представлявший левое крыло в американской революционной коалиции. Члены политических объединений ремесленников неукоснительнее всех соблюдали соглашения не ввозить английские товары, ревностнее всех участвовали в работе различных комитетов — связи, инспекционных, безопасности. Именно они — как, например, Комитет ремесленников города Нью-Йорка — первыми выдвинули перспективу независимости от Англии.

III

Когда развернулось движение отпора «законам Тауншенда», колонисты смогли опереться на опыт борьбы против закона о гербовом сборе и на организационные формы, созданные для этой борьбы. Вот почему движение за отказ от ввоза английских товаров приобрело еще более широкие размеры, причем и на этот раз инициатива его исходила от левого крыла в колониальном движении протеста.

Снова появились на свет комитеты связи. К этому средству прибегла Массачусетская палата представителей, которая в феврале 1768 года направила всем остальным двенадцати колониям «циркулярное письмо», составленное Сэмюэлем Адамсом, где выражала протест против «законов Тауншенда» и других недавних англий-

ских законов, ограничивавших полномочия палаты, и вновь в резкой форме возражала против налогообложения без представительства. Когда в апреле «письмо» достигло Англии, правительство приказало Массачусетской палате, под угрозой роспуска, отречься от него, а всем остальным колониальным законодательным собраниям — отказаться принять его. Приказ никто не выполнил: Массачусетс отказался отречься от «письма», а остальные палаты — отвергнуть его. В итоге «письмо» и деспотический окрик, который оно исторгло у Англии, привели к еще более тесному сплочению колоний и их дальнейшему отчуждению от метрополии.

Результатом явился приказ, изданный в июне 1768 года, о размещении в Бостоне английских войск, а это в свою очередь непосредственно привело к появлению еще одного нового орудия революционной борьбы — провинциального конвента. При вести о приказе разместить войска городское собрание Бостона в сентябре приняло резолюцию о созыве провинциального конвента. Конвент действительно собрался, причем делегаты прибыли почти из ста городов Массачусетса; он заседал пять дней, выразил протест против английской политики и завершил свою работу 28 сентября 1768 года — в тот самый день, когда войска высадились в Бостоне.

Провинциальные конвенты появились и в других колониях (как, например, в Мэриленде в июне 1769 года), ассоциации бойкота возникли повсеместно, Виргинская палата граждан (в мае 1769 года) приняла несколько антипарламентских резолюций, составленных в самых решительных выражениях; автором их был Джордж Мэйсон, а внесены они были Джорджем Вашингтоном. С 1768 по 1769 год ввоз в колонии из Англии сократился наполовину.

Примечательно, что даже после того, как англичане отменили все положения «законов Тауншенда» — за исключением положения о таможенном обложении чая (исключением, чреватом важными последствиями), — народные вожди и массовые организации и партии жаждали продолжать бойкот, пока не будут отменены все ненавистные законы и не будет признан принцип: «никакого налогообложения без представительства». Купцы — вот кто первыми стали на путь отступничества

и потребовали прекратить бойкот, поскольку «законы Тауншенда» частично уже отменены. Бойкот был прекращен, но теперь нужна была лишь искра, чтобы органы революционного действия снова развернули кипучую деятельность.

Такой искрой послужили инцидент с «Гэспи» (о котором речь уже шла выше) и предпринятая англичанами попытка лишить колониальные законодательные собрания контроля в области финансов. Результатом явилось воссоздание в 1772 году движения «Ассоциаций» и учреждение во всех колониях в массовом масштабе комитетов связи [корреспондентских комитетов].

Комитеты связи развились из двух источников, имевших общую основу — оппозицию против разнузданного английского владычества. Как мы уже видели, орган этот возник как одно из орудий революционно-агитационного движения «Сынов свободы» 1760-х годов и в данной форме не имел официального или легального статуса. Кроме того, провинциальные законодательные собрания обычно образовывали постоянные комитеты, на обязанности которых лежало поддержание связи с представителями колоний в Англии в перерывах между сессиями законодательных собраний.

Когда дело с «Гэспи» придало новую силу движению отпора, законодательные собрания стали обязывать свои постоянные комитеты расширять круг своих обязанностей, устанавливая связь с такими же комитетами в других колониях. Формально это было сделано в марте 1773 года Виргинской палатой граждан, предложившей другим колониям поступить так же. В мае этому примеру последовала Массачусетская палата представителей, ибо, выражаясь словами самой палаты, «она в полной мере сознает необходимость и важность единства американских колоний... с тем чтобы можно было использовать их соединенную мудрость при обсуждении вопросов, касающихся их общей безопасности». К 1774 году такие комитеты были образованы всеми колониальными законодательными собраниями.

Одновременно по мере возникновения необходимости были воссозданы комитеты, основанные «Сынами свободы»; аналогичные комитеты были основаны также городскими собраниями по всей Новой Англии и местными органами управления других колоний. В итоге к

1774 году все населенные пункты колоний были связаны воедино с помощью официальных и неофициальных комитетов связи того или иного типа³.

Революционное решение вопроса о чае и отпор, оказанный «нестерпимым законам», которыми ответила Англия,— для всего этого снова были использованы уже знакомые революционные формы — комитеты связи, бойкот, провинциальные конвенты. Апогеем этого процесса, предсказанным Сэмом Адамсом еще в 1771 году и Франклином в 1773 году, явилось возрождение «Конгресса по поводу закона о гербовом сборе» в более величественной и высокоорганизованной форме, вошедшей в историю под названием первого Континентального конгресса. Конгресс собрал 56 делегатов из двенадцати колоний (не была представлена только Джорджия), заседавших с 5 сентября по 26 октября 1774 года в Филадельфии.

Тем временем шел процесс революционного преобразования колониальной милиции.

В одиннадцати колониях (исключение составляли Род-Айленд и Коннектикут) офицеры милиции назначались королевскими или собственническими губернаторами и потому придерживались торийской политической ориентации и возбуждали ненависть рядовых воинов. Вот почему вигские партии, клубы и организации принялись организовывать отряды «бойцов с первой минуты» («minutemen»), офицеры которых избирались и принадлежали к числу вождей антипарламентского движения. Даже в момент сражения при Банкер-Хилле (17 июня 1775 года) именно эта лишенная четкой организации, нелегально созданная народная милиция составляла костяк вооруженного отпора колоний.

IV

Теперь мы переходим к рассмотрению деятельности Континентального конгресса⁴, наиболее значительного революционного орудия американского происхождения, самое название которого вселяло ужас в дворцах Европы.

Непосредственным толчком к созыву Континентального конгресса послужили «нестерпимые законы», и в

первую очередь «закон о порте Бостона». Этим законом порт Бостона закрывался, так как «разные злокозненные личности» «разжигали» здесь «смуты и мятежи». Торговля запрещалась до тех пор, пока город не возместит убытки Ост-Индской компании и «не даст должного удовлетворения должностным лицам таможенного ведомства его величества». Закон был принят 31 марта 1774 года, достиг Бостона 10 мая и должен был вступить в силу 1 июня.

И сразу же начался организованный отпор. Городское собрание Бостона дало указание своему комитету связи направить письмо другим городам и колониям; бостонцы в нем протестовали против закона, клялись в своей непреклонной решимости стоять до конца и просили о поддержке. Уже 13 мая такое письмо, составленное Сэмюэлем Адамсом, распространялось по всему континенту; гонцы, вроде «Сына свободы» Пола Ривера, доставляли его со скоростью, на какую только были способны их кони. «Этот удар,— заявлял Бостонский комитет,— хотя и бьет непосредственно по нам, нацелен, вне всякого сомнения, на все остальные колонии, которые не передадут своих священных прав и вольностей в руки бесчестного правительства». Комитет решительно призывал «всех объединенными усилиями оказать отпор этому попранию вольностей *всех*» и предлагал прекратить торговлю с Великобританией.

Широкие массы в крупных городах откликнулись на письмо тем, что выступили с горячим одобрением отпора, бойкота и единства с бостонцами, однако богатая верхушка использовала все свое влияние, чтобы направить движение по пути «умеренности». В итоге города Филадельфия и Нью-Йорк, где комитеты уже имелись, но состав их теперь был расширен, послали Бостону ответы (соответственно 21 и 23 мая), в которых отвергли всякое соглашение о бойкоте английских товаров (в письме Филадельфии даже предлагалось возместить стоимость выброшенного в море чая) и призывали все колонии направить делегатов на всеобщий конгресс, чтобы совместно обсудить положение и добиться восстановления справедливости. Одновременно предложения о созыве всеобщего конгресса были приняты также городскими собраниями Провиденса (17 мая) и Ньюпорта (20 мая); 24 мая в пользу кон-

гресса высказалось и законодательное собрание Коннектикута.

Интересно отметить, что в пору, когда Соединенные Штаты все еще находились в зачаточном состоянии, консервативные силы стремились опереться на единый центр того или иного рода, используя его как средство ослабления сил местного радикализма; нельзя, однако, умолчать и о том, что стремление к единству вовсе не было монополией консервативных сил даже в этот ранний период.

Ответы Нью-Йорка и Филадельфии не удовлетворили большинство бостонцев, но они ободрили наиболее робкую и консервативную часть купечества. Явившись в небывало большом числе на городское собрание, созванное 30 мая для обсуждения ответов, «умеренные» попытались повести его за собой, но, как скорбно доносил английскому правительству генерал Гейдж, были «забаллотированы громадным большинством низшего класса». Позиция Бостона была непреклонной — никакого возмещения, никакого компромисса, полный бойкот. Чтобы провести бойкот в жизнь, был заключен «торжественный союз и договор»; специально назначенному комитету поручили собрать подписи всех глав семей о том, что они поддерживают союз и договор.

С решительной поддержкой политики энергичного отпора выступила Виргиния, самая густонаселенная колония. 24 мая Виргинская палата по предложению Томаса Джефферсона объявила день 1 июня «днем поста», поклялась противодействовать «всякому посягательству на права американцев» и охарактеризовала создавшееся положение как угрожающее Америке «ужасами гражданской войны». В ответ губернатор Данмор распустил палату, заявив при этом, что он не издаст указа о проведении новых выборов.

27 мая двадцать пять членов распущенной палаты собрались на заседание. Они решительно осудили «закон о порте Бостона» и предложили прекратить всякую уплату долгов Англии и игнорировать судебные предписания об их уплате, пока жалобы колоний не будут удовлетворены. Мало того, «охвостье» распущенной палаты официально предложило созвать в августе в Вильямсберге провинциальный конгресс для выбора делегатов на Континентальный конгресс.

Тем временем массы открыто выражали свои общие чувства. Типичным примером народных собраний, волна которых прокатилась по всем колониям весной и летом 1774 года, служит митинг в Фармингтоне (Коннектикут). Дело происходило 19 мая; местом сбора служил городской луг. Толпа, насчитывавшая «без малого тысячу людей», воздвигла 45-футовый «шест свободы», сожгла «закон о порте Бостона» и шумом одобрения утвердила принятие пяти резолюций: «все американцы» рады остаться в союзе с Англией, «коль скоро наш законный монарх, к особе которого мы питаем величайшее почтение, должным образом гарантирует, чтит и поддерживает наши вольности»; нынешнее правительство, составленное из людей, «чьи сердца жестоки и развращены», стремится «поработить нас на веки вечные»; «закон о порте Бостона» «несправедлив, незаконен и деспотичен», он ущемляет «всех американцев»; «сводни и паразиты», ответственные за эту меру, навлекли на себя «проклятия всех грядущих поколений»; наконец, «мы — сыны свободы» и всегда будем с презрением отвергать все попытки наложить на нас «оковы рабства».

Появились листовки, взывавшие прямо к труженикам города и деревни, как, например, листовка, выпущенная в конце мая 1774 года в Ньюпорте. Она имела заголовок: «Сплотимся или умрем», воскрешала в памяти победоносную борьбу против закона о гербовом сборе, решительно осуждала «закон о порте Бостона» и заявляла, что закрытие англичанами города «следует рассматривать в том же мрачном свете — как прямое, враждебное посягательство на права всех провинций континента». Со всех концов колоний в Бостон устремилась помощь. Новая Англия прислала скот и рыбу, Квебек — пшеницу, Каролины — рис. Типичным свидетельством этой действенной солидарности служит скромный, короткий абзац из «Пенсильвания джорнэл» от 14 сентября 1774 года:

«Фермеры, живущие в Аллентауне и Фрихолде (Нью-Джерси) и окрестностях этих городов, открыли подписку для оказания помощи Бостону и за самое короткое время собрали столько зерна, что нагрузили целый шлюп, отплывший на прошлой неделе из Элизабеттауна в Сейлем».

В сентябре 1774 года генерал Гейдж писал своему высшему начальству в Англию: «Эта провинция [Массачусетс] так поддерживается и подстрекается другими, что большинство этого не может себе представить, а предвидеть подобный оборот дел и вовсе никто не мог». Новую силу этой поддержке придавало стойкое поведение самих бостонцев, которые в свою очередь черпали в ней новую силу. Так, когда Гейджу понадобились рабочие для строительства казарм, предназначавшихся его солдатам, в Бостоне не нашлось ни одного желающего, хотя в городе свирепствовала безработица. Усилия Гейджа сковывал и саботаж — то поджигали солому, из которой изготовлялись солдатские матрацы, то уничтожали транспортные средства, на которых подвозились материалы для строительства казарм.

В июне в ряде колоний начались выборы делегатов на Континентальный конгресс, созыв которого был намечен в Филадельфии на начало сентября. Коннектикутская палата 3 июня уполномочила свой комитет связи отобрать делегатов, что тот и исполнил 13 июля. Генеральная ассамблея Род-Айленда избрала своих делегатов 15 июня; Массачусетская палата провела выборы два дня спустя за закрытыми дверями (ключ находился в кармане Сэма Адамса), в то время как посланец генерала Гейджа, имевший при себе приказ о роспуске этого органа, тщетно пытался попасть в помещение. В августе делегация была избрана законодательным собранием Пенсильвании; делегация от Южной Каролины была избрана массовым собранием, проведенным в Чарлстоне, а затем его решение было утверждено провинциальной палатой.

Нью-Йоркская ассамблея была распущена, и поэтому делегаты были избраны от города Нью-Йорка и округов Уэстчестер, Датчес, Олбани, Ориндж, Суффолк и Кингс; проведение выборов, носивших довольно бессистемный и безусловно незаконный характер, взяли на себя разные *ad hoc** комитеты, «Сыны свободы» и другие организации. В Нью-Гэмпшире, Нью-Джерси, Мэриленде, Делавэре, Северной Каролине и Виргинии делегаты были избраны нелегальными провинциальными конгрессами, созванными специально с этой целью.

* Для данного случая (лат.). — Прим. перев.

В свою очередь делегаты *этих* провинциальных собраний были избраны местными — обычно в масштабе округа — конвентами, так что в создании главного межколонийского революционного органа — Континентального конгресса — участвовала действительно вся страна. Виргинский конвент, заседания которого происходили с 1 по 6 августа 1774 года, был одним из нескольких аналогичных конвентов, проведенных тем же летом. Он выполнил два дела: выбрал семь делегатов на всеобщий конгресс и выработал для них наказ, а также заключил от имени колонии «Ассоциацию», то есть соглашение о бойкоте английских товаров и, несколько позднее, о полном запрете экспорта в Англию и работоторговли начиная с 1 ноября 1774 года. «Ассоциация» потребовала письменного обязательства от всех купцов и торговцев, поручив комитетам округов наблюдать за соблюдением ее целей и публиковать имена всех нарушителей «как недругов нашей страны».

В наказе, данном виргинской делегации, повторялась коренная позиция американских колоний по вопросу о характере имперских взаимоотношений, подтверждалась необходимость экономических санкций и в самой решительной форме осуждались действия генерала Гейджа, который заклеил как измену проведение конвентов в Массачусетсе. Если губернатор даст ход обвинению в измене, предостерегала Виргиния, он разоблачит себя как «деспотический вице-король... поправший всякую законность» и своими действиями оправдает «отпор и возмездие» со стороны колоний.

Все эти незаконные провинциальные ассамблеи не ограничивались выборами делегатов на Континентальный конгресс; по существу они облекали себя верховной политической властью, по крайней мере в ее зачаточной форме. Другой пример такого развития событий являет собой Мэриленд. 31 мая 1774 года городское собрание Балтимора предложило созвать общепроvincialный конгресс, члены которого должны были представлять все округа и быть облечены полномочиями предпринимать любые действия, какие могла потребовать обстановка. Не прошло и месяца, как 92 выборных делегата собрались в Аннаполисе; им в дальнейшем принадлежала фактическая власть в масштабе всей колонии. Формально конгресс присвоил себе рево-

люционную власть только 26 июля 1775 года, но к тому времени он уже фактически правил на протяжении тринадцати месяцев.

V

Вот как были избраны и вот в какой обстановке 5 сентября 1774 года собрались в Филадельфии 56 делегатов от двенадцати недовольных колоний (все усилия Джорджии послать делегатов оказались безуспешными). Только один из 56 родился за пределами Америки (он был родом из Уэльса); свыше половины (30) составляли адвокаты, остальные распределялись следующим образом: девять плантаторов, девять купцов, три чиновника, три мельника, землемер и плотник.

Деление конгресса на радикалов и консерваторов, обнаружившееся уже в период подготовки к его созыву, проявилось буквально с первых шагов его деятельности. Так, при обсуждении вопроса о месте заседаний Джозеф Гэллоуэй, богатый купец и земельный спекулянт — спикер Пенсильванской ассамблеи и лидер правой группировки, — решительно настаивал на том, чтобы конгресс воспользовался зданием законодательного собрания колонии. Однако левые одобрительно отнеслись к предложению городских плотников воспользоваться их сборным пунктом, выдвинув в качестве довода, что принятие этого предложения было бы «в высшей степени лестно для ремесленников и горожан вообще». Левые взяли верх, и здание ассоциации плотников обрело бессмертную славу.

Правые полагали, что съезд должен принять более пышное название, нежели сугубо деловое «конгресс»; но простота была достоинством в глазах левых, и название «конгресс» осталось. Правые решительно настаивали на том, чтобы председатель конгресса, избранный делегатами, титуловался в соответствии с аристократическими традициями, вроде «его высочество», «его величество» и т. п. Левые же полагали, что выборный председатель — это просто президент и что такой титул вполне приличествует конгрессу, и название «президент» было принято конгрессом.

Особенно жаркие споры на стадии конституирования первого Континентального конгресса вызвал вопрос о

кандидатуре секретаря. Джозеф Гэллоуэй поддерживал кандидатуру консервативного адвоката из Коннектикута Сайласа Дина⁵, в то время как левые хотели назначить на этот пост Чарлза Томсона (хотя он и не был делегатом конгресса), выдающегося вожака масс Филадельфии. Прошла кандидатура Томсона, и он занимал этот пост вплоть до 1789 года, когда начал свою жизнь конгресс, созданный на основе новой конституции.

Все эти поражения правых по сугубо техническим вопросам предвещали их поражение и по крупным, существенным вопросам, к обсуждению которых перешел конгресс. И опять борьба разгорелась вокруг предложения, внесенного Джозефом Гэллоуэем, о «союзе между Великобританией и колониями». Основным в этом предложении было создание второго парламента — так сказать, для внешних дел, во главе с «генеральным президентом», назначаемым королем. Парламент этот должен был избираться каждые три года ассамблеями всех колоний Английской Америки и получить полный контроль над «общей политикой и всеми делами колоний» в гражданской, торговой и уголовной областях, когда эти дела носили межколониальный характер или касались Англии и одной или нескольких колоний. Постановления или законы, относящиеся к колониям, могли приниматься новым или старым парламентом, но для того, чтобы такие акты получали законную силу, требовалось согласие обоих органов.

По плану Гэллоуэя развернулись горячие дебаты, и в конце концов он был отвергнут (большинством в один голос) — главным образом в силу громоздкости создаваемой им системы и того, что он оставлял слишком большую власть над колониями в руках короля и парламента.

Пока представители колоний в провинциальных конвентах и Континентальном конгрессе дебатировали и организовывали свои силы, английское правительство, разумеется, не сидело сложа руки. Оно принялось неукоснительно проводить в жизнь «нестерпимые законы» и послало генералу Гейджу подкрепления — корабли и войска.

В ответ на все эти действия, в первую очередь на посылку военных подкреплений, население Массачусетса привело ряд собраний городского и окружного масшта-

ба, чтобы сплотить свои силы и сообща определить линию своего поведения. В самый канун открытия Континентального конгресса два таких значительных собрания были проведены в округах Мидлсекс и Суффолк, и их резолюции были направлены собравшемуся вскоре конгрессу.

Мидлсекский документ, где подтверждалась непреклонная решимость населения колоний противодействовать «нестерпимым законам», достиг Филадельфии девять дней спустя после открытия заседаний конгресса и вызвал большое возбуждение. Но еще через два дня в Филадельфию въехал верхом на коне Пол Ривер с «Суффолкскими резолюциями», и они произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Внимание привлекло уже то, что резолюции принадлежали перу Джозефа Уоррена и Сэмюэля Адамса — людей, пользовавшихся заслуженной славой на всем континенте, но главное — Суффолк был округом, на территории которого находился Бостон, и таким образом резолюции принесли свежие вести непосредственно из города-мученика.

«Суффолкские резолюции» были составлены с позиций, каких держались левые в конгрессе, и массачусетская делегация сразу же потребовала, чтобы конгресс одобрил их. Резолюции подтверждали волю населения округа не подчиняться «нестерпимым законам». Неподчинение королю и парламенту обосновывалось «законом природы» и теорией общественного договора, согласно которой монарх, игнорирующий или попирающий этот закон, вырождается в тирана. Наконец, резолюции требовали в качестве ответной меры прекратить всякую торговлю с Англией. В глазах Джозефа Гэллоуэя, как он сам писал в 1780 году, резолюции представляли по существу открытое выражение изменнических помыслов. Но так как в глазах большинства конгресса эти резолюции представляли воплощение того, чего оно само жаждало, отстаивая права колоний, они были одобрены.

Отвержение плана Гэллоуэя и одобрение «Суффолкских резолюций» подготовили почву для деклараций и практических действий самого конгресса. Правда, конгресс заседал недолго — с 5 сентября по 26 октября, но он часто начинал работу в шесть часов утра, заканчивая ее в десять вечера, почему и сумел выполнить уйму дел.

Конгресс принял «верноподданническое» обращение к королю, обращение к народу Великобритании, еще одно обращение к населению континентальных колоний Английской Америки, не представленных на конгрессе,— Квебека, Новой Шотландии, Джорджии и (Восточной и Западной) Флориды. Конгресс постановил собраться вновь, если нужды американцев не будут удовлетворены к 10 мая 1775 года, принял «Декларацию прав и нужд колоний» и разработал план «Ассоциации».

Эти «Декларация» и «Ассоциация» имели исключительно важное значение. Первая, принятая единогласно 14 октября 1774 года, заявляла, что колонисты обладают всеми правами и привилегиями англичан, требовала отмены «нестерпимых законов», повторяла доктрину «никакого налогообложения без представительства» и, основываясь на «непреложных законах природы», настаивала на том, что колонистам «принадлежит право на жизнь, свободу и собственность» и что они «никогда не должны уступать какой бы то ни было верховной власти права распоряжаться ими без своего на то согласия». «Декларация» заканчивалась заявлением, что колонисты «пока решили действовать лишь... мирными средствами», главным из которых являлось «заключение соглашения или ассоциации не ввозить и не потреблять английских товаров и не вывозить своих товаров в Англию».

VI

«Ассоциация первого Континентального конгресса», принятая 20 октября 1774 года, принадлежит к числу 10—12 важнейших государственных актов в американской истории. В большей мере, чем всякая другая официальная декларация, «Ассоциация» фактически положила начало Американской революции.

«Вернейшие подданные его величества», повторяя в этом документе клятвы в своей «преданности его величеству», вместе с тем выражали глубокую скорбь по поводу «разорительной системы управления колониями», установленной его министрами, особенно после 1763 года. Систему эту документ охарактеризовал как «имеющую очевидной целью поработить население американских колоний, а затем и всей Британской империи вообще»,

Чтобы добиться уничтожения всех этих бед и дать отпор политике порабощения, конгресс объявил о заключении «соглашения не ввозить и не потреблять английских товаров и не вывозить своих товаров в Англию», которое он обязался провести в жизнь «во имя святых уз добродетели, чести и любви к родине». Делегаты постановили с 1 декабря 1774 года прекратить всякий ввоз товаров из Великобритании и Ирландии, равно как и ввоз товаров английского и ирландского происхождения, экспортируемых через посредство других стран. Было постановлено также не ввозить ост-индского чая, индиго и рабов ни из какой страны и бойкотировать большинство важных продуктов Британской Вест-Индии.

В качестве «действенной гарантии в исполнении соглашения не ввозить английских товаров» делегаты постановили не покупать и не потреблять перечисленных выше товаров. Кроме того, они постановили, что если законы, вызывающие недовольство колоний, не будут отменены, с 1 октября 1775 года будет прекращен и вывоз товаров в Великобританию, Ирландию и Вест-Индию.

Затем «Ассоциация» самым детальным образом перечисляла, как должны соблюдаться ее соглашения. Она предписывала строго определенную линию поведения купцам, судовладельцам и розничным торговцам, требовала развивать местную промышленность и призвала население воздерживаться от роскошеств всякого рода. «Ассоциация» предостерегала против повышения цен и заявляла, что те, кто станет запрашивать за свои товары больше, чем они стоили в прошлом году, сами будут подвергнуты бойкоту.

«Ассоциация» предусматривала также создание аппарата для претворения ее в жизнь, тем самым приведя в движение то, что стало действенным орудием революции, уступавшим в этом отношении лишь армии. Это было сделано в следующих двух абзацах:

«В каждом округе и каждом большом и малом городе лица, пользующиеся правом выбора членов законодательных собраний, должны избрать особый комитет для бдительного наблюдения за отношением всех американцев к настоящей «Ассоциации»; и когда большинство такого комитета убедится, что

то или иное лицо из числа жителей их участка нарушило настоящую «Ассоциацию», комитет должен незамедлительно оповестить об этом через газеты, для того чтобы все знали противников прав американских колоний и презирали их как врагов американской свободы, после чего мы все прекратим всякие сношения с такими лицами.

Комитеты связи во всех колониях должны часто проверять таможенные записи о ввезенных товарах и время от времени обмениваться друг с другом такими сведениями, равно как и всякими иными, имеющими касательство к настоящей «Ассоциации».

«Ассоциация» заканчивалась рекомендацией провинциальным конвентам и комитетам «издать дополнительные правила и распоряжения, какие они найдут нужными для приведения в исполнение настоящей «Ассоциации».

Создание «Ассоциации» подтверждает оценку Бёрнетта:

«Возникнув как консультативная ассамблея нескольких колоний, как трибуна, с которой они могли заявить об их общих нуждах и общих желаниях, конгресс вскоре стал активной руководящей силой процесса развития движения, сплотивавшего эти несколько зависимых политических единиц в борьбе за достижение своих общих целей».

VII

Деятельность самочинного Континентального конгресса была поддержана такими же самочинными конвентами и провинциальными конгрессами. Во всех колониях — за исключением Джорджии, не представленной на конгрессе, и Нью-Йорка, представленного лишь частично, — с санкции либо провинциальной ассамблеи, либо ассамблеи-«охвостья», либо Генерального комитета связи создавались местные инспекционные или наблюдательные комитеты либо комитеты безопасности (названия разнились в разных районах). С введением в действие «Ассоциации» даже в Джорджии и Нью-Йорке во многих населенных пунктах возникали такие комите-

ты, развернувшие активную деятельность без всякой официальной санкции.

Комитеты эти являлись по существу органами власти, ибо только в качестве таковых они могли провести в жизнь широкую программу «Ассоциации». А в ходе выполнения этой своей главной обязанности комитеты — особенно по мере активизации Англии и тори — возложили на свои плечи все бремя борьбы колоний.

Вот как описывал положение губернатор Виргинии Данмор, обращаясь 24 декабря 1774 года к лорду Дартмуту:

«Во всех округах избраны комитеты, в обязанности которых входит осуществление «Ассоциации» конгресса, а те присваивают себе власть проверять книги, накладные и все иные секреты... купцов, следить за поведением всех жителей... допрашивать их по всем делам... и клеймить... тех, кого они изобличают в нарушении «законов конгресса», как они их дерзко величают... Каждый округ вооружает роту с нескрываемой целью защищать свой комитет, а если потребует случай, то и использовать ее против правительства».

Проведение в жизнь решений «Ассоциации» не ввозить и не потреблять английских товаров и не вывозить своих товаров в Англию требовало детальной и постоянной инспекции и административной деятельности. Это делалось часто грубовато, хотя и энергично, и во всех случаях — без всякой юридической санкции, как считали те, кто рассматривал колонии юридически (и вместе с тем ограниченно и нереалистически) как все еще подчиненные королю и парламенту.

Имея в виду эту деятельность, профессор Бёрнетт заметил: «Как жаль, что мы не смогли избежать этой мерзкой главы нашей «Славной революции!» Многие позднейшие историки выказали ту же сентиментальность, полностью обойдя молчанием эту «мерзкую главу».

Но как можно было провести в жизнь «Ассоциацию», не проводя ее в жизнь, и дать отпор английской политике военного подчинения колоний, не давая ей отпора, — эти вопросы такие историки оставляют без ответа. Однако население американских колоний было настроено решительно. Оно ставило и решало эти вопросы, и ре-

шения на деле часто бывали грубыми, иногда произвольными, а в редких случаях даже жестокими.

В городах и селах организация движения отпора, охватившего все колонии, была возложена на местные комитеты, куда вошли выдающиеся патриоты. В случаях, когда бойкоту оказывалось противодействие, в ход пускались такие средства, как личные визиты и увещания, посылка массовых депутаций, открытые заявления (особенно в оживившихся газетах) о нежелании иметь какие-нибудь дела с противниками бойкота, а иногда и карательные меры, направленные против собственности или личности, а то и против того и другого. К счастью, смертью дело кончалось, судя по всему, очень редко. Даже во время самой революции случаи казни политических противников революционными правительствами, хотя они и имели место (несколько случаев казни тори произошло даже в послереволюционные годы), представляли собой редкое исключение. Более подробно об этом речь пойдет ниже.

Иные присоединились к движению «Ассоциации» не потому, что они разделяли его цели, а из страха или тактических соображений. Показательна дневниковая запись Джеймса Аллена, отпрыска крупного филаделфийского купца: «Мое решение в принципе присоединиться к ним объясняется тем, что иначе человек считается подозрительным; и я предпочел взвалить мушкет на плечи и быть с ними заодно; а еще я полагаю, что благоразумные люди, смешавшись с ними, сумеют поддержать среди них порядок».

К тем, кто упорствовал в противодействии народному движению, применялись иные средства убеждения, нейтрализации или принуждения. Вот снова несколько типичных примеров. В Вустере (Массачусетс) на исходе 1774 года все кузнецы — числом 43 — публично обязались «не исполнять никакой работы или дела тем, кого принято называть тори».

Пример другого рода иллюстрирует абзац из протерийской нью-йоркской газеты «Гейнс меркюри» от 27 февраля 1775 года:

«Вот какой случай произошел не так давно. Кларка, из Рединга [Коннектикут], джентльмена, известного непоколебимой преданностью королю и

конституции, схватили в Хартфорде и — какой несмыаемый позор для блюстителей порядка этого города! — пронесли на перекладине по приходу. От этого истязания он несколько раз терял сознание. А когда наконец мучители отпустили Кларка и его осмотрел доктор Тидмарш, тот оказался настолько изувеченным, что это не поддается никакому описанию. Да еще и доктору угрожали такой же расправой — и все за человеколюбие к страдальцу, чьей единственной виной было то, что он почтительно отзывался о короле и его правительстве».

Кларк отделался еще легко, так как людей в его положении частенько окунали в бочку с дегтем и вываливали в перьях после или до прогулки верхом на перекладине, а по мучительности и опасности одно стоило другого.

В случае другого рода был замешан некий Р. Х. (единственное, что мы знаем о его личности) из округа Кент (Делавэр). Сей джентльмен стяжал печальную известность среди окрестных жителей как автор так называемого «Кентского письма», опубликованного в начале 1775 года на страницах «Хамфрис леджер» и утверждавшего, что большинство населения округа Кент выступает против революционных действий.

Окружной комитет связи вступил в контакт с г-ном Р. Х., убедил его в том, что он ведет себя неподобающе, и потребовал от него доказать свое раскаяние, послав письмо комитету с признанием своих заблуждений. 2 мая 1775 года Р. Х. представил такое письмо комитету. В нем он заявлял, что текст его «Кентского письма» был «несколько изменен по сравнению с оригиналом», что он «не намеревался публиковать его» и «вообще искренне сожалеет, что написал его и что оно появилось в печати». Р. Х. закончил свое письмо комитету выражением надежды, что «мне простят это первое и — о чем я постараюсь — последнее прегрешение такого рода».

Председатель комитета связи, посоветовавшись с несколькими другими членами, передал письмо на рассмотрение окружного инспекционного комитета. Последний уведомил Р. Х., что он внимательно ознакомился с его письмом «и единогласно признал его неудовлетворительным». Комитет мало интересовали душевные терзания

Р. Х.; его интересовало лишь утверждение Р. Х. о настроениях большинства населения округа Кент. Утверждение это появилось в печати, оно было лживо, а Р. Х. не отрекся от него в своем письме. Поэтому, говорилось в ответе комитета, «вам надлежит явиться на следующее заседание комитета, имеющее быть во вторник 9-го сего месяца в Довере, Френч-Беттелс, и дать комитету такое удовлетворение, которое позволило бы ему снять со славного населения нашего округа клевету, содержащуюся в письме, и оправдать его в глазах публики».

Р. Х. в назначенное время и в назначенное место «явился на заседание комитета», но протоколы его не сохранились. Однако результатом этого визита явилось новое и совершенно иное письмо Р. Х. комитету, датированное 9 мая и вскоре обнародованное. На этот раз Р. Х., «выражая сожаление и раскаяние в своей слабости и безумии», «признавал», что он был автором так называемого «Кентского письма», «опубликованного без моего на то согласия и в подправленном виде». Р. Х. теперь уже объявлял во всеуслышание, что он

«ныне убежден, что политические взгляды, высказанные в письме, были основаны на грубейшем заблуждении; особенно же злостный поклеп — будто «если бы ныне было поднято знамя короля, то под него стали бы девять жителей из десяти», который мог быть внушен лишь полной утратой рассудка. Правда, население нашего округа всегда выказывало ревностную преданность особе его величества и его правительству и, когда он поднимал свое знамя за справедливое дело, с готовностью стекалось под это знамя; но когда речь идет, как в моем суровом рассказе, о народе, ставшем жертвой несправедливости, мир свидетель, что никто так не готов противодействовать тирании или стать в первые ряды борцов за свободу, как жители округа Кент».

Р. Х. закончил мольбами о прощении и обещанием, что он никогда больше не выступит «против похвальных мер, к которым были вынуждены прибегнуть мои соотечественники во имя спасения американской свободы».

По этому письму было «принято единогласное решение, что комитет полагает вышеприведенное раскаяние вполне удовлетворительным».

Одновременно с преобразованием всего духа и форм управления колониями на местном уровне аналогичные процессы происходили не только в плане Континентального конгресса, но и во всех колониях как едином целом.

Так, в Массачусетсе губернатор генерал Гейдж в сентябре 1774 года издал необходимые указы о выборах в Палату представителей. Выборы состоялись, но их результаты пришлось не по нутру губернатору, а большинство членов Совета, назначавшихся королем, сложили с себя полномочия; поэтому губернатор отказался встретиться с новой палатой и отдал приказ о её роспуске даже до того, как она собралась.

Большинство избранных членов, не убоившись губернатора, собрались на правах провинциального конгресса и приняли ряд резолюций — фактически законов, поскольку население действовало в соответствии с ними, — предусматривавших меры по вооруженной обороне колонии.

10 ноября 1774 года губернатор обнародовал свое заявление, в котором говорилось:

«Поскольку лица, незаконно собравшиеся в октябре в Кембридже, назвав себя провинциальным конгрессом, в самой вызывающей и дерзкой форме присвоили себе полномочия и функции власти, независимой и враждебной власти его величества, законно и конституционно установленной в настоящей провинции, и стремясь ниспровергнуть таковую...»

И далее все благонамеренные и верные подданные короля предостерегались, что действия конгресса являются изменой и что поддержка их также наказуется как измена.

Однако население внимало конгрессу, а не этому заявлению. «Ассоциация» получила широкую поддержку, были приняты меры по подъему местного производства, назначены генералы, сформированы милицейские роты, заготовлены военные припасы, в городах и деревнях возникли добровольческие вооруженные отряды, присвоившие себе название «бойцов с первой минуты». Вот, например, соглашение, заключенное 24 января 1775 го-

да бойцами добровольческого вооруженного отряда жителей Ипсвича (Массачусетс):

«Мы, нижеподписавшиеся, добровольно вступаем в ряды «бойцов с первой минуты», чтобы по первому сигналу быть готовыми к военным действиям. И мы обещаем и обязуемся, что каждый из нас незамедлительно обзаведется исправным ружьем, штыком, подсумком, ранцем и боевыми патронами».

Ополченцы Ипсвича обещали по меньшей мере два раза в неделю проходить военные учения и подчиняться избранным ими офицерам. Офицер или солдат, пренебрегающий своими обязанностями, подлежал штрафу «в размере двух шиллингов законными деньгами в пользу роты». Соглашение сопровождалось следующим подстрочным примечанием: «Имеется в виду, что если будет набрано девять рот по 50 бойцов в каждой, то упомянутые офицеры рот «бойцов с первой минуты» выберут своих штаб-офицеров* в соответствии с предложением провинциального конгресса».

Одновременно с мерами по вооружению патриотов революционные комитеты и конвенты осуществляли разоружение тори. Типичный газетный отчет о действиях этого рода мы находим в «Пенсильвания пэкиг» от 5 июня 1775 года (само событие имело место 24 мая):

«В нынешнем критическом положении наших общественных дел было признано весьма разумным, чтобы все лица, известные как враги прав и привилегий нашей страны, помогавшие осуществлению гнусных планов деспотического правителя и развращенного правительства или подстрекавшие к этому, были разоружены и, насколько это в наших силах, лишены возможности дальше творить зло. Между тем в Вустере (Массачусетс) в прошлый понедельник на улицах были замечены вооруженные тори. Их заставили сдать оружие комитету связи и, строго-настрого приказав не покидать город и не собираться вместе без особого на то разрешения, отпустили».

В Мэриленде губернатор отказался провести выборы или санкционировать созыв каких бы то ни было

* Офицеры в чине не ниже майора и не выше полковника. — *Прим. перев.*

ассамблей; поэтому революционный провинциальный конгресс, члены которого были избраны нелегально, в 1775 году возложил на себя фактическое управление колонией. В провинции Нью-Йорк бразды правления взял на себя провинциальный конгресс, а в городе Нью-Йорке правил «Комитет ста». Королевский губернатор бежал из этого города на Лонг-Айленд; английский офицер, командовавший местными войсками — королевским Ирландским полком, ряды которого заметно поредели от дезертирства солдат к патриотам, — перебазировал их на борт военных кораблей, стоявших в гавани.

В Пенсильвании с января 1775 до июня 1776 года, когда было создано совершенно новое правительство, установилось по сути дела двоевластие. Одновременно со старой ассамблеей существовал провинциальный конвент с постоянным комитетом связи, и этот самочинный орган служил силой, толкавшей ассамблею на путь самодемократизации и сближения с патриотами. Однако процесс этот шел слишком медленно, и дело кончилось устранением старого правительства Пенсильвании и заменой его новым, созданным на основе весьма прогрессивной конституции 1776 года.

В 1774 году, как мы видели ранее, провинциальный конгресс Виргинии уже обладал всей полнотой власти, не имея лишь законной санкции. В декабре того же года королевский губернатор лорд Данмор заявил, что власти короля пришел конец, а сам укрылся на одном из военных кораблей, находившихся в районе Норфолка. В начале 1775 года по всей Виргинии прошли выборы во второй провинциальный конвент. Он собрался в марте 1775 года и стал фактически революционным правительством Виргинии. Именно этот конвент страстно реагировал на слова Патрика Генри: «Я же заявляю: дайте мне свободу или смерть!»; и именно этот конвент взял на себя подготовку Виргинии к вооруженному сопротивлению, повторяя в то же время, что он хочет примирения с Англией.

В 1775 году провинциальные конгрессы были созваны даже в далекой и малонаселенной Джорджии. Действительно, три таких конгресса были созваны в течение этого года, а делегаты четвертого собрались в январе 1776 года. Конгрессы эти стали фактически правительствами Джорджии, а в периоды, когда они не заседали, от

их имени действовали: Совет безопасности — в общепро-
винциальном масштабе и так называемые приходские
комитеты — в местном. Все эти органы осуществляли за-
конодательные, исполнительные и судебные функции,
формировали милицию, ведали сношениями с индейцами,
добывали средства, выпускали деньги, вели революцион-
ную пропаганду и принимали меры контроля над тори.

Так Джорджия управлялась до апреля 1776 года,
когда был создан более официальный, но все еще вре-
менный механизм власти, в 1777 году уступивший место
республиканскому правительству, предусматривавшему-
ся принятой тогда конституцией штата.

Все эти провинциальные конвенты не только внима-
ли возвышенным речам вроде той, какая была произне-
сена Патриком Генри, и занимались не только такими
высокими вопросами, как выборы делегатов на Конти-
нентальный конгресс и выработка для них наказа. Они
(в качестве действующих правительственных органов)
выслушивали также просьбы отдельных рядовых жите-
лей и занимались вопросами, касавшимися их хлеба на-
сущного. И опять единичный пример может проиллюст-
рировать эту сторону дела.

Протокол заседания Мэрилендского провинциального
конвента от 28 июля 1775 года содержит такую запись:

«Зачитана и рассмотрена петиция Патрика Грэхема из округа Чарлз, портного, просящего «отменить приговор комитета округа Чарлз и восстановить его в привилегиях гражданина». Постановлено дозволить упомянутому Патрику Грэхему заниматься своим прежним ремеслом портного, а также покупать провизию и все остальное, необходимое для жизни его семьи. Дозволить также упомянутому Патрику Грэхему получать все справедливые долги, причитающиеся ему, а всем лицам — обращаться к услугам упомянутого Патрика Грэхема как портного и продавать ему провизию и все остальное, необходимое для его семьи. Но упомянутому Патрику Грэхему не дозволено заниматься какой-либо торговлей, пока настоящий или иной будущий конвент не решат иначе».

Так революционные комитеты, конвенты, партии, общества превращались в местные, провинциальные и кон-

тинентальные революционные организации и в конце концов — в органы власти.

И когда на исходе 18 апреля 1775 года генерал Гейдж направил (пребывая в ложном убеждении, что он действует в полной тайне) сильный контингент войск, чтобы конфисковать военные припасы в Конкорде и арестовать двух политических беглецов — Джона Хэнкока и Сэмюэля Адамса, о пребывании которых в доме одного священника генералу Гейджу доложил Бенджамин Черч — один из полдюжины «ведущих патриотов» Массачусетса, являвшийся английским агентом, войска эти встретили решительный отпор.

IX

В дни, когда разыгрались сражения при Лексингтоне и Конкорде, делегаты второго Континентального конгресса, созыв которого был назначен на 10 мая, уже находились на пути в Филадельфию. На этот раз делегаты были избраны не провинциальными ассамблеями, а революционными конгрессами или конвентами, о которых мы уже говорили, и представляли все тринадцать колоний. Нью-Йорк был официально представлен многочисленной делегацией, включавшей Джорджа Клинтона, Роберта Р. Ливингстона и Филиппа Скайлера. Джорджия была представлена лишь одним делегатом — Лайменом Холлом из прихода Сент-Джон, но не надо забывать, что на конгрессе 1774 года от этой колонии вообще никто не присутствовал. Другие делегации были усилены по сравнению с прошлым конгрессом. Так, от Виргинии прибыл Томас Джефферсон, от Массачусетса — Джон Хэнкок, а среди делегатов Пенсильвании теперь присутствовал Бенджамин Франклин.

Наказы делегатам в 1775 году были яснее и определеннее, чем прошлой осенью. Как правило, делегаты уполномочивались, выражаясь словами наказа Массачусетса, «декретировать такие дальнейшие меры, какие они признают наилучшими для восстановления и утверждения прав и вольностей американцев, а также для возрождения гармонии между Великобританией и колониями».

Конгресс этот оставался конгрессом Соединенных колоний, а затем — Соединенных Штатов вплоть до 1789 года, когда в городе Нью-Йорке собрался первый

конгресс, избранный на основе конституции, действующей и поныне.

В первые же недели существования нового конгресса, весной 1775 года, процесс его преобразования из революционного консультативного органа в революционное центральное правительство, начавшийся уже на первом Континентальном конгрессе, значительно продвинулся вперед.

Ведь к этому времени уже начались военные действия, и все колонии, узнав о событиях при Лексингтоне и Конкорде (а весть о них была с поразительной быстротой разнесена сотнями комитетов, связывавших континент воедино), сплотились в деле поддержки Массачусетса. Один за другим возникали животрепещущие вопросы, требовавшие немедленного ответа. Давать ли отпор англичанам с оружием в руках? И если давать, то как сформировать и оснастить армии, как их оплачивать, как обеспечить офицерским составом? Как сформулировать цели отпора? Как добыть необходимые средства?

Ответить на все эти вопросы — это значило создать континентальную армию, назначить самого опытного и прославленного воина колоний — Джорджа Вашингтона из Виргинии — ее главнокомандующим, наладить выпуск денег, отвергнуть выдвинутые лордом Нортом условия «примирения», приступить к регулированию торговли, рассмотреть (но временно не принимать) предложенные Франклином «Статьи конфедерации».

Все это вытекало из утвердившегося в правящих кругах Англии мнения, что движение в Америке — это по существу измена, плод злокозненных действий горстки извергов и бандитов, перетянувших на свою сторону с помощью террора, запугивания или обмана многих из «толпы». На этот случай Британская империя имела привычный метод действий: насильственное подавление, суровый «суд», сохранение колониального режима.

В ответ «мятежные главари совращенной черни», собравшиеся на своем конгрессе, 6 июля 1775 года обнародовали «Декларацию причин и необходимости взяться за оружие», составленную главными представителями левых и правых на конгрессе — Томасом Джефферсоном и Джоном Дикинсоном.

Здесь (в который раз!) перечислялись нужды колонистов и угнетательские действия короны. Притеснения эти, говорилось в Декларации, достигли своей крайней степени в вооруженных нападениях при Лексингтоне и Конкорде, сожжении города Чарлстауна (Массачусетс), захвате судов и издании (12 июня 1775 года) прокламации генерала Гейджа о введении военного положения; объявляя патриотов, идентифицированных «по имени или описанию, бунтовщиками и изменниками, растоптавшими всякую законность», он обещал им петлю палача.

В силу этого:

«Мы поставлены перед выбором: либо безоговорочное подчинение тирании бесчинствующих министров, либо отпор с помощью силы. Мы выбираем последнее...

Наше дело справедливое. Наш союз нерушим. Наши внутренние ресурсы громадны, а в случае необходимости мы, несомненно, получим помощь извне...

Мы не намереваемся расторгать союз [в рамках империи], который столь долго и счастливо существовал между нами и который мы искренне хотим видеть восстановленным. Необходимость пока еще не довела нас до этой отчаянной меры...

Мы взяли за оружие в нашей родной стране, чтобы защитить свободу, являющуюся нашим врожденным правом... чтобы оградить нашу собственность, приобретенную честным трудом наших предков и нас самих, чтобы дать отпор насилию. И мы сложим его тогда, и только тогда, когда захватчики прекратят военные действия и исчезнет всякая опасность их возобновления».

Ответом на эту Декларацию и на заключительную петицию королю, датированную 8 июля 1775 года, где выражалась просьба о восстановлении справедливости и повторялись верноподданнические чувства, явилась обнародованная короной 23 июля «Прокламация о подавлении бунтов и подрывной деятельности». Подданные в Америке, утверждалось в королевской прокламации, «совращенные опасными и злонамеренными личностями», «стали на путь явного и открытого бунта». Всем

чиновникам его величества приказывалось «подавлять такой бунт и предавать изменников суду», а всем верным подданным вменялось в обязанность «разоблачать все изменнические заговоры и доносить о них... чтобы подвергнуть заслуженной каре» разбойников, терзающих его величество.

Процесс выковывания революционных институтов был завершен. Изменникам или патриотам — выбор названия, относившегося к одним и тем же лицам, зависел от точки зрения — оставалось утонуть или продолжать бурное плавание по бушующему морю. Они «решили, что лучше умрут свободными, чем будут жить рабами», и мощи Британской империи, не ведавшей дотоле поражений, предстояло подвергнуть испытанию это решение.

ДВИЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Независимость была провозглашена лишь пятнадцать с лишним месяцев спустя после сражений у Лексингтона и Конкорда. Революционеры были единодушны в стремлении добиться избавления от гнета и лишений; но как вернее всего достичь цели — в этом вопросе они расходились между собой. Будучи далеки от того, чтобы открыто требовать отделения от Англии, они вновь и вновь клялись в преданности Великобритании и ее монарху, являвшемуся и их монархом. Они действительно домогались прав англичан, а это, по внешней видимости, отнюдь не означало независимости от Англии.

И все-таки независимость была логическим следствием исторического развития колониальной Америки, и семена ее были посеяны вместе с основанием колоний. Эти логические выводы не приписываются нами современникам задним числом; они делались и обсуждались ими самими — и в колониях, и в Англии, и на континенте.

Необходимо, однако, проследить, как в действительности за пятнадцать месяцев произошел сдвиг от движения, клянущегося в верности и преданности английской короне, к движению, исполненному решимости положить конец этой приверженности. Сдвиг этот явился результатом действия четырех взаимосвязанных факторов: воли левого крыла революционной коалиции; закоснелости английских правителей; совместного влияния вооруженной борьбы и требований, которые выдвигала война и удовлетворение которых не терпело отлагательства; наконец, международного положения.

Начнем с первого. Бесспорен тот факт, что на протяжении 60-х и 70-х годов в колониях существовало широкое общественное мнение (насколько широкое — этого источники установить не позволяют) в пользу независимости от Англии. Эта идея независимости расценивалась как изменническая и потому открыто не провозглашалась, но вся атмосфера эпохи убедительно свидетельствует о наличии идеи, ее росте и страхе, который она внушала короне и ее служителям. Проблема глубокого изучения этих идей осложняется тем, что реакция стремилась заклеить инакомыслие как измену. Так, королевские чиновники сразу же обрывали прения, когда речь заходила о достоинствах или недостатках той или иной черты колониальной системы, бросая своим противникам обвинение в том, что они стараются ниспровергнуть, а не улучшить эту систему.

И все-таки не подлежит никакому сомнению, что вопрос о независимости был предметом обсуждения в предреволюционной Америке. Больше всего поборников идея эта находила среди неимущих и малоимущих слоев колониального населения; богачам она внушала настоящий ужас. Когда же началась вооруженная борьба, именно левые в революционной коалиции, куда входили также центр и правые, все больше и больше выделялись страстностью, с какой они выступали против угнетения колоний Англией, и решительностью, с какой они требовали действий от своих соотечественников. Именно левые меньше всех питали иллюзии насчет благодеяний короля и первыми поняли, что независимость является единственной альтернативой полному подчинению.

Правильность политики американских левых подтверждалась программой английских правых, державших в своих руках бразды правления в Англии. Программа эта, особенно после инцидента с «Гэспи», все больше и больше принимала облик программы полного порабощения, ставившей своей целью нечто весьма близкое к полному уничтожению колониального самоуправления и замене его жестко централизованной, милитаризованной, антидемократической сатрапией. И чем яснее это становилось, тем более дискредитировали себя в глазах

колонистов политика «умеренности», тактика «подобру-поздорову», консервативный курс на возвращение к порядкам, существовавшим до 1763 года.

Все главные элементы, определявшие силу движения отпора, и в первую очередь его организация и методы проведения в жизнь, со времени первого Континентального конгресса направляли это движение на путь отделения колоний от Англии. А в день открытия второго конгресса Лексингтон и Конкорд были событиями уже трехнедельной давности; в этот день Этаном Алленом * была взята Тайкондерога, а два дня спустя, 12 мая, Сэт Уорнер захватил Краун-Пойнт.

Делегаты второго конгресса, хотя отнюдь не облеченные полномочиями высказываться за независимость, получили более гибкие наказания по сравнению с 1774 годом. Но каковы бы ни были данные им наказания, они собрались в условиях революционной ситуации. Этим определялись их действия; и результат, учитывая непримиримость короны, мог быть только один — независимость.

Так, уже первая резолюция, принятая новым конгрессом 3 июня 1775 года, гласит:

«Должен быть назначен комитет для получения займа в 6 тысяч фунтов для нужд Америки; конгресс полностью обеспечит уплату займа, включая проценты, а указанному комитету надлежит употребить указанную сумму денег на приобретение пороха для нужд континентальной армии».

Здесь, в единственном абзаце, конгресс учреждает зачатки министерства финансов (для несуществующего правительства), влезая в долги и обязуясь выплатить основную сумму и проценты, а также военного министерства, беря на себя обеспечение припасами континентальной армии, которая сама еще находилась в процессе создания.

* Аллен, Этан (1738—1789) — руководитель партизанского движения («парней зеленой горы») за независимость Вермонта от властей провинции Нью-Йорк (в 1771 году). В мае — сентябре 1775 года играл видную роль в руководстве действиями американских революционных войск в Канаде. В 1775—1778 годах находился в английском плену. После освобождения получил от конгресса чин бригадного генерала милицейских сил Вермонта.—
Прим. ред.

А вот еще один факт того же рода. Едва собравшись, второму конгрессу пришлось заняться посланием, с которым к нему обратились из Массачусетса. Здесь говорилось, что король отменил хартию колонии и что она фактически осталась без власти. Что конгресс посоветует предпринять? — спрашивалось в послании. В итоге 9 июня конгресс принял решение о том, чтобы Массачусетский провинциальный конвент сам провел среди населения выборы в ассамблею, а та избрала совет и чтобы избранная ассамблея совместно с советом действовали в качестве правительства Массачусетса — пока его величество не прозреет! Этим актом конгресс фактически присваивал себе правительственную власть в масштабе всего континента, хотя по закону он не существовал и даже в своих собственных глазах являлся лишь чисто совещательным органом.

Упомянув в резолюции от 3 июня о континентальной армии, конгресс 14 июня создал ее, приказав Виргинии, Мэриленду и Пенсильвании сформировать по десять рот стрелков, которым было предписано выступить на север и присоединиться к тысячам новоангличан, осаждавших королевские войска в Бостоне. На следующий день был учрежден пост главнокомандующего этой армии (новая финансовая проблема; ему полагался годовой оклад в 6 тысяч фунтов — к счастью, богатый виргинец отказался от платы за свою службу). «Командовать всеми континентальными вооруженными силами... борющимися за свободу Америки», был избран полковник Джордж Вашингтон. Но еще прежде, чем войска или главнокомандующий смогли прибыть в Массачусетс, 19 июня 1775 года разыгралось первое крупное сражение — на Бридс-Хилле, хотя оно и называется сражением при Банкер-Хилле.

II

Нужды ведения войны вызвали к жизни и другие зачатки правительственного механизма еще до принятия Декларации независимости; знакомство с этими зачатками важно для того, чтобы проследить корни этой декларации и понять форму, приданную окончательно созданному впоследствии правительственному механизму.

Так, в сентябре 1775 года конгресс учредил Комитет (секретной) связи, на который при весьма скромном

бюджете была возложена задача привлечения за границей друзей на сторону революционного движения. Этот комитет для ведения повстанческой агитации в международном масштабе в 1777 году стал Комитетом по иностранным делам и явился подлинным предком нынешнего государственного департамента. Еще раньше — в сентябре 1775 года — конгресс учредил Комитет по закупкам, который в 1777 году стал Комитетом по торговле — предком нынешнего министерства торговли. Сходным образом в 1775 году были назначены соответствующие комитеты, ведавшие вопросами мореходства и финансов и давшие начало министерству финансов и военно-морскому министерству.

Тем временем король и его министры презрительно отвергали петиции американцев и, отказываясь верить их заявлениям о верноподданнических чувствах, убивали последние остатки этих чувств. Уже в сентябре 1774 года король писал своему премьер-министру: «Жребий ныне брошен — колонии либо покорятся, либо восторжествуют». Несколько недель спустя он категорически утверждал, что Новая Англия находится «в состоянии мятежа», и добавлял: «Оружие должно решить, будут ли они подданными нашей страны или независимыми». Вот какой представлялась альтернатива королю: «либо подчинить их, либо вообще оставить в покое», как он писал в октябре 1774 года генералу Гейджу. Такая политика Англии в значительной мере определила выбор колонистов.

В ноябре 1774 года большинство депутатов парламента заявило королю, что оно одобряет его взгляды по этому вопросу, и в послании монарху побуждало его предпринять все необходимые меры, «чтобы утвердить [в колониях] должное повиновение законам и власти верховного законодательного органа». Весной 1775 года парламент принял ряд новых законов, еще более ограничивавших колониальную торговлю и запрещавших жителям Новой Англии заниматься рыболовством у берегов Ньюфаундленда, нанося тем самым губительный удар тысячам семей.

В августе 1775 года король официально объявил американские колонии находящимися в состоянии мятежа и обещал вздернуть их главарей на виселицу; в декабре парламент заявил, что эти колонии не входят в со-

став территорий, находящихся под защитой Англии, запретил всякую торговлю с ними и разрешил захват американских судов в открытом море и их конфискацию.

Нет нужды говорить, что все это вынудило американцев ответить тем же. В марте 1776 года конгресс вынес решение о снаряжении каперов и выдаче каперских свидетельств, а в следующем месяце отменил все английские законы о торговле в той мере, в какой они тем или иным образом затрагивали Америку. Это были два законодательных акта об экономической независимости, предвещавшие последовавшее вскоре провозглашение независимости политической.

Летом 1775 года Франклин составил план «Статей конфедерации и вечного союза». Джефферсон одобрил его, но заявил, что идея независимости, заложенная в плане, еще не получила достаточно широкой поддержки и поэтому пока что план не следует принимать, чтобы не поставить под угрозу единство революционной коалиции.

Вооруженная борьба усилила тенденцию к независимости, так как она помогла выковать американскую нацию в горниле общих страданий, порожденных гражданской войной. Кроме того, создание настоящей континентальной армии вело к ослаблению группового и местного провинциализма и к замене его национальным чувством. Надо еще отметить, что борьба обострила вражду к Англии, когда население познало на собственном опыте жестокость войны — и особенно гражданской войны. Такое событие, как сожжение англичанами в октябре Фалмута (нынешний Портленд, штат Мэн) и в январе 1776 года Норфолка, а также использование ими для борьбы против колоний немецких ландскнехтов делали идею отделения от Англии разумной и необходимой в глазах все новых и новых тысяч колонистов.

Усиление стремления к независимости вызвало к жизни литературу, отстаивавшую этот шаг, которая в свою очередь питала указанный процесс. Историческое значение в этом отношении имел выход в январе 1776 года замечательного памфлета Томаса Пейна «Здравый смысл». Появление его само служило показателем сдвига, происшедшего в сознании масс в сторону независимости, и фантастический успех памфлета являлся убедительным доказательством этого сдвига. За какие-нибудь три месяца в стране, насчитывавшей меньше трех

миллионов жителей, из которых значительную долю составляли неграмотные (не говоря уже о 600 тысячах рабов), было продано свыше 120 тысяч экземпляров книги «Здравый смысл». К весне 1776 года не осталось, вероятно, ни одного взрослого белого американца, который бы не читал (или не слышал из уст других) страстные и бескомпромиссные слова Пейна.

Не следует забывать, что мятежные колонисты первоначально ополчались против права парламента облагать их внутренними налогами; затем они ополчились против его права вообще облагать их налогами и наконец поставили под сомнение право парламента издавать какие-либо законы для колонистов. Оставалась лишь связь с монархом и все еще владевшая умами идея о его божественном праве на власть.

Вот почему именно против особы и символа короля нацелил свой самый яростный удар Пейн. Взгляните на основателя нынешней династии английских королей, Вильгельма Завоевателя, писал он, и что же в действительности предстает вашим взорам?

«Французский ублюдок, высадившийся во главе вооруженных бандитов и воцарившийся в Англии вопреки согласию ее жителей, является, скажем прямо, крайне мерзким и низким пращуром. В таком происхождении, конечно, нет ничего божественного» *.

Затем Пейн обосновал разумность, благотельность и необходимость полного разрыва с Англией. Заключительные абзацы книги он посвятил подробному изложению мечты — столь важной для американской истории — о новой стране, создаваемой в Новом Свете, полной энергии, не тронутой упадком и страданиями Европы и открывающей перспективы настоящего рая на земле:

«О! Вы, которые любите человечество! Вы, кто отваживается противостоять не только тирании, но и тирану, выйдите вперед! Каждый клочок Старого Света подавлен угнетением. Свободы травят по всему свету. Азия и Африка давно изгнали ее. Европа считает ее чужестранкой, Англия же потребовала ее

* Томас Пейн, Избранные произведения, М., 1959, стр. 31.

высылки. О, примите беглянку и загодя готовьте приют для всего человечества»*.

Переход второго Континентального конгресса на позиции независимости, происшедший вопреки страхам многих богачей, что вместе с независимостью воцарится анархия, явился результатом давления, оказанного на его делегатов отдельными восставшими колониями. Это было сделано в форме наказов, врученных колониальными революционными конвентами, либо (в Пенсильвании и Нью-Джерси) в результате свержения местных правительств.

Для первого пути показателен наказ, единогласно принятый 15 мая 1776 года всеми 112-делегатами Виргинского конвента. Вот что заявили эти делегаты:

«Поскольку все усилия соединенных колоний, принявшие форму самых скромных представлений и петиций королю и парламенту Великобритании с просьбой восстановить мир и безопасность Америки под властью английского правительства и союз с этим народом на справедливых и благородных условиях, имели своим результатом не удовлетворение их жалоб, а еще большие обиды и притеснения со стороны властолюбивого и мстительного правительства и решительную попытку окончательно погубить нас»,

конвент единогласно решил,

«что делегатам, назначенным представлять настоящую колонию во всеобщем конгрессе, дается наказ предложить этому уважаемому собранию провозгласить соединенные колонии свободными и независимыми штатами... и заявить о согласии настоящей колонии на такую декларацию и на любые меры, какие конгресс сочтет подходящими и необходимыми для заключения союзов с иностранными державами и образования конфедерации колоний в такое время и в такой форме, какие он признает наилучшими».

В Пенсильвании и Нью-Джерси колонии высказались за независимость в результате смены местного правительства и прихода к власти левых. В Нью-Джерси в

* Там же, стр. 47—48.

июне 1776 года ассамблея в конце концов выдворила королевского губернатора Уильяма Франклина (сына Бенджамина), после чего направила новую делегацию на Континентальный конгресс с наказом голосовать за независимость.

В Пенсильвании левому крылу, в результате его долгой борьбы за демократизацию местного правительства путем дарования достаточного представительства Западу и предоставления избирательных прав механикам, ремесленникам и неимущему свободному населению Филадельфии, в начале 1776 года удалось аннулировать старую хартию и утвердить более демократическую систему правления. Итогом победы левых в Пенсильвании явилось то, что делегаты колонии на Континентальном конгрессе, которым в ноябре 1775 года были даны специальные указания «не соглашаться и категорически отвергать любые предложения... могущие вызвать отделение [от Англии] или повести к нему», в начале 1776 года получили наказ добиваться независимости.

III

Действие всех этих факторов, двигавших колонии к независимости, было усилено необходимостью приобрести иностранную поддержку. В ходе войны, окончившейся в 1763 году, Англия утвердила свою гегемонию над Европой и стала господствующей колониальной державой. Конечно, в итоге более чем вековых военных действий и маневрирования в дебрях дипломатии Англия создала себе мстительных врагов, самыми яркими среди которых были Франция, Испания и Голландия.

Восстание тринадцати колоний открывало блестящие возможности перед врагами Англии; но врагам этим — и в первую очередь Франции — не было никакого смысла помогать повстанцам, которые задались целью не расторгнуть связи с Англией, а лишь улучшить взаимоотношения с ней в рамках империи. Вот почему позиция европейских держав, хотя идеологически они стояли ближе всего к американским правам, в политическом отношении играла на руку левым. Вот почему также американские левые оказались в выгодном положении в связи с тем, что только их программа — независимость — обеспечивала получение иностранной помощи,

а это само по себе являлось необходимой предпосылкой победы в войне против Англии.

Обе стороны испытывали сильные колебания. Иные из «демократических республиканцев» терзались сомнениями в допустимости принятия помощи от тирана Бурбона; тиран же боялся, как бы его помощь не развязала силу пострашнее самой Англии. В каждом случае, однако, нужды и логика эпохи и движения толкали к франко-американскому союзу, а силы эти в свою очередь укрепляли тенденцию к американской независимости.

В этой обстановке 7 июня 1776 года Ричард Генри Ли, делегат Континентального конгресса от Виргинии, внес резолюцию, гласившую, что колонии «являются — и по праву должны являться — свободными и независимыми штатами». Четыре дня спустя конгресс назначил комиссию в составе пяти членов (это были Томас Джефферсон из Виргинии, Джон Адамс из Массачусетса, Бенджамин Франклин из Пенсильвании, Роберт Ливингстон из Нью-Йорка и Роджер Шерман из Коннектикута) для составления Декларации независимости. 2 июля конгресс проголосовал за независимость (12 голосов было подано за, против — ни одного, Нью-Йорк воздержался).

В тот же день редакционная комиссия вернулась с составленной ею Декларацией, которая явилась в основном делом рук молодого Джефферсона. Обсуждение ее продлилось два дня. С некоторыми поправками, каждая из которых была болезненно воспринята обидчивым автором, Декларация была утверждена конгрессом 4 июля (Нью-Йорк снова воздержался) и подписана президентом Джоном Хэнкоком и секретарем Чарлзом Томсоном.

Декларация была публично провозглашена 8 июля; на следующий день ее одобрил Нью-Йоркский провинциальный конгресс; 19 июля был изготовлен на пергаменте специальный экземпляр ее для подписания. К началу июля большинство из пятидесяти пяти «первоподписавших» скрепило документ своими подписями, хотя последняя подпись была поставлена лишь в ноябре 1776 года. Имена подписавшихся, однако, были преданы гласности только 18 января 1777 года — ведь эти пятьдесят пять решились не на легкое дело, поскольку король Великобритании горел жаждой заставить каждого заплатить за свою подпись жизнью¹.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

В июне 1776 года тридцатитрехлетний виргинец, трудясь в комнатухе, которую он снимал у одного каменщика, написал — выражаясь словами Мозеса Койта Тэйлора — «страстный гимн человеческой свободе», влияние которого сравнимо с влиянием любого другого документа, являющегося творением одного человека.

Автор его не претендовал на оригинальность; напротив, он стремился представить «здравый смысл дела»; выразить, как он сам говорил, «думы американцев»; вместить в короткую декларацию существенные факты, доведшие колонистов до отделения от Англии, и теорию государственного правления, которую эти колонисты считали настолько общепринятой, что она казалась им «самоочевидной».

Депутаты конгресса, для которого Декларация была составлена, признали ее шедевром; они внесли лишь несколько поправок, да и те носили чисто словесный характер — за двумя исключениями. Первоначальная редакция Джефферсона содержала длинное обвинение английского народа в том, что он недостаточно энергично противоборствовал своему правительству и не оказал решительной поддержки борьбе колонистов, чтобы заставить правительство изменить свою политику. Поправка эта, думается, была благоразумной, ибо весьма широкие круги в Великобритании относились и продолжали относиться сочувственно к американцам (соответствующие факты будут приведены на последующих страницах). Даже в принятой форме Декларация содержит довольно резкое, явно сгущающее краски осуждение «наших братьев британцев», которые, несправедливо заявляет она, «остались глухи к голосу справедливости и кровного родства».

Второе значительное изменение, которому конгресс подверг документ Джефферсона¹, выразилось в изъятии длинного отрывка — свыше 150 слов, — касающегося рабства и работорговли. Отрывок этот был последним, кульминационным пунктом в перечне злодеяний, совершенных Георгом III по отношению к колониям и оправдывавших отпор его насильственным попыткам удержать их под своей властью; Джефферсон здесь гневно обличал короля в том, что он налагал свое вето на неоднократные попытки колоний ограничить или поставить вне закона африканскую работорговлю и осуждал не только торговлю, но и самую систему производства, которую она обслуживала. Вследствие резких возражений делегатов от рабовладельческих колоний Джорджии и Южной Каролины, а также несколько менее категорических возражений некоторых делегатов от Массачусетса, Коннектикута и Род-Айленда — колоний, где работорговля была важной областью деловой активности, — весь этот отрывок был изъят. В Декларации о работорговле нет ни слова, а рабство упоминается лишь намеком и очень коротко в абзаце, содержащем обвинение короля в том, что он «возбуждал среди нас внутренние восстания»².

Большая часть Декларации, в ее принятом варианте, представляет собой перечисление «беспрепятственных несправедливостей и узурпаций, имевших своей прямой целью установление неограниченной тирании над нашими штатами»; их подробную характеристику мы уже дали на предшествующих страницах. Философские разделы Декларации — а именно они и стяжали ей бессмертную славу — составляют менее 300 слов.

Американцы начинают свой революционный манифест с заявления, что «должное уважение к мнению человечества обязывает изложить причины, побуждающие» их к решительному шагу. Это само по себе ново и отражает сущность политической философии Декларации — принцип народного суверенитета. Веря в этот суверенитет и не щадя своих жизней в попытке утвердить его, американцы, естественно, считают себя обязанными разъяснить свою революционную доктрину и свои побуждения всем народам света. Если воля народа — высшее начало, то его добрая воля всемогуща.

Затем идет изложение самой доктрины. Она состоит

из трех главных идей: 1) люди, по сущности своей обладающие равными качествами, нуждами, обязанностями и желаниями, наделены основными правами на жизнь, свободу и стремление к счастью; 2) для обеспечения этих прав люди учреждают правительства; 3) правительства, уничтожающие эти права, являются тираническими; такие правительства могут и — больше того — должны быть изменены или упразднены народом, который имеет право и обязан учредить формы правления, «какие покажутся народу наиболее пригодными для обеспечения его безопасности и счастья».

Идеи эти имели международное происхождение. Конкретно, когда речь идет об американцах XVIII столетия, одобрявших их, они коренились в гуманистической и вольнолюбивой аргументации Древней Греции и Рима. Они коренились во всем блистательном Веке Разума с его титанами борьбы против догмы и авторитаризма — Бэконом, Гроцием, Везалием, Коперником, Спинозой. Более непосредственными источниками этих идей были произведения ирландского революционера Чарлза Лукаса, итальянского экономиста Беккариа, швейцарского философа Ваттеля и его соотечественника Бурламаки, немецкого юриста Пуфендорфа, французов Монтескье, Вольтера, Дидро, англичан Мильтона, Сиднея, Гаррингтона, Пристли и (особенно) Локка, а также американцев Роджера Уильямса, Джонатана Мэйхью и Джона Уайза.

Все они были плодом и в то же время выражением главного факта человеческой истории — борьбы против угнетения и динамического, прогрессивного характера этой борьбы. Наличие международных источников Декларации никоим образом, понятно, не противоречит ее национальной сущности. Она остается — или, вернее, именно поэтому является — американской.

I

Политическая теория Декларации носит ярко выраженный демократический и революционный характер. Коперник, отвергнув средневековое представление о качестве более низком характере движения Земли по сравнению с движениями небесных тел, помогал революционизировать астрономию. Точно так же доктрина

Джефферсона, отвергая средневековое представление о качественно более низком характере земной жизни по сравнению с райским блаженством, знаменовала собой революционизирование политической науки.

Для Джефферсона жизнь на земле не была юдолюю слез и страданий. Смысл жизни заключается не в нескончаемой муке, которую нужно смиренно терпеть, чтобы попасть в рай; а тяжкий труд — это не крест человека, который он должен нести в силу первородного греха — в силу своей естественной испорченности. Кроме того, правительства — это вовсе не мирское орудие господ бога, а священники не являются его духовным орудием.

Совсем нет; Джефферсон отрицает весь тот сложный механизм, с помощью которого оправдывался и увековечивался иерархический, неподвижный, тягостный феодальный порядок. Люди добры, а не злы; они способны хорошо вершить свои дела сами; правительства учреждены людьми; цель жизни заключается в ее облагораживании здесь, на земле. «Свобода и счастье человека», писал в 1810 году Джефферсон, обращаясь к Костюшко, — вот что должно быть предметом забот политической организации и больше того — «целью всякой науки и всех человеческих усилий».

А раз так, то отвергается иерархия, а вместе с ней и аристократия, и монархия, и божественное право правителя или правителей. Место их заступает равенство людей. Следовательно, суверенитет принадлежит именно этим равным людям, и именно их воля является божественной, если вообще существует что-то божественное; во всяком случае, именно их воля должна решать, когда правительство печется о благоденствии страны. И все это носит динамический, а не статический характер. Всю аргументацию Джефферсона пронизывает (новая для того времени) идея прогресса, ибо если человек добр, а правительство неуклонно стремится к своей цели, то очевидно, как говорил он позднее, что человеческий «ум способен к совершенствованию в той степени, о какой мы даже не можем составить представления», а те, кто категорически «отрицает возможность открытия чего-то лучшего, чем то, что было известно нашим отцам», проповедует ложный взгляд.

Если к сказанному добавить вытекающий из него логический вывод, что правительство должно зиждиться на «согласии управляемых», как говорит Декларация, то право на революцию не подлежит никакому сомнению. Конечно, правом этим нельзя пользоваться неосмотрительно, как заявляет и Декларация, но тем не менее это неотъемлемое право, существующее до тех пор, пока существует правительство. Позднее утверждали, что право на революцию прекращается с установлением демократической республики, так как народ не может восставать против самого себя. Довод этот бьет мимо цели: народ должен дать согласие на то, чтобы им управляли; если достаточная часть его такого согласия не дает, а причины для недовольства достаточно серьезны, он имеет полное право на революцию. Декларация независимости не допускает никаких исключений из права на революцию; она только предостерегает против поспешности и авантюризма.

В случаях, когда правительства угнетают и подавляют народ, служат орудиями его эксплуатации, не пекутся о его счастье (причем, очевидно, право решать, поступают они так или нет, принадлежит большинству народа, находящемуся под властью этих правительств), они становятся тираническими, а покорность тирании — это измена человеку.

Некоторые права являются, с точки зрения Декларации, основными. Это — «неотъемлемые права» людей, сформулированные в величественной фразе, которая звучит на протяжении всей истории, «побуждая людей рвать цепи», как писал сам Джефферсон в своем последнем письме, — «Жизнь, Свобода и Стремление к счастью».

Именно идея о праве человека на стремление к счастью составляет святая святых революционной доктрины Декларации независимости; именно эта идея благодаря приданной ей величественной, вечной общей форме делает документ исполненным глубокого смысла и волнующим для всех времен.

Выбор Джефферсоном формулы «жизнь, свобода и стремление к счастью» вместо более распространенной вигско-локковской — «жизнь, свобода и собственность» был вполне сознательным. Он отражает более прогрессивную позицию лично Джефферсона и принявшей его

формулу революционной коалиции. Правда, как писал Ральф Бартон Перри в своей книге «Пуританизм и демократия» (1944): «Собственность как неотъемлемое право нельзя отождествлять с тем или иным конкретным институтом собственности, вроде частного владения капиталом, или неограниченного накопления богатства, или права на наследование, или договорного права».

Важно отметить также, чтобы не преувеличивать значения произведенного Джефферсоном изменения формулы Локка, что сам Локк рассматривал собственность не просто как материальное владение, а придавал ей гораздо более широкий смысл. Показательны его «Два трактата о государственном правлении», где Локк писал, что «каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности»³, а также ссылался на «ту собственность, которой люди обладают в их собственных личностях в такой же мере, как и в имуществе». Точку зрения Локка удачно резюмирует Говард Мамфорд Джонс в своем исследовании «Стремление к счастью» (1953): «Собственность— это то, что принадлежит человеку как человеку, то есть не только его материальное достояние, но и неосязаемые ценности — жизнь, свобода, положение в обществе».

Нужно отметить и следующее. Когда Джефферсон заявлял, что в Декларации он задался целью не высказать что-то новое, а выразить в сжатой форме взгляд на вещи, принятый большинством американцев, у него и в мыслях не было исключать идею о стремлении к счастью. Не забудем, что идея эта, высказанная в тех же выражениях, не раз встречается у самого Локка и появляется в сочинениях таких влиятельных современников Джефферсона, как Оливер Голдсмит, Джозеф Пристли и Адам Смит.

И тем не менее выбор Джефферсоном тех слов, которые он включил в Декларацию, и тех слов, которые он в нее не включил, служит показателем ярко выраженного демократического содержания Американской революции, особенно в период ее наивысшего подъема. Джефферсон, подобно левеллерам XVII столетия, держался такого взгляда на свободу, согласно которому самым главным, самым сокровенным являются не права на собственность, а свобода слова, свобода печати, свобода личности и свобода стремления к счастью.

Нельзя в этой связи умолчать и о том, что Джефферсон — хотя он, конечно, не только не был сторонником социализма и даже не имел представления о нем, а, напротив, принимал как должное частную собственность на средства производства — был весьма обеспокоен концентрацией собственности в частных руках и считал ее главной угрозой для демократических прав. По мнению Джефферсона, «кричащее неравенство» собственности, особенно в области владения землей, было причиной «стольких страданий для большинства человечества», что «законодатели не могут придумать, — утверждал он в 1785 году, — достаточного числа способов подразделения собственности».

Другой основной идеей Декларации является, разумеется, утверждение права нации на самоопределение. К этому, очевидно, сводится смысл первой фразы Декларации, утверждающей право народа «расторгнуть политические связи, соединявшие его с другим народом, и занять среди держав земного шара то отдельное и равное положение, на которое ему дают право законы природы и Творца природы». Право это тоже коренится в народном суверенитете, но в то же время оно служит выражением еще одной главной силы новой истории — чувства национальности.

Революционное содержание Декларации опровергает категорическое утверждение Луиса Харца, будто в своей революции «американцы остались в стороне от великого дела Просвещения, задавшегося целью уничтожить христианскую концепцию греха, заменить ее безграничным гуманизмом и создать себе земной рай, столь же ослепительный, как и разрушенный рай небесный».

Как раз наоборот, Декларация независимости является величайшим политическим выражением «великого Просвещения». В ней получил выражение «безграничный гуманизм», в ней получила четкое отражение идея отказа от пирога на том свете в пользу земного изобилия. Недаром в состав редакционной комиссии входил Франклин, олицетворявший наряду с Вольтером Просвещение и убежденный в том, что «невозможно даже представить, на какую высоту через тысячу лет может подняться господство человека над материей». Франклин непреклонно верил в прогресс, в то, что человек все больше становится властелином не только природы,

но и самого себя, и поэтому выражал сожаление, что он «так рано появился на свет».

Другой член редакционной комиссии, Джон Адамс, считал, что человек наделен безграничными способностями, и (особенно в молодые годы) был убежден в его неуклонном прогрессе. Человек, писал он, «при помощи своего разума» может осуществить и действительно осуществит «самые дерзновенные замыслы». Он возвысит долины до гор и низведет горы до долин, «раздробит скалы и сровняет с землей величественнейшие лесные чащи», разгадает тайны небес и бесконечно малого, так что даже то, что «ускользает от наблюдения нашего невооруженного глаза», будет постигнуто человеком и подчинено его власти.

Сам Джефферсон (а его взгляды были типичны для американских революционеров) видел в Американской революции светоч и источник вдохновения для всего человечества. Через всю жизнь и все сочинения Джефферсона красной нитью проходит идея универсального гуманизма и создания в масштабе всей нашей планеты социального порядка, достойного человеческих существ, и эта же идея пронизывает каждое слово его Декларации, язык которой исполнен смелости и оптимизма. Показательно письмо, с которым Джефферсон обратился 6 марта 1801 года к Джону Дикинсону:

«Утверждение в Америке справедливого и незыблемого республиканского правительства явится вечным памятником и примером для подражания народам других стран; я разделяю вашу надежду и веру, что наш пример убедит их в превосходстве свободного правительства — самого энергичного из всех правительств мира — и что пылкий дух, возбужденный среди широких масс человечества нашей революцией, приведет к улучшению условий существования человека на значительной части земного шара. Какую отраду мы испытываем, лицезря благодетельные плоды наших усилий, особенно если сравнить их с плодами усилий главарей Европы, осуждавших все успехи наук как опасные новшества, старавшихся превратить слова «философия» и «республиканизм» в хулу, убедить нас в том, что человеком можно править только с помощью розги,

и т. д. Я буду счастлив окончить свои дни убежденным в противном».

Нельзя обойти молчанием и широко распространенный взгляд, повторенный, например, Бурстином в его уже цитировавшемся труде «Дух американской политики», что колонисты «сражались не столько за то, чтобы утвердить новые права, сколько за то, чтобы отстоять старые», и что фактически «парламент — вот кто вел себя революционно, употребив власть, существование которой не могло быть оправдано с точки зрения английской конституционной практики».

Однако такое употребление власти может быть не только революционным, но и контрреволюционным. А каким оно является — это зависит от того, кто употребляет власть и с какой целью. Правда, сами колонисты решительно заявляли, что они домогались «прав англичан», но решительно заявлять об этом в лицо правителям, утверждающим, что колонисты не имеют таких прав, значит вести себя революционно, хотя сами права могут быть и не новыми. Кроме того, требовать осуществления старых прав в новых условиях тоже может значить вести себя революционно. Ход событий открыл колонистам глаза на то, что в новых условиях они не получают прав англичан — причем запрет этот был подкреплен насилием и принуждением. Именно это привело колонистов к осознанию того, что для получения прав англичан им необходимо перестать быть англичанами. Современники совершенно ясно высказывались по этому поводу. Так, уже 6 сентября 1769 года мы находим в передовой статье «Джорджиа газетт» следующую фразу: «Если нам и впредь откажут в правах британцев, нам ПРИДЕТСЯ стать американцами». Колонистам необходимо было стать тем, чем они фактически уже стали, — американцами; именно с этой целью они и приняли Декларацию независимости — этот действительно революционный акт.

II

Ограничения Декларации независимости являлись ограничениями того века и того класса, которые ее породили. Декларация изображает государство на идеалистический манер; она видит в человеке абстрактное

существо, а не людей классового общества, государственная организация которого служит органом власти и оплотом господствующего класса.

Революционная буржуазия рассматривает государство, которое оно захватывает в свои руки и перестраивает в соответствии с собственными интересами, как вещь в себе, стоящую над классами, или же как своего рода арбитра между враждующими классами общества. И хотя ее настойчивое утверждение, что люди создают государство для своих собственных целей, представляет собой громадный шаг вперед по сравнению с феодальной концепцией, пожалуй, еще большее расстояние отделяет это представление от историко-материалистической классовой концепции государства.

Та же надклассовая точка зрения ограничивает и теорию равенства, развернутую в Декларации, ибо, будучи революционной по отношению к феодальным иерархическим представлениям, она в то же время совершенно иллюзорна в плане материальной основы буржуазного общества, в плане собственности и классовых взаимоотношений, в плане реальной власти, а ведь именно эти соображения имеют решающее значение для полного понимания равенства.

Зависимость между владением собственностью и неравенством была, конечно, чем-то само собой разумеющимся для «отцов-революционеров». Ведь заявлял же, например, Александр Гамильтон (в № 79 «Федералиста»): «В силу общих свойств человеческой природы властвовать над источниками существования человека значит *властвовать над его волей*» (курсив оригинала). И все же они обычно держались абстрактно-политического взгляда на государство, и поэтому развернутая ими теория равенства, хотя она и имела величайшее значение в общем процессе демократической борьбы человечества, сама по себе в значительной мере была ограничена политическим равенством, и даже в этой области ее практическое применение оказалось крайне ограниченным.

Вот почему Декларация не осуждает в принципе ограничения политических прав взрослого мужского населения по имущественному принципу, — ограничения, существовавшие в восставших колониях в момент подписания их делегатами документа. Многие не усматри-

вали ничего несовместимого с Декларацией или противоречащего ей и в других ограничениях, как, например, в лишении политических прав лиц, не принадлежащих к определенному вероисповеданию.

Парадоксально: чем больший круг людей охватывало лишение политических прав, тем более слепы были к такому несоответствию принципам Декларации те, кто ее подписал. Так, полное, хотя и временное, лишение политических прав нескольких сот тысяч кабальных слуг представлялось «первоподписавшим» вполне совместимым с Декларацией.

Особенно поражает тот факт, что в то самое время, когда в Декларации возвещались равенство, свобода и стремление к счастью, плетью заставляли работать 600 тысяч американских рабов, которые были обречены на пожизненное рабство, так же как и все их потомки по материнской линии. Нельзя не признать одним из самых прискорбных и вместе с тем красноречивых фактов американской истории, что сам автор Декларации независимости был рабовладельцем.

Этот главный изъян Декларации — и Американской революции в целом — отражает органическую связь, существовавшую между ростом капитализма, с одной стороны, и идеологией и практикой расизма — с другой, о чем подробно уже говорилось на страницах книги «Колониальная эра». Только расизмом можно объяснить, что те же революционеры, которые шли в бой с лозунгом «Свобода или смерть!» на своих знаменах, держали на своих полях свыше полумиллиона рабов.

Характеристика, данная Энгельсом (в «Анти-Дюринге») американской конституции, целиком приложима и к Декларации: «Притом для специфически буржуазного характера этих прав весьма показательным обстоятельством, что американская конституция, которая первая выступила с признанием прав человека, в то же самое время подтверждает существующее в Америке невольничество цветных рас»*.

Говоря об ограничениях Декларации, необходимо отметить и тот факт, что, когда она заявляла: «Все люди сотворены равными», она вовсе не имела в виду всех мужчин и всех женщин; если бы такая редакция была

* Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1957, стр. 100.

представлена на утверждение, документ не был бы под-
писан. Это ограничение не осталось незамеченным со-
временниками, ибо и в Англии и в колониях уже делало
первые шаги движение, которому через три поколения
предстояло вырасти в одно из главных социальных дви-
жений.

Отголоски этого движения слышны в строках пись-
ма, с которым обратилась к Джону Адамсу его супруга
Эбигейл: «Не могу сказать, чтобы я считала вас очень
великодушными по отношению к женщинам, ибо, про-
возглашая мир и добрую волю для мужчин, освобождая
все нации, вы настаиваете на сохранении абсолютной
власти над женами». А несколько позднее, в 1778 году,
эта замечательная женщина заявила следующее:
«Я скорблю по поводу того, какое жалкое, ограниченное,
убогое образование получают женщины на моей родине».
Немногие мужчины разделяли это воззрение в Америке,
но все же встречались и такие. Упомянем среди прочих
Джеймса Уилсона и Уильяма Уайта (оба из Пенсиль-
вании), которые в 1768 году выступили с осуждением
подчиненного положения женщины и отвергли тезис о
ее умственной неполноценности.

Женщины часто вносили выдающийся вклад в дело
поддержки революции, и это тоже придавало особую го-
речь замечаниям миссис Адамс. Так, Мерси Отис Уор-
рен — сестра Джеймса Отиса и супруга генерала
Джеймса Уоррена, убитого в сражении при Банкер-Хил-
ле, — в 1773 году начала публикацию в колониях мате-
риалов в поддержку дела Америки и неизменно оказыва-
ла поддержку левому крылу революционного движения.
В Англии одной из самых непоколебимых приверженок
революционеров — еще с 1760-х годов — была Кэтрин
Собридж Маколей, автор восьмитомной «Истории Ан-
глии». Она тоже выступила в годы революции с рядом
памфлетов и статей в защиту борьбы американцев и
переписывалась и лично общалась с Бенджамином
Франклином, Эзрой Стайлсом, Джорджем Вашингтоном,
Джеймсом Отисом, Джосией Куинси и другими видней-
шими бунтовщиками.

Протест против социального и политического подчи-
нения женщины восходит к еще более раннему времени
(поскольку речь идет об Англии, надо назвать труды
Мэри Астелл и Дэниэля Дефо), а в годы самой револю-

ции иейльские студенты обсуждали такую проблему: «следует ли допускать женщин на судебные и правительственные должности в империях и республиках?»

Таким образом, игнорирование женщин в Декларации — в свете критических замечаний Эбигейл Адамс — должно быть отмечено как одно из ограничений не только с точки зрения последующей эпохи, но и с точки зрения тех немногочисленных современников Декларации, которые занимали более прогрессивную позицию.

Однако нет нужды говорить, что не ограничения определяют историческое воздействие Декларации независимости. Ограничения эти — ограничения эпохи, американской действительности, класса — являются недомолвками; действительные же слова документа благодаря пронизывающему его универсальному гуманизму и поныне сохраняют свою свежесть и вдохновляющую силу.

Эли Галеви удачно заметил, что для радикалов своего времени Декларация независимости выражала «в значительной мере дело всего человечества»; «им казалось, что она предвещает претворение в явь библейских пророчеств, грядущее царство разума и добродетели, в котором люди постигнут истинный смысл евангелия мира и восславят его».

На протяжении многих поколений, как указывал Мерль Керти, Декларация стяжала лютую ненависть правителей нашей планеты, видевших в ней призыв к мятежу; во многих местах ее распространение и хранение считалось преступлением, караемым смертной казнью. В Италии, Франции, Дании, Австрии и Пруссии вплоть до XIX века профессоров, дерзавших преподавать своим студентам ее бунтарские идеи, изгоняли со службы и даже бросали за решетку.

Предмет насмешек для циников, но бич для тиранов, Декларация — это свидетельство о рождении Американской республики — и сегодня служит, как выразился Линкольн в 1859 году в ответ на глумления рабовладельцев, клеймивших Декларацию как пагубный и ложный документ, «укором и неодолимой преградой на пути тех, кто мечтает восстановить тиранию и угнетение».

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

Уже после победоносного окончания войны Вашингтон обратился со следующими словами к своему выдающемуся собрату по оружию Натаниэлю Грину:

«Если историки решатся воскресить на страницах своих трудов военные подвиги, свершенные Америкой в ходе нашего конфликта против численно превосходящего противника, и попытаются рассказать о тех муках, которые она претерпела на пути к победе, вполне вероятно, что потомки сочтут их труды выдумкой. Ведь никто не поверит, чтобы такая армия, какую Великобритания использовала на протяжении восьми лет в нашей стране с целью надеть на нее ярмо рабства, могла быть побеждена армией, неизмеримо уступавшей ей по численности, солдаты которой часто бывали полуголодными, одевались всегда в отрепье, не получали платы и вынесли все те муки, какие только способна выдержать человеческая натура».

Ту же мысль Вашингтон повторил в своем последнем приказе по революционным войскам, изданном в ноябре 1783 года: «Беспримерная стойкость армий Соединенных Штатов, претерпевших на протяжении восьми долгих лет чуть ли не все возможные муки и тяготы, была похожа на настоящее чудо».

Эти ссылки на почти непреодолимые трудности, высказанные в публичном документе и частном письме, не были ни похвальбой — черта, совершенно чуждая характеру Вашингтона, — ни обычными преувеличениями «ветерана».

На первый взгляд, со стороны тринадцати колоний было сущим безумством бросать вызов Англии на поле брани. В Англии в это время проживало девять миллионов человек; в колониях — меньше трех, причем 20 процентов из них составляли рабы. Англия обладала крупнейшим в мире военно-морским флотом; колонисты не имели его вовсе. Англия обладала вышколенной, испытанной, многочисленной регулярной армией; все вооруженные силы колоний ограничивались плохо обученными ополченцами. Англия представляла собой зрелый, прочный, крепко сколоченный государственный организм; колонии — тринадцать наскоро образованных, разобщенных, раздираемых внутренними смутами самостоятельных государств. Англия была центром крупнейшей империи мира, а колонии, расположенные к северу и к югу от тринадцати мятежных, — Канада, Флорида, Вест-Индия — остались верны короне и могли быть использованы как базы для нападения. Англия имела устойчивую денежную систему и располагала неограниченным кредитом; у колоний не было ни того, ни другого. Англия обладала крупнейшим торговым флотом и самой мощной промышленностью в мире. Английские войска повсюду пользовались славой непобедимых, а их штыковые атаки считались неотразимыми. Англия еще никогда не была побеждена в войне и совсем недавно утвердила свою всемирную гегемонию, нанеся поражения таким трем державам, как Испания, Голландия и Франция. Она находилась в ту пору в состоянии мира со всеми странами мира и, судя по всему, могла целиком сосредоточить свое внимание на американцах.

Именно на этих непреложных фактах зиждилась уверенность, с какой правители Англии принялись подавлять мятежников. А когда к этому для них прибавлялся тот факт, что мятежники были сбродом, да еще колониальным сбродом, составлявшим, как утверждала молва, лишь меньшинство населения, уверенность переходила в кичливость, — опасная позиция для того, кто вступает в бой. Так, граф Сэндвич, пожалуй, самый продажный первый лорд адмиралтейства в истории британского военно-морского флота, выступая в марте 1775 года (еще до Лексингтона) в палате лордов в за-

щиту политики насильственного подавления, заявил следующее:

«Предположим даже, что колонии полны людей, ну и что же? Ведь это неумелые, недисциплинированные, трусливые солдаты. Я бы хотел, чтобы вместо 40 или 50 тысяч этих храбрецов они выставили на поле брани по меньшей мере 200 тысяч. Чем больше, тем лучше; тем легче одержать победу... Уж поверьте мне, милорды, от первого звука пушечного выстрела они кинутся наутек... со скоростью, с какой только их понесут ноги».

Полковник Ралль из «гессенцев» считал, что привести «деревенских мужланов» к покорности будет ребяческой забавой, но один из этих «мужланов» пристрелил его в сражении при Трентоне. Генерал Грант презрительно отзывался о «лежебоках-мужиках», дерзнувших оказать отпор его величеству. Майор Питкэрн был уверен, что «ему стоит лишь наполовину вытащить меч из ножен, и все бандиты в Массачусетс-Бей бросятся врассыпную», но один из этих «бандитов», негр Питер Сейлем, всадил ему пулю меж глаз в сражении при Банкер-Хилле. Лорд Родон в 1775 году выразил надежду, что «мы скоро разделаемся с этими мерзавцами, так как возиться с ними — только марасть руки».

Презрение к колонистам достигало чуть ли не расистской жестокости; а некоторые из доводов, которыми все это обосновывалось, были сродни широко распространенному в Европе взгляду, будто в американских условиях растительный мир чахнет, а животный мир хиреет. Генерал Джеймс Уолф, английский герой французской и индейской войн, скончавшийся в 1759 году, высказал такое мнение: «Американцы в целом — самые паршивые, самые презренные, самые трусливые собаки, каких только можно измыслить. На них совсем нельзя полагаться в военных операциях. Они падают замертво в собственные испражнения и дезертируют целыми батальонами во главе с офицерами». Представление о неполноценности американцев получило в армии силу закона — колониальный полковник считался по званию равным английскому капитану, но занимал более низкое положение.

По окончании каждого года «подлого» сопротивле-

ния английские правители уверяли всех и вся, что следующий год непременно будет годом победы. Точно так же, как Чан Кай-ши возвестил на весь мир неминуемый крах коммунистических «бандитов» (перед самым бегством на Тайвань), так и лорд Джёрмэн в 1781 году (перед самой сдачей Корнуоллиса при Йорктауне) возвестил: «Наше превосходство повсюду столь велико, что нечего опасаться противодействия с их стороны, способного хоть сколько-нибудь существенно помешать успехам королевской армии в деле скорого подавления мятежа».

Заслуживает внимания и тот факт, что английские офицеры, начитавшись или наслушавшись, что «мятеж» был делом рук «жалкой горстки злонамеренных извергов», надеялись встретить в колониях широкую поддержку и помощь в деле подавления «смуты». В самой Англии планы крупных кампаний разрабатывались в расчете на такую поддержку, но попытки провести эти планы в жизнь в Америке оказывались бесплодными, так как поддержки не было и в помине.

Однако английские офицеры, действовавшие в Америке, а вслед за ними и позднейшие американские историки признавали, что крах попыток поработить колонии был определен почти всеобщей враждебностью населения. Генерал Гейдж в конце 1774 года доносил лорду Дартмуту, что «брожение, охватившее весь континент, сплотило его в один общий лагерь». Генерал Бергойн в самый разгар нью-йоркской кампании 1777 года, закончившейся для него столь катастрофически, писал лорду Джёрмэну: «Подавляющее большинство населения страны, вне всякого сомнения, разделяют принципы и рвение конгресса»; другой английский офицер писал в 1778 году: «Каждый джерсиец — мятежник». Лорд Корнуоллис в ходе своей каролинской кампании 1780 года обнаружил, что вместо получения обещанных подкреплений со стороны многочисленных тори ему по мере завоевания новых территорий приходилось отряжать часть своих собственных войск, чтобы привести эти территории к покорности, прежде чем развивать наступление дальше; порой необходимо было прибегать к казням. Однако, как заметил один английский современник, «эти меры только возбудил лютую ненависть жителей провинции». Другому офицеру, оказавшемуся в Чарлстоне

после его взятия в 1780 году, бросилось в глаза, что мужчины, «взятые в плен», хранили зловещее молчание, «но женщины с лихвой возмещают их молчание; они тешат себя тем, что учат своих детей основным приемам мятежа, взяв, как видно, на себя заботу о том, чтобы подрастающее поколение стало таким же бунтарским, как и они сами».

Мы встречаем многократные сообщения о том, что английские войска не брезговали прибегать к террору, но это, судя по всему, оборачивалось против них же самих (так было, например, во время каролинской кампании 1780 года), лишь усиливая враждебность колониального населения. Не раз сжигались города — назовем в качестве примера Чарлстаун и Бедфорд в Массачусетсе, Кингстон в Нью-Йорке, Бристоль в Род-Айленде, Джорджтаун в Южной Каролине, Нью-Лондон, Гротон, Фэрфилд и Норуолк в Коннектикуте, Спрингфилд и Коннектикут-Фармс в Нью-Джерси. Имели место и случаи массового убийства воинов революционной армии уже после их сдачи в плен, как поступили «гессенцы» в сражении на Лонг-Айленде и английские войска в Форт-Гринелле, которыми командовал предатель Арнольд. В отдельных случаях, особенно в начальный период конфликта, когда англичане отказывались признавать (официально) за захваченными в бою американцами статус военнопленных, некоторые американские офицеры — как капитан Джосия Хадди и полковник Айзек Хейнс — были повешены. Американцы ответили тем же и пригрозили отмщением по принципу «око за око»; только этим удалось положить конец подобным зверствам.

На первых порах позиция короны, когда стало очевидно, что Англия столкнулась в колониях с мощным движением отпора, заключалась в том, чтобы вести войну нарочито зверскими методами; так она рассчитывала поставить повстанцев на колени. Вот как выразил эту политику в 1776 году один генерал: «Я полагаю, что нам нужно (всякий раз, когда мы проникаем дальше в глубь страны) предоставлять солдатам полную свободу грабить и бесчинствовать, чтобы эти обезумевшие негодяи могли почувствовать, каким бедствием является война». Применение такой политики в 1776 году и в начале следующего года, особенно в Нью-Джерси, истор-

гло у одного английского армейского капитана, некоего Фергюсона, подлинный вопль негодования против «необузданных бесчинств, совершаемых повсюду без оглядки на пол и возраст, без разбора того, с кем мы имеем дело — с другом или изменником». Бесчинства эти, продолжал он, вместо того чтобы утратить население, окончательно «отшатнули каждого мыслящего человека от дела короля».

Самым ужасным было обращение с американскими военнопленными. Стяжавшая печальную славу коррупция английского чиновничества XVIII столетия, соединившись с типичным аристократическим презрением и ненавистью к мятежным колонистам, создавали для его жертв настоящий ад. Показателен был тот факт, что на пост интенданта, ведавшего провиантским обеспечением пленных, английский главнокомандующий сэр Уильям Хау (Howe) назначил Джошию Лоринга — мужа своей любовницы. (Кстати, расплачиваться собственной супругой за особые финансовые милости было в порядке вещей для представителей высших классов; так, любовницей Бергойна в годы его пребывания в Америке тоже была жена одного из его интендантских офицеров.) Сотни пленных умерли с голоду от нехватки пропитания, средства на приобретение которого Лоринг прикарманил. Особенно ужасны были условия на кораблях, на которых перевозились военнопленные; с ними можно было сравнить только условия на невольничьих кораблях. Первым приказом, отдававшимся каждое утро заключенным, было: «Пленные, вышвыривайте своих мертвецов!»

Около 1200 американцев, в том числе Этан Аллен, содержались в качестве военнопленных в разное время в Англии. Здесь условия были скверными, но все же не такими бесчеловечными, как в Америке. Пленных, содержавшихся в Англии, склоняли принести присягу на верность королю, но никто не стал на путь отступничества.

II

Общий стратегический план Англии в войне заключался в захвате портов, удушении восставших колоний с помощью блокады и раздроблении их сил на севере, юге, востоке и западе с последующим покорением части

за частью. С точки зрения большой стратегии осуществление английского плана распадалось на два этапа: в первую половину войны центром военных операций был Север, во вторую — Юг.

Оборона американцев базировалась на использовании выгод местности и расстояния и на стремлении принудить англичан к лобовым атакам укрепленных возвышенных позиций. Кроме того, американцы старались маневрировать своими боевыми силами таким образом, чтобы как можно дальше оттянуть англичан от побережья — ведь каждая миля, пройденная англичанами в западном направлении, удаляла их от единственной надежной базы снабжения — флота.

В ходе войны англичане держали в своих руках в разное время все сколько-нибудь значительные порты колоний — Бостон, Ньюпорт, Нью-Йорк, Балтимор, Норфолк, Уилмингтон, Бофорт, Чарлстон, Саванну. Почти все они были взяты сравнительно легко, почти без сопротивления — за важным исключением Чарлстона, падение которого в мае 1780 года сопровождалось сдачей около 5500 американских войск. Почти в каждой крупной кампании¹ англичане, имея в своем тылу главные порты, пытались вовлечь крупные соединения американских войск в классические, на европейский манер, решительные сражения с целью увенчать кампанию решающей битвой и положить конец конфликту. Однако американцы, особенно когда ими предводительствовали лично генералы Вашингтон или Грин, придерживались свободной, гибкой тактики, очень сходной с той, какая применялась ими в пограничной полосе. Американцы старались захватить противника врасплох и наносить удары из засады; они быстро отрывались от неприятельских войск; они совершали быстрые переходы; они нарушали правила XVIII столетия, воюя ночью и нападая в дождь, туман или снегопад. Кроме того, они делали большую ставку на меткую стрельбу — и это в пору, когда в Европе армии вели бои иначе: выстроенные в линию солдаты начинали бой с неприцельных залпов по противнику, а затем шли в атаку, нанося наибольший урон не пулями, а штыками и прикладами.

Американское командование понимало, что революционная армия представляет собой нечто новое — армию граждан, которой поколение спустя во Франции

предстояло завоевать почти всю Европу. Это имело свои невыгоды в плане дисциплины, но невыгоды с лихвой искупались преимуществами. Главным среди них был высокий моральный дух армии — в большинстве своем ее воины чаще всего воевали потому, что они хотели воевать; они воевали у себя на родине, защищая свой дом; они воевали против чужеземных врагов, заявившихся из Англии и Германии, которые пытались обратить их в рабство.

Американской армии было чуждо игнорирование роли командного состава — предложения, проникнутые этим духом, выдвигались на первых порах крайними или далекими от жизни «уравнителями»; но ей была чужда и суровая, беспрекословная, жестокая и варварская дисциплина европейских армий того времени, за которую ратовали на первых порах иные офицеры. Солдат в американских революционных полках был совсем не тем солдатом, каким был рядовой европейских армий Георгов и Фридрихов. Вот почему он нуждался в своем собственном боевом и строевом уставе, своем собственном военном кодексе (причем предусматривавшиеся этим кодексом наказания были значительно менее суровы, чем в английской армии); вот почему американские революционные войска и по выносливости, и по стойкости и мужеству в бою, и по дальности переходов, и по проявлению индивидуальной инициативы превосходили своих противников.

«Ни одна европейская армия не вынесла бы и десятой доли того, что вынесли американцы, — говорил Лафайет. — Граждане с готовностью сносят голод, наготу, военные тяготы и полное отсутствие платы — все, что составляет удел наших солдат, самых стойких, самых мужественных, самых терпеливых, каких только можно сыскать на свете».

Историк Джордж Бэнкрофт писал, что, когда в 1775 году Вашингтон достиг повстанческие войска близ Бостона, чтобы принять на себя командование, «он нашел в лагере скорее вооруженных людей, нежели армию». Израэль Путнем, пятый по положению генерал континентальной армии, разъезжал верхом во главе своих массачусетских воинов в одной рубашке, с рваной гражданской шляпой на голове. Одежда подчиненных Вашингтону войск была настолько разношерстной, что

он вменил всем в обязанность носить охотничьи рубашки, чтобы хоть этим придать им какое-то подобие единообразия. ,

По мере того как шла война, среди ветеранов появились дисциплина и единообразие, они приобрели боевую выучку, но до самого конца американская армия по существу оставалась «вооруженными людьми».

Когда эту армию, представлявшую собой людей, а не армию, били, ей это оставалось невдомек. Она игнорировала все правила и, когда по канонам военной науки ей полагалось сдаваться, вдруг повернув вспять, бросалась на врага и одерживала ошеломляющую победу. Так, в зимнюю кампанию 1776 года американцы проиграли за двенадцать недель пять сражений, потеряли 5 тысяч человек, в плен англичанам попал второй по положению генерал Чарлз Ли. За этим последовала победа американцев при Трентоне.

А вот другой пример. В 1780—1781 годах американцы потеряли главные города Юга, армия численностью почти в 6 тысяч человек сдалась англичанам, Арнольд предал дело революции, мятежи расстраивали ряды коннектикутских, пенсильванских и нью-джерсийских войск. В апреле 1781 года Джордж Вашингтон писал строго конфиденциально Генри Лоренсу: «Мы дошли до точки», а 1 мая он поверял своему военному дневнику следующие мысли:

«Вместо складов, ломящихся от провианта, мы сидим на голодном пайке... вместо арсеналов, ломящихся от военных припасов, у нас арсеналы, в которых чуть не шаром покати... вместо правильной системы транспортировки на основе кредита или средств, находящихся в распоряжении начальника интендантской службы для оплаты непредвиденных расходов, связанных с транспортировкой, у нас нет ни того, ни другого... вместо полков, укомплектованных в соответствии с новыми штатами, едва ли хоть один штат, входящий в Союз, представил восьмую часть своей квоты... вместо того чтобы иметь все наготове для выступления в поход, мы не имеем ничего; вместо перспективы блистательного наступления перед нами перспектива безалаберной и мрачной обороны».

«Дошли до точки» — весной; Йорктаун — осенью*.

В известной мере величие Вашингтона заключается в том, что, командуя этой армией нового типа, он понимал ее отличительные особенности и осознавал ее настоятельные потребности. Вашингтон настаивал на необходимости, как он писал 10 ноября 1775 года, «довести до сознания каждого воина, от первого до самого последнего, значение нашего дела, смысл того, за что мы боремся». Английские офицеры говорили о «непримиримом рвении и духе мщения [американцев] — качествах, к счастью, совершенно неведомых в ведении войны вообще».

Партизанские методы войны получили свое выражение в первую очередь в выдающемся вкладе, внесенном такими первоклассными партизанскими бойцами, как Эндрю Пикенс, Томас Самтер, Фрэнсис Мэрион, Джеймс Уильямс, Уильям Дэвис и Илайджа Кларк. Все они воювали с индейцами и тактику, освоенную против них, применили в вооруженной борьбе против англичан. Во главе небольших отрядов (отряд Мэриона никогда не превышал ста человек), бойцы которых — негры и белые — показывали чудеса отваги, они совершали стремительные и опустошительные налеты на англичан. Кузнецы снабжали их оружием, фермеры — продовольствием. Каких только побед не было на их счету: от разгрома драгунской роты до уничтожения целого английского полка — подвига, свершенного Самтером (один из бойцов его отряда был 13-летний мальчик-сирота, по имени Эндрю Джексон) в сражении при Хэнгинг-Рок в Южной Каролине в августе 1780 года.

Летом 1780 года англичане «покорили» Джорджию и Южную Каролину. Продолжалась лишь борьба чисто партизанского типа — то есть борьба, которую вели вооруженные гражданские лица, сами добывавшие себе пропитание и не получавшие платы. С 12 июля до 27 августа 1780 года партизаны в этих областях провели пятнадцать крупных сражений против английских войск, нанеся им значительные потери — свыше 1100 человек — и сами потеряв убитыми и ранеными почти 650 человек².

Кроме того, при каждой крупной английской кампа-

* 19 октября 1781 года возле Йорктауна английская армия под командованием генерала Корнуоллиса капитулировала перед армией Вашингтона и французскими войсками. — *Прим. ред.*

нии из окрестных мест стекались отряды милиции, задававшиеся единственной целью — отразить данное, конкретное наступление; по достижении ее ополченцы возвращались к своим обыденным занятиям. Так обстояло дело, например, во время кампании Бергойна. Когда Бергойн вступил на территорию штата Нью-Йорк и его фланговые силы прикрытия вторглись с берегов озера Эри в область Гудзонова залива, а оттуда в Новую Англию, его главные силы и особенно силы прикрытия подвергались беспрестанному нападению не только регулярных войск, которыми предводительствовал Гейтс, но и весьма слабо организованных отрядов, сражавшихся под командованием Старка и Херкимера, а также других местных вожаков. Сам Бергойн писал лорду Джёрмэну 20 августа 1777 года следующее:

«Подавляющее большинство страны, вне всякого сомнения, разделяет принципы и рвение конгресса; а меры его исполняются в такой тайне и с такой быстротой, с какими ничто не может сравниться. Стоит только куда-нибудь направиться королевским войскам, как в двадцать четыре часа собираются отряды милиции численностью в 3—4 тысячи человек; ополченцы приносят с собой продовольствие и все необходимое для самих себя, а по миновании тревоги возвращаются на свои фермы».

Лорд Джёрмэн, разъясняя причины неудач англичан в начальный период войны, заметил, что «методы борьбы с врагом, избегающим встретиться с вами лицом к лицу в открытом бою, совершенно отличны от того, чему учат молодых офицеров общепринятые армейские уставы». «Главная сила мятежников, — заявил один английский офицер в 1778 году, — это проворство, с которым они перебегают от забора к забору, откуда ведут беспорядочный, но опустошительный огонь по войскам,двигающимся тем же шагом, что и на учениях».

Слово «американец» стало для многих представителей правящих кругов Англии равнозначным слову «красавица». Все население (включая женщин) владело огнестрельным оружием, в каждом доме американца имелось ружье. «Еще никогда», заявлял один английский офицер, имея в виду эту поголовно вооруженную и ревностно преданную делу революции массу,

«английской армии не доводилось бороться с таким неблагородным врагом; они посылают своих стрелков группами по пять-шесть человек, которые прячутся за деревьями, пока не представится случай выстрелить по нашим передовым часовым, после чего немедленно ретируются. Какой бесчестный способ ведения войны!»

III

Партизанскими методами вели американцы и войну на море. Правда, еще в 1775 году конгресс принял решение о создании некоего подобия военно-морского флота, действовавшего под командованием Эзека Гопкинса, но на самом деле он никогда не действовал в совместном, эскадренном строю. Всякая мысль о том, чтобы бросить вызов английскому господству на море как таковому, была, конечно, нелепой.

Вместо этого военно-морские суда совершали неожиданные, стремительные рейды с целью захвата припасов, как, например, на острова Принца Эдуарда или Нассау из группы Багамских, либо в одиночку пытались выводить из строя корабли торгового флота Англии. Военно-морские суда, снаряженные Конгрессом и отдельными штатами, а также американскими каперами, внесли двойной вклад в дело вооруженной революционной борьбы: во-первых, они обеспечили доставку значительных количеств припасов, особенно посредством торговли с Вест-Индией и прорыва английской блокады, во-вторых же, им удалось уничтожить английские суда общим водоизмещением во много тысяч тонн; только каперы за первые двадцать месяцев вооруженной борьбы вписали в свой актив 753 английских торговых корабля.

В ходе войны произошло несколько морских сражений в настоящем смысле слова, и опережающий военно-морской флот Америки показал себя в них с самой лучшей стороны. Особенно это относится к замечательному мореплавателю Джону Полу Джонсу, изумившему мир своими дерзкими рейдами на побережье Ирландии и даже на некоторые пункты самой Англии.

Организация, усердие, выучка и искусство, необходимые для боеспособного военно-морского флота, тре-

буют не только значительных ресурсов — ими революционная Америка обладала, — но и опыта, который у нее отсутствовал. Вместе с тем до тех пор, пока Англия сохраняла полное господство на море, она могла держать в своих руках крупные для того времени американские города и тем самым сделать достижение успеха в революции невозможным. Конец этому мог быть положен либо в результате истощения военных ресурсов Англии, либо в результате некоторого ограничения ее господства на море. Совместное действие обоих факторов — в сочетании с непрекращающимся и действенным сопротивлением американцев на суше — привело к Йорктауну и признанию Англией своего поражения.

Именно первостепенное значение морской мощи для исхода войны придало решающую роль тому вкладу, который внесла в военные усилия американцев Франция. Дипломатической истории революции мы коснемся вкратце на последующих страницах. Однако уже здесь, при рассмотрении ее военных аспектов, нельзя обойти молчанием роль Франции. Франция сыграла важную роль, затруднив положение Англии в плане европейского политического равновесия; предоставив в распоряжение повстанцев денежные средства, кредит и припасы; оказав содействие в вербовке опытных офицеров (многие из которых не были французами) для континентальной армии; и, наконец, послав свои войска, сражавшиеся на американской земле (при Йорктауне было 7800 человек французских и 8845 — американских войск, а потери французов более чем вдвое превышали потери американцев).

Однако силой, принудившей Корнуоллиса к сдаче, были 36 линейных кораблей под командованием адмирала де Грассе. Именно эти корабли отбили в начале сентября запоздалую морскую атаку адмирала Грейвса в районе Чесапикского залива, а затем переправили американские и французские войска к позициям, занятым ими ниже и выше позиций войск Корнуоллиса, избавив пехоту от утомительного многомильного перехода. Осуществив эту операцию, корабли де Грассе заняли осадные позиции перед Йорктауном, полностью блокировав морские подходы между мысом Чарлз на севере и мысом Генри на юге.

Виргинская милиция и французские моряки окру-

жили английские войска под командованием Тарлтона чуть севернее города Глостер, а по ту сторону реки Йорк, в самом Йорктауне, Корнуоллис был отрезан французским флотом с севера и востока и американскими и французскими войсками — с юга и запада. Верховное командование операцией осуществлял лично Вашингтон.

Корнуоллис, войска которого численно уступали противнику в пропорции 1 : 2, были зажаты в тиски 36 французскими кораблями (в распоряжении генерала Клинтона в Нью-Йорке имелось лишь 27 кораблей) и подвергались непрерывным пехотным атакам и шквальным артиллерийским обстрелам — англичане потеряли 482 человека, — решил сдаться со всей своей армией численностью в 8 тысяч человек. Сдача состоялась 19 октября 1781 года.

Лорд Корнуоллис, сославшись на болезнь, поручил передать свой меч одному подчиненному. Когда тот вручал меч графа главнокомандующему повстанцев, Вашингтон отказался принять его и приказал вручить его *своему* подчиненному — новоангличанину генералу Линкольну, за год до того сдавшему Чарлстон англичанам. Английские войска, облачившись в щегольские алые мундиры, продефилировали меж рядами облаченных в нарядные синие мундиры французских солдат и все еще одетых в оборванные, разношерстные мундиры американских континентальных и милицейских войск, чтобы сложить свое оружие. Англичане нарочито избегали смотреть в лицо повстанцам, глядя только на французов, — этим они подчеркивали, что одна законная королевская армия сдается другой законной королевской армии. И тем не менее мотив, который исполнял английский оркестр, служил намеком на то, что сдача была чем-то новым — не освященной веками церемонией в честь наемных вояк одного монарха, взявших верх над наемными вояками другого монарха, а триумфом революционных республиканцев. Оркестр играл песенку «Мир перевернулся вверх тормашками».

ТОРИ И ПРЕДАТЕЛИ

Ричард К. Хаскетт в своем богатом мыслями очерке «Революция в действии» («Америкэн историкал ревью», апрель 1954 года) указывал, что одним из предварительных условий победы революции было подавление ее внутренних врагов. Вот почему

«успех революции был немыслим без революционного правительства, способного добиться повиновения своей воле. Борьба между патриотами и лоялистами была делом жизни и смерти: армия Вашингтона еще могла бы кое-как существовать перед лицом английских войск, но если бы рухнуло гражданское управление, стоявшее за ней, тогда не осталось бы ничего».

Насколько серьезной была угроза внутренней контрреволюции и как она отражалась?

Прежде всего, конечно, в революции имел место весьма определенный аспект гражданской войны. Очень драматически эту черту иллюстрируют яркие примеры раскола в семьях. Так, сын Бенджамина Франклина занимал пост королевского губернатора Нью-Джерси; шурином Джона Хэнкока был судья Джонатан Сьюэлл, тори-эмигрант; зятем генерала Генри Нокса — Томас Флакер, высланный из страны тори, чье имение подверглось конфискации; братом генерала Джона Старка — английский полковник; братом Гавернира Морриса — английский армейский офицер, а его шурином — тори-эмигрант.

Этот аспект гражданской войны, хотя он и не играл столь значительной роли в Американской революции, как в некоторых других революциях, — частично в силу сравнительной немногочисленности тори, — был тем не менее отмечен крайним ожесточением. Типично было желание, высказанное одним коннектикутским тори, «убить больше проклятых мятежников, чем убил самый верноподданный англичанин». Тори обычно честили патриотов «скотами из народа», «дьявольскими отродьями», «чернью», «необузданными, буйными, наглыми бандитами и убийцами» и иными отборными эпитетами из лексикона представителей высших классов. Не очень церемонились, высказывая свое мнение о тори, и повстанцы. Джон Адамс, отнюдь не самый желчный среди патриотов, полагал в 1774 году: «Наши тори — это самые презренные твари в мироздании. Пауки, жабы, змеи — вот единственное подходящее для них сравнение».

В основном тори рекрутировались из числа более богатых элементов колониального общества. Это не значит, что не было бедняков, остававшихся — с большим или меньшим рвением — верными короне; в отношении ничтожного процента это справедливо. Не значит это и то, что представители богатой верхушки колониального общества были лоялистами — о большинстве этого не скажешь. Но это значит, что в большинстве своем тори принадлежали к числу состоятельных элементов или их непосредственных слуг. Сюда входило большинство агентов английских торговых фирм, особенно в Виргинии и Северной Каролине; большинство англиканского духовенства; большинство аппарата колониального управления. Многие представители богатой верхушки плантаторов-рабовладельцев восточного побережья, особенно в Южной Каролине и Джорджии, и купечества, особенно в Нью-Йорке и Филадельфии, предпочли, часто с большими колебаниями, остаться верными законному монарху, нежели признать власть новоявленного конгресса. На сторону короны стали и некоторые крупнейшие землевладельцы, особенно в Мэриленде и верхней части штата Нью-Йорк, где феодальные порядки были наиболее прочными.

Ни в одном штате лоялисты не составляли большинства населения, но в Делавэре, Мэриленде, Джорджии

и Северной Каролине они были достаточно весомы, чтобы представлять серьезную проблему; в отдельных населенных пунктах, как, например, в Филадельфии, они были многочисленны. Однако сколько-нибудь точных цифровых данных, относящихся ко времени самой революции, слишком мало. Вот некоторые из них. В одном английском армейском реестре, датированном концом 1778 года, утверждалось, что на всю армию имеется меньше 7500 лоялистов; в 1781 году списки личного состава армии включали меньше 5500 лоялистов; по окончании военных действий, когда англичане вывели свои войска в 1783 году, вместе с ними покинули Америку около 7 тысяч лоялистов. Одна английская правительственная комиссия, рассматривавшая иски лоялистов о компенсации, закончила свою деятельность в 1790 году, утвердив выплату без малого 3½ миллионов фунтов 4118 индивидуальным просителям. Эзра Стайлс, президент Йейльского университета с 1778 по 1795 год, утверждал в своем дневнике в 1783 году, что число тори «во всех штатах на протяжении восьми лет войны» не превышало «15—20 тысяч человек».

Другие суммарные цифры являются от начала до конца предположительными. Согласно наиболее распространенным данным, с 1775 по 1783 год выехали из восставших колоний в Канаду и Англию около 100 тысяч тори — мужчин, женщин и детей; это составляет около 4 процентов всего белого населения. Конечно, имелись и такие лоялисты, которые не бежали из страны, но сколько их было, этого мы не знаем.

В двух наиболее густо населенных в этот период областях — Новой Англии и Виргинии¹ — торизм представлял наименьшую силу. Отличающийся скрупулезностью исследователь революционного Коннектикута Оскар Цейхнер пришел к выводу, что тори составляли не свыше 6 процентов населения штата. Айзек С. Харелл в своем труде «Лоялизм в Виргинии» (1926) утверждал, что торизм никогда не имел здесь широкого распространения — его приверженцы «никогда не превышали нескольких тысяч человек», — а Томас Джефферсон в своих «Заметках о Виргинии», относящихся ко времени самой революции, упоминал о том, что «жители штата единодушны» в поддержке революции.

Как «отцы-революционеры» решали вопрос о торизме? До Лексингтона главным средством патриотов были убеждение и увещание, обильно «приправленные» разнообразными мерами принуждения, выходящими за рамки закона, — от бойкота до физического насилия. После Лексингтона убеждение уступило место принуждению, принимавшему пять основных форм. Это было: 1) лишение всех гражданских и некоторых общественных прав; 2) конфискация собственности; 3) высылка; 4) заключение в тюрьму; 5) казнь.

Во всех штатах тори были отрешены от любых занимаемых ими публичных постов с запретом дальнейшего избрания на них. Как правило, им было запрещено — в законном или явочном порядке — исполнять обязанности священнослужителей, учителей, адвокатов и врачей. Они были лишены избирательных прав — в законном порядке в пяти штатах, на практике — на всей территории, охваченной революционным движением. Вот как сформулировал Ричард П. Маккормик в своём замечательном исследовании о Нью-Джерси позицию революционеров в данном вопросе, преобладавшую во всех тринадцати штатах: «Только тем, кто хотел поддерживать дело революции, следовало разрешать пользоваться полными политическими правами». Лишение некоторых прав сохраняло силу в отдельных колониях несколько лет после подписания мирного договора 1783 года.

В девяти штатах были приняты законы об изгнании видных или ярых тори; в действительности, если только тори не вел себя тише воды, ниже травы или не проживал на территории, захваченной англичанами, ссылка была его участью повсюду. Первым шагом к конфискации собственности тори явилось принятие законов, удвоивших и утроивших размеры их налогообложения. Позднее была осуществлена непосредственная конфискация; суды или генеральные прокуроры, действуя на основании законов, принятых во всех штатах, просто экспроприировали имущество тори. Конфискованная таким образом собственность подлежала продаже в пользу революционных правительств — это явилось для них важным источником доходов. Нью-Йорк, например,

получил таким путем почти четыре миллиона фунтов, Мэриленд — свыше двух. Это был также важный источник «безгрешных» доходов, и нет нужды говорить, что буржуазия не упустила возможности обогатиться на этой войне, как она это делает на всякой войне. Так, Уильям Патерсон, генеральный прокурор Нью-Джерси, и его дружок Фредерик Фрилингхайзен нажили громадные суммы за счет взяток и иных бесчестных доходов.

В ходе революции несколько тысяч тори, включая представителей духовенства, были подвергнуты домашнему аресту (то есть им было запрещено выезжать за пределы строго ограниченной местной округи) или брошены за решетку. Заключенным в тюрьму было отказано в судебном разбирательстве с участием присяжных, в освобождении на поруки, в «хабеас корпус» или праве апелляции. Обычно тюремное заключение должно было длиться до конца конфликта. Иногда лишение свободы оказывалось сопряженным с принудительным трудом в пользу революции; в качестве примера укажем на использование арестантов-тори на Симсберийских рудниках в Коннектикуте. Имело место несколько случаев изгнания *en masse**. Не было чем-то необычным и заключение в тюрьму родственников тори, находившихся вне досягаемости патриотов; первых держали как заложников, чтобы обеспечить нейтральное поведение своих отсутствующих родственников.

Случаи казни тори — гражданских лиц в силу их принадлежности к тори были редкостью, но встречались. Так, двое были повешены в Филадельфии в 1778 году, несколько человек было предано казни в Северной Каролине (некоторые даже после подписания мира 1783 года). Чаше встречались случаи самоchinных, террористических казней тори (отличавшихся своей активностью) милицией штатов и партизанскими отрядами. Это же относится к казням тори — участников вооруженной борьбы, особенно в отместку за повешение патриотов.

Сколько несправедливостей и преступлений было совершено именем революции и в ходе ее осуществления, сказать невозможно. Удивительно, что весь вопрос о

* В массовом порядке (фр.). — Прим. перев.

гражданских правах тори, судя по всему, обходится молчанием в сочинениях «отцов-революционеров». Частичным исключением является одно — и притом единственное, насколько известно автору этих строк, — письмо. В июне 1780 года Пенсильвания облекла весьма широкими полномочиями президента (то есть губернатора) штата. В этой связи Мэдисон, в ту пору находившийся на сессии конгресса, обратился со следующими словами к Джефферсону: «Я слышал, что они облекли губернатора диктаторской властью, распространяющейся на все, кроме *самой жизни* граждан. Я надеюсь, что добрые плоды этой меры искупят опасность прецедента».

Первоначальная основа антиторийской кампании была заложена революционным захватом власти местными и общепроvincialными конвентами и комитетами. Первое постановление антиторийского характера национального масштаба содержится в рекомендации, изданной Континентальным конгрессом в октябре 1775 года и предписывавшей провинциальным Комитетам безопасности «заключить под стражу всех лиц, которые, находясь на свободе, могли бы, по мнению комитета, угрожать безопасности колонии или свободам Америки». В ноябре 1777 года конгресс рекомендовал штатам конфисковать собственность всех тори — тех, кто, по его словам, утратил «право на защиту».

Типичный пример революционных методов действия являет Совет безопасности Нью-Джерси. Он возник в марте 1777 года в составе двенадцати членов (включая генерального прокурора), избранных законодательным собранием штата, и был облечен полномочиями арестовывать всех лиц, заподозренных в противодействии революции. Вот как описывает профессор Хаскетт деятельность этого Совета, — а под аналогичным или тождественным названием он действовал более или менее сходным образом во всех штатах:

«Патриоты, входившие в Совет, объезжали территорию штата, придавая бодрости местным должностным лицам, а в случае необходимости беря в собственные руки отправление закона. Генеральный прокурор и его коллеги по Совету неожиданно являлись в округ, выслушивали вереницу свидетелей и отдавали приказы шерифу или даже милиции

об аресте заподозренных тори и отправке их в тюрьму в ту часть штата, которая казалась Совету наиболее безопасной. Потом Совет переезжал в другой округ и повторял всю процедуру. Работал он спешно, но основательно: в Морристауне в июле 1777 года члены Совета за один день отдали приказы об аресте 48 лиц. Обычные судебные гарантии в такой критический момент не принимались во внимание».

Таким образом, Американская революция вовсе не была свободна от «неистовства и безумства», как утверждал Луис Харц в книге «Либеральная традиция в Америке» (1955). Революция была отмечена жестокостью, но, к счастью, черта эта была несколько приглушена. Ограниченный характер революционной программы, *поскольку это касалось населения Америки и его экономики*, и поддержка, оказанная революции подавляющим большинством населения, — все это ослабляло аспекты гражданской войны. И все-таки для своего времени и места аспекты эти были достаточно явственными, а для тысяч людей, ощущавших их на самих себе, весьма реальны.

II

Сокрушить революцию пытались не только тори, но и предатели. Здесь мы касаемся лишь тех, кто, прикидываясь приверженцем дела революции, на самом деле деятельно помогал англичанам; мы не имеем в виду тех, кто с поворотами военной фортуны переходил из одного стана в другой — по принуждению или из расчета.

Факты свидетельствуют о том, что измена ни в один момент не представляла действительно серьезной опасности для революции — даже в случае с Бенедиктом Арнольдом. Под свежим впечатлением вести об измене Арнольда Вашингтон обратился со следующими словами к французскому генералу Рошамбо: «Предатели могут найтись в любой стране, а в такой революции, как наша, больше приходится удивляться тому, что их список оказался так мал, чем тому, что считанное число предателей все-таки нашлось».

Объясняется это, однако, вовсе не тем, что англичане не пытались склонить угрозами или подкупом многих американцев на путь измены. В годы пребывания Этана Аллена в плену англичане предлагали ему чин полковника в армии и щедрое земельное пожалование после поражения восстания. Позднее из Лондона были направлены агенты, имевшие полномочия принять любые требования Джорджа Вашингтона, Генри Лоренса — президента Континентального конгресса и Джозефа Рида — генерал-адъютанта армии в отношении денег и титулов, если они снова станут верноподданными слугами Георга III.

Усилия эти провалились, и подавляющее большинство вождей и рядовых бойцов революции остались верны ее делу, несмотря на тяжелые неудачи, так как движению, которому они служили, был предан весь американский народ. Защитой движению служили меры безопасности и репрессии в отношении тори; но победа революции была предопределена преданностью и поддержкой масс.

Расскажем вкратце об основных фактах, касающихся предательства в Американской революции.

Первая битва революции явилась плодом предательства. Гейдж, направив войска в Конкорд и Лексингтон, задавался целью конфисковать припрятанные патриотами порох и боеприпасы и захватить двух усиленно разыскиваемых политических беглецов — Сэмюэля Адамса и Джона Хэнкока. Местопребывание военных припасов и революционных вождей было выдано англичанам д-ром Бенджамином Черчем. Он был платным доносчиком англичан; сведениями, сообщенными им генералу Гейджу, он зарабатывал свои сребреники.

В революционном движении Массачусетса Черч занимал положение, уступавшее лишь положению Адамсов и Хэнкока, с которыми его связывала сердечная дружба. Черч был членом провинциального конгресса и Комитета безопасности; когда началась вооруженная борьба, он получил назначение на пост начальника медицинской службы армии. И все это время он был наемным агентом англичан.

Когда в конце 1775 года стали известны факты, доказывающие измену Черча, один из революционных вождей, Сэмюэль Уорд, следующими словами выразил

естественное крайнее недоумение всех, кто сталкивался — прежде и позже — с подобным явлением:

«Д-р Черч — предатель... У кого могла закрасться мысль или хотя бы подозрение об этом? Ведь речь идет о человеке, казалось горевшем на службе родине, окруженном глубоким вниманием и уважением, занимавшем несколько весьма почетных и доходных постов, пользовавшемся полным доверием своей страны. Какая мешанина безумства и безнравственности должна наполнять душу, чтобы быть способным на такое вероломство? Какая кара может сравниться с таким чудовищным преступлением?»

Черча, пойманного в Коннектикуте, недолгое время продержали в тюрьме, а потом привезли обратно в Массачусетс и отпустили под честное слово, что он не покинет территорию штата. Он сдержал обещание бесподобным образом, отплыв в Вест-Индию, но корабль потерпел крушение и затонул; вместе с ним канул в морскую пучину и Черч.

Другим доносчиком генерала Гейджа в начальный период войны был Бенджамин Томпсон, позднее граф Рамфорд, прославленный ученый. Заподозренный своими нью-гэмпширскими согражданами-соседями, он был арестован, предан суду и оправдан, но в действительности он был виновен, так как снабжал англичан военной информацией. Тем не менее он писал своему тестю: «Я никогда не совершал и (какая бы участь меня ни ждала) никогда не совершу ничего такого, что могло бы хоть в самой отдаленной степени нанести урон истинным интересам моей родины». Позднее он открыто переметнулся на сторону англичан и перед концом войны был секретарем лорда Джёрмена.

Весной 1776 года был раскрыт заговор с целью убить генерала Вашингтона. Королевский губернатор Трайон предоставил крупную сумму денег в распоряжение Дэвида Мэтьюза, мэра города Нью-Йорка. С помощью этих денег были обеспечены услуги десятка с лишним предателей, в том числе — Томаса Хики, члена личной охраны Вашингтона. Так как несколько участников заговора были гражданскими лицами, а сам заговор был разоблачен еще до принятия Декларации независи-

мости, конгресс и Вашингтон испытывали некоторые сомнения относительно того, как наказать преступников. В конце концов несколько человек были приговорены к тюремному заключению, а Томас Хики повешен 28 июня 1776 года.

В конце 1776 года старший адъютант пятого Пенсильванского полка Уильям Демонт изменил своему воинскому долгу и перебежал на сторону англичан. С собой он захватил детальные планы форта Вашингтон, удерживаемого его полком. Это помогло англичанам осуществить успешное наступление на форт. Его падение (6 ноября 1776 года) явилось одним из самых тяжелых ударов, нанесенных американцам за все время войны, — их потери, включая пленных, достигали 3 тысяч человек, велики были и материальные потери, в первую очередь артиллерии. Катастрофа вынудила Вашингтона оставить территорию штата Нью-Джерси и открыла — как писал Пейн в начале декабря в своей работе «Американский кризис» — «времена, испытывающие души людей».

На путь предательства стал и ряд других видных личностей; в некоторых случаях их измена осталась неизвестной до конца их дней. Это относится, например, к Меткафу Боулеру, верховному судье Род-Айленда и одновременно доносчику сэра Генри Клинтона, и к капитану Джозефу Хайнсону, мэрилендскому шкиперу, без устали перевозившему секретные дипломатические депеши из Европы в Америку и обратно и с тем же рвением продававшему их точные копии англичанам. Предателем был Уильям Рэнкин, полковник Пенсильванской милиции; это же относится к подполковнику первого Нью-Йоркского полка Герману Зедвицу — он, однако, был разоблачен и брошен за решетку. Англичане имели своих агентов в законодательных собраниях штатов (например, Уильяма Герона в Коннектикуте) и среди высшей континентальной администрации (например, Эдуарда Фокса из Мэриленда, служившего в казначействе).

Особые старания англичане прилагали к получению информации, касавшейся дипломатической деятельности американцев. Мало того, что на их службе находился пользовавшийся наибольшим благоволением курьер Бенджамин Франклин (только что упоминав-

шийся капитан Хайнсон), — им еще удалось протащить предателей на пост облеченных доверием секретарей двух из трех американских уполномоченных в Париже — Эдуарда Бэнкрофта для Франклина и Уильяма Торнтона для Артура Ли. Кроме того, им удалось склонить к разрыву с делом революции третьего уполномоченного — Сайласа Дина, а в 1780-х годах перетянуть его на королевскую службу.

Из всей этой братии самой любопытной личностью являлся Эдуард Бэнкрофт. Уроженец Массачусетса, долгое время проживавший в Англии, близкий друг Франклина в Париже и его облеченный доверием секретарь, он в течение многих лет находился на службе Англии. Возбудив подозрение Артура Ли, Бэнкрофт инсценировал свой арест англичанами и последующее «освобождение», чтобы упрочить свою репутацию ревностного борца за революцию. Как это ни невероятно, измена Бэнкрофта стала известна только в 1891 году, когда американский ученый Пол Лейстер Форд опубликовал доказывающие ее документы.

Вплоть до сегодняшнего дня остаются кое-какие сомнения относительно степени двурушничества в поведении Сайласа Дина. Конгресс в 1842 году официально признал обвинения против него ложными. Обвинения эти, выдвинутые Артуром Ли, касались финансовых злоупотреблений и для современников были достаточно весомы, чтобы повлечь за собой смещение Дина с занимаемого им дипломатического поста. В дальнейшем вплоть до самой смерти, последовавшей в 1789 году, он жил в Англии, находясь на службе короля.

Небезынтересно, что Дин и Арнольд (в годы, предшествовавшие их активной изменнической деятельности) были близкими друзьями и что оба они были видными руководителями консервативного крыла в революционной коалиции.

Предательство Бенедикта Арнольда сделало его имя нарицательным. Ему дали имя в честь прадеда, который в XVII веке трижды занимал пост губернатора Род-Айленда. Сам он был нью-хейвенским купцом и деятельно участвовал на начальном этапе в революционном движении, в котором быстро выдвинулся, выказав недюжинную личную отвагу и тактическую изобретательность.

И все-таки с самого начала военная карьера Арнольда была отмечена неоднократными обвинениями в плутнях и нарушении долга; под сомнение ставился даже его патриотизм. Переписка Арнольда пестрит заявлениями в том, что (цитируя типичный образчик, датированный 11 марта 1776 года), «хотя я с горечью чувствую неблагодарность моих соотечественников, все личные обиды останутся схороненными в рвении, с каким я пекусь о безопасности и счастье моей родины, за дело которой я многократно сражался, проливал кровь и готов в любой момент пожертвовать своей жизнью».

Будучи дважды ранен, Арнольд в 1778 году был назначен на тыловой пост коменданта Филадельфии. Здесь он сорил деньгами направо и налево, женился на дочери богатого лоялиста и попал под подозрение — опять на почве финансовых злоупотреблений — гражданских властей. Ввиду выдвинутых против него обвинений он был предан в июне 1779 года военному суду, но процесс затянулся на много месяцев.

Хотя на процессе Арнольд с пеной у рта доказывал свою честность и преданность делу революции — и отделался легким нагоняем, — уже в мае 1779 года он вступил в изменнические переговоры с Клинтоном.

Жадно стремясь захватить в свои руки командование таким военным укреплением, сдача которого была бы заманчивой для англичан, а их плата за эту сдачу — заманчивой для него, Арнольд благодаря горячему заступничеству (ничего не подозревавшего) генерала Филиппа Скайлера получил от Вашингтона командование Уэст-Пойнтом — ключом всей области Гудзонова залива. Его Арнольд и предложил англичанам за 10 тысяч фунтов.

Совершенно случайно, в результате ареста английского курьера майора Андре, заговор был разоблачен. Арнольд в сентябре 1780 года бежал к Клинтону. Несмотря на личные обращения Клинтона, Вашингтон добился вынесения приговора о повешении Андре, но ему так никогда и не удалось заполучить в свои руки Арнольда. Сей джентльмен получил чин бригадного генерала в английской армии, кругленькую сумму в 6315 фунтов, к которой были добавлены ежегодные пенсии в 500 фунтов для жены и по 100 фунтов для каждого из

детей, и несколько лет спустя свыше 13 тысяч акров земли в Канаде.

Выдав нескольких американских агентов в захваченном англичанами городе Нью-Йорке, Арнольд предпринял два исступленно зверских налета на Виргинию и Коннектикут, а в декабре 1781 года уехал в Англию, где снискал презрение всех, кроме короля. Он никогда больше не получал командных постов в английской армии, несколько лет прожил в Канаде, где занимался торговлей, возвратился в Лондон и в 1801 году умер, разоренный и презираемый.

III

Самую серьезную внутреннюю военную угрозу, с которой столкнулся Вашингтон, создавали волнения в армии, а не предательство. В известном смысле, конечно, эти волнения могут рассматриваться как своего рода массовое предательство, но правда заключается в том, что волнения, которые раза три-четыре вспыхивали в рядах революционной армии, ни в какой мере не носили проанглийского характера. Совсем наоборот, это были вооруженные выступления преданных революции американцев, доведенных до отчаяния неудовлетворительным питанием и обмундированием, а также отдельными бюрократическими несправедливостями, в первую очередь связанными со сроками службы в армии.

Самым серьезным из этих выступлений были волнения, охватившие примерно 1300 солдат на Пенсильванском фронте, оборону которого несли ветераны, покрывшие себя воинской славой. Возглавляемые своими сержантами, солдаты потребовали выплаты жалованья (которое им задолжали за много месяцев), улучшения питания и обмундирования и демобилизации тех, из чьих документов явствовало, что они уже отслужили свой срок. Один офицер, пытавшийся подавить волнения, был убит. Даже генерал Уэйн, пользовавшийся большим уважением среди солдат, не смог удержать их под своей властью, и они двинулись из Морристауна в Трентон, где тогда заседал конгресс.

Клинтон, совершенно превратно истолковав событие, направил двух агентов к мятежникам, предложив

выплатить им все задержанное жалование, если они принесут присягу на верность королю, с предоставлением выбора продолжать или бросить службу в армии. Однако солдаты хотели совсем не прекращения революционной борьбы; они домогались справедливости, чтобы лучше вести ее. Поэтому оба агента были переданы Уэйну, который немедленно приказал их казнить. Предложение генерала наградить сержантов, передавших агентов, было ими решительно отвергнуто.

После недельных переговоров с лидерами конгресса и удовлетворения большинства требований солдат волнения прекратились. Ободренные этим успехом, 2 января 1781 года взбунтовались менее многочисленные войска Джерсийского фронта. На этот раз Вашингтон реагировал решительно, направив значительные военные силы из Новой Англии, чтобы подавить волнения. Мятежников принудили к сдаче без боя; командиров всех трех полков было приказано расстрелять, причем сделать это должны были двенадцать других вожаков. Одного из трех пощадили, но остальных двух подвергли казни без всякого суда, и волнения прекратились.

Более злокозненный характер носил заговор группы офицеров континентальной армии; правда, он возник уже после окончания вооруженной борьбы и потому, хотя и угрожал целям революции, не грозил военной катастрофой.

Цель заговорщиков заключалась в замене республики, в которой руководящие позиции принадлежали гражданским лицам, военной диктатурой или более или менее абсолютной монархией. Утверждение любой из этих форм требовало деятельной поддержки естественного кандидата на пост главы государства — Джорджа Вашингтона. Престиж, которым он пользовался, особенно после того, как стало очевидно, что сдача Корнуоллиса знаменовала собой фактическое торжество революции, был совершенно безграничным; в самом деле, современники уподобляли его не только Моисею, но и самому Христу. Власть Вашингтона в качестве главнокомандующего победоносной революционной армии лишь немногим уступала его престижу, и если бы он поддался соблазну, которым его прельщали, трудно усмотреть, какая сила могла бы оказать ему эффектив-

ный отпор, по крайней мере в ближайший период времени.

Поведение Вашингтона в ходе этого кризиса образует одну из самых замечательных глав в жизни этого великого человека. В то же время оно отражает дух американского народа — господствовавший по крайней мере в начальный период его истории, — который питал сильнейшее недоверие к власти и всему складу мышления военщины и решительно воспротивился попыткам Англии, предпринятым еще до Лексингтона, навязать им главенство военщины над гражданским населением.

Вашингтон неизменно вел себя как слуга конгресса (даже тогда, когда орган этот зимой 1776 года облек его диктаторскими полномочиями на шесть месяцев), и хотя эта зависимость часто бывала для него тягостной, он ни разу не преступил указанных границ; судя по всем имеющимся свидетельствам, у него никогда даже не закрадывалась мысль такого рода.

Этого, однако, нельзя сказать о всех причастных к власти в годы революции. С 1780 года начали выдвигаться откровенные предложения о необходимости, якобы во имя революции, безраздельной власти одного человека. К весне 1782 года дело зашло настолько далеко, что один полковник Пенсильванского фронта, Льюис Никола, предложил от своего имени и от имени ряда других офицеров — число их неизвестно, — чтобы Вашингтон ниспроверг республику и провозгласил себя королем.

Вот что ответил Вашингтон полковнику 22 мая 1782 года:

«Я внимательно ознакомился с теми мыслями, которые вы изложили в письме на мое имя, и вне себя от удивления и изумления. Заверяю вас, сэр, ни одно событие за все время войны не причинило мне большей боли, чем ваше обращение, из которого я узнал о существовании в армии таких взглядов, какие были высказаны вами, — взглядов, которые не могут не вызывать во мне отвращения и не исторгнуть у меня самый суровый укор. На этот раз я схороню их в тайниках моей души, если какое-либо дальнейшее возбуждение этого вопроса не сделает необходимым публичное разоблачение.

Я ума не приложу, что в моем поведении могло побудить вас обратиться ко мне с предложением, чреватом, на мой взгляд, величайшими бедами, какие только могут постигнуть мою родину. Если я не ошибаюсь в самом себе, вы не могли найти человека, более чуждого вашим проискам... Так позвольте же мне заклинать вас — если в вас есть хоть капля любви к родине, заботы о самом себе или потомках, наконец, уважения ко мне, — изгоните эти мысли из своей головы и никогда не высказывайте, ни от своего, ни от чужого имени, взгляды такого рода.

Показательно для удивительной снисходительности, с какой обычно в американской истории относились к незаконным реакционным проискам и контрреволюционной деятельности, — если только при этом не бросался вызов имущественным отношениям, — что изменническое обращение полковника Никола не причинило ему иных неприятностей, кроме выговора в ответе Вашингтона.

Хотя отклонение Вашингтоном данного конкретного предложения знаменует собой решительную победу республиканской идеи, было бы неверно утверждать, как это делал Джон Ричард Олден в своем исследовании «Американская революция», что «инцидент с Никола фактически означает крушение монархической идеи в Соединенных Штатах и полное торжество системы представительного правления». Напротив, монархической идее суждено было воскреснуть позднее, а угроза системе представительного правления не только уцелела до наших дней, но и снова всплыла на поверхность сразу после дела Никола.

На этот раз цель заключалась в отстранении существующего гражданского правительства и создании федерального правительства, власть которого носила бы решительно централизованный характер и поддерживалась бы многочисленной постоянной армией под командованием офицера, наделенного всеобъемлющей верховной властью, — и опять первым кандидатом на этот пост называли Вашингтона.

Движение это питалось отсутствием достаточной власти у существующего конгресса, действовавшего на

основе «Статей конфедерации», и его явной неспособностью. Оно питалось также банкротством этого конгресса, который буквально не имел средств оплатить расходы курьера, доставившего весть о Йорктауне, и не мог внести плату за аренду здания, занимаемого его казначейством! Наконец, он питалось очевидным бессилием конгресса выполнить принятое им обязательство о пожизненной выплате половинного оклада офицерам, вступившим в армию до конца войны, и рассчитаться со своими гражданскими кредиторами.

Такова была та почва, на которой возникло совместное выступление ряда виднейших кредиторов государства и недовольных офицеров, замысливших свести на нет, а фактически свергнуть власть конгресса и заменить ее властью «сильного человека». Именно в этом смысл угрозы, высказанной в 1783 году Уильямом Бингэмом, партнером Роберта Морриса по «Бэнк оф Норт Америка» и одним из первых «военных миллионеров» Америки. Бингэм заявил, что, если кредиторам не будет воздана справедливость, «неминуемо произойдет сокрушительный взрыв».

7 февраля 1783 года Гамильтон обратился с письмом к Вашингтону, в котором пытался завербовать его на сторону движения, соединившего требования обеих группировок: «Его цели — это цели всех здравомыслящих людей, и влияние армии, направляемой по верному пути, может помочь их достижению». В тот же день Гавернир Моррис писал генералу Ноксу, что конгресс «скорее будет взирать, как вы [то есть армия]дохнете с голоду, чем заплатит пусть даже пустяковый налог»; поэтому он предложил, чтобы армия решительно заявила конгрессу о своих требованиях.

Уместно отметить, что тот же Моррис писал в декабре 1782 года генералу Натаниэлю Грину: «Я утратил всякую надежду на то, что наш союз может существовать в какой-либо иной форме, кроме абсолютной монархии, а она, судя по всему, решительно расходится со вкусами и настроениями народа. Неизбежным следствием этого может быть, если я не ошибаюсь, только одно — раскол, а потом и войны».

В марте 1783 года, в то самое время, когда делегация офицеров представляла требования конгрессу, в штаб-квартире армии, находившейся в Ньюберге (Нью-

Йорк), появился полковник Уолтер Стюарт, эмиссар Роберта Морриса. 10 марта родился на свет первый из двух документов, получивших впоследствии название «Ньюбергских обращений». Обращение, обнародованное анонимно, было делом рук майора Джона Армстронга — адъютанта генерала Гейтса и сына одного из генералов Пенсильванского фронта. Оно беспощадно обличало шатания конгресса, призывало офицеров к решительным действиям и предлагало, чтобы они «взяли на подозрение всякого, кто станет советовать и дальше проявлять умеренность и терпеливость». Обращение заканчивалось уведомлением о созыве 11 марта собрания всех офицеров для выработки наиболее действенного способа заставить конгресс выполнить их волю и предостерегало конгресс, что, «какой бы оборот ни приняли политические события, армия располагает альтернативой».

Вашингтон, ознакомившись с документом, сразу же издал приказы о запрещении собрания 11 марта и назначении другого на 15 марта — день, не позже которого, как ожидалось, поступят вести от делегации офицеров, ведущей переговоры с конгрессом. Ответом на это явилось второе «Ньюбергское обращение»; офицеры подчинялись приказу Вашингтона и намекали, что, поскольку он сам созвал новое собрание, он «признал справедливость» их требований.

На собрание 15 марта, проходившее под председательством Гейтса, неожиданно прибыл сам Вашингтон и выступил с короткой речью. Он достал лист бумаги, на котором он набросал свои главные мысли, а потом надел очки. Это удивило многих офицеров, и Вашингтон счел необходимым оправдаться: «Джентльмены, надеюсь, вы позволите мне надеть очки. Ведь я не только поседел, но и почти ослеп на службе родине».

Вашингтон похвалил автора обращений за энергию, какой дышала его проза, и за мастерскую отточенность языка. Он просил офицеров засвидетельствовать, что армия не имеет более верного и преданного друга, чем он сам, и более ревностного поборника ее дела. Но как предлагает анонимный автор содействовать успеху этого дела? Он выдвигает две альтернативы: в случае продолжения войны — покинуть фронт и отойти на запад; в случае заключения мира — не складывать

оружия, «пока вам не будет воздана полная справедливость». Итак, «либо бросить родину в самый тяжелый час, либо повернуть оружие против нее — явно такова была цель предложений автора, — если не удастся заставить конгресс быть всегда послушным». «Боже мой! — воскликнул Вашингтон. — И автор подобных предложений — друг армии, друг родины? Не является ли он, скорее, коварным врагом? Каким-нибудь агентом, может быть из Нью-Йорка [все еще находившегося в руках англичан], замышляющим погубить и армию, и родину, посеяв семена раздора и раскола между гражданской и военной властями континента?» Вашингтон напомнил офицерам о тяжком бремени, которое приходится нести конгрессу, и о стоящих перед ним проблемах; воззвал к их патриотизму; вновь заявил, что он считает обоснованными их жалобы; заклинал их положиться на справедливость конгресса и не совершать ничего, что запятнало бы летопись борьбы революционной армии.

Проговорив минут двадцать, Вашингтон нарочито удалился, чтобы не связывать офицеров своим присутствием и как бы выражая веру в их честность. Собравшиеся офицеры были глубоко растроганы — по словам генерала Скайлера, «все были в слезах». Была назначена комиссия во главе с генералом Ноксом для подготовки проекта резолюций, выражающих чувства собравшихся. Внесены были две резолюции. Одна выражала «непоколебимую уверенность в справедливости конгресса», другая — «отвращение и презрение» к «постыдным предложениям», содержавшимся в «Ньюбергских обращениях». Резолюции были приняты единогласно, даже путчисты проголосовали за свое собственное осуждение!

Вскоре конгресс достиг удовлетворительного решения возникших проблем, фактически удовлетворив большинство требований офицеров и гражданских кредиторов, и в конце 1783 года армия была распущена без всяких инцидентов. Насколько серьезным был кризис, можно судить по письму Гамильтона Вашингтону от 25 марта 1783 года. Он заявил, что полностью разделяет чувства истцов-кредиторов, и сообщил, что часть офицеров все еще жаждет употребить силу против конгресса. Он сам против этого, но не из принципа; просто

он считает, что такая попытка не имеет шансов на конечный успех, ибо страна ее не поддержит. Солдаты не пойдут за офицерами, заявил Гамильтон, и те «не будут иметь шансов на успех, не прибегая к средствам, которые свели бы на нет нашу революцию». Неминуемость краха — только это соображение побуждало Гамильтона выступать против попытки переворота: «Я сам не могу разделять планы применения силы, вынашиваемые иными джентльменами, но признаю, что, если бы от силы мог быть прок, я бы почти хотел, чтобы она была употреблена».

Вашингтон ответил Гамильтону 4 апреля. Он признавал обоснованность ряда жалоб, слабость центрального правительства и необходимость реформы в этом отношении, а также неспособность, возможно даже продажность, многих государственных деятелей. Но, подчеркивал Вашингтон, он «с изумлением и омерзением» относится к любому предложению о насильственном ниспровержении гражданской власти. Армия, заявлял ее главнокомандующий, — «это орудие, с которым играть опасно», но при царящих настроениях общественности «мысль об удовлетворении жалоб с помощью силы слишком химерична, чтобы она могла закрасться в голову хоть одного здравомыслящего человека в нашей армии».

Волнение, охватившее страну в связи с созданием наследственного общества «Цинциннати», доступ в которое был открыт лишь офицерам, и направленные против него запретительные законы и официальные осуждающие резолюции показали, насколько правы были Гамильтон и Вашингтон в оценке общественного мнения. В самом деле, оппозиция эта оказалась настолько могучей, что на первом же съезде общества, состоявшемся в 1784 году, его характер сразу был изменен. Это выразилось в отмене наследственного принципа, передаче средств общества в руки различных законодательных собраний штатов и обязательстве не вмешиваться в качестве организации в политику.

IV

11 апреля 1783 года конгресс обнародовал прокламацию, официально объявившую об окончании Рево-

люционной войны; четыре дня спустя он ратифицировал предварительные условия Парижского мира. На протяжении последующих месяцев революционные соединения были расформированы, и 3 ноября 1783 года конгресс официально демобилизовал все войска, личный состав которых вступил в армию до конца войны. В декабре 1783 года последний английский солдат был эвакуирован с восточного побережья (это, однако, не относится к нескольким западным пограничным постам, о чем более подробно речь пойдет в другом месте). Затем Вашингтон выехал в Аннаполис, где тогда заседал конгресс. По дороге он остановился в Филадельфии, где представил казначейству отчет, в котором пункт за пунктом были перечислены официальные расходы, понесенные им за годы пребывания на посту главнокомандующего (они достигали 64 315 долларов).

Речь, с которой Вашингтон обратился к конгрессу, была, как всегда, краткой и заканчивалась следующими словами: «Завершив ныне порученное мне дело, я удаляюсь с великой арены действия и, сердечно прощаясь с настоящим высоким собранием, под началом которого я столь долго действовал, вручаю ему свою отставку и слагаю с себя все государственные обязанности».

Ответ конгресса был оглашен его новоизбранным президентом Томасом Миффлином, бывшим генерал-квартирмейстером армии, который в прошлом не стеснялся в критике Вашингтона. Слова Миффлина были проникнуты возвышенным красноречием и глубокой искренностью; он, несомненно, выражал почти единодушные думы американского народа, когда заявил:

«Соединенные Штаты, в лице настоящего конгресса, исполненные чувств слишком волнующих, чтобы выразить их словами, принимают торжественную отставку с поста, находясь на котором Вы блистательно предводительствовали нашими войсками в опасной и рискованной войне. Призванные Вашей родиной защитить ее поправленные права, Вы возложили на себя священную обязанность еще до того, как она заключила союзы с другими государствами в момент, когда она не имела друзей и даже правительства, на которое Вы могли бы опереться.

Вы с мудростью, выдержкой и отвагой провели титаническую военную схватку, неизменно чтя права гражданской власти, через какие бы неудачи и повороты фортуны нам ни пришлось пройти.

Вы, воспламенив любовь и доверие своих сограждан, дали им возможность проявить свой военный гений и покрыть себя славой, которая перейдет в века.

Вы не прекращали борьбы, пока наши Соединенные Штаты с помощью великодушного монарха и его народа не сумели, осененные благим провидением, закончить войну в условиях свободы, безопасности и независимости, и по случаю этого счастливого события мы все шлем Вам самые искренние поздравления.

Отстояв знамя свободы в нашем Новом Свете, преподав урок, полезный и тем, кто угнетает, и тем, кто терпит угнетение, Вы удаляетесь с великой арены действия, благословляемый Вашими согражданами; но слава Ваших подвигов не померкнет вместе с Вашим уходом с поста главнокомандующего — она будет и впредь воодушевлять самые отдаленные века».

АНГЛИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Джону Адамсу принадлежат слова, что история Американской революции, претендующая на полноту, должна будет охватить «историю всего человечества в эту эпоху». Понимание истории Англии безусловно необходимо для понимания причин победы Америки.

В правление Георга III, вплоть до поражения, нанесенного ему Американской революцией, в системе управления Англией, зеркалом которой служил парламент, господствующие позиции занимали корона и земельная аристократия. Растущая торговая и особенно промышленная буржуазия, пользовавшаяся поддержкой масс, которые все явственнее высказывали свои взгляды, бросала вызов этому господству, но само оно оставалось непреложным фактом.

I

В Англии Георга III из каждых тридцати взрослых мужчин двадцать девять были лишены избирательных прав; около 6 тысяч избирателей — на всю Великобританию! — могли выбирать большинство парламента. Как выразился Лесли Стивен в своей «Истории английской мысли в XVIII столетии», «палата общин была в это время объектом недоверия народа, а вовсе не органом его воли». И хотя вошло в привычку высмеивать революционеров, изображавших Георга III монархом, злоупотреблявшим своей колоссальной властью, чтобы утвердить полную личную тиранию, факты истории свидетельствуют о том, что правда находится на стороне не насмешников, а авторов этого изображения.

Эдуард Чаннинг в третьем томе своей «Истории

Соединенных Штатов» заметил, что король «купил политическое равновесие в палате общин на деньги нации и таким образом превратил правительство, ответственное перед могущественными семействами Англии, в правительство, ответственное перед ним лично». А в другом месте Чаннинг заявил: «Не подлежит никакому сомнению, что король, распоряжаясь национальными средствами и раздаривая теплые местечки и пенсии, сумел в период 1767—1781 годов содержать достаточно многочисленную клику приспешников в палате общин, чтобы утвердить свое личное владычество».

Этот вывод получил новое подтверждение в труде Джона Ричарда Олдена, пришедшего к заключению, что «особенно после 1767 года» с помощью коррупции и взяток «Георг III сумел на протяжении нескольких критических лет подчинить кабинет и парламент сначала своему влиянию, а затем и господству». Король стал, по словам английского историка Реджинальда Копленда, «не только своим собственным премьер-министром, не только лидером своей собственной политической партии, но и ее парламентским руководителем, организатором ее победы на выборах».

На протяжении 60-х и 70-х годов король держал в своих руках по меньшей мере двести мест в парламенте, причем надо отметить, что срок депутатских полномочий равнялся тогда семи годам. В отличие от ряда своих предшественников, Георг III не пытался действовать наперекор парламенту; напротив, вкупе с землевладельческой «элитой» ему удалось превратить парламент в свое послушное орудие.

Фрэнк Э. Мэньюзел подытоживает новейшие английские исследования по данному вопросу, заявляя, что они «доказывают, что типичная для середины столетия палата общин почти наполовину состояла из клевретов короны — министров и чинов государственного аппарата, обладателей государственных синекур, придворных сановников, армейских и флотских офицеров, правительственных подрядчиков и наймитов секретной службы. Что же касается другой половины, то это были в большинстве ставленники местного джентри — решающей силы в графствах».

Некоторые историки — особенно сэр Льюис Нэмьер и покойный Эрик Робсон — отстаивали тезис, что

король, отказываясь принять требования колоний о предоставлении им большего самоуправления, на самом деле поддерживал систему парламентарного правления и полномочия парламента. Робсон, например, заявлял: «Георг III и его министры вступили в конфликт с американскими колониями, чтобы поддержать главенство Вестминстерского парламента. Именно это главенство, а не права короны были поставлены на карту».

Авторы указанного тезиса упускают из виду, что король, поддерживаемый придворной партией, был хозяином парламента. В результате двух революций в системе управления Англией было утверждено главенство парламента, и поэтому король пытался восстановить господство короны, обеспечив действенный контроль над парламентом. Этому он и добился к концу 1760-х годов. Вот почему в восстании американских колоний король видел угрозу не только всемирному положению своей империи, но и внутреннему положению в стране — тому господству над парламентом, которое он сумел обеспечить.

II

И напротив, оппозиция королю, возглавлявшаяся новой английской буржуазией, которая усматривала в его политике удар по независимости и власти парламента, сочувствовала движению отпора, развернувшемуся в американских колониях, а вождей этого движения считала своими политическими союзниками. Радикальное и реформаторское движения возникают в Англии и Америке (а также в Ирландии) одновременно; они придерживаются сходных идеологий и программ; их вожди часто переписываются между собой; литература одного движения воодушевляет и направляет другое; наконец, весьма сходны и их организационные формы. Часто трудно решить, какому движению принадлежит приоритет в выдвигании того или иного аргумента, той или иной программы, той или иной организационной формы; а о том, что каждое черпало силы в другом, и говорить не приходится.

«Вскоре, — пишет А. Л. Мортон, английский историк-марксист, характеризуя данный период, — выявились два полюса притяжения: империализм двора, правительства и финансистов, привлекавших к себе все при-

вилегированные классы, и новый радикализм, сначала буржуазный и несколько циничный, но затем пролетарский и подлинно революционный. Этот радикализм привлекал к себе одновременно как людей, лишенных собственности и привилегий, так и большое количество тех, кто видел в радикализме путь вступления в ряды привилегированных лиц, а такие люди встречались в каждом поколении». «Развитие английского радикализма», продолжал Мортон, свидетельствует о том, что он «был связан наитеснейшим образом»* с Американской революцией. Отсюда, в частности, ясно, что тот, кто сбрасывает со счетов сильную оппозицию политике Георга III, существовавшую в самой Англии, лишает себя возможности понять, почему американцы одержали победу, а политика короля потерпела крах.

Осведомленные английские современники были убеждены, что важную роль в политике короля, направленной на подавление революционного движения американских колоний, играла его жажда создать таким путем действенное военное орудие для утверждения своей диктаторской власти над Англией и неиссякаемый источник доходов, который позволил бы ему стать — при поддержке земельной аристократии и старой торговой буржуазии — совершенно независимым в финансовом отношении от воли парламента. Есть все основания полагать также (хотя рискованно утверждать это категорически), что король был не прочь навязать войну американцам, для того чтобы представить оппозицию против него в самой Англии изменой и, воспользовавшись военной истерией, полностью подчинить парламент своей власти.

Именно связь, существовавшая между английским и американским радикальными движениями, объясняет, почему в речи, произнесенной в парламенте в феврале 1765 года, полковник Айзек Баррэ назвал американцев «Сынами свободы». Такая связь объясняет, почему палата общин Южной Каролины в 1770 году перечислила 1500 фунтов «Лондонскому обществу защиты билля о правах», чтобы помочь уплатить долги Джона Уилкса, гонимого лидера английской радикальной оппозиции. Такая связь объясняет, почему то же Лондонское

* А. Л. Мортон, История Англии, М., 1950, стр. 261—262.

общество в 1773 году избрало своим членом Джона Адамса. Такая связь объясняет, почему «Конституционное общество» в Англии организовало сбор средств, чтобы помочь вдовам и сиротам американцев, убитых при Лексингтоне и Конкорде, причем руководитель этого общества Джон Хорн Тук был приговорен к тюремному заключению за «мятежную клевету».

Узы, связывавшие американское и английское радикальные движения, олицетворяются не только в личности Томаса Пейна, что хорошо известно, но и в жизненном пути Джона Уилкса, лидера последнего. Его переписка с американцами по вопросам политического характера восходит по крайней мере к 1758 году, а в 1760-х и 1770-х годах он находился в частом контакте с американскими радикалами, особенно с деятелями бостонского общества «Сынов свободы». Показательно письмо к нему, подписанное Комитетом «Сынов свободы» Бостона (среди членов которого мы находим Джона Адамса, Джозефа Уоррена и Бенджамина Черча); оно датировано 6 июня 1768 года — всего несколькими месяцами позже возвращения Уилкса в Англию из изгнания во Францию. Одного абзаца достаточно, чтобы составить представление о характере письма:

«То, что английская конституция все еще существует, наполняет наши сердца гордостью. И как бы она ни была слаба и немощна, мы не утратим в нее веру. Мир уже многим обязан Уилксу за его неослабные усилия, направленные на защиту конституции. Благородные и непоколебимые принципы, сделавшие столь достопамятным Ваше имя, укрепляют в нас надежду на Ваше уважение и помощь. Защищать американцев не значит изменять самому себе».

Движения в Америке и Англии составляют общую тему ряда английских памфлетов, получивших массовое распространение; назовем в качестве примера такие, как «Обращение к народам Англии, Шотландии и Ирландии о нынешнем серьезном кризисе» Кэтрин Собридж Маколей и «Американская независимость — благо и слава Англии» Джона Картрайта, оба вышедшие в 1775 году.

Уильямс в своей «Новой истории Уэльса» (1950) подчеркивает, что «именно Американская война пробудила чувство политического самосознания» в Уэльсе и что «первая книга на валлийском языке, посвященная чисто политическим вопросам, вышла в 1776 году и представляла собой перевод памфлета Трефива о характере конфликта в Америке, принадлежавший перу Дэвида Джонса».

Двумя ведущими оппозиционными деятелями Уэльса, занявшими воинствующую проамериканскую позицию, были Ричард Прайс и Дэвид Уильямс. О труде Прайса речь пойдет позднее; Уильямс, друг Франклина, в 1782 году выпустил «Письма о личной свободе», где, взяв в качестве исходной точки защиту американских революционеров, выдвинул требование о том, чтобы Англия установила всеобщее избирательное право для мужского населения, годичный срок полномочий парламента, жалованье для его членов, полную гласность парламентских дебатов и неограниченную свободу печати.

Другим выдающимся поборником дела Америки в Уэльсе был известный английский ориенталист Уильям Джонс. Он также был автором проамериканского памфлета, вышедшего в 1782 году, — «Принципы государственного управления, изложенные в диалоге между ученым и крестьянином». Издатель этой книги, шурин Джонса — Уильям Дэвис Шипли, настоятель Сент-Асафского собора, подвергся судебному преследованию за «мятежную клевету». Защиту его взял на себя знаменитый сэр Томас Эрскин. Процесс тянулся много лет и в конце концов был выигран. В нем Эрскин утвердил в английской юриспруденции принцип, который ранее удалось отстоять в деле Зенгера; согласно этому принципу, право определять, содержит ли конкретная публикация клевету или нет, принадлежит коллегии присяжных, а не суду.

Олдермены и мэр Лондона (им был Джон Уилкс, непоколебимый поборник дела Америки и вождь движения, направленного на демократизацию английского парламента) — вот кто обратился в 1775 году с петицией к королю отрешить от должности министров, угнетающих колонии. Городское управление Лондона, говорилось в петиции, «решительно осуждает те меры, какие

проводились и все еще проводятся для того, чтобы угнетать наших собратьев — подданных в Америке». Меры эти ставят своей целью «установить деспотическую власть над всей Америкой». Они были облечены в форму закона «с помощью той же пагубной коррупции, которая позволила им [министрам] нарушить мир и попортить конституцию нашей родины». Угнетение, которому подвергаются американские колонии, затрагивает нас, жителей Англии, не только потому, что оно коренится в коррупции в самой Англии, но и потому, что «вольности целого [империи] неразрывно связаны с вольностями каждой его части». Вот почему авторы петиции не могут «без крайней озабоченности и тревоги» взирать на то, как «в любой части владений Вашего величества попираются самые основы конституции». Далее в петиции идет перечисление жалоб колоний, которое не могло бы быть исполнено большей страстности, принадлежи оно перу самого Джона Адамса. Заканчивается петиция убийственным обличением политики короны:

«Ваши петиционеры убеждены, что эти меры берут начало в тайных помыслах людей, являющихся врагами титула Вашего величества и вольностей Вашего народа, и что они приводятся в исполнение министрами Вашего величества с помощью той же пагубной коррупции, которая позволила им нарушить мир и попортить конституцию нашей родины; таким путем они отравляют родник государственной безопасности и превращают этот орган, которому надлежит быть стражем свободы, в страшное орудие деспотической власти».

Вот с какой петицией обращались мэры и олдермены Лондона — города, где проживал один миллион из семи миллионов, составлявших в ту пору население Англии.

III

В феврале 1776 года в Лондоне вышел памфлет, которому суждено было иметь почти столь же бурный успех, как и «Здравому смыслу» Пейна, вышедшему в Филадельфии месяцем раньше. Он был озаглавлен —

«Замечания о природе гражданской свободы, а также о справедливости и благоразумности войны с Америкой». Еще до конца года памфлет сделал его автора — Ричарда Прайса, богослова и философа, пользовавшегося большим уважением среди своих коллег, но едва ли известного на общественной арене, — одной из самых популярных личностей в Англии и Америке.

Необычайная популярность этого памфлета в Англии служит еще одним показателем глубокого недовольства, с каким большинство англичан относилось к войне с Америкой. Труд Прайса был непосредственно подсказан политическими соображениями — он был апологией левого крыла партии вигов, возглавлявшегося тогда лордом Шелберном¹, против правого крыла, во главе которого стоял Эдмунд Бёрк. В американском вопросе — в ту пору, очевидно, стоявшем на переднем плане — группировка Бёрка поддерживала разъяснительный закон 1766 года, который, как помнят читатели, отменяя закон о гербовом сборе; вместе с тем решительно подтверждал абсолютное главенство парламента над колониями во всех без исключения делах. Группировка Шелберна отвергала эту позицию в пользу идеи полной независимости колоний во всех внутренних делах и ограничения их связи с метрополией лишь соглашениями о льготном таможенном режиме в области внутриимперской торговли. Вот почему Прайс и начал свой памфлет с нападков на разъяснительный закон, который он поставил на одну доску с политикой порабощения. «Можно ли, — писал он, приведя выдержки из закона, — яснее выразить доктрину рабства?».

Затем Прайс развернул свою концепцию «природы гражданской свободы». Сущность гражданской свободы, писал он, заключается в том, что государственная власть должна быть «творением народа». В нем она должна брать свое начало, под его руководством вершить дела, его счастья домогаться. Форма государственной власти не имеет существенного значения, писал Прайс, пока она сохраняет три только что названные черты.

В своих доводах против разъяснительного закона 1766 года, в своем определении гражданской свободы, в своих взглядах по вопросам налогообложения, законодательства и обязанностей должностных лиц Прайс

повторял принципиальные установки американских революционеров.

Еще ярче это обнаруживается в развернутой им общеполитической защите революции, удивительно схожей с той, какой суждено было появиться полгода спустя в Декларации независимости,— даже фразеология напоминает документ Джефферсона:

«Люди по природе своей склонны оставаться в подчинении тому типу государственной власти (каков бы он ни был), при котором они родились и были воспитаны. На путь отпора их толкают лишь грубые злоупотребления или какие-то особенные притеснения, выходящие за рамки того, к чему они притерпелись. И тот, кто будет изучать всемирную историю, обнаружит, что люди обычно имели больше оснований для жалоб, что они скорее были слишком терпеливы, чем непокорны и мятежны».

Определив гражданскую свободу — в выражениях, напоминающих аргументацию американских революционеров,— и развернув принципиальную защиту революционных методов борьбы, Прайс перешел затем к рассмотрению конкретного восстания, которое тогда пыталось подавить английское правительство. И он сделал это в такой откровенной, чтобы не сказать вызывающей, форме, какую только позволял английский язык:

«Наши колонии в Северной Америке ныне, как видно, полны решимости пойти на любой риск и вынести любые страдания, движимые убеждением, что Великобритания пытается украсть у них ту Свободу, на которую всякий член общества и всякое гражданское сообщество имеют естественное и неотъемлемое право. Вот почему вопрос о правильности развернутой здесь аргументации в высшей степени интересен и заслуживает самого пристального внимания каждого *англичанина*, который дорожит Свободой и не хочет запятнать себя тем, что он повинен в ее попрании».

Точка зрения Прайса сводилась к тому, что жалобы американцев справедливы, а отпор, оказываемый ими, героичен; что попытки подавить это движение отпора являются деспотизмом и угрожают *английской свободе*.

«Если бы мы возвращали Америку и благоволили ей в видах торговли, вместо того чтобы рассматривать ее как подвластную страну; если бы мы, как благородный и мудрый народ, радовались, глядя, как от нас отпочковывается множество свободных государств... разве это не было бы верхом блаженства?»

В этом случае «Свобода Америки могла бы охранять нашу Свободу и под началом короля-патриота или мудрого министра послужить для нас *средством* восстановить нашу почти растоптанную конституцию».

Вывод ясен — *во имя английской свободы* необходимо создать содружество равных, заменить концепцию империи концепцией союза государств, «составляющих разные *части королевства*». Пытаться поддерживать единство империи силой, отстаивать ее деление на господствующие и подчиненные части значит уничтожить гражданскую свободу, вести несправедливую войну и ниспровергать английскую конституцию. В заключение Прайс писал: «Надвигается крутой поворот в делах нашего королевства. И если мы не хотим, чтобы нашей участью была гибель, все, содеянное в последнее время, надобно уничтожить, а новые меры принять».

Не удивительно, что труд Прайса сразу же был перепечатан в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и Чарлстоне, а также в хартфордских и бостонских газетах; для состояния дел в Великобритании, однако, в высшей степени показательным, что он был выпущен также в Эдинбурге и Дублине, а в Лондоне еще до конца 1776 года выдержал тринадцать переизданий!

Именно этот памфлет послал своему дорогому другу Франклину выдающийся английский радикал и ученый Джозеф Пристли. Доставку памфлета с сопроводительным письмом Пристли доверил майору Карлтону, брату губернатора Квебека; и то, что майор оправдал возложенное на него доверие, подтверждается сохранившимся благодарным ответом Франклина.

В сопроводительном письме (датированном 13 февраля 1776 года) Пристли упоминает «замечательный памфлет» Прайса, который, как он надеется, может «произвести некоторое впечатление на нашу ослепленную нацию». Затем Пристли высказывает опасение, что английское правительство и его колониальные органы сделают примирение невозможным, в силу чего «вы,

вероятнее всего, вынуждены будете провозгласить свою независимость». В этом случае, продолжает он, «я надеюсь, вам достанет благоразумия уберечься от скалы, о которую пагубным образом разбились мы, и предусмотреть лучшие гарантии ваших естественных прав от посягательств государственной власти, в чьи бы руки она ни была вручена». Пристли заканчивает письмо к архибунтовщику, восставшему против своего монарха, заверением, что друзья американской и английской свободы остаются непоколебимы: «Наше рвение служить благому делу не ослабело».

IV

Участие Лафайета в Американской революции — факт общеизвестный. Менее известны его собственные слова о том, что толкнуло его на этот путь. В 1775 году Лафайет присутствовал в Париже на обеде, данном графом Брольи. Среди гостей находился герцог Глостерский, брат Георга III. Молодой Лафайет был изумлен, что герцог держал сторону американских повстанцев. Парадоксальность такой позиции подогрела интерес Лафайета к доводам герцога. Лафайет внимательно слушал герцога, когда он «рассказывал о том, как Англия обращалась с колонистами, и тепло отозвался об этих патриотах, поднявшихся на борьбу за свободу», и тут же решил вступить в их ряды.

Томас Уильям Кок, в течение полувека представлявший Норфолк в парламенте, в годы революции поднял тост за Джорджа Вашингтона, а не за его тезку короля*. Майор Картрайт, один из ведущих английских радикалов, повесил у себя в столовой Декларацию независимости, и в том же 1776 году Ноттингем присвоил ему звание почетного гражданина города. «Патриотическое общество» Лондона направило Джону Адамсу послание, адресованное Континентальному конгрессу в Филадельфию (и увидевшее свет на страницах газеты «Ллойдс» в номере от 11—14 сентября 1776 года):

* Имя «George», которое в русской литературе принято переводить — когда речь идет об английских королях — «Георг», по-английски произносится «Джордж». — *Прим. перев.*

«Ваше дело и наше дело — это одно и то же. Нынешний парламент Англии, не будучи избран должным образом, не имеет права издавать законы, и, следовательно, население не обязано подчиняться тем законам, какие ему заблагорассудится издать. Будьте уверены, что с нашей стороны Вы встретите всяческую поддержку, какая только в наших силах».

Чарлз Джеймс Фокс, один из лидеров партии вигов, правда, не занимавший такой левой позиции, как Шелберн, 24 июня 1776 года, вскоре после того как Англии достигла весть о поражении американцев в Канаде, обратился со следующими замечательными словами к своему политическому единомышленнику лорду Оссори:

«Королевские клеветы и тори теперь так расхорохорятся, что от них совсем не будет житья. Что до меня, то Вы знаете, из-за пустяков я не расстраиваюсь. Я все еще убежден, что в конце концов американцы возьмут верх, с помощью ли побед или поражений; ну а если не возьмут... это настолько убьет во всех боевой дух, что торизм одержит полнейшую победу, какая еще никогда не выпадала на его долю.. Но что бы ни случилось, ради всего святого, принесем все клятву — быть такими же верными друзьями [американцев]... в дни их напастей, какими мы были в дни их торжества, и по-прежнему считать дело вигов, сколько бы его ни дискредитировали поражения, единственным истинным принципом для нашей родины».

Едва ли можно было более четко выразить идею тождества дела вигов в Англии и дела патриотов в Америке, чем это сделано в только что цитированном письме.

По мере того как война затягивалась, ведущие политические деятели, выступавшие против ее продолжения, делали смелые заявления не только в частных письмах, но и в публичных речах. Сам лорд Чатам (Питт старший) в одной из своих последних речей, произнесенных перед смертью, хотя и выступал против предоставления независимости американцам, тем не менее заявлял палате общин в ноябре 1777 года:

«В войне справедливой и необходимой, ведущейся во имя защиты прав и чести моей родины, я снял бы с себя последнюю рубашку, чтобы ее поддержать. Но в такой войне, какую ведем мы,—несправедливой по своему принципу, заведомо обреченной на неудачу по средствам своего ведения, губительной по своим последствиям,—я не сделаю никаких усилий и не пожертвую ни единым шиллингом».

К этому времени столь же решительно (или еще решительнее Питта) против войны выступил и ряд других влиятельных деятелей — Уолпол, лорд Рокингэм, герцог Ричмондский, генерал Конуэй, сэр Джордж Сэйвил и многие другие. Даже Эдуард Гиббон — являвшийся, наряду с Сэмюэлем Джонсоном, одним из немногих среди представителей духовного мира Англии сторонников тори, с 1774 по 1783 год член парламента, где он занимал яркую антиамериканскую позицию,— и тот признал в декабре 1777 года, что в Англии «все жаждут мира».

Гораций Уолпол в марте 1778 года высказал свое убеждение в том, что король сознательно спровоцировал восстание в колониях, чтобы их можно было покорить силой оружия и подчинить полной тирании. А когда Америка будет подчинена, продолжал он, «день возвращения победоносной армии [в Англию] станет днем уничтожения нашей свободы». Ибо, задавал он вопрос, «неужели эта армия, возвратившись с победой, поколеблется сделать короля таким же самодержцем, каким она сделала его в Америке? Неужели она не набросится на друзей свободы, объявив их мятежниками?» Любопытно, что весьма сходные мысли высказывал еще в 1775 году прусский король Фридрих II.

Фокс, выступая в парламенте 25 ноября 1779 года, обвинил придворную партию в том, что, настаивая на продолжении войны в Америке, она доводит Англию до гибели, а народ ее — до отчаяния. Фокс предостерегал: «Когда нацию доводят до таких страданий и мук... народ неминуемо возьмется за оружие и в ряды борцов станут самые выдающиеся личности королевства».

Слова эти два дня спустя вызвали следующее, исполненное доброжелательства предостережение со стороны лондонской торийской газеты «Морнинг пост»:

«Господин Фокс выступил в парламенте с призывом к бунту. Видно, ему, по примеру других джентльменов, когда-либо оказывавшихся в таких же отчаянных обстоятельствах, очень хочется угодить на виселицу».

Столь же резко ополчились против войны, затеянной короной, и некоторые другие члены парламента — назовем в качестве примера Дэвида Хартли от Гулля и Генри Крюгера от Бристоля. В июне 1779 года сэр Уильям Мередит сделал в палате общин заявление, содержащее предложение прекратить войну в Америке. Предложение было отвергнуто, причем непреклонность лорда Норта была укреплена личным посланием короля, решительно заявившего, что конфликт с Америкой был «самым серьезным из всех конфликтов, в каких доводилось участвовать какой-либо стране». Победа Америки, писал король 11 июня 1779 года, означала бы начало конца нашей колониальной империи, «а наш остров, лишившись всех своих владений, погряз бы в доподлинной нищете».

К 1780 году тревогу по поводу непомерного роста влияния короны выражало уже большинство парламента. В апреле Джон Даннинг (лорд Эшбертон) внес знаменитую резолюцию, гласившую, что «влияние короны выросло, растет и должно быть уменьшено»; она была принята палатой общин 233 голосами против 215. К 1781 году даже лендлорды, раздраженные повышением налогов и понявшие наконец, что американцев никогда не удастся победить, стали оказывать давление на правительство Норта, требуя положить конец конфликту. К началу 1782 года поражение при Йорктауне уже стало достоянием истории, Франция, Испания и Голландия находились в состоянии войны с Англией, пять других держав объединились в антианглийском «вооруженном нейтралитете». Минорка и Гибралтар были осаждены, Западная Флорида и Багамские острова перешли в руки Испании, французы захватили Тобаго и несколько английских фортов в Западной Африке, в самой Англии рост народного недовольства, питавшийся ширящейся безработицей, поставил под угрозу власть правящих классов. В результате в феврале 1782 года палата значительным большинством голосов приняла предложение отказаться от всяких дальнейших попыток привести к покорности аме-

риканские колонии. Теперь признание Англией независимости Америки откладывалось лишь до завершения усилий дипломатов.

V

В не меньшей мере, чем в парламенте, раскол между вигами и тори по вопросу об Американской революции и союз английских вигов и американских патриотов обнаруживались в английском офицерском корпусе. Возможно, влияние вигизма как фактора, умерившего военное рвение братьев Хау, командовавших сухопутными и морскими операциями в начальный период войны с Америкой, было преувеличено. Но если в случае с Хау остаются большие сомнения, то в целом ряде других случаев решительная оппозиция войне не подлежит никакому сомнению.

Покойный Эрик Робсон, подвергший специальному исследованию военные аспекты революции (с точки зрения Англии), пришел к выводу, что большую роль в поражении Англии сыграл низкий моральный дух офицеров и рядовых солдат ее армии. Робсон убедительно доказал, что многих английских офицеров, сражавшихся в войне, по словам одного современника, «одолевали сильные сомнения в справедливости дела их родины».

Сомнения их усиливались, чем дольше им приходилось служить в Америке, так как офицеры собственными глазами убеждались, насколько лживо было официальное изображение восстания как дела рук злонамеренного меньшинства. Показательна реакция молодого офицера-шотландца сэра Джеймса Мэррея: «Что касается правовой стороны, то если американцы убеждены, что для блага их страны лучше быть независимыми от Великобритании и что они в силах добиться этого, они, бесспорно, вправе предпринять такую попытку».

Пожалуй, еще важнее указать в данном плане на наличие значительного числа английских офицеров, просто отказывавшихся от всякого участия в войне и притом открыто заявлявших о причинах своего отказа. Вот несколько характерных примеров.

Адмирал Август Кеппел наотрез отказался по мотивам политического характера командовать кораблями в войне против Америки; преданный военному суду, он с помощью своего адвоката — защиту его взял на себя Томас Эрскин — добился оправдательного приговора. Лорд Эффингэм, пользовавшийся, вероятно, не меньшим признанием как армейский военачальник, чем Кеппел — как военно-морской, занял точно такую же позицию. Лорд Чатам не разрешил своему сыну (будущему премьер-министру) воевать против американцев, и снова политические причины такого решения были объявлены во всеуслышание.

Последний пример — среди множества возможных — касается Гренвиля Шарпа, внука архиепископа Йоркского и сына архидиакона Нортумберленда. Ко времени Лексингтона Шарп приобрел некоторую известность как ученый и подлинную славу как аболиционист; он был центральной фигурой кампании за передачу дела Сомерсета на рассмотрение верховного судьи Мэнсфилда, увенчавшейся в 1772 году запрещением рабства в пределах Англии.

Источником к существованию для Шарпа являлась служба в ведомстве военного снабжения; в 1774 году он был выдвинут на пост помощника секретаря этого ведомства. В указанной роли он непосредственно оформлял заказы на поставку военного снаряжения, предназначавшегося для усмирения американских повстанцев. В июле 1775 года Шарп заявил секретарю, что эти обязанности внушают ему отвращение, и получил отпуск на два месяца; правительство явно полагало, что к концу этого срока американские бунтовщики будут усмирены.

По истечении срока отпуска Шарп обратился с просьбой продлить его, мотивируя его так: «Я не могу вернуться к исполнению моих обязанностей по военному снабжению, пока ведется кровавая и, на мой взгляд, несправедливая война против моих собратьев подданных». Отпуск был продлен, а затем продлен и вторично, но после этого ведомство военного снабжения потребовало от Шарпа возвращения или отставки.

Занимаемый Шарпом пост был его единственным средством к существованию, но он все-таки подал в отставку. Весьма показательны для настроений общест-

венности, что шаг Шарпа снискал ему широкие симпатии, а также финансовую поддержку со стороны двух его братьев — Уильяма, королевского хирурга, и Джеймса, преуспевающего железопромышленника.

VI

Политическое и интеллектуальное смятение, характеризовавшее высшие круги английского общества в XVIII столетии, — зеркалом которого служили парламентские поединки, споры среди литераторов и ученых, недовольство, охватившее офицерский корпус, — само было лишь поверхностным проявлением более глубокого явления. Герберт Баттерфилд говорит о «длительном, медленном и глубоком» движении этой эпохи. Он называет его «потоком», который «на протяжении всего столетия подводит более широкие круги англичан к духовному самосознанию и пониманию той роли, какую они могли бы играть в политической жизни». Баттерфилд усматривает в «успехах образования, распространении литературы и росте городов» факторы, «преобразующие характер самого мира». Главным он считает тот факт, что «все более широкие массы народа подводились разными способами к сознанию своей значимости и к пониманию своих политических прав, среди них утверждалась традиция местной самопомощи, они начинали проявлять кровную заинтересованность в судьбах своей родины».

Вызов, брошенный *внутренними* силами, ставил под вопрос устойчивость самой британской короны — и это в то самое время, когда на Американском континенте наносился удар целостности Британской империи. Георг III стремился подавить восстание американцев, чтобы упрочить контроль над парламентом; успех восстания стоил бы ему этого контроля. В то же время тем, кто хотел оспорить этот контроль в Англии, необходимо было изменить характер парламента. Перемена должна была не оставить камня на камне от всевластия короля над парламентом и гарантировать, что ни один будущий монарх не достигнет снова такой же власти.

Отнюдь не все силы оппозиции против короля, как в Америке, так и в Англии, хотели, чтобы она заходила так далеко, как зашла в действительности; но, раз придя в движение, процесс уже не мог быть остановлен до достижения независимости в одном случае и главенства реформированного парламента — в другом. И оба движения, как мы уже указывали, переплетались между собой и сами являлись частью всемирного движения — утверждения гегемонии буржуазии и роста демократии.

В годы Семилетней войны (1756—1763) Питт и Тауншенд предприняли попытки создать в Англии национальную милицию, но они натолкнулись на яростное противодействие. В сельских районах вспыхнули вооруженные восстания, для подавления которых пришлось пустить в ход регулярные войска. С окончанием войны и массовой демобилизацией страну поразили безработица и голод. Политическим выражением народного недовольства явилось движение, олицетворявшееся в личности Джона Уилкса. Трижды избиравшийся в парламент и всякий раз лишаемый парламентского мандата, высылаемый из страны, а в 1764 году и вовсе объявленный королем вне закона, он был кумиром широких масс английского народа. Имя его было дорого и американцам.

К 1767 году Англия оказалась на грани гражданской войны — матросы военно-морского флота бунтовали, моряки и портовые рабочие, шляпники и ткачи бастовали. Бенджамин Франклин писал из Лондона 14 мая 1768 года (четыре дня спустя после того, как солдаты застрелили шесть забастовщиков и многих ранили), что здесь

«толпы средь бела дня обходят дозором улицы, порой избивая всех, кто не горланит вместе с ними «Да здравствует Уилкс!» и «Да здравствует свобода!»; суды боятся выносить против них обвинительные приговоры; возчики и разносчики угля обращают в развалины дома торговцев углем, отказывающихся прибавить им жалованье; пильщики разрушают лесопилки; матросы раснашивают все корабли, готовые к выходу в море, и не дают им выплыть, пока купцы не согласятся повысить

их плату; перевозчики уничтожают частные лодки и грозятся разрушить мосты».

Сообщениями о «Клубах свободы» и революционных политических требованиях пестрили не только американские газеты. Вот типичный пример — сообщение «Лидс интеллиндженсер» от 14 декабря 1773 года о том, что в Йоркшире

«фермерские клубы в нескольких городах округа Ист-Райдинг этого графства объединились в ассоциацию под названием «Клуб свободы»... Главная цель объединения — оказать соединенную поддержку на будущих выборах таким кандидатам, которые возьмут на себя обязательство добиваться сокращения срока полномочий парламента и отмены церковной десятины».

«Мы живем в пору, когда все наши выдающиеся личности, будь то стоящие у власти или не занимающие публичного положения, подвергаются самым разнuzданным поношениям, — писал в октябре 1765 года граф Молмсбери. — Чем эта блажь может кончиться, — продолжал он, — ведомо одному лишь богу». И далее: «Пример американцев, конечно, окажет сильнейшее воздействие на наш простой люд».

В годы самой войны вместе с ростом парламентской оппозиции против короля ширились массовые волнения. Волнения эти мешали Англии мобилизовать всю свою мощь против американцев. Во многих случаях они принимали организованные формы, в которых сказалось влияние Америки; и часто программа массовых движений содержала в себе явно выраженную поддержку дела американцев.

Одним из проявлений внутреннего недовольства явились те трудности, с которыми правительство столкнулось при вербовке в армию; в 1776 году сам лорд Норт был вынужден признать их. Попытки дополнить вербовку — например, путем привлечения в армию ирландцев-католиков и зачисления в английские полки отдельных иностранцев — оказались безуспешными. Этим в первую очередь объяснялись настойчивые, но тщетные попытки английского короля приобрести пушечное мясо у русской царицы Екатерины II; большая

удача сопутствовала ему в разных мелких немецких княжествах, где он закупил несколько тысяч «гессенцев».

В 70-х годах, как и в прошлом десятилетии, недовольство обнаружилось в ряде затяжных и кровавых забастовок, из которых на первое место надо поставить битвы текстильщиков — разрушителей машин, развернувшиеся в окрестностях Манчестера в сентябре и октябре 1779 года. Они охватили тысячи рабочих, вооружившихся косами и самыми примитивными ружьями. На подавление восстания были брошены войска; несколько человек было убито, а раненые насчитывались десятками.

В парламенте, по крайней мере с 1772 года, вносится одно предложение за другим с требованием коренных реформ, таких, как ежегодные выборы, расширение круга лиц, пользующихся избирательными правами, выплата жалованья депутатам, запрещение избирать в парламент пенсионеров короны и чиновников. И все это неизменно сопровождалось выступлениями в защиту борьбы народов Америки и Ирландии.

Борьба за парламентскую реформу достигла своего апогея в 1779 году; это связано с так называемым Йоркширским соглашением — «первым выдвижением требования о парламентской реформе в действительно национальном масштабе», как характеризует его Баттерфилд.

В июне 1780 года вспыхнуло восстание, известное под названием «бунтов Гордона». Массы, участвовавшие в нем, не желали сносить нестерпимое бремя, но свой протест они выражали в неправильно выбранной (возможно, спровоцированной) форме антикатолического движения. Десятки тысяч людей восстали против властей предержавших в ряде крупных городов Англии, но центром движения был Лондон. В течение нескольких дней повстанцев не удавалось подавить, хотя король ввел военное положение. Только с большим трудом, ценой огромного кровопролития, восстание было обуздано, и на протяжении нескольких последующих недель десятки людей, включая женщин и детей, погибли на виселице.

Все эти события оказались решающим фактором, вызвавшим падение правительства Норта. Дело кон-

чилось тем, что 27 февраля 1782 года палата проголосовала за прекращение войны с Америкой, а месяц спустя лорд Норт подал в отставку.

Профессор Копленд правильно писал: «Тот факт, что крах системы правления Георга III был обусловлен «позором и превратностями» войны в Америке, является одним из наиболее непреложных фактов в истории». Ричард Прайс начал свой труд «Замечания о значении Американской революции и о средствах сделать ее благом для мира», опубликованный в Лондоне в 1785 году (и в том же году переизданный в Трентоне, Нью-Джерси), следующими словами: «Больше всего выиграют [от революции] сами британцы, если у них достанет ума воспользоваться плодами победы, одержанной над деспотизмом их министров, и подхватить факел священной свободы, спасенной их американскими братьями».

С некоторыми временными неудачами, обусловленными той ролью, какую Англия сыграла в годы Французской революции и наполеоновскую эру, движение за правительственную реформу в Англии, возникшее в связи с Американской революцией и обретшее могучий стимул в ее победе, неуклонно развивалось и добилось заметных, хотя все еще неполных достижений.

Необходимо отметить, что картина, нарисованная на предшествующих страницах, противоречит тому, что мы находим обычно в исторической литературе. Историки, высказывавшиеся по вопросу о том, на чью сторону клонились симпатии большинства английского народа, за редкими исключениями — особенно надо выделить Джона Ричарда Олдена — согласны в том, что большинство враждебно относилось к делу американцев и поддерживало военный курс короля. Однако специальные исследования (например, Хинкхауза и Кларка), посвященные английской прессе — зеркалу общественного мнения масс, правда, весьма кривому, — подтверждают точку зрения о широкой непопулярности американской войны в Англии. И уж совершенно бесспорно история английской политики в годы революции доказывает наличие значительных сомнений в благоразумности и справедливости этой войны. Самое позднее к 1780 году — этот вывод представляется неоспоримым — подавляющее большинство английского на-

селения отбилось к войне с нескрываемой ненавистью. Этим отказом поддержать войну в значительной мере и объясняется победа американцев.

О боевом союзе между английскими и американскими противниками Георга III говорит не только тот вклад, какой первые внесли в достижение последними победы; доказательством его служит и тот факт, что победа радикальных сил Америки обеспечила победу радикальных сил Англии. Очень хорошо выразил эту мысль профессор А. Л. Бёрт. Американцы, писал он, «вырвав свободу из рук Англии... завоевали ее и для нее самой». Провал королевской политики в Америке, продолжал он, «уничтожил власть короля в Англии». Американская война «сокрушила систему личного правления и контроля Георга III и развязала руки парламенту». Король, писал Бёрт, «продолжал царствовать, [но] ни он сам, ни один из его преемников уже не обладал реальной властью». Теперь, после падения Норта, новый премьер-министр, Рокингэм, принял свой пост лишь после того, как получил согласие короля на проведение ряда важных парламентских реформ, призванных обеспечить независимость парламента от короны и — больше того — его главенство над нею². Такое предварительное соглашение само по себе представляло беспрецедентное ограничение права короля на вето; оно служило также, по словам Ричарда Парса, предвестником того, что отныне «смена правительства стала неотделима от изменения политического курса», то есть предвестником двухпартийной системы XIX столетия.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Английский режим угнетения Ирландии установился раньше и по жестокости превосходил английский режим угнетения американских колоний. Революционные движения в обеих странах тесно переплетались между собой и оказывали глубокое воздействие друг на друга. Показательно, что труд Уильяма Молинукса «О праве английского парламента издавать законы, обязательные для Ирландии», впервые опубликованный в 1698 году, в 1776 году был переиздан в Англии и Америке; переиздание это явилось одним из эпизодов соединенного — ирландско-американско-английского — движения за осуществление внутренних реформ в Англии и за революционизацию ее имперской политики.

Другой пример того же рода: Гренвиль Шарп в 1775 году опубликовал исследование под названием «Декларация прав народа на участие в законодательстве», направленное против лишения ирландцев избирательных прав и получившее широкую известность в Америке благодаря усилиям его пенсильванского собрата по оружию в борьбе против работорговли Антони Бенезета. В Америке, разумеется, аргументация Шарпа была применена к местным условиям и стала частью программы освободительного движения. Это родство революционных позиций, несомненно, укрепило в Шарпе решимость ничем не помогать усилиям короля, направленным на подавление восстания американцев, о чем мы уже говорили на предыдущих страницах.

Мы упоминали и об отказе лорда Эффингэма командовать военными операциями против американцев; примечательно, что летом 1775 года городское управление Дублина официально выразило Эффингэму свою благодарность за непреклонную верность делу свободы. Еще одним примером соединенной поддержки революционных усилий, с довольно ироническими обертонами, служит та помощь, которую и ирландцы и американцы оказали Паскуале Паоли — корсиканскому патриоту, вождю вспыхнувшего в 1768 году восстания против французского владычества. Высланный в 1769 году в Англию, он стал в годы пребывания здесь деятельным участником англо-ирландско-американского радикального движения.

Американское движение отпора закону о гербовом сборе 1765 года встретило глубокое сочувствие и деятельную поддержку в Ирландии; вместе с тем отмена этого закона в 1766 году, сопровождавшаяся изданием разъяснительного закона, резко напомнила ирландцам, что его положения, подтверждавшие верховную власть английского парламента над Америкой, слово в слово воспроизвели разъяснительный закон 1719 года, также подтверждавший верховную власть английского парламента, но в отношении Ирландии.

В последующие годы по мере созревания революционной ситуации в Америке она развивалась и в Ирландии; между лидерами обоих движений установилась постоянная переписка. Показательно, например, что одним из первых, кому городское собрание Бостона сообщило о «бостонской бойне» 1770 года, был дублинец Чарлз Лукас, один из лидеров ирландских радикалов.

В 1771 году Бенджамин Франклин, апостол дела американской свободы, совершил поездку в Ирландию. Во время двухкратного посещения скованного по рукам и ногам ирландского парламента он в обоих случаях получал слово в знак уважения и внимания, живо интересовался подробностями ирландской политики, завоевывал друзей на сторону Америки. Карл ван Дорен в своем жизнеописании Франклина заметил, что «американцы надеялись на ирландцев, что те под-

держат их в конфликте против английского парламента». И далее он писал:

«Ирландцы пристально следили за Америкой. Они тоже издавна терпели репрессивное торговое законодательство Англии. Они тоже домогались права самим издавать законы и самим устанавливать налоги. Если американцы устоят, это придаст силы Ирландии и пойдет ей на пользу. Если американцы проиграют, Ирландия проиграет вместе с ними».

Тем временем в начале 70-х годов в Америку хлынула первая крупная волна ирландской иммиграции; в 1770—1775 годах прибыло около 50 тысяч ирландцев. Это сделало совершенно очевидными связи, существовавшие между американским и ирландским освободительными движениями против английского владычества. Среди ирландских масс решительно преобладали проамериканские настроения. «Вся Ирландия помешалась на Америке»,— писал Гораций Уолпол в 1776 году.

В самой Ирландии царили совершенно нестерпимые условия. Хотя 90 процентов населения составляли католики, ни один представитель этого вероисповедания не имел права голоса и права занимать какой-либо пост; католикам запрещалось обучать детей в собственных школах. Закон Пойнинга, изданный еще в 1495 году, передавал всю законодательную власть в руки английского парламента, и это положение оставалось неизменным на протяжении почти трехсот лет. Ирландия была обязана содержать 12-тысячную армию (по закону 1769 года численность ее была доведена до 15 тысяч человек), и тем не менее ни одному католику не разрешалось занимать офицерский пост. Земля принадлежала горстке собственников, среди которых было много англичан, проживавших в самой Англии, арендная плата была грабительской, торговля регулировалась Англией и была подчинена ее интересам, католикам запрещалось приобретать землю. Английским резидентам щедро раздавались пенсии и патенты; колоссальные суммы, которые Ирландии в связи с этим приходилось выплачивать, окончательно разоряли крестьянство. За период с 1763 по 1765 год прирост пенсионных расходов Ирландии составил 150 тысяч

фунтов, а их общая сумма значительно превосходила все, что Англия получала от налогообложения тринадцати американских колоний.

Население отвечало террором и восстаниями. С 1761 по 1777 год большая часть католической Ирландии была охвачена настоящей гражданской войной, в которой роль руководителя взяли на себя «Белые парни»; англичане обрушились с суровыми репрессиями. Восстания вспыхивали и на протестантском Севере: в 1763 году произошло восстание «Дубовых парней» и в 1771 году — «Стальных парней». Появилась литература, в которой получил выражение протест Ирландии. К числу наиболее ранних и, безусловно, наиболее известных памятников этой литературы принадлежат произведения великого сатирика Джонатана Свифта, чьи «Предложение о всеобщем употреблении ирландской мануфактуры» (1720), «Письма суконщика» (1724) и «Скромное предложение, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине» (1729) — предложение откармливать их на мясо! — пригвоздили к позорному столбу английскую тиранию над Ирландией и в то же время оказали значительное воздействие на общественное мнение Америки.

Ко времени вступления на трон Георга III (1760) протестантские буржуа и землевладельцы Ирландии начали настойчиво требовать ряда основных прав, какими обладали собственники в Англии: прав личности, провозглашенных в Habeas corpus act 1679 года, несменяемости судей в течение срока их пребывания в должности, установления контроля ирландского парламента над армией, законодательного ограничения срока полномочий парламента (чаще всего предлагался семилетний срок) — вместо прежнего порядка, при котором парламента заседал в течение всего царствования монарха (парламент, существовавший в правление Георга II, не переизбирался 33 года).

Из всех этих требований только последнее было удовлетворено до Американской революции; в 1768 году был принят «закон о восьмилетии», ограничивавший срок полномочий ирландского парламента восьмью годами. Именно на первых выборах, проведенных на основе этого закона (они состоялись в 1776 году),

прошел в парламент Генри Граттан, завоевавший здесь такой авторитет, что на протяжении почти пятнадцати лет правящий орган Ирландии назывался «парламентом Граттана».

Парламент этот, как писал покойный профессор Фолкинер, «не имел ничего общего с представительным учреждением»; напротив, он был «заполнен ставленниками английской знати, проживавшей за пределами Ирландии». Законодательное собрание, составленное из этих членов — лендлордов, чиновников и протестантов, — питало явно «аристократические симпатии».

И тем не менее, хотя орган этот представлял лишь протестантское меньшинство страны с преобладающим католическим населением и лишь зажиточное меньшинство ужасающе нищей страны, он был представителем буржуазии, задыхавшейся в тисках колониального гнета. В качестве такового он с негодованием отверг попытку английского короля усилить свою власть, предпринятые Георгом III и в Ирландии наряду с Америкой и Англией, и стал домогаться расширения своей собственной власти. В соответствии с этим он единодушно выдвинул два главных требования: 1) свободная торговля вместо английского меркантилистского регулирования¹; 2) облечение ирландского парламента всей полнотой власти принимать законы по любым делам, касающимся Ирландии. К этим основным требованиям сам Граттан и некоторые из его ближайших сподвижников присоединили предложение о некотором облегчении положения католиков, но большинство парламента осталось ему чуждо.

Ирландская протестантская буржуазия, домогавшаяся независимости, полностью и открыто отождествила свое дело с делом американцев и, не таясь, пыталась использовать в своих интересах затруднения Англии и ослабление ее в результате войны. Решительным толчком в этом отношении явилось заключение американо-французского союза и вызванный этим страх перед французским вторжением в Ирландию. Угрозу эту в условиях войны с Америкой можно было отразить, лишь создав армию в Ирландии. Именно это и было сделано, когда возникло движение волонтеров. Начало ему было положено в Белфасте в первые месяцы 1778 года. В 1779 году по всей Ирландии насчи-

тывалось уже 42 тысячи вооруженных людей, а еще через год число их выросло, вероятно, до 80 тысяч; притом это была национальная волонтерская армия, а не милиция, и потому она находилась вне правительственного контроля. Члены ее были сплошь протестанты, офицеры комплектовались среди зажиточной верхушки населения, рядовой состав образовывали купцы, ремесленники, интеллигенция — «собственность нации под ружьем», как назвал ее Граттан.

Месяц шел за месяцем, французское вторжение так и не осуществилось, но волонтеры не распустили свои отряды, а открыто обратили свою вооруженную мощь на поддержку требований Граттана. Новую силу движению придало то, что ирландцы переняли американскую тактику отказа от ввоза английских товаров. В 1780 году все ограничения ирландской торговли были отменены, и хотя в том же году и еще раз в 1781 году резолюция Граттана о полном суверенитете ирландского парламента была отвергнута, в 1782 году она получила единодушное одобрение ирландского парламента и неохотное и неполное согласие Англии. Чтобы еще более подчеркнуть влияние Америки, Граттан назвал этот закон «Декларацией независимости Ирландии».

Не подлежит никакому сомнению, что волонтеры могли продолжать свою борьбу, чтобы добиться полной независимости Ирландии, но это поставило бы под угрозу их собственную верховную власть внутри страны, так как придало бы смелости католическому меньшинству. Лидеры волонтеров, добившись свободной торговли и (относительного) главенства собственного парламента, не домогались дальнейших нововведений; усилия этого рода выпали на долю восстания, поднятого в следующем десятилетии, в 1798 году, под руководством Уолфа Тона.

Уолф Тон следующим образом характеризовал революцию 1782 года:

«Революция 82-го года была революцией, позволившей ирландцам продавать свою честь, целостность и интересы своей родины гораздо дороже, чем прежде; она сразу удвоила шансы на поживу для каждого «торговца местечками» в

королевстве, но оставила три четверти наших соотечественников рабами, какими они были и до нее, а управление Ирландией — в руках тех гнусных, безнравственных и презренных людей, которые всю свою жизнь только и делали, что грабили и унижали ее... Власть оставалась в руках наших врагов».

Такая оценка представляет лишь полуправду, сошедшую с уст непреклонного и непримиримого революционера, современника этих событий. Споры нет, революция 1782 года была ограниченной, но столь же несомненно, что она знаменовала собой достаточный удар по владычеству над Ирландией, чтобы заслужить название «революции», находящейся в органической связи со всей историей ирландской национальной революции. Связь между Американской революцией и этой ирландской революцией является непосредственной и очевидной.

II

Мы уже упоминали о широком распространении среди современников взгляда, что принадлежность Канады Франции обуздывает устремления американцев к независимости. Сходным образом, после мира 1763 года современники высказывали мнение, что переход Канады в собственность Англии придаст новую силу сепаратистским тенденциям.

Правители Англии сознавали эту опасность. Политика Георга III, направленная на то, чтобы подчинить своей власти парламент в самой Англии, сочеталась им с политикой усиления имперского контроля над тринадцатью колониями; а его политика в отношении Канады заключалась в том, чтобы использовать северную колонию как дубинку, помогающую удержать под своим владычеством тринадцать колоний. Реакция на севере должна была обуздать революцию на юге.

Хотя по мирному договору 1763 года, по которому Канада должна была быть присоединена к владениям Англии, ей были обещаны представительные ассамблеи и традиционные английские права (такие, например, какие уже существовали в Новой Шотландии), обеща-

ние так и не было выполнено до Американской революции. Напротив, оно было взято назад Квебекским актом 1774 года, который категорически отказал в таких ассамблеях и правах. Невыполнение обещания и отказ от него после более чем десятилетней проволочки находились в полном соответствии с предостережением губернатора Квебека сэра Гая Карлтона, высказанном им в письме к Шелберну 20 января 1768 года: «Английская система государственного управления, перенесенная на Американский континент, никогда не принесет тех же плодов, что и в самой Англии... Народная ассамблея, сохраняющая всю полноту власти, — и это в стране, где все население стоит почти на одном уровне, — неминуемо привьет ему ревностную приверженность республиканским принципам». Результатом, продолжал Карлтон, явятся «бесконтрольные намерения» и «независимый дух демократии».

По мысли Карлтона, прочность его власти должна была покоиться на поддержке крупных землевладельцев и католических иерархов; он пытался, как писал профессор Мак-Иннис, «на этой олигархической основе утвердить незыблемую систему владычества аристократии».

Вместе с тем бросается в глаза и другая цель политики короля — сделать Канаду не только центром реакции, но и военным бастионом, откуда легче будет подавить смуту на юге. Замысел этого плана ясно обнаруживается в переписке Карлтона, чьи мысли, по словам короля, получили его «полное одобрение». Вот что заявлял губернатор Квебека в своем письме от 15 февраля 1767 года к генералу Гейджу:

«Чем больше я задумываюсь о состоянии дел на Американском континенте, тем больше возникает серьезных соображений, которые следует принять во внимание, и тем больше я убеждаюсь мало сказать в целесообразности — в абсолютной необходимости во имя интересов Великобритании и блага его величества не только поддерживать в должном состоянии существующие военные укрепления, но и соорудить надлежащий укрепленный пункт близ города Нью-Йорка и цитадель в городе Квебеке или неподалеку от него... Они

облегчат переброску 10—15-тысячного войска в случае возникновения войны из одного пункта в другой, как того потребуют обстоятельства».

Такой «укрепленный пункт» и такая «цитадель» позволили бы «должным образом обуздать» недовольных и «нагнать на них страху»; кроме того, умножив военную мощь Нью-Йорка и Квебека и связав их между собой, можно было бы в случае необходимости «разъединить северные и южные колонии» и «создать легкую и выгодную возможность перебрасывать войска его [величества] в любую часть континента, избежав самой крупной из всех неприятностей — промедления и потери времени в начале войны».

Предвосхитив таким образом в значительной мере то, что, созрев десять лет спустя, превратилось в план кампании Бергойна, Карлтон в другом письме, датированном 20 ноября 1768 года, предвосхитил вмешательство — также десятилетие спустя — Франции в межимперские конфликты Англии и указал на решающую роль, какую предстояло играть в этих событиях Канаде.

«В случае, если Франция начнет войну в надежде, что английские колонии доведут дело до крайности, и примет план поддерживать вынашиваемые ими замыслы стать независимыми, Канада, вероятно, станет главной ареной действия, на которой может решиться судьба Америки... Ваша светлость должны уже сейчас проникнуться сознанием того, в сколь неблагоприятных условиях оказалась бы Великобритания в такой войне; и с другой стороны, сколь великую поддержку могла бы неизменно оказывать английским интересам на нашем континенте Канада, ибо она не связана с другими провинциями каким-либо общим принципом, интересом или желанием, противостоящим интересам и желаниям высшей власти империи».

Мотивы и тактика короны по отношению к Канаде — удержать под своим владычеством тринадцать колоний и обуздать революцию с помощью реакции — получили яркое воплощение в Квебекском акте 1774 года, о положениях которого речь уже шла выше. Акт этот, утроив территорию провинции Квебек за счет

северо-западных районов тринадцати колоний, сохранив полуфеодальную систему землевладения, отказав в системе представительного правления и расширив область, на которую распространялась власть государственной римско-католической церкви, привел к тому, что «кастрированные» колонии оказались окруженными пустыней реакционных институтов.

Квебекский акт привязал феодальную аристократию и иерархов католической церкви к короне и должен был развеять опасения 70 тысяч французско-канадских крестьян, возникшие на национальной и религиозной почве. Однако он не вызвал горячего одобрения этих крестьян, так как обрек их на жалкое существование в условиях феодальной нищеты, избавления от которой они домогались с 1763 года; напротив, ущемив американских колонистов в территориальном отношении, бросив им вызов в идеологической области и угрожая им экономически, он снискал их лютую вражду.

Уильям Нокс, помощник министра по делам американских колоний, выступая за Квебекский акт и оправдывая его неслыханные меры в отношении католической церкви, решительно заявлял, что французские канадцы «явятся опорой при подавлении бунтов в других частях Америки, ибо в случае крайней необходимости среди них легко можно будет набрать войско». Напротив, Бёрк, выступая от имени оппозиции, предостерегал, что закон 1774 года был «задуман как орудие тирании по отношению к канадцам и пример того, что следует ожидать другим; рано или поздно он обернется против самой Англии». «Канада,— продолжал Бёрк,— станет опасным орудием в руках тех, кто жаждет уничтожить английскую свободу во всех частях наших владений». С изданием этого закона, заявлял Баррè, «американцы будут глядеть на канадцев как на своих надсмотрщиков, а в конце концов — и палачей».

Реакция американских противников этого закона была такой же, как и их английских единомышленников. Так, Александр Гамильтон усматривал в Квебекском акте «две главные цели»: «сначала порабощение колоний, а потом и самой Великобритании».

Когда разразился революционный кризис, политика короны была энергично поддержана крупными земле-

владельцами и иерархами католической церкви, но она не снискала одобрения ни крестьян, очевидно составлявших громадное большинство населения, ни английского купечества — социальной прослойки, достигшей известной значимости в городах Квебеке и Монреале. Купечество этих городских центров, задыхавшееся в тисках имперских установлений и занимавшее приниженное общественное и политическое положение в условиях полуфеодального режима, по примеру новоангличан создало комитеты связи, а когда «законом о порте» был закрыт Бостон, послало его жителям помощь продовольствием — точь-в-точь как это сделали Нью-Йорк и Филадельфия.

В феврале 1775 года Бостонский комитет безопасности обратился с письмом к Монреальскому комитету, где выразил благодарность за помощь в прошлом и побуждал северян еще энергичнее проводить политику отпора Англии. В своем ответе, датированном 28 апреля 1775 года, комитет, составленный из купцов, заверил бостонцев, что самое заветное их желание — «всячески содействовать вашему праведному делу, которое одно избавит нас от тревожных страхов и опасений, лишаящих мира и покоя». И все же монреальцы не считали возможным сделать больше того, что они сделали, ибо «вы не должны упускать из виду, что не только те, кто держит бразды правления, но и все те, чью главную цель устремлений составляет богатство или честолюбие, являются вашими открытыми врагами». Однако, заключали монреальцы, «массы народа, как англичане, так и канадцы, держатся совершенно противоположных взглядов и желают успеха вашему делу».

Такая оценка чувств, которые широкие круги канадцев питали к делу Америки, представляется вполне правильной. И все-таки нельзя сбрасывать со счета резкое расхождение интересов между купцами английского происхождения и французско-канадскими массами, смягчению которого никак не способствовали расистское высокомерие и антикатолицизм первых. Судя по всему, немалая доля правды заключалась в жалобе первого губернатора Квебека, относящейся к 1764 году и направленной против «братии вольных английских купцов, как они сами изволят себя величать»,

которые, будучи одержимы жаждой «безудержной наживы», считали себя «по общественному положению и богатству выше солдат и канадцев, почитая первых добровольными рабами, а вторых — рабами по рождению». Этот шовинизм толкал крестьянство обратно в объятия властей предрержащих, которые по крайней мере чтили их религию и национальное происхождение. В итоге, несмотря на то, что купечество было возмущено политическими и экономическими ограничениями канадского квазифеодализма, а крестьянство, несшее бремя этой системы, жаждало сбросить его со своих плеч, «снисходительное высокомерие торгашей», как удачно выразился профессор Джиллис, мешало в течение некоторого времени достичь единства между ними.

Существенную роль среди причин, которыми объясняется ограниченная поддержка, оказанная делу Америки канадским купечеством, играла и его малочисленность. По данным губернатора Мэррея, в 1764 году в обоих городах — Квебеке и Монреале — насчитывалось около двухсот протестантских семей; в то же время число канадцев французского происхождения, хотя и оно было не очень велико, составляло все же в масштабе всей провинции примерно 70 тысяч человек.

Кроме того, хотя английское завоевание Канады нанесло тяжелый удар французским купцам и торговцам пушниной, их английским собратьям по классу в Квебеке было ясно, что, если они деятельно свяжут себя с южными мятежниками и, главное, присоединятся к их экономическим репрессалиям, нацеленным против Англии, они утратят свое привилегированное положение в деле эксплуатации богатств Канады. Вот почему, хотя Джон Браун — уполномоченный, направленный Массачусетсом в 1774 году в Канаду с целью оценить обстановку и завоевать поддержку местного населения, — доносил в начале следующего года о наличии весьма значительных симпатий среди канадских купцов к мятежникам, он же сообщал, что они не станут полностью на сторону движения и не пошлют делегатов на Континентальный конгресс. «Трудность, — доносил Браун в начале 1775 года Бостонскому комитету связи, — состоит в следующем: если англичане присоединятся к соглашению не ввозить

английские товары, французы немедленно монополизировали торговлю с индейцами».

Правда заключается и в том, что купцы бассейна реки Св. Лаврентия развивали свою собственную экономику, покоившуюся в значительной мере на торговле пушниной и гораздо больше зависевшую от Лондона, нежели от атлантического побережья. В силу этого, как писал профессор Крейтон, «союз с американцами сразу лишил бы Квебек собственного лица во всеамериканской федерации и разорвал бы жизненно необходимые экономические связи с Англией; а это нанесло бы сильнейший урон сокровенным интересам северного торгового штата».

Результатом негодования купечества против английских властей предержавших, с одной стороны, и расхождения его интересов с интересами американцев, с другой, явилось то, что в пору самого конфликта оно, так сказать, «виляло», заняло позицию шаткого нейтралитета. Были и исключения (особенно это относится к тем немногочисленным элементам, которые весьма активно приняли сторону американцев); мы уже не говорим о том, что английские власти — в условиях настоящей войны и вторжения — считали политику нейтралитета враждебной. И тем не менее в целом американские мятежники были обмануты в своих надеждах, не получив горячей поддержки и конкретной помощи.

Расхождение интересов выявилось со всей остротой, когда в 1775 году американцы захватили Монреаль и немедленно установили блокаду торговли с Западом, разумеется, движимые желанием нанести удар англичанам. Это, однако, вызвало резкое противодействие со стороны местного купечества, и хотя в 1776 году по предложению комиссии Кэррола² блокада была снята, мера эта запоздала, а в связи с отвоеванием города англичанами, так или иначе, оказалась чисто теоретической.

Колониальное чиновничество, иерархи церкви и феодальные сеньоры единодушно жаждали, чтобы южные мятежники были сокрушены, канадские крестьяне французского происхождения избавлены от революционной заразы, а Канада стяжала славу тем, что она не только сама осталась верна его величеству, но и

решительно помогла удержать для него тринадцать колоний.

Напротив, громадное большинство французско-канадского населения относилось с явной враждебностью к реакционным помыслам и действиям правящих группировок. Оно сочувствовало американским революционерам, но в нем боролись и противоположные чувства, ибо конгресс в «Обращении к народу Великобритании», обнародованном в октябре 1774 года, в весьма злобном тоне заклеил католическую религию — религию (как заявляло «Обращение», выражая протест против Квебекского акта), «которая затопила наш остров в крови и повсюду в мире насадила беззаконие, фанатизм, преследования, смертоубийство и восстания». Подозрения и вражда, которые такие фразы, естественно, возбуждали среди канадских католиков, едва ли могли быть рассеяны успокоительными словами, содёржавшимися в принятом конгрессом пять дней спустя «Обращении к жителям провинции Квебек», где он славословил религиозную терпимость и ссылался на пример Швейцарской конфедерации, объединявшей католические и протестантские кантоны, как на доказательство благостности присоединения Канады к тринадцати колониям.

Очень хорошо подытоживает положение Мэйсон Уэйд:

«Двуличность позиции конгресса, который клеймил католицизм в Англии и восхвалял свободу совести в Квебеке, в значительной мере сводила на нет действенность его призыва, но тем не менее новое евангелие *Bostonnais** снискало сочувствие широких масс населения Квебека, которых вовсе не прельщала перспектива возвращения к старой системе феодальных поборов и повинностей».

Надо еще отметить, что тогда как английские купцы Квебека боялись растворения своей молодой экономики в экономике тринадцати колоний, в случае если Канада станет четырнадцатой, французские массы Квебека в свою очередь боялись того, что это убьет их совсем еще зачаточное чувство национальности. По

* Бостонцев (франц.). — Прим. перев.

мнению выдающегося канадского историка французского происхождения Гюстава Ланкто, сознание принадлежности к самостоятельной нации возникло уже к 1760-м годам. Вот что писал профессор Ланкто:

«Ко времени [английского] завоевания Французская Канада, несмотря на малочисленность ее населения, составлявшего каких-нибудь 70 тысяч человек, обладала всеми существенными элементами (как экономическими, так и культурными) политического общества, отличного от метрополии и даже стремящегося сбросить стеснительные колониальные ограничения. Этот народ был почти готов возвестить о своем праве на существование в качестве самостоятельной нации в Америке, отличительными признаками которой служили французское происхождение и принадлежность к римско-католической церкви,—нации, развивавшейся своим особым путем».

Вот чем объясняется довольно сдержанная, нейтральная (хотя и в некоторой мере благожелательно-нейтральная) позиция, занятая широкими массами канадцев французского происхождения по отношению к американским эмиссарам. От начала и до конца ложным (хотя, к сожалению, и общераспространенным) является мнение, выраженное в шовинистическом труде одного историка США, Карла Уитке, в следующих словах:

«Неотесанное французско-канадское мужицье почти ничего не смыслило в тех вопросах, из-за которых шла борьба, и не имело никакого желания поклоняться американской богине свободы, чья божественность, как учило его духовенство, была к тому же весьма и весьма сомнительной».

III

Даже если бы население Канады оказало самую деятельную поддержку американским революционерам, сомнительно, чтобы она могла в этот период освободиться от английского владычества. Однако историческая литература, усиленно подчеркивая неудачу таких

планов, склонна была игнорировать тот факт, что все попытки Англии использовать Канаду как базу для подавления революции тоже потерпели неудачу. И эта последняя неудача была обусловлена в весьма значительной мере благожелательным нейтралитетом населения Канады и его нескрываемым отвращением к отводимой ему роли надсмотрщиков короны.

Отвращение это выказывалось, несмотря на решительные меры, принятые государством и церковью. В июне 1775 года губернатор Карлтон объявил военное положение; примерно в то же время епископ Квебекский возвестил во всеуслышание, что мятежники и их приверженцы подлежат отлучению от церкви. Несколько позднее, в ответ на приказ английского правительства набрать в Канаде шеститысячное войско, Карлтон ввел воинскую повинность для всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет.

Население повсюду уклонялось от призыва, а в иных местах воспротивилось ему силой. Крестьяне заявляли, что военная служба, которую они некогда были обязаны нести по отношению к сеньорам, прекратилась вместе с миром 1763 года и поэтому они считают акт о призыве, односторонне изданный Карлтоном, незаконным. Они попросту отказывались служить, и вместо шеститысячного войска Карлтону еле-еле удалось набрать канадскую милицию численностью в триста человек — на несколько сот *меньше* числа канадцев, вступивших в американские вооруженные силы. В нескольких населенных пунктах — Тербонне, Вершере, Бертье — вспыхнули настоящие восстания против мобилизации; в других районах изгнали сеньоров. Кое-где, как, например, в Труа-Ривьере, канадская милиция, когда ее в конце концов удалось сформировать, отказалась выступить против американцев. А те несколько сот индейцев и канадцев, которые отправились с Бергойном в предпринятую им роковую кампанию 1777—1778 года, дезертировали при первой же возможности.

В 1767 году Карлтон заявил своему высшему лондонскому начальству, что Канада «может послать на поле боя около 18 тысяч человек». Однако он упустил из виду, что людей можно «послать», но они могут и отказаться идти. А именно так и обернулось дело

в годы Американской революции. И десять лет спустя (29 мая 1777 года) Карлтон писал Бергойну уже совсем иное:

«Если правительство делало ставку на помощь канадцев в настоящей войне, то, конечно, не на основе информации, полученной от меня... Этот народ много лет управлялся слишком мягкой рукой и, руководимый многочисленной и буйной кликой, слишком сильно пропитался американским духом вольности и независимости, чтобы можно было вдруг восстановить его должное и желанное повиновение».

Одно время Карлтон полагал, что он сумеет привлечь в армию 18 тысяч канадцев; позднее ему было приказано набрать шеститысячное войско; а удалось ему набрать всего лишь триста далеко не ревностных бойцов. Если бы события приняли иной оборот, если бы несколько тысяч канадцев действительно присоединились к Бергойну и сражались на его стороне, трудно представить себе, как американским вооруженным силам удалось бы воспрепятствовать соединению Клинтона и Бергойна. Но случилось так, что Айзек Баррè оказался лжепророком, когда он заявил: «Американцы будут глядеть на канадцев как на своих надсмотрщиков, а в конце концов — и палачей». Пророчество не оправдалось, хотя Англия в своей имперской политике всячески старалась претворить его в явь. И именно смелый отказ «неотесанного француско-канадского мужичья» быть использованным в этой роли в значительной мере сорвал политику Англии и помог спасти Американскую революцию.

IV

Победа Американской революции привела к власти в Лондоне правительство вигов. Новое правительство весьма сочувственно внимало требованиям английского купечества городов Монреаля и Квебека об установлении более представительной системы правления. Новую силу этим стародавним требованиям придали также настаивавшие на этой реформе петиции и меморан-

думы, которые исходили от лоялистов-эмигрантов (число их составляло, вероятно, 50 тысяч), поселившихся в Английской Северной Америке: около 28 тысяч — в Новой Шотландии, остальные — в Канаде.

Другой фактор, однако, толкал английское правительство в противоположном направлении. Кто бы ни стоял в Англии у власти — виги или тори, правительство всячески стремилось содействовать интересам правящих группировок страны и защитить ее стратегические позиции. Руководствуясь этими соображениями, английские власти действовали осторожно и не торопились с проведением в жизнь реформ или перемен. Это сдерживающее влияние приобретало новую силу, когда его проводниками оказывались такие представители власти — а их было много, — которые, заодно с верховным судьей Квебека Уильямом Смитом (прежде он занимал пост верховного судьи Нью-Йорка), полагали, что «вся Америка предана демократии». Линия проволок была значительно усилена, когда вспыхнула сначала Французская, а потом Ирландская революции, которые вызвали реакционный курс в имперской политике Англии.

И тем не менее в годы, последовавшие за Американской революцией, в политическом развитии Канады произошел ряд важных перемен. Тактика, которой следовала Англия, заключалась в том, чтобы расчленить свои североамериканские владения, образовав из них как можно больше политических единиц, и осуществить реформы, оставляющие в неприкосновенности авторитарную, антидемократическую организацию этих единиц.

В итоге — не забудем, что все это происходило в обстановке послереволюционного общественного подъема — были учреждены самостоятельные колониальные администрации для острова Кейп-Бретон, острова Принца Эдуарда, для Нью-Брансуика (отделенного от Новой Шотландии), Новой Шотландии, Верхней Канады (Онтарио) и Нижней Канады (Квебека). О политическом смысле этих административных мероприятий можно судить по закону 1791 года, учреждавшему Нижнюю (Французскую) Канаду и Верхнюю (Английскую) Канаду. В обеих административных единицах

предусматривались законодательный совет и ассамблея, причем члены совета назначались губернатором, а члены ассамблеи избирались на основе избирательного права, очень жестко ограниченного имущественными цензами.

И все-таки эти жесткие ограничения не должны затемнять тот факт, что закон 1791 года устанавливал законодательную систему правления и тем самым выполнял обязательство вигов «дать Канаде свободную конституцию в английском смысле слова». Кроме того, избирательное право было ограничено имущественными цензами, но не религиозными критериями; тем самым закон утверждал принцип предоставления избирательных прав католикам — шаг, сделанный Новой Шотландией еще в 1789 году.

V

Ни в одной из англо-американских колоний за пределами тринадцати Англия не встретила такой преданности, которая хоть сколько-нибудь заметно помогла бы ей в подавлении восстания.

Позиция населения Новой Шотландии, составлявшего в 1775 году приблизительно 17 тысяч человек, была кратко определена Джоном Б. Бребнером в заголовке его фундаментального труда «Янки-нейтралы Новой Шотландии» (1937). Колония эта (редко населенная, почти полностью лишенная дорог, окруженная со всех сторон, за исключением узкой полоски земли, водой и потому бессильная перед морской мощью Англии), население которой выработало лишь самое зачаточное чувство единства, а экономика главного города — Галифакса — всецело зависела от Лондона, не могла организовать сколько-нибудь действенного движения протеста против Англии.

С другой стороны, большинство населения Новой Шотландии составляли недавние пришельцы из Новой Англии, связанные с ней прочными семейными и политическими узами; естественно, что они относились с горячей симпатией к повстанцам. Кроме того, колониальный статус порождал вражду к правительству Норта и в самой Новой Шотландии.

На этой почве произошел ряд народных выступлений против англичан, включая поджог складов военных припасов; на попытку призыва в армию население ответило решительным отказом. Отказ этот принял настолько всеобщий характер, что колониальные власти предпочли сделать веселую мину при плохой игре, заявив, что милиция не должна покидать пределов Новой Шотландии, и тем самым по существу уступив повальному уклонению от призыва. Было организовано несколько вооруженных выступлений и рейдов во главе с двумя священниками, Джеймсом Лайоном и Сетом Нобелом; среди других руководителей надо отметить Джонатана Эдди и Джона Аллана. Жители долины реки Сент-Джон и Пассамакводди пошли еще дальше и обратились к Континентальному конгрессу с просьбой заслушать их представителей. Однако все эти попытки оказались бесплодными; но в то же время и Англия не смогла действенным образом использовать Новую Шотландию в борьбе за подавление революции.

Сходные революционные дела были в активе Британской Вест-Индии. Здесь, однако, дополнительным сдерживающим фактором — поскольку дело касалось присоединения к американским повстанцам — являлось наличие в составе населения громадного числа рабов. Так, в 1774 году на Ямайке рабы превосходили по численности белых в пропорции 16:1 (192 787 рабов и 12 737 белых); на Бермудских островах численность их была примерно равной (5632 белых и 5023 раба). И все-таки экономика этих островов находилась в сильнейшей зависимости от тринадцати колоний, да и сами жители не были безразличны к экономическому и политическому владычеству Англии.

Так, протест против закона о гербовом сборе принял на островах Невис и Сент-Китс такой же бурный характер, как в Нью-Йорке и Бостоне. Другой пример: Гренада и Тобаго в той или иной форме выразили сочувствие повстанцам и приверженность принципу самоуправления во внутренних делах. Жители Багамских островов не оказали никакого противодействия американцам, когда те под водительством Эзека Гопкинса высадились, «захватили» Нью-Провиденс и взяли в плен губернатора; больше того — вместо противодейст-

вия американцы встретили здесь помощь в деле обнаружения и вывоза находившихся на острове военных запасов.

Жители Бермудских островов решили, что «их дело (мы цитируем У. Б. Керра) — держаться в стороне от конфликта, оберегать свою торговлю и потому поддерживать хорошие отношения с американцами, даже рискуя немного прогневить Великобританию». В соответствии с этим курсом в 1775 году на Континентальный конгресс прибыла официальная делегация от Бермудских островов, обратившаяся с просьбой не распространять на острова бойкот торговли, провозглашенный американцами. Просьба была удовлетворена; взамен острова обещали передать повстанцам все запасы пороха. И они сдержали слово, хотя губернатор вопил, и вопил с полным правом, об «измене». Фактически вся Британская Вест-Индия на всем протяжении конфликта поддерживала активную торговлю с повстанцами (как непосредственно, так и через посредство голландских и французских островных владений), и их симпатии решительно склонялись на сторону американцев. Только всемогущество Англии на море, да еще опасность восстания рабов удержали эти острова от формального присоединения к Соединенным Штатам.

Американские колонии Англии, оставшиеся верными метрополии, как только кончилась война, принялись наживать капитал на своей верности, выдвинув требование отмены самых тягостных ограничений меркантилистской системы. Сохранить эти ограничения значило бы вознаградить восстание и наказать верноподданство — позиция, очевидно, невозможная. На протяжении почти двух десятков лет после подписания мирного договора с американцами Англия в ответ на петиции остального колониального населения почти полностью отменила давние торговые и навигационные акты.

Потеря американских колоний послужила также важным стимулом к тому, что Англия главное место в своей колониальной системе стала отводить уже Индии³ и Африке. А так как американские колонии перестали существовать и как место высылки уголовных преступников, потеря их явилась и непосредствен-

ной причиной колонизации Нового Южного Уэльса, начатой в 1788 году. Новая колония, куда двинулась и часть лоялистов, выстояла, несмотря на множество напастей, и положила начало нынешней Австралии.

Таким образом, Американская революция, бесповоротно вырвав из английской имперской системы одно из важнейших владений, в то же время вызвала сочувственные отклики и способствовала осуществлению значительных перемен на всей громадной территории, находившейся под властью Англии.

ДИПЛОМАТИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Чтобы добиться «прав англичан», американцам необходимо было перестать быть англичанами. Осуществление этой цели — против воли Англии — потребовало долгой и трудной борьбы; оно означало появление нового члена сообщества суверенных наций. Такой значительный сдвиг в мировом политическом равновесии неизбежно должен был сопровождаться напряженной дипломатической деятельностью.

Проблема дипломатии Американской революции включает три основных взаимосвязанных вопроса: 1) усилия повстанцев добиться признания своего национального суверенитета на условиях, обеспечивающих им наибольшие территориальные и стратегические выгоды; 2) усилия Англии свести к минимуму удар, нанесенный установлением независимости американских колоний ее положению и престижу, когда стало очевидно, что завоевание ими независимости неотвратимо; 3) усилия континентальных европейских держав — Франции и Испании в первую очередь — получить как можно больше выгод для настоящего и будущего из затруднений Англии в результате восстания американских колоний.

I

Что касается держав континентальной Европы и особенно самой сильной среди них — Франции, то главная цель, которую они преследовали в отношениях с восставшими колониями и молодыми Соединенными Штатами, заключалась в том, чтобы с их

помощью восстановить политическое равновесие в Европе. Победа Англии, закрепленная мирным договором 1763 года, совершенно опрокинула это равновесие, и по существу ни одна европейская держава не шла даже в сравнение по мощи с Англией. Восстание американских колоний короля Георга III, в случае если бы оно увенчалось завоеванием независимости, помогло бы, по мысли этих держав, восстановить равновесие, сняв с чаши весов Англии груз тринадцати колоний. Вот почему первая цель французской дипломатии заключалась в том, чтобы обеспечить достижение ими независимости.

В то же время, если бы колонии могли стать не только независимыми от Англии, но и зависимыми в дипломатическом отношении от Франции и прикованными к ней в экономическом отношении, чаша весов еще более подскочила бы вверх в ее пользу. Вот почему вторая цель французской дипломатии заключалась в том, чтобы приковать Америку к французской колеснице.

С этой второй целью, а частично и с первой, был связан вопрос о том, каким будет положение нового независимого государства — Соединенных Штатов — в Новом Свете. Политика Франции (а также Испании) заключалась в том, чтобы Соединенные Штаты стали независимым, но — учитывая воплощенные в них идеи революции, республиканизма и самоопределения — не слишком могущественным государством и, уж конечно, не государством, являющимся неоспоримым и полномочным владыкой Западного полушария или хотя бы северной его половины. Вот почему Франция и Испания всячески противодействовали попыткам Соединенных Штатов расширить свою территорию в северном направлении за счет Канады или в западном направлении, вплоть до Миссисипи, за счет испанских владений, либо приобрести концессии на рыбные промыслы Ньюфаундленда, либо, наконец, продвинуть свои границы на юг, включив в них обе Флориды.

Ставя перед собой ряд целей (как, например, независимость американских колоний), непосредственно совпадавших с политикой Америки, и ряд других (как, например, недопущение Соединенных Штатов к рыбным промыслам Ньюфаундленда), вступавших с нею в не-

посредственное противоречие, Франция больше всего нуждалась в том, чтобы воспрепятствовать примирению Англии и Америки и установить теснейшее сотрудничество с Соединенными Штатами, в котором, разумеется, новой нации отводилась роль заведомо младшего партнера. Это неизбежно порождало колебания в дипломатической политике Франции. В целом, однако, линия поведения и влияние Франции явно благоприятствовали американцам на арене европейской державной политики, ибо в конечном счете она готова была пойти на любые уступки, лишь бы не допустить утраты американскими колониями своей независимости и их примирения с метрополией.

Позиция Испании далеко не во всем совпадала с позицией Франции. Англия менее непосредственно бросала вызов Испании на континенте, а сама она питала лютую злобу к освободительным идеям американцев и владела колоссальной, но беспокойной колониальной империей в Америке, многие части которой примыкали к восставшим колониям и все испытывали их влияние. Поэтому Испания обнаруживала меньшее рвение в вопросе о независимости американских колоний, в общем и целом менее дружелюбно относилась к их борьбе (даже после того, как она присоединилась к Франции в войне против Англии) и особенно жаждала держать беспокойную республику подальше от Миссисипи и Мексиканского залива.

Англия, оказавшись не в состоянии удержать колонии (даже позднее, когда в 1778 году в Америку была направлена примирительная миссия, она предлагала им все, что те когда-либо требовали, кроме независимости) и вместе с тем не имея возможности покорить их силой оружия, становилась все более изолированной в Европе, враждебность которой непрерывно росла и принимала деятельные формы. Вот почему английское правительство стремилось к заключению такого мира, который рассеял бы враждебные чувства Америки, но вместе с тем не сделал бы Соединенные Штаты безраздельным владыкой Северной Америки. В то же время Англия делала ставку на более или менее скорый распад новоявленной республики и возврат отколовшихся частей — всех скопом или поодиночке — в лоно метрополии. Ну а если этим планам не суждено

будет исполниться, может быть удастся в такой мере подчинить английским интересам экономику (в частности — торговлю), а позднее и дипломатию Соединенных Штатов, что их независимость станет более или менее номинальной. Ставя перед собой эти несколько противоречивые цели, английская дипломатия, деятельность которой достигла своей высшей точки в мирных договорах 1783 года, стремилась поставить Соединенные Штаты в тесные границы, но вместе с тем не отчуждать их; в то же время она стремилась вбить клин между новой республикой и Францией, с тем чтобы утрата Англией не могла обернуться к двойной выгоде последней.

Усилия дипломатии Соединенных Штатов сосредоточивались на главной цели — независимости. С ней была связана и другая цель — обеспечить возможно более выгодные территориальные и экономические условия мирного урегулирования и достичь такого положения в Новом Свете, которое гарантировало бы господство Соединенных Штатов над континентом просто в силу их естественного роста. Вот почему американская дипломатия, которая решительно отвергала примирение, добивалась всеобщего признания, жаждала заключения либеральных торговых соглашений со всеми державами и выдвигала притязания на долину Миссисипи, в то же время была бы в восторге от присоединения Канады и с течением времени проникалась все большим подозрением к Испании в первую очередь, а в меньшей мере и к Франции.

Еще до того, как прекратилось влияние Американской революции во внешнем мире, разразилась всемирная бойня, произошел коренной пересмотр международного права применительно к морской торговле, сдвиг в акценте и направлении английской внешней политики, были определены основы внешнеполитического курса Соединенных Штатов по отношению к Европе, которому они следовали более столетия. Громовой удар, прозвучавший в Америке, сыграл важную роль, приведя в движение революционные лавины, которые на протяжении жизни поколения, последовавшего за мирным договором 1783 года, смели много старого во Франции и во всей Европе, в Вест-Индии и во всей Латинской Америке.

Самое важное парламентское предложение во всей американской истории — это, вне всякого сомнения, предложение, внесенное Ричардом Генри Ли и поддержанное Джоном Адамсом на заседании Континентального конгресса от 7 июня 1776 года. Предложение состояло из трех пунктов: 1) «настоящие Соединенные колонии являются — и по праву должны являться — свободными и независимыми штатами»; 2) логический вывод из первого пункта: «целесообразно немедленно принять самые действенные меры к образованию союзов с иностранными государствами» и 3) необходимо — если первому пункту придается законная сила, а второй пункт не предполагает, что «союзы» заключает каждая из тринадцати политических единиц поодиночке, — «выработать план конфедерации и передать его на рассмотрение и утверждение соответствующим колониям».

Относительно первого пункта мы уже кое-что говорили; третьего мы коснемся в другом месте. Теперь же перед нами второе предложение — развитие дипломатии, призванной помочь достижению независимости американских колоний.

Мы уже знаем, что составление декларации, оправдывающей провозглашение независимости, было поручено Джефферсону; на Джона Дикинсона из Пенсильвании легла главная ответственность за подготовку приемлемых планов конфедерации; задача же выработки проектов договоров о союзе, которые предстояло заключить восставшим колониям (в первую очередь, как было ясно уже в тот момент, с Францией), выпала на долю Джона Адамса. В июле 1776 года Адамс представил конгрессу свой «план договоров»; после обсуждения и внесения мелких поправок он был утвержден 17 сентября. Помимо исходного тезиса о полном суверенитете новой нации, план содержал два главных положения: 1) все иностранные державы должны отказаться от любых целей, направленных на завоевание каких бы то ни было частей Северной Америки; 2) принятие доктрины «свободные корабли, свободные товары», то есть полной защиты свободы торговли нейтральных государств со всеми нациями (включая

и находящиеся в состоянии войны) всеми товарами, кроме имеющих прямой военный характер — таких, например, как оружие и боеприпасы.

Девять дней спустя после утверждения этого плана конгресс избрал Сайласа Дина из Коннектикута, а также Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона уполномоченными и лицами, ведущими переговоры в Европе. Джефферсон, у которого серьезно заболела жена, отказался от поста; он был заменен Артуром Ли, тоже из Виргинии, уже находившимся в Европе. 28 декабря 1776 года Франклин, старший член миссии и в ту пору наиболее известный во всем мире американец, получил неофициальную аудиенцию у министра иностранных дел Франции Верженна.

Основы революционной внешней политики Америки (а также европейской, в первую очередь французской, внешней политики по отношению к восставшим колониям и Англии) были, однако, заложены еще до этих официальных мероприятий. Прежде всего необходимо отметить, что идея и политика революции использовались всеми великими державами в их борьбе друг против друга. Сказанное, разумеется, не означает согласия с полицейской теорией революции как дела рук враждебных иностранных агентов; таким путем можно вызвать контрреволюцию, но никак не революцию. Верно, однако, что революция затрагивает вопросы о суверенитете, власти, международных отношениях; вот почему иностранные державы проявляют интерес (по крайней мере) к революционным процессам, сотрясающим государственный организм других иностранных держав, а время от времени даже пытаются поощрить такую деятельность.

Англичане, например, уже к 1740-м годам стали проявлять живой интерес к возможностям вызвать революцию в испанских колониях, а несколько позднее — и в голландских и французских владениях. Типичным свидетельством такого интереса служит письмо, с которым обратился в июне 1741 года к английскому адмиралтейству адмирал Эдуард Вернон; в нем он настойчиво указывал на «необходимость для Великобритании предпринять освобождение испанских владений в Америке, чтобы открыть их рынки для купцов Лондона». Другой пример: вооруженное сопротивление Корсики

французскому завоеванию, развернувшееся в 1760-х годах, получило широкую поддержку в Англии; здесь был организован сбор средств в пользу повстанцев, и правительство открыто выражало им сочувствие.

Взаимная защита «подрывных элементов» — Руссо, находившегося в 1760-х годах в изгнании в Англии, и Уилкса — во Франции, — была обыденным явлением и преследовала цели больше дипломатического и стратегического, нежели гуманного характера.

В середине 1760-х годов, по мере роста движения недовольства в Америке, мысль о том, чтобы поддержать это движение и направить его по пути независимости, проникла в высшие круги французского правительства. Уже в 1765 году Шуазель, министр иностранных дел Франции, подумывал об использовании такой политики с целью свести на нет английскую победу, закрепленную миром 1763 года.

Несмотря на опасения некоторых американцев, что французская помощь в их конфликте с Англией приведет к установлению зависимости Америки от Франции, а также опасения некоторых французов, что поддержка Америки стимулирует революцию внутри страны и втянет Францию в разорительную и опасную войну с Англией, как только началось подлинное сопротивление действиям последней, американские колонии вступили в контакт с Францией и встретили с ее стороны самое сочувственное отношение.

Уже в декабре 1774 года французский поверенный в делах в Лондоне доносил своему высшему начальству в Париже, что к нему обратились американские уполномоченные и подняли вопрос о союзе между Францией и американскими колониями и оказании им помощи с ее стороны. Месяц спустя после того, как Георг III в августе 1775 года официально объявил американские колонии в состоянии мятежа, министр иностранных дел Франции Верженн направил в Америку секретного агента Бонвулюара, которому было поручено заверить американцев в двух вещах: Франция выступает за независимость американских колоний; и она не домогается возвращения Канады.

В ноябре 1775 года конгресс учредил комитет секретной связи «с единственной целью сообщаться с нашими друзьями в Великобритании, Ирландии и других

частях мира». Это знаменовало собой начало организованной попытки ведения внешних сношений¹.

В декабре 1775 года парламент провозгласил полный бойкот восставших колоний, пытаясь таким образом запретить всякую торговлю с ними и поставить американцев на колени. Иностранная помощь и союзы приобрели первостепенное значение, и в те же месяцы члены комитета секретной связи встретились с секретным агентом Франции, явившись под покровом ночи в условленное место поодиночке и разными дорогами.

Завершив таким образом предварительные переговоры, конгресс в марте 1776 года направил Сайласа Дина в качестве своего уполномоченного в Париж (под довольно прозрачной личиной торгаша — на беду, по иронии судьбы весьма подходящая роль для Дина). В апреле конгресс ответил на установленный парламентом запрет торговли с Америкой, возвестив об отмене всех законов о торговле и открыв порты американских колоний для кораблей всех стран мира, кроме Англии. За этим в мае 1776 года последовал первый успех Дина, кстати сказать, не потребовавший от него особых усилий: король Франции высказался за политику оказания помощи восставшим и приказал послать в Америку военное снаряжение на сумму в один миллион ливров — окольным путем, через подставное акционерное общество, основанное Бомарше, автором «Севильского цирюльника» и пламенным поборником дела Америки.

Это подводит нас к уже упомянутому событию, а именно к внесенному 7 июня 1776 года Ричардом Генри Ли в конгресс историческому предложению из трех частей, вторым пунктом которого было признано целесообразным «немедленно принять самые действенные меры к образованию союзов с иностранными государствами».

Знаем мы и то, что конгресс утвердил составленный Адамсом вслед за предложением Ли проект плана союзов и назначил дипломатических уполномоченных. В декабре 1776 года один из них — Бенджамин Франклин — уже имел неофициальную встречу с министром иностранных дел Франции.

К этому времени открытое провозглашение Францией активной поддержки дела Америки стало вопросом удобного момента. Такой момент наступил, когда 3 декабря 1777 года до Парижа дошла весть о капитуляции

Бергойна (само событие произошло 17 октября). Американские уполномоченные сразу же нажали на министерство иностранных дел Франции. 14 декабря Верженн заверил американцев, что он выступает за признание независимости колоний и оказание им открытой помощи. Верженну оставалось лишь добиться полного одобрения своей позиции со стороны короля.

Решающим в аргументации, развернутой Верженном перед королем, помимо коренного принципа французской внешней политики — ослабить Англию, обеспечив независимость колоний, — был тот довод, что достижение союза, в известной мере связывающего растущую западную державу, в будущем обернется к благу короля. И Франция, убеждал Верженн, сделает ошибку, если теперь же не воспользуется этой возможностью образовать такой союз, так как в будущем она ей, возможно, никогда больше не представится, ибо, писал он королю 7 января 1778 года:

«Мы осведомлены, что в Америке имеется многочисленная партия, старающаяся установить в качестве основы политической системы новых штатов принцип о недопущении заключения обязательных соглашений с европейскими державами². Сам д-р Франклин исповедует эту догму. Утвердить ее помешала одна лишь необходимость; но как только она исчезнет, повстанцы, завоевав независимость без нашей помощи, сочтут, что они не нуждаются в ней для ее сохранения. Тогда мы останемся без всякого союза с ними, подверженные их недоверию, а может быть и гневу».

Шесть дней спустя министр иностранных дел Франции составил подробнейший «меморандум» о «Соображениях в пользу союза с американскими колониями», который может быть признан окончательным выражением точки зрения этой державы. Здесь проводилась та мысль, что конфликт, развернувшийся в Америке, имеет величайшее значение для Франции. По отношению к этому конфликту для Франции открыты «только два пути»: либо бросить восставшие колонии на произвол судьбы, либо оказать им поддержку.

Первый путь — бросить колонии на произвол судь-

бы — означал бы сыграть на руку Англии, которая, как правильно отмечалось в меморандуме Верженна, как раз в этот момент прилагала лихорадочные усилия к примирению, нацеленные на объединение с новым, независимым американским государством в «лигу борьбы против дома Бурбонов». В случае успеха подобного плана Америка станет врагом Франции и отберет у нее (а также у Испании) владения в Западном полушарии. Это завершит дело 1763 года и действительно превратит Францию во второразрядную державу.

Если вероятные последствия первого пути именно таковы, «то, следовательно,— говорилось далее в меморандуме,— слава, достоинство и сокровенные интересы Франции требуют, чтобы она протянула руку американским штатам и обеспечила их независимость». Избрание этого пути, представляющего собой вторую из двух единственных альтернатив, означает: унижение Англии, «нашего естественного врага», и умаление ее мощи; обеспечение целостности наших американских владений и расширение нашей торговли и рыболовства; восстановление нашего былого первенства в Европе.

Рассмотрение указанных двух альтернатив приводит к заключению, что Франция должна избрать курс оказания помощи американцам и обеспечения того, чтобы они утвердили свою независимость. Такой выбор означает войну; поэтому Франция должна немедленно заключить договор о союзе с американцами и мобилизовать для войны свои силы и ресурсы, причем это она должна сделать даже в том случае, если выявится, что Испания пока что еще не приняла решения присоединиться к такой войне. Вот как выражена эта мысль в заключительной фразе меморандума: «Таким образом, Франция должна оказать поддержку делу Америки и использовать с этой целью всю свою мощь, даже если Испания откажется присоединиться к ней...»

Когда Верженн составлял этот меморандум, официальные представители Франции и Америки уже усердно выработывали предложения, касавшиеся неизбежного образования союза. 6 февраля 1778 года Франция и Соединенные Штаты подписали официальные договоры о союзе и торговле; они должны были вступить в силу после их ратификации конгрессом, что и произошло 4 мая 1778 года.

Договор о союзе между Францией и Соединенными Штатами предусматривал, что в случае, если в ходе шедшей тогда войны между Англией и Соединенными Штатами вспыхнет война между Англией и Францией, обе державы, имея общего врага, объединятся в борьбе за «общее дело» и будут всячески и всеми средствами помогать друг другу, «как подобает добрым и верным союзникам». Вторая статья договора гласила: «Важнейшая и непосредственная цель настоящего оборонительного союза заключается в том, чтобы действенным образом поддержать абсолютную и неограниченную свободу, суверенитет и независимость указанных Соединенных Штатов как в вопросах управления, так и в вопросах торговли».

Франция дала согласие на то, что, если Соединенным Штатам удастся присоединить к своим владениям Канаду, Новую Шотландию и Бермудские острова или одну из этих территорий, она признает и гарантирует такое присоединение. В то же время Франция отказалась «навек от притязаний на обладание» Бермудскими островами и любой частью Северной Америки, которая до мирного договора 1763 года или по его условиям являлась собственностью Англии или тринадцати колоний. Оба государства гарантировали нынешние владения друг друга; Франция еще раз подтвердила свою гарантию полной независимости Соединенных Штатов. Каждое из них обязалось «не заключать перемирия или мира с Англией, не получив прежде официального согласия другого», а также обещало не заключать мира, если договором, завершающим войну, не будет обеспечена независимость Соединенных Штатов.

Договор о дружбе и торговле между Францией и Соединенными Штатами содержал оговорку о «наибольшем благоприятствовании», то есть каждое государство обязалось перед другим «не предоставлять иным нациям каких-либо особых благоприятных условий в отношении торговли и мореплавания, которые не распространились бы немедленно на другую договаривающуюся сторону». Кроме того, договор предусматривал применение обеими подписавшими его сторонами принципа «свободные корабли, свободные товары».

Одновременно с договорами был подписан секретный протокол, предоставлявший Испании право в лю-

бой момент присоединиться к каждому из них или к обоим вместе.

13 марта 1778 года французский посол в Лондоне уведомил английское правительство о признании Францией Соединенных Штатов и о существовании торгового договора между обеими державами. Неделю спустя Людовик XVI официально принял американских уполномоченных. После того как в мае конгресс ратифицировал договор с Францией (шаг, предпринятый несмотря на отчаянные усилия Англии добиться примирения), вопрос о начале войны между Англией и Францией сводился просто к вопросу о том, когда прозвучат первые выстрелы. 17 июня 1778 года английские орудия обстреляли французские корабли.

Итак, Соединенные Штаты официально приняли иностранную помощь и согласились на вмешательство в их революционную борьбу, но это совершилось не без серьезных сомнений со стороны восставших, особенно потому, что это было вмешательство традиционного врага (против которого сам Вашингтон боролся с оружием в руках всего лишь пятнадцать лет назад). Тори ухватились за факт вмешательства, представив его как окончательное доказательство вероломства и полной бесчестности повстанцев. В Англии он, несомненно, явился тяжелым ударом по тем, кто, поддерживая Америку во внутреннем, фамильном конфликте, теперь увидел ее официальной союзницей Франции в войне против Англии.

И все-таки именно правительство Норта, именно политика короны заставили колонии избрать своей целью независимость и (чтобы ее достичь) заключить союз с Францией. Прежде чем правительство Норта перестало существовать, ему удалось втянуть в войну с Англией еще Испанию и Голландию и вынудить практически всю остальную Европу объединиться в «Лигу вооруженного нейтралитета», нацеленную по существу против Англии.

Нельзя умолчать и о том, что само английское правительство опередило американцев в использовании иностранного вмешательства в революционную борьбу. Оно обратилось к прусскому королю Фридриху и русской царице Екатерине и предложило обоим монархам весьма значительные суммы денег, а последней еще

колониальные территории, если они предоставят в его распоряжение тысячи своих солдат, чтобы помочь привести к покорности американцев. И только потому, что оба правителя не питали любви к Англии и, с другой стороны, страшились распространения революционной заразы (особенно через войска, которые вернулись бы на родину), они ответили отказом. Повлиял на их решение, хотя оба они выдавали себя за сочувствующих американцам, и тот факт, что лишь незадолго перед тем были подавлены массовые восстания в России (восстание Пугачева) и в Центральной Европе (в первую очередь — в Чехии).

Некоторые правители мелких германских княжеств больше нуждались в деньгах и находились всецело в зависимости от воли Англии. Англии удалось закупить у них «пушечного мяса», чтобы с его помощью попытаться подавить «американских наглецов».

В общей сложности Англия заключила в 1776 году договоры с разными германскими государствами на покупку без малого 30 тысяч солдат. Дезертирство и бунты на Европейском континенте, болезни и мор по дороге в Америку сократили число фактически сражавшихся против повстанцев до неполных 20 тысяч. Цифра эта, однако, весьма внушительна и доказывает, что иностранные наемники составляли значительную часть «английских» армий, занятых в подавлении Американской революции³.

Тот довод, что использование, согласно этим договорам, германских солдат в конфликте послужит для американцев оправданием в их попытках добиться иностранной помощи, отмечался ораторами многочисленного меньшинства в парламенте, выступавшего против этой меры. Показательны замечания, высказанные в парламенте в 1776 году Дэвидом Хартли, когда правительство Норта представило договоры на ратификацию:

«Я заявляю, что это губительная мера. Ведь стоит только впутать в нашу распрю иностранные державы, и всякая возможность примирения и возврата к нашему прежнему союзу окажется полностью отрезанной. Призвав помощь иностранной державы, вы своим примером дадите оправдание американцам... А подав такой пример, вы не

только дадите оправдание Америке в ее домогательствах иностранной помощи; всякая держава сочтет себя вправе принять участие в нашем конфликте в той форме, какая больше всего будет отвечать ее интересам».

III

Испания объявила войну Англии лишь 21 июня 1779 года, год с лишним спустя после того, как ее союзница Франция заняла аналогичную позицию. Раны, нанесенные Англией Франции, были свежее и тяжелее, чем раны, нанесенные Испании. Надо еще учесть, что испанская империя в Америке по сравнению с американскими владениями Франции охватывала гораздо большую территорию и была важнее для мощи Испании. Наконец, Испания владела западными двумя третями Соединенных Штатов, начиная с Миссисипи, и это делало ее в связи с наличием протяженной общей границы непосредственным соседом стремительно растущего, обнаруживающего явные экспансионистские замыслы и воинствующего республиканского мятежного государства.

Вот почему Верженн, разъясняя Монморену, французскому послу в Мадриде, решение Парижа заключить союз с Америкой и пытаясь убедить Испанию вступить в войну с Англией, подчеркивал в письме, датированном 30 октября 1778 года: «Мы требуем независимости лишь для тринадцати штатов Америки... Мы вовсе не хотим появления новой республики, которая стала бы безраздельной госпожой этого громадного континента».

Испания в свою очередь уже раскрыла главные причины своей крайней сдержанности в вопросе о поддержке дела Америки. Испания выражала готовность вложить, и действительно вложила, умеренную сумму на эти цели⁴, надеясь таким образом создать дополнительные трудности для Англии, но колебалась идти дальше. Гримальди, министр иностранных дел Испании, писал 4 февраля 1777 года, что победа колонистов — дело далеко не ясное (в тот момент, очевидно, взгляд вполне обоснованный) и что во всяком случае «права великого монарха на свою территорию должны почитаться священными и неприкосновенными. Пример восстания

слишком опасен, чтобы его величество стали оказывать ему открытую поддержку».

Сокровенная цель Испании, как и Франции, состояла в том, чтобы умножить собственную мощь за счет Англии. Чтобы претворить в жизнь эту стратегию, Испания поставила перед собой две главные непосредственные цели: 1) возвращение Гибралтара (отобранного у нее Англией в 1713 году) и 2) изгнание Англии из Мексиканского залива. Испания преследовала, разумеется, и ряд дополнительных целей — как, например, присоединение к своим владениям Португалии и поощрение восстания в Ирландии, — но первые две считались краеугольным камнем испанской политики.

Гримальди, развертывая в 1776 году перед Верженном испанскую программу, добавил в качестве самоочевидной истины: «Войну не ведут иначе, как для сохранения собственных владений или приобретения чужих». Верженн ответил, что, разумеется, «войны ведутся только ради достижения выгод», но что в то же время необходимо тщательно взвешивать цели с точки зрения того, какие из них вернее могут быть осуществлены, принесут больше выгод, вызовут меньше вражды и т. д. Так, полагал он, в частности, приобретение Испанией Португалии «встревожило бы всех правителей, заинтересованных в сохранении справедливого равновесия». С другой стороны, потеря для врага означает выгоду для самого себя. Раз так, настаивал Верженн, Франция и Испания «должны считать в высшей степени выгодным умалить мощь Англии», а нет никаких сомнений, что отделение североамериканских колоний от Англии «собьет с этой державы воинственность и спесь».

И все-таки Испания настолько страшилась революционной заразы и утверждения американского господства над долиной Миссисипи и северным побережьем Мексиканского залива, что обнаружила необычайную осторожность в вопросе о войне с Англией, с большим опозданием объявила такую войну и, даже решившись на этот шаг, удержалась от признания Соединенных Штатов, не говоря уже о вступлении в союз с новой державой.

Испания твердо держалась этого курса, несмотря на значительные уступки, сделанные повстанцами. Так,

конгресс резолюцией, принятой в декабре 1776 года, дал согласие на то, что в обмен на помощь Испании Америка поможет ей вернуть порт Пенсакола. Три месяца спустя американские уполномоченные в Европе пошли еще дальше Верженна (поскольку их меньше интересовало европейское политическое равновесие) и предложили Испании предпринять, с одобрения Америки, завоевание Португалии. А в начале 1779 года, когда объявление Испанией войны было делом предрешенным, Соединенные Штаты предложили даже отказаться от притязаний на право судоходства по Миссисипи в обмен на признание.

Тем временем, когда испанский двор уже был близок к войне против Англии, Париж и Мадрид подписали предварительную Аранхуэсскую конвенцию (12 апреля 1779 года), в которой оба государства, не уведолив о том американцев, обязались не заключать мира с Англией, пока Испания не вернет себе Гибралтар. Поскольку Франция и Соединенные Штаты в подписанном за год до того договоре о союзе между ними согласились не заключать мира без предварительного ведома и согласия другой стороны, Франция в Аранхуэсском соглашении односторонне и тайно обязывала Америку продолжать войну против Англии, пока Испания не возвратит Гибралтар, — а в то же время Испания упорно отказывалась даже признать Соединенные Штаты!

Минуло всего несколько месяцев после начала войны между Испанией и Англией, когда в 1780 году представители обеих держав встретились для тайных бесед. Испания сразу же ясно показала, что она хотела бы, чтобы в Америке образовался своего рода тупик, в результате чего Англия была бы ослаблена, а новая республика существовала бы лишь в строго определенных границах. Испания настаивала на прекращении войны в Америке на основе принципа *uti possidetis*, то есть признания владением воюющих сторон тех территорий, которыми они фактически владеют в момент прекращения боевых действий. Будь такой план претворен в жизнь, это означало бы, что Англия сохранила бы Мэн, город Нью-Йорк, весь Лонг-Айленд и практически все порты к югу от Виргинии. Мало того — Испания не настаивала на независимости колоний.

Нет нужды говорить, что никакая сила не склонила бы повстанцев принять такое соглашение, но тот факт, что Испания всерьез рассматривала его, помогает понять позицию, занятую ею два года спустя, в пору ведения официальных мирных переговоров. Политика, которую Испания отстаивала на этих переговорах, сводилась, как Франклин писал Ливингстону 12 апреля 1782 года, к тому, чтобы «запереть нас в клетку», если возможно, к востоку от Аппалачских гор. Испания лезла из кожи вон, стараясь не допустить американцев в Алабаму, Иллинойс, долину Огайо и территории к северу от Западной Флориды, сохранив, разумеется, в собственных руках полный контроль над судоходством по Миссисипи. Судя по всему, эту позицию, несомненно, поддерживала и Франция.

В то же время необходимо отметить, что подозрения, возникшие в отношении американских уполномоченных, особенно Джона Джея и Джона Адамса, не были лишены оснований. Джей, прошедший два бесплодных года (1778—1780) в качестве американского уполномоченного в Мадриде, действительно побуждал одного английского дипломата в 1782 году к тому, чтобы англичане отобрали силой оружия у испанцев Западную Флориду, хотя, как доносил дипломат своему министерству иностранных дел, Джей «заклинает, чтобы ни одна душа не прознала, что этот совет исходит от него».

Рассматривая вопрос о революционной дипломатии восставших колоний и позиции Испании, нельзя ни на один момент забывать, что Испания владела в Америке громадной колониальной империей. И, конечно, Американская революция оказала глубокое воздействие на эту империю. Испанские правители предвидели подобную возможность, и значительная часть их усилий была направлена на то, чтобы свести к минимуму или вовсе преодолеть это воздействие.

Американская революция оказала самое непосредственное воздействие на Испанскую Америку, послужив для нее вдохновляющим примером. Это воздействие было усилено тем фактом, что Испания, хотя она и не была союзницей американских повстанцев, находилась в состоянии войны с их врагом. Сама эта война поставила Испанию перед лицом тяжелых

финансовых и политических проблем, что придало еще большую значимость революции для Южной Америки. Кроме того, сдвиг во всем направлении торговой политики Англии, окончательным толчком к которому послужила Американская революция, повысил в глазах Англии значение испано-американской торговли; в результате усилия Испании, направленные на то, чтобы монополизировать эту торговлю, натолкнулись на ожесточенное противодействие Англии. Одной из форм, которую приняло такое противодействие, явилась активная поддержка революционных движений, развернувшихся в испанском колониальном мире.

IV

Нидерланды, политический и культурный престиж которых в это время низко пал, раздирались борьбой между фракциями господствующего класса, одна из которых выступала в пользу проанглийской, а другая — профранцузской ориентации. Возобладала линия нейтралитета и защиты прав нейтральных государств, которая, учитывая позицию Англии, фактически приобрела характер антианглийского «нейтралитета».

Такую позицию голландцы заняли, движимые надеждой перестроить свой торговый флот, расширить свою торговлю и пополнить свои финансы. Вот почему Нидерланды отвергли настойчивую просьбу Англии о покупке 6 тысяч солдат и развернули приносящую поистине сказочные прибыли торговлю с повстанцами, базой которой служил принадлежавший голландцам вест-индский островок Св. Евстафия.

Эта торговля Нидерландов, их участие в «Лиге вооруженного нейтралитета», богатая добыча, которую представляли собой голландские владения в Азии, — все это заставило Англию объявить в декабре 1780 года войну Нидерландам.

Война имела для голландцев самые губительные последствия. Англичане уничтожили значительную часть их флота (в том числе 130 кораблей, захваченных адмиралом Родни при взятии острова Св. Евстафия) и серьезно подорвали голландское влияние в Индии и Ост-Индии⁵. Однако в то же время участие голландцев в войне принесло большую пользу американским

повстанцам. Помощь эта выразилась не только в торговле, но и в крупных займах, которые удалось получить в Голландии проживавшему здесь Чарлзу У. Ф. Дюмасу и Джону Адамсу. В 1782 году Нидерланды стали второй нацией, признавшей Соединенные Штаты и заключившей договор о дружбе и торговле с новой республикой.

Не только непосредственные участники войны с Англией, но и другие европейские державы заняли в целом враждебную позицию по отношению к Англии. Организованную форму она обрела в «Лиге вооруженного нейтралитета», основанной в 1780 году по инициативе главным образом Франции, Нидерландов и России. Принцип, выдвинутый этой лигой, совпадал с принципом, который еще в 1776 году отстаивал повстанческий американский конгресс. Он был черным по белому записан, как мы уже говорили, в договоре 1778 года, которым был оформлен союз между Францией и Соединенными Штатами.

Дело в том, что на протяжении столетий Англия настаивала на принципе — и добилась силой его признания, — согласно которому военно-морские флоты воюющих держав вправе захватывать и конфисковывать вражеские товары, находящиеся на нейтральных кораблях. Конкретно в случае Американской революции это означало, что американские (а позднее французские, голландские и испанские) товары, находившиеся на нейтральном корабле, являлись законной добычей Англии в случае их захвата в открытом море; нейтралитет судна не служил защитой его груза. Нет нужды говорить, что эта политика была провозглашена в интересах господствующей морской державы — иными словами, самой Англии.

Восставшие колонии с самого начала пытались сокрушить подобную концепцию морского права. Верженн также, разумеется, горел желанием нанести ей дополнительный удар, не только оказав помощь в освобождении английских колоний, но и подорвав юридическую опору господства Англии на море.

По мере того как в орбиту вооруженной борьбы, развязанной Американской революцией, оказались втянуты Франция и Испания, английское толкование международного морского права становилось все более

тягостным и разорительным для нейтральных держав Европы. Первый практический шаг был предпринят русской царицей Екатериной, деятельно поощряемой по дипломатическим каналам Верженном и Франклином. Эта царица в начале 1780 года отдала распоряжение тщательно изучить вопрос, а потом поручила Т. Ф. Опи-нусу, видному русскому ученому, разработать план того, как свести на нет особые выгоды Англии*.

Этот-то план и лег в основу «Лиги вооруженного нейтралитета». Сперва Екатерина представила его в марте 1780 года для одобрения Дании и Швеции. В плане давалось точное определение контрабандных товаров как товаров, действительно и непосредственно являющихся оружием или служащих целям ведения войны. Далее в плане заявлялось, что всякий иной груз, перевозимый нейтральными кораблями («свободными кораблями»), хотя бы он и принадлежал вражеской державе, не может быть захвачен какой-либо воюющей державой (то есть должен быть отнесен к категории «свободных товаров»). Кроме того, план осуждал английскую практику «бумажной блокады», выражавшуюся в том, что Англия просто объявляла порты своего врага (речь идет о военном времени) блокированными, хотя на самом деле они могли находиться вне контроля английского военно-морского флота. Чтобы считаться действительной, заявлялось в этом документе, блокада должна осуществляться не на словах, а на самом деле, делая опасным вход в порт.

План предусматривал согласие подписавших его держав добиться признания его положений силой оружия, то есть оказать отпор его нарушениям со стороны английского военно-морского флота. Отсюда несколько парадоксальное название — «вооруженный нейтралитет». К моменту, когда Парижский мир официально положил конец войне против колоний, в лигу входили Россия, Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Священная Римская империя, Королевство обеих Сицилий и Португалия.

* Основой для разработки декларации России о «вооруженном нейтралитете» явились предложения крупного русского дипломата Н. И. Панина. В подготовке декларации участвовал и профессор физики Петербургской академии наук Франц Ульрих Теодор Эпинус (Aepinus).— *Прим. ред.*

Можно в известной мере сомневаться в размере вклада, внесенного лигой в дело завоевания независимости Америки. Однако нет никаких сомнений в том, что она помогала завершить дипломатическую изоляцию Англии от Европы и тем самым побуждала ее прекратить войну в Америке.

Очевидно также, что именно Американская революция и «Лига вооруженного нейтралитета», обязанная ей своим возникновением, привели к утверждению принципа, который с тех пор признавался краеугольным камнем международного морского права.

V

Необходимо уделить внимание еще одному аспекту дипломатии Американской революции. Речь идет о той небывалой роли, какую европейское (и в том числе английское) общественное мнение сыграло как фактор, повлиявший на ее ход.

Жак Неккер, министр финансов Людовика XVI, назвал эту новую силу «незримой властью, которая без всяких средств, без всякой охраны, без всякого оружия навязывает свои законы городам, дворам и даже королевским дворцам».

Сущность Просвещения составляло отстаивание того взгляда, что человек вправе и обязан управлять своими делами и что таким путем можно создать для человечества лучшую жизнь на земле. Современникам Просвещения Американская революция казалась воплощением его сокровенных идеалов; вот почему ее дело было окружено в их глазах ореолом святости.

Именно поэтому Франклин стал кумиром. В нем видели представителя Америки — человека, который, по словам Тюрго, низвел молнию с неба и вырвал скипетр у тиранов и как одним, так и другим своим подвигом в равной мере позволил человечеству раскрыть заложенные в нем возможности. Именно Франклин писал в письме, отправленном из Парижа 1 мая 1777 года: «Вся Европа на нашей стороне, насколько можно судить по выражениям одобрения и доброй воли... здесь все говорят о том, что наше дело — это *дело всего человечества* и что, защищая свою свободу, мы сража-

емся за свободу других». Франклин, как сын своего века, полностью солидаризировался с этим взглядом: «Провидение возложило на нас достойную миссию, что и придало нам, я убежден, отвагу и добродетель, равные ей, и в конце концов увенчает наши усилия успехом».

Вот что писал молодой Лафайет своей жене из Нового Света в июне 1777 года: «Счастье Америки неотделимо от счастья всего человечества; ей суждено стать верным приютом добродетели, честности, терпимости, равенства и безмятежной свободы». А годом позже умудренный жизненным опытом Тюрго, из всех министров Людовика меньше всего приходивший в восторг от политики своего монарха в отношении Америки, заявил тем не менее об американцах: «Этот народ — надежда человеческого рода».

Пламенная поддержка дела Америки со стороны французского народа — факт общепризнанный. Историки, однако, склонны были отрицать, что такие симпатии получили широкое распространение и в других странах Европы. Так, Сэмюэль Флэгг Бемис пишет: «За пределами Франции сочувственный интерес к делу Американской революции представлял собой редкое явление, а те немногие его проявления, которые имели место, носили пассивный, чисто теоретический характер». Несмотря на признанную эрудицию Бемиса в вопросах дипломатической истории, исторические свидетельства убеждают, что в данном пункте он не прав.

Больше того, сам же профессор Бемис в своем труде отметил «сочувственный энтузиазм среди либералов» Дании, Норвегии, Швеции и германских государств. Министр иностранных дел Дании выразился в октябре 1776 года еще резче: «Здесь общественность стала восторженной поклонницей дела (американских) бунтовщиков не потому, что она хоть сколько-нибудь осведомлена об их деле, а потому, что мания независимости заразила буквально всех; яд этот неприметно просачивается из сочинений философов даже в сельские школы».

Профессор Бемис утверждает, что Американская революция «не вызвала совершенно никакого интереса или сочувствия среди народа» Нидерландов, но в данном пункте он явно «преувеличивает»⁶. Хотя и верно,

что XVIII столетие — это период упадка в истории Голландской республики, когда она не выдвинула ни одного деятеля масштаба Вольтера, Руссо или Монтескье, и что сам Франклин писал: «Голландия... как видно, не сочувствует нам и не имеет ни малейшей склонности оказывать нам помощь», — однако верно и то, что усилия Чарлза У. Ф. Дюмаса и Иоана Деркаван дер Капеллена, направленные на то, чтобы возбудить в Голландии проамериканские чувства, получили известный отклик. Да и Франклин, заявляя, что Голландия не склонна оказывать помощь Америке, судил раньше времени, ибо как ведущая сила в движении вооруженного нейтралитета, как поставщик кредитов, уступавший в этом отношении только Франции, своей торговлей, активным участием в войне против Англии, ранним признанием Соединенных Штатов — во всех этих отношениях Голландия и ее помощь сыграли немаловажную роль для новой республики.

В Нидерландах получила сравнительно широкое распространение литература, где выражалось сочувствие делу американских колоний; примечателен тот факт, что памфлет Прайса, вышедший в 1776 году, был переиздан в Роттердаме на французском языке и выдержал два переиздания в Лейдене в голландском переводе, автором которого являлся ван дер Капеллен.

Американская революция оказала глубокое воздействие на интеллигенцию европейских стран. Велико было, например, ее влияние на русского Александра Радищева. Другой пример: в заключительных сценах «Фауста» герой Гёте обретает спасение, «отторгнув у моря свободный край для свободного народа»; под «свободным краем» Гёте, несомненно, имел в виду новую американскую республику. Пауль К. Вебер писал в своем труде «Америка в германской художественной литературе»:

«Поэты «Штурма и натиска», как, например, Клинггер и Ленц, испытали влияние восстания колоний. Шиллер, Гердер, Виланд, Фосс, Леопольд фон Штольберг, Шубарт, Клопшток, Глейм и другие славословили Франклина и Вашингтона, осуждали позорную торговлю солдатами, которую вели германские государи, и решительно поддерживали либеральные устремления американцев».

Пожалуй, самым драматическим проявлением воздействия Американской революции на ее европейских современников явилось массовое вступление добровольцев в армию американских колоний, воевавшую против Англии. Часто такое вступление подсказывалось условными нормами поведения военщины той поры; часто оно было результатом антианглийской государственной политики. Однако в ряде случаев оно, безусловно, коренилось в сочувствии к освободительным идеям американского движения. К числу наиболее известных добровольцев последней группы принадлежали: Лафайет, Дюпортай, Арман и Рошамбо из Франции; Кальб и Штойбен из Германии; Костюшко и Пулаский из Польши; Билле и Хаух из Дании; фон Ферзен и фон Штединг из Швеции; Ковач из Венгрии.

«Незримая власть», о которой говорил Неккер, решительно держала сторону американцев. Этот факт сыграл величайшую роль в деле завоевания независимости — как на поле боя, так и за круглым столом дипломатов. Предать Франклиново «дело всего человечества», нанести ему урон, противоборствовать ему можно было лишь с огромным риском. Современникам представлялось, будто великие принципы Века Разума претворились в явь в республике, возникшей в Новом Свете; бороться против нее значило противоборствовать этим принципам.

Кондорсе, великий французский философ, в 1786 году анонимно выпустил в Амстердаме исследование «Влияние Американской революции на Европу». На первое место, говоря о таком влиянии, он ставил тот факт, что недостаточно было, чтобы идеи Просвещения «овладели сердцами добродетельных людей». Требовалось больше: «необходимо, чтобы бедняк и необразованный мог постигнуть их на примере какого-нибудь великого народа». Это-то и свершила Американская революция. Кондорсе писал:

«Америка вооружила нас таким примером. Акт, которым была провозглашена ее независимость, представляет собой сдержанную и вместе с тем исполненную величия формулировку этих прав, столь священных и столь долго пребывавших в забвении... Зрелище одного великого народа, который

чит права человека, назидательно для всех остальных, несмотря на различия климата, обычаев и конституций».

К 1781 году для всех в Англии, кроме упорно не желавших прозреть (на беду, среди последних был и лишившийся разума Георг III), становилось ясно, что американцы добились того, что шесть лет назад казалось столь невероятным, — они с боем проложили себе дорогу к независимости. Англия находилась теперь в состоянии войны с Францией, Испанией и Голландией; вооруженный нейтралитет еще более изолировал ее, а американская революционная армия продолжала борьбу, целая и непобежденная. В мае 1781 года в руки испанцев перешла Пенсакола. Правда, три месяца спустя Родни овладел островом Св. Евстафия, но за этим в октябре 1781 года последовала капитуляция при Йорктауне. В ноябре французы захватили Сан-Мартин и вернули себе остров Св. Евстафия.

Следующий год открылся серией поражений. В январе французы овладели Демаррарой и Монсерратом; в феврале в их руки перешли Сан-Кристобаль и Невис, а Минорка стала добычей Испании. Георг III, одержимый безумной непреклонностью, был теперь почти одинок в желании продолжать войну с Америкой. 4 марта 1782 года генерал Конуэй внес в палату общин резолюцию о необходимости заключения мира с Америкой; всякий, кто советовал или пытался продолжать войну, объявлялся врагом Англии. Резолюция была принята единогласно.

VI

С принятием этой резолюции правительство лорда Норта пало. На смену ему 22 марта пришло правительство вигов во главе с Рокингэмом — тем самым, кто 17 лет назад был ответствен за отмену закона о гербовом сборе. В апреле 1782 года Ирландии был дарован парламент с правами почти полной независимости, Голландия признала Соединенные Штаты, а Шелберн — он ведал колониальными делами — направил в Париж уполномоченного, проамерикански настроенного купца Вига Ричарда Освальда, для ведения переговоров с Бенджаминем Франклином.

В то самое время, когда Освальд был направлен в Париж, английский адмирал Родни нанес тяжелое поражение крупному французскому флоту в районе Вест-Индии. Победа эта, одержанная 12 апреля, в Лондоне стала известна 18 мая и придавала новую решимость английским дипломатам. За этим проблеском спасения на краю гибели — а именно так был воспринят триумф Родни — последовал второй: оглашенная 13 октября того же года весть о прорыве многомесячной испанской блокады Гибралтара и освобождении крепости.

И все-таки признание независимости американских колоний и достижение мирного урегулирования с новым государством было неотвратимо и не терпело отлагательства. То, что это требовало немедленного внимания английской дипломатии, Лондон остро почувствовал, когда в октябре 1782 года стало известно о подписании договора о дружбе и торговле между Соединенными Штатами и Нидерландами.

30 ноября 1782 года американские и английские уполномоченные, ведшие переговоры в Париже, подписали предварительный мирный договор. Было условлено, что он останется предварительным, пока не будет заключен мирный договор между Францией и Великобританией. В день, когда это было достигнуто, — 20 января 1783 года — состояние войны между Соединенными Штатами и Великобританией официально прекратилось. Затем, по завершении англо-испанских и англо-голландских переговоров⁷, был заключен окончательный мирный договор, получивший название Парижского мира. 3 сентября 1783 года он был официально подписан полномочными представителями Соединенных Штатов и Великобритании.

Статья I Парижского мира, занимающего выдающееся место в дипломатической истории, совершенно ясно заявляет, что король Англии признает Соединенные Штаты (перечислены тринадцать колоний от Нью-Гэмпшира до Джорджии) «свободным, суверенным и независимым государством». Вторая статья определяет границы Соединенных Штатов, установленные приблизительно там, где они проходят сейчас на севере, далее на запад до Миссисипи, а оттуда вниз, прямо на юг до южной границы Джорджии.

Англия согласилась на громадную протяженность этих границ, несмотря на то что Испания (поддерживаемая Францией) требовала как можно больше ограничить территорию Соединенных Штатов на западе Аппалачскими горами. Англичане, однако, не испытывали никакого желания оказывать услугу Испании или Франции. Играло роль и их желание завоевать на будущее доброжелательство американцев. Надо отметить еще одно обстоятельство. Среди руководящих деятелей Англии получил известное распространение взгляд, что предоставление американцам громадной территории осложнит их управленческие проблемы, обострит противоречия между Севером и Югом и прибрежным и горным районами, а может быть, и ускорит раскол единства новой нации. Некоторые еще полагали, что расширение территории Соединенных Штатов закрепит преобладание сельского хозяйства в их экономике, поскольку, цитируя слова Франклина, «пока в Америке достаточно земли для нашего народа, здесь никогда не может быть промышленников в сколько-нибудь большом числе или сколько-нибудь значительного масштаба». А нет нужды говорить, насколько привлекательной была в глазах ведущих государственных деятелей Англии перспектива воспрепятствовать росту промышленности в Соединенных Штатах.

Одну из примечательных черт согласия Англии на американское обладание Западом составляло то, что оно повлекло за собой предательство индейских союзников, покрывших себя славой на поле брани. Дело в том, что значительная часть этой территории находилась в фактическом владении не Соединенных Штатов и не Великобритании, а индейцев, вышедших победителями в затяжном военном конфликте, который развернулся на протяжении революционных лет. Рандольф Даунс, подвергший тщательному исследованию этот вопрос, писал следующее:

«Тот, кто изучает положение дел на «границе», должен в полной мере осознать великий парадокс 1783 года — приобретение нацией, чьи армии были постоянно биты, земель, индейское население которых успешно защитило их против этой нации...

В пору чуть ли не наибольших неудач в своей индейской политике Соединенные Штаты получили в дар победу в форме новых границ, включавших те самые земли, которые только что были успешно защищены индейцами. Побежденные стали победителями».

Борьбе за то, чтобы претворить в явь эту «победу», суждено было составить главное содержание американской военной истории на протяжении первых десятилетий существования республики.

Статья III, на которой особенно настаивал Джон Адамс, предоставляла Соединенным Штатам право на участие в весьма прибыльном рыбном промысле в водах Ньюфаундленда, Лабрадора и Новой Шотландии.

Англия предоставила американцам эти права на рыбную ловлю, несмотря на то что Франция тайно требовала от нее не идти навстречу ее союзнице в данном вопросе. Франция хотела выиграть за счет Америки; Англия же, столкнувшись с необходимостью расстаться с частью своих владений и прав, разделила их между французами и американцами в надежде вбить клин между ними; вместе с тем, проявив великодушие по отношению к американцам, она рассчитывала погасить в них в какой-то мере чувство вражды, порожденное войной.

Четвертая статья обуславливала, что «кредиторы обеих сторон не встретят никаких юридических препятствий к возмещению полной стоимости в полноценной валюте всех bona fide* долгов, заключенных на сегодняшний день». Это было одно из двух главных требований английских представителей на переговорах. Дело касалось в основном тех многих миллионов долларов, которые американцы, в первую очередь южные плантаторы, задолжали английским купцам до войны. Долги эти были аннулированы государственным актом во время революции; несмотря на данную статью, большая часть их так и осталась невзысканной.

Второе требование, на котором рьяно настаивали английские дипломаты, было удовлетворено в пятой статье договора. Речь шла о возвращении собственности

* Законных (лат.).—Прим. перев.

тори, конфискованной революционными правительствами штатов. Учитывая федеральную структуру системы государственного управления Соединенных Штатов, характеризовавшуюся в период конфедерации весьма слабой властью центрального правительства над отдельными штатами, статья предусматривала лишь следующее: «Стороны согласились, что конгресс обратится с убедительной рекомендацией к законодательным собраниям соответствующих штатов обеспечить возвращение» всей конфискованной собственности. Конгресс действительно не раз «обращался с рекомендацией», но собственность так никогда и не была возвращена.

Статья VI предусматривала прекращение всех будущих конфискаций и преследований вследствие участия в войне или деятельности во время войны, а также амнистию всех пленных из числа гражданских лиц.

Статьей VII предусматривалось освобождение всех пленных из состава вооруженных сил и вывод английских войск — «при недопущении каких-либо разрушений или увоза негров или иной собственности американских жителей» — из Соединенных Штатов, включая «все укрепления, населенные пункты и порты на территории указанных Соединенных Штатов»; все это должно было быть осуществлено «со всей возможной скоростью»⁸.

Последней важной статьей договора была статья VIII, в которой обе подписавшиеся стороны согласились, что «судоходство по реке Миссисипи, от ее истока до океана, навсегда останется свободным и открытым для подданных Великобритании и граждан Соединенных Штатов». Правда, поскольку ни одна из подписавшихся сторон не контролировала южную оконечность Миссисипи, находившуюся в руках Испании, пункт этот был не так уж значителен, как это могло показаться на первый взгляд. Однако он не был и пустым звуком, ибо Испания оказала сильное давление, чтобы добиться от Англии признания ее права контролировать судоходство по реке, особенно в Новом Орлеане. Когда еще в 1780 году Испания открыто выразила свои страхи по поводу того, что Соединенные Штаты станут угрожать ее главенству в районе Мексиканского залива, и потому предложила американцам при-

знать это главенство, включая контроль над Миссисипи, намекнув, что в ответ Испания активизирует свою помощь, Франклин сразу же отверг предложение. В письме к Джею, датированном 2 октября 1780 года, Франклин заявил: «Хоть мы и бедны, я, убежденный, что со временем мы станем богаты, скорее соглашусь купить у них по дорогой цене все их права на Миссисипи, нежели продать единую каплю ее вод. С таким же успехом сосед может просить у меня продать парадную дверь моего дома».

Таким образом, статья VIII Парижского мира ясно говорит об американском противодействии притязаниям Испании на монополию в области судоходства по Миссисипи и о поддержке Англией американцев в этом вопросе. Статья, конечно, не решила проблему указанных испанских притязаний; решению ее предстояло стать одной из главных задач дипломатии молодой республики.

VII

Говоря о дипломатии мирного урегулирования, необходимо вкратце коснуться роли английской разведки. Один из постов помощников министра в английском кабинете занимал Уильям Иден (позднее лорд Окленд); фактически в его ведении находилась разведка. Правой рукой его, поскольку дело касалось Америки, был Пол Уэнтуорт, уроженец Нью-Гэмпшира, проживавший в Лондоне и прикидывавшийся ревностным приверженцем дела Америки.

Английская разведка добилась крупного успеха, блистательного даже для этой прославленной службы, получив доступ к переговорам, которые вели в Париже американские дипломатические представители. Выше уже отмечалось, что Эдуард Бэнкрофт, доверенный секретарь Франклина, был английским агентом. Упоминали мы и о роли капитана Хайнсона, курьера американской дипломатической миссии, который находился на жалованье у англичан и передавал ведомству Идена содержание депеш миссии, предназначавшихся лишь для членов конгресса. Указывали мы и на то, что майор Торнтон, личный секретарь Артура Ли, тоже был английским шпионом.

Еще одним английским агентом был Эдуард Кармайкл, секретарь Сайласа Дина. Ныне известно, что шесть клерков, нанятых Артуром Ли на протяжении нескольких лет его службы в Париже, были английскими агентами, а Хезекия Форд, сменивший Торнтонна в качестве секретаря Ли, и Томас Диггс, его доверенный агент, тоже были шпионами!

Насколько можно судить по документальным свидетельствам, колоссальные и дорогостоящие труды всей этой уймы шпионов и агентов дали лишь один, по-видимому, значимый результат. Связано это было с посылкой Францией, по рекомендации Франклина, Эдуарда Бэнкрофта в Ирландию, чтобы решить вопрос о целесообразности французского вторжения на остров. Бэнкрофт, конечно, высказался против такой попытки, и его выступление, судя по всему, сыграло известную роль в решении Франции не предпринимать вторжения.

Хотя английское министерство иностранных дел знало, каковы минимальные и максимальные требования американцев, было в курсе существовавших между ними внутренних разногласий и, вероятно, было отлично осведомлено об американских переговорах, соглашениях и подозрениях, затрагивавших Францию, Испанию и Голландию, мы не располагаем никакими данными, доказывающими, что это знание в действительности определило хоть какую-то черту в окончательном мирном договоре.

VIII

Значительная литература посвящена вопросу о том, почему Англия согласилась на пограничное урегулирование, столь благоприятное для американцев, особенно в районе Великих озер, который по акту 1774 года был включен в границы Квебека. На наш взгляд, это объяснялось шестью главными соображениями, каждое из которых подкрепляло остальные. На первое место нужно поставить тот факт, что после семилетней вооруженной борьбы — с 1775 по 1781 год — Англия была как никогда далека от того, чтобы покорить американцев. Далее, к моменту, когда закладывался дипломатический фундамент мира с американцами, положение Англии в европейской державной игре становилось все более изолированным и неблагоприятным. В-третьих, к началу

1780-х годов большинство всех классов английского населения настойчиво требовало заключения мира, что и вынудило правительство Норта выйти в отставку. В-четвертых, виги, пришедшие на смену Норту, горели желанием спасти хоть что-то из обломков крушения тори, избрав политический курс, который завоевал бы дружбу американцев. В-пятых, английское министерство иностранных дел жаждало вырвать Америку из орбиты французского влияния, а если возможно, то и посеять вражду между Францией и Соединенными Штатами. И, в-шестых, Парижский мир 1783 года был заключен в момент, когда английское правительство заменяло всю свою первоначальную концепцию колониализма; концепция, в которой Англия делала упор на завоевание и колонизацию, уступала место концепции, в которой упор делался на завоевание, проникновение и господство, но не колонизацию.

В ходе самих переговоров американской нации блистательно служили три выдающихся человека, которые великолепно дополняли друг друга: Франклин, Джон Адамс и Джон Джей. А их партнером по переговорам в качестве английского полномочного представителя оказался Дэвид Хартли, член парламента — виг, стяжавший славу как страстный защитник справедливости дела Америки. Франклин в особенности ни на один момент не позволял Хартли забывать последний факт, а это, конечно, не способствовало тому, чтобы сделать более жестким отпор Англии американским предложениям.

IX

Нужно уделить известное внимание и вопросу о том, обманывали ли французов и нарушали ли договор 1778 года американские уполномоченные, вступив в сепаратные переговоры с Англией. Совершенно очевидно, что, вступив на путь односторонних переговоров, американцы нарушали точно выраженные условия договора о союзе. Больше того, они нарушали точно выраженные инструкции конгресса Соединенных Штатов.

15 июня 1781 года конгресс утвердил новые инструкции для своих уполномоченных в Европе, предписывавшие им принять предложенное посредничество русской царицы и австрийского императора и полностью

и во всем доверять министрам французского короля — «в ходе переговоров о мире или перемирии ничего не предпринимать без их ведома и согласия» и руководствоваться в конечном счете «их советом и суждением».

Резолюция эта, принятая в пору военных неудач американцев (за несколько месяцев до Йорктауна), несомненно, выражала искреннюю точку зрения большинства конгресса. И все же нельзя упускать из виду, что французские представители в Соединенных Штатах использовали все возможные средства, чтобы оказать влияние на политику конгресса. Вскоре после прибытия в Соединенные Штаты французский посланник Жерар писал своему министру иностранных дел (12 августа 1778 года): «Личное бескорыстие и неподкупность отсутствуют в картине рождения Американской республики... Дух торгашеской алчности составляет, пожалуй, одну из отличительных черт американцев».

Исследования Артура Б. Дарлинга и Джона Дж. Менга с особой полнотой раскрыли детали того, что профессор Бэйли назвал «усиленными кознями Франции среди фракций конгресса с целью повлиять на американские решения, чтобы они соответствовали французским интересам». И, конечно, одним из величайших триумфов этой политики козней явилась резолюция от 15 июня 1781 года. К счастью, однако, Англия не была готова принять русское и австрийское предложения посредничества, а американские уполномоченные на месте слишком подозрительно относились к намерениям Франции (и Испании), чтобы позволить связать себя советами ее министров. Для реакции, вызванной среди уполномоченных этой резолюцией конгресса, показательна дневниковая запись Джона Адамса, сделанная уже после того, как он и его коллеги решили игнорировать ее:

«Конгресс отрекся от собственного суверенитета и вручил его в руки французского министра. Горите от стыда, виноватые строки! Горите от стыда и сгиньте! Нарушить такие постыдные приказы значит покрыть себя славой. Да, постыдные, ибо так их будут оценивать все наши потомки. Как можно смыть такое пятно? Можем ли мы опустить над ним завесу и вытравить его из нашей памяти?»

Что касается самих французов, нужно отметить, что, хотя американцы действительно начали переговоры с Англией в одностороннем порядке и не сообщили их результаты Верженну, пока они не были завершены, неоспоримо и то, что предварительный договор содержал пункт, откладывавший вступление в силу его положений до заключения мира между Англией и Францией. Напомним также, о чем шла речь уже выше, что Франция первая нарушила договор 1778 года, заключив через год соглашение с Испанией, по которому она обязалась не заключать мира с Англией, пока Гибралтар не перейдет в руки Испании. Заключить такое соглашение — без ведома американцев, после того как Соединенные Штаты обязались не заключать мира с Англией раньше Франции, — значило, конечно, освободить Соединенные Штаты от принятого ими обязательства.

Так или иначе, американские уполномоченные, как мы уже видели, на исходе 1781 года имели весьма основательные причины заподозрить дружбу и братское расположение Франции и Испании. Англия же, особенно когда начиная с Йорктауна на нее обрушились одна катастрофа за другой, ухватилась за возможность вести переговоры с американцами отдельно от французов.

В действительности Верженн вовсе не был недоволен инициативой американцев. Она помогала ему освободиться от обязательства продолжать вооруженную борьбу до тех пор, пока Гибралтар не станет испанским, — перспектива, которая в конце 1782 года казалась весьма отдаленной. В самом деле, лишь две недели спустя после того, как Франклин сообщил Верженну о предварительном договоре, француз выступил с протестом, причем протест, хотя и выдержанный в резких тонах, носил все же официальный характер и даже отдаленно не напоминал разрыва отношений. Больше того, Франклин, отвечая Верженну 17 декабря 1782 года, подчеркнул следующую фразу: *«Англичане, как мне только что стало известно, льстят себя надеждой, что им уже удалось вбить между нами клин»*. И патриарх науки продолжал: *«Я надеюсь, что по сей причине эта маленькая размолвка будет сохранена в тайне и что они убедятся в своем грубейшем заблуждении»*. А для того, чтобы самому убедиться в том, что англичане грубейшим образом заблуждались, Франклин

в том же письме обратился к Верженну с просьбой о предоставлении нового французского займа Соединенным Штатам — и по прошествии недолгого времени новой нации были ссужены еще шесть миллионов ливров!

С подписанием Парижского мира исчезло последнее препятствие к действительному существованию независимых Соединенных Штатов Америки. Теперь, в 1783 году, уже четыре державы — Франция, Нидерланды, Швеция и Англия — признали это существование.

Но как долго суждено было продержаться тому, что английский романист Ричард Грейвс окрестил в книге, вышедшей в 1786 году, «утопическими штатами Америки»? Республика-выскачка, проклинаемая монархами и зная, «дело всего человечества», родилась на свет при благоприятных условиях — перед ней лежал сказочно богатый континент, а океан отделял ее от недоброжелательства и нападений Европы. Если «дело всего человечества» и могло где-либо пустить корни и устоять в жизненной борьбе, так это в Америке.

В 1778 году 72-летний Франклин и 84-летний Вольтер были представлены друг другу на собрании парижской Академии наук. Собравшиеся мужи науки оглашали зал бурными приветствиями и рукоплесканиями, когда Солон и Софокл обнялись и расцеловались со слезами на глазах. Эти слезы и эти рукоплескания отражали надежду Века Просвещения на то, что он еще сможет добиться признания своих идеалов. Соединенные Штаты Америки были национальным воплощением этого устремления, ареной которого служил весь мир.

НЕГРИТЯНСКИЙ НАРОД В РЕВОЛЮЦИИ

Приблизительно 20 процентов всего населения составших колоний (примерно 600 тысяч человек) составляли негры. Из них подавляющее большинство, вероятно 550 тысяч, приходилось на долю рабов, сосредоточенных преимущественно в зоне от Мэриленда до Джорджии.

Одни эти цифры, абсолютные и относительные, неопровержимо свидетельствуют о том, что негритянское население составляло весьма значительную часть американской нации в пору ее рождения. Важную роль играли негры-рабы и как собственность, общая стоимость которой оценивалась примерно в четверть миллиарда долларов. Это была весьма значительная доля совокупного национального богатства и капиталовложений революционной страны.

Далее, в плане экономики, хотя на долю негров-рабов приходилось 20 процентов всего населения, они составляли большую долю производительных рабочих страны, ибо рабы начинали трудиться с девятилетнего возраста и работали всю жизнь до предела физической возможности; надо еще учесть, что практически все женщины среди рабов были работницами. Таким образом, как производительная сила негритянский народ играл величайшую роль уже на заре американской истории. Уже в этот ранний период наличие многочисленной прослойки негров-рабов и их исключительно тяжелое угнетенное положение накладывали решающий отпечаток на жизненный уклад и экономику Юга — района, который признавался в качестве такового ко времени революции и приобрел особые черты в значи-

тельной мере благодаря существованию здесь своеобразного порядка».

Проблема «Негритянский народ в революции» требует рассмотрения с нескольких точек зрения. Прежде всего нужно коснуться внутреннего противоречия революции, которая возвещала на своих знаменах «Свобода или смерть» и в границах которой изнывали свыше полумиллиона рабов. Мы должны подвергнуть анализу воздействие этого противоречия на умы белых американцев — современников революции, а также на учреждения и законодательство восставших штатов.

Известного внимания требуют военные последствия существования рабства: что это означало для революционного движения Америки и к каким действиям это побуждало Англию.

Самого пристального рассмотрения требует воздействие революции на негритянские массы: каким образом эти сотни тысяч реагировали на происходившие вокруг них великие события, в центре которых стояли жгучие вопросы свободы или тирании.

I

Среди белого населения Америки XVIII столетия господствовал глубоко расистский взгляд в отношении негров. Сущность этого расизма иронически подытожил Монтескье, посвятивший специальную главу своего труда «О духе законов» (книга XV, глава 5) вопросу «О рабстве негров»: «Невозможно допустить, чтобы эти существа были людьми, потому что если бы мы их причислили к людям, то пришлось бы усомниться в том, принадлежим ли мы сами к числу христиан»*.

Но шутки в сторону. Согласно широко распространенному взгляду, негры считались не людьми, а существами низшего порядка; если же и относили их к человеческому роду, то считали, что по самой природе своей они могут составлять лишь его низшую часть. Как писал тогда один современник из Делавэра, на вопрос «Почему среди рабов по рождению негров... больше, чем других?» ответ был совершенно определенным: «А не все ли равно спросить, почему сарычи

* Ш. Монтескье, Избранные произведения, М., 1955, стр. 365.

питаются одной лишь падалью?.. Природа отвечает, что так нужно; поэтому она приспособила их к рабскому состоянию и сделала его для них отрадой».

Одним из свидетельств глубокого воздействия, оказанного революционной борьбой на Америку XVIII столетия, является то, что она нанесла сокрушительные удары по системе негритянского рабства, несмотря на преобладание и воинствующий характер расистской идеологии. Само негритянское население пристально следило за аболиционистскими тенденциями в революционном движении и в случаях, когда это было возможно, оказывало им поддержку.

В части предреволюционной литературы обращается внимание на несовместимость борьбы за политическую и экономическую свободу с сохранением сотен тысяч людей в оковах рабства. Эту мысль можно найти, например, в произведениях Джеймса Отиса, который в труде «Права английских колоний» (1764) осуждал рабство, утверждал неотъемлемое право негров на свободу и, как это ясно видно из его аргументации, даже поддерживал право раба на восстание против своего владельца.

Некоторые позднейшие произведения были проникнуты еще более смелым духом, как, например, «Речь о прелестях свободы» преподобного Айзека Скилмэна (1772), где выдвигалось требование немедленной отмены рабства. Крайность выводов автора этого труда осталась непревзойденной во всей последующей аболиционистской литературе, ибо он утверждал право раба на восстание, поскольку это находится в соответствии с «законами природы».

На те же годы приходится аболиционистская деятельность Антони Бенезета и таких личностей, как Бенджамин Франклин и Бенджамин Раш. Как знамение времени следует отметить тот факт, что некоторые из докладов, оглашенных в Гарвардском университете на церемонии по случаю присуждения ученых степеней 1773 года, касались «законности порабощения африканцев». Сходные мысли высказывала Эбигейл Адамс, когда она заявила своему прославленному супругу Джону в связи с раскрытием в Бостоне в сентябре 1774 года заговора рабов: «Мне всегда казалось величайшей несправедливостью сражаться за то, что мы каждоднев-

но грабежом и насилием отбираем у других, имеющих не меньшее право на свободу, чем мы сами».

Первая статья, написанная Томасом Пейном для печати, называлась «Африканское рабство в Америке». Она появилась в одной филаделфийской газете 8 марта 1775 года; здесь выдвигалось требование отменить рабство и наделить освобождаемых негров землей, с тем чтобы они получили не только личную свободу, но и средства зарабатывать себе на жизнь.

В годы вооруженной борьбы оппозиция против рабства среди белого населения усилилась и часто получала выражение в организованной форме и в законодательных актах. Решающий шаг в развитии аболиционистского движения как с идейной, так и с практической стороны сделали религиозные секты, как, например, моравские братья, баптисты, методисты и особенно квакеры. Больше того, о квакерах можно сказать, что к 1785 году они начисто покончили с работорговлей и рабовладением в собственных рядах. В начале 1780-х годов некоторые американские квакеры, возможно вдохновляемые деятельностью своих английских собратьев, взяли на себя инициативу добиться аболиционистских мероприятий со стороны конгресса конфедерации. Особенно кипучую деятельность развернул Дэвид Купер из Нью-Джерси, опубликовавший в 1783 году «Серьезное обращение к правителям Америки о несообразности их поведения в отношении рабства», где он собрал «самые пламенные заявления конгресса в пользу свободы (с прибавлением отрывков из конституций отдельных американских штатов на ту же тему), противостоящие идее о допустимости рабства». Эта кампания, по-видимому, и подготовила представление в конгресс осенью 1783 года меморандума, подписанного 535 членами секты квакеров в Пенсильвании и Нью-Джерси и выдвигавшего требование запрета работорговли.

В 1775 году в Филадельфии было создано первое общество содействия отмене рабства. Вскоре такие же общества появились и в других местах — в 1785 году в Нью-Йорке, в 1788 году — в Делавэре. В состав этих организаций, выступавших, как правило, в пользу курса постепенного освобождения, входили квакеры, но отнюдь не только они одни.

Еще в годы предреволюционной агитации в правительственные органы отдельных колоний и штатов был внесен ряд представлений против рабства, а в период революции число их заметно умножилось. Например, в 1770 году законодательное собрание Коннектикута получило несколько петиций, содержащих требование положить конец рабству; в следующем году оно запретило работорговлю. В 1773 году ассамблея Нью-Джерси также получила аболиционистские петиции, исходившие от групп граждан в шести округах.

В 1774 году в Массачусетский провинциальный конгресс был внесен меморандум, где «справедливости ради» говорилось, что, «пытаясь освободиться от наших нынешних тягот и уберечь самих себя от порабощения, мы обязаны принять во внимание также положение и условия жизни негров-рабов в нашей провинции». Меморандум был зачитан и обсуждался, но «на поставленный вопрос, изживается ли теперь это ненормальное положение, конгресс дал утвердительный ответ».

В том же году Род-Айленд, в значительной мере под давлением квакеров, провозгласил, что всякий раб-негр, который в будущем попадет на его территорию, будет считаться свободным. В преамбуле закона говорилось, что эта мера была принята потому, что:

«Все население Америки поднялось на защиту своих прав и вольностей, среди которых величайшей должна почитаться личная свобода. Посему те, кто хотят сами пользоваться всеми благами свободы, должны желать распространить личную свободу и на других».

Нужно заметить, однако, что закон не освобождал имевшихся в ту пору в Род-Айленде рабов (их насчитывалось около 3500); правда, позднейшее законодательство, согласно которому им было разрешено вступать в армию, привело к освобождению нескольких сот негров в этом штате.

Попытка Массачусетса запретить в 1773 году работорговлю натолкнулась на вето губернатора Хатчинсона, действовавшего в соответствии с незыблемым курсом королевской политики, встречавшей в штыки всякое лосыгательство на этот доходный промысел. Патриоты, однако, продолжали враждебные выступления

против постыдной торговли; так, городское собрание Брейнтри в начале 1774 года вынесло решение о неучастии в работорговле и бойкоте всех, занимающихся ею. Не прошло и года, как сходные меры были рассмотрены или приняты рядом других групп в разных населенных пунктах Род-Айленда, Пенсильвании, Делавэра и Джорджии. Один за другим города Новой Англии предпринимали шаги к уничтожению рабства в собственных границах.

Работорговля в Массачусетсе была поставлена вне закона в 1776 году; конституция Делавэра, принятая в том же году, запрещала ввоз рабов из Африки, а также их ввоз откуда бы то ни было *для продажи*. В 1777 году в Массачусетский Генеральный двор* был внесен законопроект об отмене рабства, но его отвергли под тем предлогом, что он будет оскорблением для южных рабовладельцев. Делегация города Нью-Йорка в провинциальном конгрессе штата, возглавляемая Джоном Джеем, в том же 1777 году выдвинула требование принять закон о постепенном освобождении рабов. Закон едва не был принят; он, возможно, прошел бы, если бы Джею не пришлось в этот день отсутствовать на заседании конгресса ввиду смерти матери. Миновало двадцать два года, прежде чем Нью-Йорк ввел такой закон.

Конституция, принятая Вермонтом в 1777 году, содержала пункт, прямо запрещавший обращение в рабство всякого лица, «уроженца нашей страны или привезенного из-за моря». В марте 1780 года Пенсильвания ввела закон о постепенной отмене рабства, авторами которого были Томас Пейн и Джордж Брайан. В том же году серьезное внимание аналогичному законопроекту уделило законодательное собрание Коннектикута, но законом он стал лишь в 1784 году. В том же 1784 году Род-Айленд ввел закон о постепенном освобождении рабов, а конституция Нью-Гэмпшира, согласно приданному ей толкованию, положила конец рабству в этом штате.

* Генеральный двор, Генеральный суд (General court) был создан как совещательный орган при губернаторе колонии, но позднее под давлением масс стал представительным законодательным органом, верхней палатой.— *Прим. ред.*

К 1780 году общественное мнение не оставило почти камня на камне от института рабства в Массачусетсе, а конституция штата, принятая в этом году и провозглашавшая право человека на равенство и свободу, согласно приданному ей толкованию, отменила этот институт в законодательном порядке. В следующем году отмена рабства была окончательно утверждена Верховным судом в деле «Республика против Дженнисона». В ходе разбора этого дела белый, обвиненный в избивении негра, выдвинул в качестве оправдания тот довод, что негр был его рабом, но суд признал его виновным и приговорил к штрафу. Верховный судья У. Кашинг, вынося решение, утверждал, что конституция штата 1780 года

«начинается с заявления о том, что все люди рождены свободными и равными, что все подданные имеют право на свободу... и, короче говоря, неприемлемо враждебна идее о существовании рабов по рождению. На основании вышеизложенного я полагаю, что идея рабства несовместима с нашей линией поведения и конституцией».

Из штатов, расположенных к северу от линии Мэйсона — Диксона, позднее других осуществил меры по отмене рабства Нью-Джерси; закон о постепенном освобождении рабов был принят им в 1804 году. Однако и здесь квакеры уже к 1774 году смыли с себя пятно рабства, а в годы революции на страницах джерсийской печати велась агитация против этого института. Так, в статье, опубликованной в «Нью-Джерси газетт» от 8 ноября 1780 года, заявлялось: «Вигу омерзительна самая идея рабства, какого бы цвета ни был раб. Виг — приверженец свободы и поборник прав человечества вообще, и ему чужды всякие пристрастные интересы или эгоистические взгляды».

К 1781 году в законодательное собрание Нью-Джерси начали поступать в большом количестве петиции против рабства, а в 1786 году штат ввел закон, запрещающий ввоз рабов и телесные наказания их, а также разрешавший без особо строгих ограничений их отпуск на волю.

Революция оказала освобождающее влияние на систему рабства и на Юге. Так, Виргиния (май 1782 года)

значительно облегчила условия отпуска рабов на волю; правда, вскоре этот закон, на основе которого сотни рабов получили свободу, был отменен. В том же году значительно умножилось число случаев отпуска рабов на волю своими хозяевами в Делавэре, Мэриленде и Северной Каролине; исторические данные неопровержимо свидетельствуют, что этот процесс был стимулирован демократическими и гуманными идеями революции.

Аналогичные аболиционистские тенденции, хотя и довольно слабые, пробивались и на национальной арене — нужно, конечно, учитывать, что в этот период федеральное правительство обладало весьма ограниченными полномочиями. Все же соглашение, достигнутое в форме континентальной «Ассоциации» 1774 года, требовало, в частности, положить конец работоторговле с иностранными государствами. В апреле 1776 года Континентальный конгресс повторил эту меру, вынеся решение о запрете ввоза рабов. Меры эти имели, вероятно, скорее антианглийскую, чем антирабскую направленность, но в какой-то мере они были подсказаны, безусловно, и последними соображениями.

Нет никаких сомнений, что в скрытой форме аболиционистские идеи получили выражение в окончательной редакции Декларации независимости, в первую очередь в ее смелых утверждениях, «что все люди сотворены равными, что они наделены определенными неотъемлемыми правами, и в том числе правом на жизнь, свободу и стремление к счастью». Кроме того, уместно заметить, что первоначальный проект Декларации, принадлежавший перу Джефферсона, содержал открытое и решительное обличение рабства. В перечень обвинений, выдвинутых против английского монарха, Джефферсон первоначально включил следующее:

«Он вел жестокую войну против самой человеческой природы. Он погряз в священной правде, посягнув на жизнь и свободу лиц, принадлежащих к народу, который живет в далеком краю и никогда не причинил ему ничего дурного. Он захватывал и обращал их в рабство в другом полушарии, причем часто они погибали ужасной смертью при перевозке их туда [в колонии]. Эту

пиратскую войну, позорящую даже *языческие* государства, вел *христианский* король Великобритании, решившись поддерживать торговлю ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ».

Однако это место, по настоянию делегатов от Южной Каролины и Джорджии, к которым присоединились некоторые делегаты от работорговых штатов Новой Англии, было изъято из окончательной редакции Декларации независимости.

II

Хотя мы привели ряд данных, доказывающих весьма реальный прогресс аболиционистского движения как с идейной, так и с практической стороны в годы революции, это не должно затемнять тот факт, что на протяжении всей революции 20 процентов американского населения составляли рабы-негры. Не должно это затемнять и тот факт, что в общем и целом революция, особенно на Юге, оставила неприкосновенным рабство негров и что подавляющее большинство рабовладельцев было настроено решительно против всякого «вмешательства» в их собственность — будь то рабы или что-либо другое.

В этой связи важно заметить, что южные штаты особенно усилили в годы революции аппарат господства над рабами. Северная Каролина, например, в 1777 году приняла закон, серьезно затруднивший отпуск рабов на волю, ибо «в такое тревожное и критическое время каждый друг и доброжелатель родины должен избегать зловредной и пагубной практики освобождения рабов в нашем штате». Другой пример: Южная Каролина в 1780 году ввела закон, по которому часть награды, выдававшейся солдатам, добровольно вступившим в революционную армию, составлял отборный раб. Больше того, во время инфляционного обесценения бумажных денег, выпущенных революционным правительством, этот штат и Джорджия ввели практику частичной уплаты жалованья своим должностным лицам рабами.

Негритянский народ извлек известные выгоды из оживления аболиционистских идей, которое, несомнен-

но, явилось частью революционной атмосферы. Однако эти благоприятные перемены обычно сильно запаздывали, редко вносили глубокие изменения в его положение и почти всегда осуществлялись постепенно. Кроме того, позиция, занятая южными штатами, которые, как мы уже говорили, являлись средоточием рабства, не вселяла в негров больших надежд или энтузиазма.

В случаях, когда негр мог обрабатывать собственную землю и одновременно получить или закрепить свою свободу, он энергично пользовался такой возможностью, но когда он обнаруживал, что родина отвечает отказом на его страстное желание свободы, он обращался к иным средствам — бегству, восстанию, движению недовольства, убийству, — ибо он жаждал свободы, а не трескучих деклараций.

III

Когда в 1760-х годах в колониях развернулось движение протеста против английской тирании, некоторые рабы, по крайней мере в Новой Англии, предприняли попытки добиться свободы в судебном порядке. Мы располагаем, например, данными в дневниковой записи Джона Адамса от 5 ноября 1766 года, что отдельные рабы в Массачусетсе попытались оспорить юридическую основу рабства, возбудив в местных судах дело по обвинению их хозяев в превышении своих прав. Адамс, сообщив, что он лично присутствовал на одной такой неудачной попытке, заметил, что «слышал о многих других»; о некоторых из них сохранились письменные свидетельства.

Располагаем мы и данными о неоднократных групповых петициях, в которых негры Новой Англии — как свободные, так и рабы — выражали протест против своего угнетенного положения. Уцелело по крайней мере десять таких коллективных петиций, исходивших из Массачусетса, Коннектикута и Нью-Гэмпшира в период с января 1773 года по февраль 1780 года.

О содержании их могут дать представление отрывки из одной петиции, выражающей протест против рабства. Она была передана в Массачусетское законодательное собрание в январе 1777 года. Документ представляет собой «петицию великого множества черных,

томимых в состоянии рабства в лоне свободной и христианской страны». Петиционеры «убеждены, что наряду со всеми остальными людьми они имеют естественное и неотъемлемое право на ту свободу, которой Великий Праотец вселенной наделил одинаково все человечество и которая никогда не была отнята у них ни одним договором или соглашением». Глядя, как вы вызываете к правительству Великобритании о восстановлении справедливости и о большей свободе, мы, заявляли петиционеры, несколько раз приносили вам жалобы на свое положение, но, увы, наше обращение имело не больше успеха, чем ваше собственное. И далее: «Можно лишь удивляться, как это никому не пришло в голову, что каждый из принципов, на основе которых Америка действовала в ходе своих злосчастных распрей с Великобританией, убедительнее тысячи аргументов говорит в пользу ваших петиционеров».

Поэтому они требуют от революционного правительства Массачусетса освободить всех взрослых рабов и установить порядок, по которому все дети-рабы получают волю по достижении ими 21 года. Осуществив эту меру, жители Массачусетса «снимут с себя обвинение в несообразности выступления в той самой роли, выполнение которой другими не только осуждается ими, но и встречает их противодействие».

В 1780 году несколько негров в том же Массачусетсе выступили с совместным протестом против пункта конституции, принятой в этом году, который ограничивал круг лиц, пользующихся правом голоса, белыми налогоплательщиками [мужского пола]. Петиционеры напоминали массачусетским законодателям о несправедливости налогообложения без представительства.

Однако большинство американских рабов было сосредоточено на Юге, и хотя, как мы уже заметили, настроения в пользу освобождения рабов здесь ширились, неоспорим тот факт, что этот рост затрагивал лишь малую часть класса рабовладельцев и что действительное освобождение получила лишь горстка негров по сравнению с десятками тысяч, изнывавших в оковах рабства.

Рабовладельцы знали по горькому опыту, что сильное общественное возбуждение приводит к росту волнений среди негритянских масс, и революционная эра

служит отличной иллюстрацией этого факта. Рабовладельцы были убеждены в том, что (как заявили Джону Адамсу в ноябре 1775 года два из них — Арчибальд Баллок и Джон Хьюстон, оба из Джорджии), если бы какой-нибудь неприятельский офицер высадил армию на Юге «и пообещал свободу всем неграм, которые перейдут на его сторону, двадцать тысяч рабов стеклись бы под его знамена... в одну-две недели», потому что «негры обладают удивительной способностью передавать друг другу вести; негр может пробежать в течение одной-двух недель несколько сот миль».

В районе рабовладения всегда действовали жесткие системы военного, юридического и социального контроля, но в годы революционных потрясений были введены особые меры предосторожности.

Так, было принято за правило угонять рабское население из зон, находившихся в непосредственной близости к английским армиям. Пускались в ход и другие особые меры предосторожности. Власти Джорджии, например, в августе 1776 года заключили под стражу отдельных негров-боцманов и держали в порту Саванны сторожевой корабль, чтобы «воспрепятствовать бегству негров на Кокспер» — остров, близ которого базировались вражеские корабли. Сходные меры были приняты и в других местах, как, например, в округе Сент-Мэрис (штат Мэриленд), откуда один офицер сообщал в марте 1781 года, что он разместил охрану «в самых удобных пунктах, чтобы воспрепятствовать уходу негров к врагу, и изъял все лодки и челны». Другой офицер в том же месяце обратился с просьбой к губернатору Мэриленда предоставить в его распоряжение дополнительно шестьдесят солдат, чтобы поддерживать постоянную дозорную службу в округе Сент-Мэрис с целью воспрепятствовать бегству рабов, «ибо недавнее поведение негров, когда эти корабли [англичан] находились в Сент-Мэрисе, совершенно убедило меня в том, что большинство негритянского населения округа перешло бы на их сторону».

Несмотря на наличие разветвленного аппарата господства, десяткам тысяч рабов удалось бежать, хотя, как свидетельствуют исторические данные, многим, достигшим англичан, достались в удел суровое обращение, болезни, продажа в рабство в Вест-Индию и даже

смерть. Иные, однако, в конце концов добились формальной свободы — в Англии, Канаде и Новой Шотландии, — а многие другие, как беглецы, остались фактически свободными на Севере. И все же условия, которые рабы обычно находили за линией английских войск, оказывались настолько горестными, что это в большей мере отбивало у негров охоту бежать в данном направлении, чем все меры предосторожности, введенные революционерами.

Упоминания о массовом бегстве рабов появляются буквально с первых дней вооруженной борьбы. Лорд Данмор, королевский губернатор Виргинии, предпринял попытку сокрушить революцию, предложив (в прокламации, датированной 7 ноября 1775 года) дать свободу всем рабам повстанцев, способным носить оружие и достигшим линии его войск. Виргинский комитет безопасности, понимая серьезность положения, незамедлительно выпустил контрпрокламацию. Она предостерегала рабов не поддаваться на предложение Данмора и указывала, что Англия сама владела рабами, которым она не предлагала свободы, что она больше всех разжигала работорговлю и, больше того, налагала вето на все попытки Виргинии положить конец торговле людьми. К тому же, говорилось в прокламации Виргинии, предложение Данмора касается исключительно взрослых рабов-мужчин (которым, таким образом, пришлось бы оставить свои семьи), принадлежащих патриотам, а не тори; кроме того, он, наверно, нарушит свое обещание и отправит негров в Вест-Индию. Не довольствуясь этим обращением, Виргиния в декабре 1775 года приняла уже упоминавшийся нами закон, который устанавливал в качестве кары для пойманных беглых рабов высылку или казнь.

И тем не менее тысячи рабов сразу же обратились в бегство. Эдмунд Пендлтон, выдающийся виргинец, рассказывал 27 ноября 1775 года Ричарду Генри Ли, что «рабы стекаются к нему (Данмору) толпами», а две недели спустя одна знатная американка писала своему лондонскому другу: «Это пламя охватывает рабов с быстротой лесного пожара». Некоторые местные окружные комитеты Виргинии (например, Нортгемптонский и Уорикский) также жаловались в ноябре и декабре 1775 года на массовый уход рабов. О том

же свидетельствуют и письма самого Данмора, хотя они подтверждают, что многие беглецы нашли за линией английских войск не свободу, а болезни и смерть.

Данные о массовом бегстве рабов исходят и из других районов, и нет никаких сомнений, что попытки добиться свободы бегством не прекращались на протяжении всех военных лет.

Это массовое бегство во имя достижения свободы представляет собой, безусловно, одну из самых драматических и вместе с тем патетических черт Американской революции. Определенное представление о его размерах могут дать некоторые цифры, приводившиеся современниками тех событий. Так, например, после Парижского мира 1783 года английские корабли покинули город Нью-Йорк, имея на борту свыше трех тысяч беглых негров. Когда английский флот в июле 1782 года эвакуировал Саванну, он увез примерно пять тысяч беглых рабов; около 6500 негров отплыли при уходе англичан из Чарлстона в 1783 году. Кроме того, на протяжении всех семи лет вооруженной борьбы суда, набитые беглыми рабами, одно за другим направлялись во Флориду, Вест-Индию, Новую Шотландию и Англию. Надо еще учесть, что многие рабы бежали не только к англичанам, но и на территорию Соединенных Штатов, а также под защиту армий и кораблей французского союзника.

Дополнительный свет проливают современные оценки общей потери рабов. Томас Джефферсон заявлял, что только Виргиния в одном лишь 1778 году потеряла за счет бегства 30 тысяч рабов; а нет нужды говорить, насколько больше виргинских рабов бежало в предшествующие и последующие годы. Видные представители власти Джорджии заявляли, что их штат потерял от 75 до 85 процентов своих рабов (число их составляло в 1774 году около 15 тысяч), а южнокаролинцы утверждали, что из 110 тысяч рабов, насчитывавшихся в их штате в начале революции, почти 25 тысячам удалось бежать к моменту ее окончания. Неоспорим тот факт, что хотя Южная Каролина на протяжении лет, непосредственно следующих за революцией, ежегодно ввозила тысячи рабов, она лишь в 1790 году достигла численности рабов 1773 года. Если же ко всему этому добавить рабов, бежавших из Северной Каролины,

Мэриленда, Делавэра и северных штатов, в первую очередь — Нью-Джерси и Нью-Йорка, то, по-видимому, по скромным подсчетам, с 1775 по 1783 год ста тысячам рабов (то есть примерно одному из шести мужчин, женщин и детей) удалось избавиться от рабства бегством, хотя на новом месте многие из них нашли свою смерть или вновь попали в рабство.

Делу революции весьма повезло в том отношении, что политические и экономические соображения удержали Англию от ведения активной антирабской войны. Если бы она встала на этот путь, она, безусловно, привлекла бы на свою сторону гораздо больше беглых рабов, чем привлекли ее армии и флоты в действительности; если бы она встала на этот путь, она могла бы приобрести несколько тысяч новых бойцов. Чем кончилась бы борьба в таком случае, можно, конечно, только гадать. Однако правда заключается в том, что реакционное правительство Георга III было напугано Американской революцией; оно не могло поддержать такое решительное революционное (в социальном смысле) движение, как движение, направленное на уничтожение системы рабовладения, в первую очередь потому, что в Британской Вест-Индии насчитывалось около 750 тысяч рабов, а многие крупнейшие рабовладельцы в южных колониях принадлежали к числу тори.

Сказанное, разумеется, приложимо и к американцам. Сайлас Дин, обращаясь из Парижа 3 декабря 1776 года к Джону Джею, требовал, чтобы американцы предприняли попытку поднять восстания среди рабов на Ямайке. Соображения, которые сдерживали англичан, очевидно, исключали такие действия и со стороны американцев.

IV

В тревожную пору накануне, во время и сразу после революции значительные районы на территории, охваченной мятежом, подвергались нападениям маронов. Действия маронов — так назывались беглые рабы, укрывавшиеся на островах Вест-Индии и в Голландской Гвиане, откуда они, движимые лютой ненавистью к рабовладельцам, предпринимали опустошительные набеги, — представляли постоянную черту системы американского рабства, но, как и другие формы протеста,

особенно активизировались в периоды напряженной обстановки и волнений.

Снова и снова вспыхивали на протяжении тех же лет также восстания и заговоры рабов. Типичным примером служат действия рабов в виргинском горбдке Александрии и его окрестностях в конце 1767 года, результатом которых было почти одновременное отравление нескольких надсмотрщиков. Тогдашняя печать сообщала, что «нескольких негров арестовали, а четырех из них три недели назад казнили, после чего их головы отрубили и выставили на трубах здания суда; да еще ожидается, что та же участь скоро постигнет четырех других». Некоторые из казненных рабов принадлежали, кажется, Джорджу Мэйсону — позднее автору виргинской «Декларации прав» и главному автору билля о правах, включенного в конституцию Соединенных Штатов.

Другой пример восстания на революционной территории представляет небольшой бунт рабов в приходе Сент-Андрус (штат Джорджия) в ноябре 1774 года, сопровождавшийся убийством и ранением семи белых. Два раба, замешанные в восстании, были сожжены живыми; о других репрессивных мерах данных не сохранилось. В одном письме, отправленном из Чарлстона (Южная Каролина) 20 августа 1775 года, встречается такая фраза: «Вчера вздернули на виселицу и сожгли одного негра, вздумавшего бунтовать и поджечь город».

Самый крупный заговор этого периода вспыхнул летом 1775 года. В нем были замешаны сотни, а может быть, и тысячи рабов трех округов Северной Каролины — Бофорта, Питта и Крейвена. Подавление заговора ознаменовалось поркой, клеймением и отрезанием ушей у десятков рабов; несколько человек были преданы казни. На протяжении революционных лет имели место и другие заговоры и восстания — в Массачусетсе, Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании, Виргинии, обеих Каролинах, Джорджии. Как правило, они вызывали усиление мер по поддержанию порядка и отражались на военной эффективности борьбы повстанцев против Англии, особенно на Юге. Кроме того, они подчеркивали кричащее несоответствие ведения войны за национальное освобождение при сохранении пятой части населения в оковах рабства.

Негры — свободные и рабы — сыграли заметную роль в вооруженных силах революции, когда им представлялась такая возможность. Много бюрократических рогаток приходилось преодолевать, прежде чем негру, особенно рабу, разрешалось вступить в ряды революционной армии, но военный флот — как общий континентальный, так и провинциальный — не следовал негрофобскому курсу. Вот почему на протяжении всех лет революции мы встречаем многократные упоминания о неграх, служивших в качестве членов команд кораблей, которые представляли собой зарождающуюся морскую боевую силу нации.

Негры плавали с такими крупнейшими морскими командирами революции, как Джон Пол Джонс, Джон Барри и Дэвид Портер. Негры входили в состав команд таких кораблей, как «Отвага», «Декан» и «Перспектива», «Союз», «Косуля» и «Конфедерация», «Скаун», «Приключение» и «Аврора». Негры служили во всех ролях — от подносчика пороха до лоцмана.

Все мы видели картины, изображающие «Дух 76-го» с отважно шагающими барабанщиком и флейтистом, картины, изображающие оборванную и голодную армию Вашингтона, истекающую кровью и дрожащую от холода в Вэлли-Фордж*. Обычно, однако, картины эти выдержаны в лилейно-белых тонах; но в подлинной жизни не только белые, но и негры были барабанщиками, и истекали кровью, и дрожали от холода.

Вот ряд конкретных примеров. Барабанщиком роты капитана Бенджамина Эгберта в городе Нью-Йорке в марте 1776 года был негр, внесенный в список личного состава под именем Том. Флейтистом (иногда прикладывавшим руку и к барабану) роты капитана Джона Форда 27-го Массачусетского полка был Барзиллай Лью, уроженец Гротона (он родился там в 1743 году), где этого гиганта можно было с утра до ночи видеть в его бондарной мастерской. Барзиллай Лью бил в барабан, играл на флейте и прошел с боями по дорогам революционной войны почти с начала вооруженной борьбы (он вступил в армию 6 мая 1775 года) вплоть

* Деревня в юго-восточной части Пенсильвании, где зимой 1777/78 года была расквартирована армия Вашингтона.— *Прим. ред.*

до того дня, когда семь лет спустя ружья были составлены в козлы. То, что негры наряду с белыми зимовали в Вэлли-Фордж, не подлежит никакому сомнению, ибо имеется документальное свидетельство об одном (по крайней мере) умершем здесь в эту ужасную зиму 1778 года — о Филиппе Филде из округа Датчес (штат Нью-Йорк), солдате роты капитана Пелтона 2-го Нью-Йоркского полка.

И все же, как мы уже говорили, наличие рабства являлось источником пагубного и опасного противоречия в рядах революционных вооруженных сил. Мы уже видели, как наличие рабства сдерживало рост зарождающихся аболиционистских идей; сходное воздействие оно оказало и на революционную армию, вызвав к жизни ряд законов и установлений, ставивших своей целью помешать вступлению негров в ее ряды. Так. Джон Ратледж, делегат Континентального конгресса от Южной Каролины, в сентябре 1775 года внес резолюцию, запрещающую использовать негров в качестве солдат; 18 октября она была утверждена конгрессом. За десять дней до того совет генералов американской армии уже вынес единогласное решение против использования свободных негров в качестве солдат. За этим 12 ноября 1775 года последовал приказ Вашингтона, подчинявшегося данным решениям.

Однако вскоре начался отход от этой линии. И законодательные и военные органы с тревогой подметили стечение тысяч рабов к англичанам (особенно после прокламации Данмора от 7 ноября 1775 года). Они поняли, что в революционной борьбе понадобятся все людские ресурсы, и уже имели возможность убедиться — при Лексингтоне, Конкорде и Банкер-Хилле, — что негры умеют и хотят воевать и зарекомендовали себя отличными бойцами. Сыграла роль, несомненно, и аболиционистская агитация негров и некоторых белых.

30 декабря 1775 года Вашингтон обнародовал следующее послание из своей массачусетской штаб-квартиры: «Поскольку главнокомандующий осведомлен, что многие свободные негры имеют желание вступить в армию, он разрешает вербующим офицерам принимать их и обещает передать вопрос на рассмотрение конгресса, который, он не сомневается, одобрит его решение». На следующий день Вашингтон направил письмо

конгрессу, в котором сообщал о своих действиях. Он разъяснил, что «свободные негры, служившие прежде в нашей армии, крайне недовольны своим увольнением» и что поэтому он «осмелился отступить от резолюции [конгресса от 18 октября 1775 года], касающейся этих негров», и «дал разрешение принимать их в состав армии». В резолюции от 16 января 1776 года конгресс одобрил действия Вашингтона, заявив, что «свободные негры, верно служившие в армии в Кембридже, могут быть приняты обратно на службу, но не другие».

Ряд штатов принял собственные постановления, помимо уже упомянутых, касавшиеся службы негров в революционной армии. Нью-Йорк в 1776 году разрешил лицам, призванным в армию, выставлять вместо себя годных к военной службе заместителей — белых или негров. На этом основании некоторые рабовладельцы выставили своих рабов в качестве солдат, причем наградой этим рабам служила свобода. Виргиния в мае 1777 года приняла закон, направленный к выполнению войсковой квоты штата. Закон содержал следующий весьма интересный абзац:

«И поскольку некоторые негры-рабы бежали от своих хозяев и, выдавая себя за свободных людей, завербовались в солдаты, для предотвращения сего постановляется, что вербующим офицерам в пределах нашей республики запрещается принимать в армию какого-либо негра или мулата на территории нашего штата или иной части Соединенных Штатов, пока указанный негр или мулат не представит письменного удостоверения от какого-либо мирового судьи того округа, где он проживает, в том, что он является свободным человеком».

В феврале 1778 года Род-Айленд и в апреле того же года Массачусетс, обнаружив, что число негров-перебежчиков множится, людские ресурсы тают, а рабы по-прежнему рвутся в бой, если только им дают свободу, приняли законы, разрешавшие неграм вступать в вооруженные силы штата в качестве солдат. В результате несколько сот негров получили свободу.

Одна фраза в законе, принятом Северной Каролиной в 1778 году в тщетной надежде избавиться от про-

блемы беглых рабов, доказывает, что негры служили в вооруженных силах этого штата. Закон, предусматривавший поимку беглецов и их возврат владельцам, добавлял: «Ничто, здесь содержащееся, не лишит свободы какого-либо раба, который, будучи освобожден и не продан по решению суда, вступил в состав вооруженных сил нашего штата или Соединенных Штатов». В 1779 году Северная Каролина уже совершенно определенно разрешила неграм вступать в армию, разумеется с согласия хозяев и при условии, что верная служба до конца войны принесет с собой освобождение.

В 1778 и 1779 годах были предприняты настойчивые попытки убедить Южную Каролину и Джорджию разрешить прием негров в армию в качестве солдат, но они оказались тщетными в плане официального законодательства, хотя мы располагаем данными, что отдельные негры служили в вооруженных силах в обоих штатах. Кампания эта была поддержана такими деятелями, как Александр Гамильтон, Генри Лоренс, Джеймс Мэдисон, генералы Линкольн и Грин, и даже, хотя и не вполне от чистого сердца, Вашингтоном.

Больше того, в марте 1779 года Континентальный конгресс принял резолюцию, требовавшую от Джорджии и Южной Каролины ради спасения дела революции в этих районах разрешить прием в армию трех тысяч негров (конгресс предлагал уплатить по тысяче долларов за каждого негра, который, разумеется, должен был стать свободным), но оба штата пришли в ужас от предложения и даже намекнули, что скорее выйдут из борьбы, чем пойдут на уступки в данном вопросе. (Можно, кстати, еще раз заметить, что именно многочисленность рабского населения и эта реакционная позиция были главными причинами того, что англичанам удалось завоевать почти всю Джорджию и восточную часть Южной Каролины.)

Мэриленд в октябре 1780 и вновь в мае 1781 года принял законы, разрешавшие вербовать негров — рабов и свободных — в качестве солдат. Нью-Йорк, в соответствии с законом, принятым в марте 1781 года, сформировал два полка из рабов; все они вступили в армию на условии, что верная служба до конца войны принесет с собой избавление от неволи.

Все эти законы и резолюции неопровержимо доказывают широкое участие негров в революционной армии. Подтверждают это и многочисленные современные свидетельства американцев, англичан, французов и «гессенцев» — с 1775 года и до последних дней войны.

Современная литература полна упоминаний об отдельных неграх, совершивших выдающиеся подвиги на поле брани, и участии значительного числа негров в конкретных сражениях или кампаниях. Списки потерь и пенсионного обеспечения иногда отмечали принадлежность солдат к неграм и белым; это дает нам в руки еще одно неопровержимое доказательство того, что солдаты-негры участвовали — и были ранены или убиты — во многих битвах, таких, например, как бои под Брэндивайном (1777), осада Бунсборо (1778), штурм форта Грисуолд (1781), сражение при Юто (1781), осада Корнуоллиса (1781). Другой пример: в последней организованной операции войны, в предпринятом в феврале 1783 года, но неудавшемся марше из Саратоги к намеченной цели — сосредоточению английских войск в Осуиго (штат Нью-Йорк), солдаты-негры составляли костяк американского соединения, которое, возможно благодаря предательству, было сбито с пути, в результате чего десятки обмороженных воинов погибли или получили увечья.

Негры были в числе тех, кто сражался при Конкорде и Лексингтоне, при Банкер-Хилле и Тайкондероге, при Лонг-Айленде, Стони-Пойнте, Саванне, Трентоне, Монмуте. Негры были в числе тех, кто пересек Делавэр с Вашингтоном в 1766 году, причем один из них, Принс Уиппл, находился в шляпке самого командующего. В небольшую группу солдат, совершивших в июле 1777 года один из самых изумительных подвигов инициативы и отваги за все время войны — налет на английскую штаб-квартиру в Ньюпорте (штат Род-Айленд), увенчавшийся захватом в плен генерала Прескотта и майора Баррингтона, — входил негр по имени Джек Сиссон.

Солдат-негр Сейлем Пур покрыл себя такой славой в сражении при Банкер-Хилле, когда все дрались как герои, что 5 декабря 1775 года четырнадцать офицеров (в том числе три полковника) официально обратили на это внимание Массачусетского законодательного

собрания. Они заявили, что под огнем Сейлем Пур «вел себя как опытный военачальник и отличный солдат. Рассказывать подробно о его поведении было бы утомительно... Этот негр воплощает в себе мужественного и отважного воина».

Негры сражались вместе с алленовскими «парнями зеленой горы»* и входили в состав партизанских отрядов, которыми предводительствовал в Южной Каролине Фрэнсис Мэрион. В отдельных случаях целые соединения революционных войск состояли из солдат-негров под началом белых командиров, как, например, массачусетские негры, которыми командовал Сэмюэль Лоуренс, коннектикутские негры под командованием полковника Хэмфриса и род-айлендские негры под командованием полковника Олни. По крайней мере в двух случаях негритянские роты были сплошь негритянскими, вплоть до командиров: рота массачусетских негров во главе с неким Миддлтоном и рота род-айлендских негров во главе с Барзиллаем Лью. По крайней мере в одном случае негр занимал унтер-офицерский пост в смешанной воинской части: им был капрал Перли Роджерс из 2-го Массачусетского полка, которым командовал полковник Джон Бэйли. В революционной армии сражались негры из всех штатов. Больше того, в отдельных штатах — Мэриленде, Нью-Йорке, Коннектикуте, Род-Айленде, Массачусетсе и Нью-Гэмпшире — немного найдется городов, больших и малых, откуда негры *не* вступили в армию.

Отличным примером служит Коннектикут (где в 1774 году насчитывалось 6500 рабов), архивы которого поддерживались в образцовом порядке. В документах этого штата упоминаются добровольцы-негры по крайней мере из 47 различных населенных пунктов — от Ашфорда до Вудстока, от Брэнфорда до Уотербери, от Ханаана до Винчестера. Даже для Джорджии мы полагаем неопровержимым доказательством того, что по крайней мере пять негров из этого штата сражались против англичан, ибо сохранились документы об отпуске на волю всех пяти за их службу. Один из них,

* Так называли поселенцев из Вермонта (по-французски *vert mont* — зеленая гора), сражавшихся под руководством Этана Аллена с английскими войсками.— *Прим. ред.*

Остин Дэбни, был не только освобожден, но и получил в награду ежегодную пенсию в 96 долларов и земельное пожалование размером в 112 акров, поскольку он вел себя (как гласил акт об освобождении, принятый законодательным собранием штата) «с мужеством и стойкостью, которые сделали бы честь свободному человеку». По крайней мере один южнокаролинский негр, Джон Иди, тоже отличился в революционной армии и получил в награду свободу и землю.

Еще одно весьма интересное свидетельство об участии негров в революционной армии мы находим в виргинском законе, принятом в октябре 1783 года. Цитата длинна, но стоит того, чтобы внимательно с ней ознакомиться:

«Поскольку Генеральной ассамблее было сделано представление, что в ходе войны многие лица в нашем штате заставляли своих рабов вступать в определенные полки или иные войсковые соединения, формировавшиеся на его территории, предлагая офицерам, назначенным для вербовки вооруженных сил на территории штата, таких рабов в качестве замены тех свободных людей, кому выпал жребий или долг служить в этих полках или иных войсковых соединениях, и в то же время заявляя вербующим офицерам, что рабы, вступившие таким образом в армию по их повелению и с их согласия, становятся свободными людьми;

поскольку, далее, настоящей Ассамблее стало известно, что по истечении срока службы таких рабов бывшие владельцы пытались снова принудить их вернуться в рабское состояние вопреки принципам справедливости и их собственному торжественному обещанию»,

и поскольку, говорилось далее в этом законе, такие негры своей службой, «несомненно, способствовали утверждению американской свободы и независимости», генеральному прокурору было вменено проследить за тем, чтобы указанные негры получили безоговорочную свободу.

Не подлежит никакому сомнению, что несколько тысяч (по самым скромным подсчетам — пять тысяч) негров служили в качестве кадровых солдат в амери-

канской революционной армии. Не подлежит никакому сомнению также, что в армии служили и многие другие негры в качестве возчиков, поваров, проводников и пионеров (так в те времена называли нынешних саперов), и их было, вероятно, еще больше, чем негров — кадровых солдат.

VI

Летопись вклада, внесенного неграми на алтарь армии и военно-морского флота в качестве воинов и рабочих, далеко не исчерпывается их непосредственной помощью военным усилиям революции. Мы располагаем красноречивыми данными, доказывающими, что негры проявляли героизм и как разведчики.

Например, один негр, имя которого осталось неизвестным, значительно содействовал сокрушительному разгрому, нанесенному английским войскам в битве при Идентоне (штат Северная Каролина) 8 декабря 1775 года. Негр, действуя по прямому приказу американского командира полковника Фордайса, пробрался в английский лагерь и так убедительно рассказал о слабости американских войск и царящем среди них беспорядке, что англичане стремглав ринулись в атаку против американских войск, которые в действительности были отлично подготовлены и занимали превосходную стратегическую позицию. В результате англичане потеряли сто человек, в то время как у американцев погиб лишь один солдат. Известный историк Уильям Э. Додд писал об этом сражении: «То был подарок небес для революционеров Виргинии, который поднял их падающий дух, как не подняло ни одно событие со времени Лексингтона».

Неожиданному нападению и сравнительно легкому взятию форта Стони-Пойнт (штат Нью-Йорк), осуществленному Антони Уэйном в июле 1779 года, существенную помощь оказал Помпей, негр, принадлежавший американскому капитану Лэму. Помпей выведal английский пароль и, пользуясь этим, помог американскому отряду снять английских часовых; затем стратегическая твердыня была неожиданно атакована и взята. Осаждавшие захватили значительные припасы и 600 пленных. За это Помпею даровали свободу,

Род-Айленд в 1782 году освободил негра Куако Хонимэна в награду за важную разведывательную деятельность; а Южная Каролина в 1783 году освободила жену и ребенка умершего негра, выполнившего ряд важных разведывательных заданий. Виргиния в 1786 году освободила Джеймса, раба Уильяма Армистеда, ибо в 1781 году при осаде Йорктауна он, как гласил акт о его отпуске на волю, «поступил на службу к маркизу Лафайету и, рискуя жизнью, нашел способ часто наведываться в английский лагерь; таким образом он точно выполнил ряд важных поручений, доверенных ему маркизом». После отпуска на волю Джеймс получил имя Джеймса Лафайета; в 1819 году Виргинское законодательное собрание назначило ему единовременную награду в сто долларов и ежегодную пенсию в размере сорока долларов.

VII

Факты свидетельствуют, что деятельность тех 20 процентов населения революционной Америки, которые принадлежали к числу рабов, имеет колоссальное значение для понимания революции. На рабочей силе этих 600 тысяч зиждилась в весьма значительной мере экономическая жизнеспособность зарождающейся республики, и без нее новая нация не могла бы появиться на свет.

Далее, организованная деятельность самих негритянских масс, в случаях, когда существовала хоть какая-то возможность такой деятельности,— обращение в суд, подача петиций, заговоры и восстания, бегство и партизанская война, служба в армии и военно-морском флоте в качестве лоцманов, моряков, рабочих, солдат, разведчиков,— всегда имела своим главным мотивом достижение свободы, полную практическую реализацию Декларации независимости.

В годы революции (и как часть дела, свершенного революцией) были сделаны отдельные, довольно значительные шаги в данном направлении, особенно на Севере; это, в сочетании со службой в вооруженных силах, привело к освобождению нескольких тысяч рабов. Однако движение потерпело крах, и, частично в силу такого компромисса, десятки тысяч рабов пытались

добиться свободы с помощью бегства или восстания. Крах движения за освобождение едва не привел к победе англичан; вполне возможно, что англичане одержали бы победу, если бы их собственная позиция не сделала для них невозможным ведение подлинной войны за освобождение негров.

Думается, мы имеем полное право заявить, что эта неспособность освободить негритянский народ отдалила окончательную победу американских вооруженных сил. И уж не подлежит никакому сомнению, что неспособность выкорчевать рабство привела — менее чем 80 лет спустя — к кровопролитнейшей гражданской войне, прежде чем второй Американской революции удалось выполнить ту задачу, мимо которой прошла первая.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Историки расходятся в общей оценке последствий Американской революции. Одни, склонные отрицать, что по происхождению и свершениям она имела революционный характер, естественно, склонны отрицать и то, что она дала какие-либо революционные результаты; другие, придерживающиеся противоположных взглядов в вопросе о корнях и развитии революции, совсем иначе оценивают ее результаты.

I

Одним из центров, вокруг которых разворачивается дискуссия, является труд покойного Дж. Франклина Джеймсона «Американская революция, рассматриваемая как социальное движение», опубликованный Принстонским университетским издательством в 1926 году — год спустя после того, как его основные положения были изложены в серии лекций, прочитанных в этом университете. Нам еще придется вскоре подробнее говорить об этом труде, но о его теме ясное представление дает заголовок книги. Для того чтобы раскрыть содержание дискуссии, достаточно противопоставить друг другу два недавних выступления — Ричарда Б. Морриса из Колумбийского университета и Фредерика Б. Толлса из Свартморского колледжа.

Толлс, предлагая в «Америкэн историкал ревью» (октябрь 1954 года) «переоценку» книги Джеймсона и подытоживая исправления и возражения, выдвинутые против нее, пришел к следующему выводу:

«И все же историку, создавшему столь полезное орудие исторического познания, популяризо-

вашему столь плодотворную гипотезу, столь значительно раздвинувшему наше понимание важной эры американской истории, можно простить несколько ошибок, несколько преувеличений. В основе своей «тезис Джеймсона» остается правильным и, что еще важнее, жизненным, оплодотворяющим историческую мысль, способным к дальнейшему развитию, способным приносить еще большую пользу».

Напротив, Моррис заканчивает свой очерк, посвященный «Периоду конфедерации» («Уильям энд Мэри куотерли», апрель 1956 года), следующей фразой: «Вопреки всем усилиям Дж. Франклина Джеймсона рассматривать Американскую революцию как социальное движение правда заключается в том, что великие внутренние социальные реформы лежали впереди».

На мой взгляд, исторические свидетельства доказывают правоту Джеймсона — и Толлса, — а не Морриса. В формулировке профессора Морриса проскальзывает двусмысленная нотка; иными словами, тот факт, что великим внутренним социальным реформам предстояло осуществиться после Американской революции, не дает оснований отвергать точку зрения Джеймсона. Ведь проблема заключается, очевидно, в том, какие перемены были достигнуты во время и под влиянием революции, а вовсе не в том, какие новые реформы могли считаться необходимыми в более поздние времена.

Необходимо рассеять еще одну путаницу, допускаемую в вопросе о воздействии революции. Частично ее обнаруживает заголовок труда Джеймсона; речь идет об известном разграничении результатов революции на политические, экономические, социальные и т. д., словно каждый из них в действительности был обособлен от другого. Конечно, есть определенная разница между переменами, направленными на удовлетворение требований о предоставлении избирательных прав и создание узаконенных форм религиозных организаций, и переменами, давшими толчок развитию промышленности и изменившими общественное положение рабов. Между такими переменами, разумеется, есть значительные качественные отличия, что оправдывает отнесение их к разным категориям. Однако такие различия

и категории не должны затемнять взаимопроникновение этих результатов; они не должны скрывать от нашего взора, что каждый соприкасался с другим, что все они были частицей единого национального и социального сооружения и что ни один из них нельзя сбрасывать со счета при всякой попытке общей оценки последствий революции.

Примером такой путаницы, на мой взгляд, служит заключительная глава ценного исследования Элишы П. Дугласа «Мятежники и демократы» (1955). Уже заголовок главы — «Демократия и либерализм» — сеет путаницу, ибо он кладет в основу аргументации две разных и даже отчасти противоположных сущности; в ходе изложения этой главы путаница раскрывается в полной мере. Профессор Дуглас задает вопрос:

«Почему демократия сделала такой малый прогресс в общенациональном масштабе за время революции?.. Почему протест против политических привилегий, столь часто звучавший в годы перед войной, не привел к широкой социальной революции, хотя беспорядки и неурядицы, сопутствующие гражданскому конфликту, открывали возможность для этого?»

Дуглас не оставляет свой вопрос без ответа. Частично он усматривает ответ в высокой степени социальной эластичности; он приходит к выводу, что в пору революции существовало такое правительство и действовало оно таким образом, что «его власть не была тягостной»; он считает, что обилие дешевой земли смягчало социальную вражду и способствовало ослаблению потенциального брожения; он считает, что в преимущественно аграрном обществе, каким являлась революционная Америка, было меньше всего почвы для широких и действительно антагонистических конфликтов и противоречий; и, наконец, он замечает, что «идеалы революции были претворены в жизнь в достаточной степени, чтобы устранить большинство побуждений к социальной революции».

Но разве многое из этого не является значительным демократическим прогрессом, а вовсе не объяснением того, почему за время революции был достигнут «та-

кой малый прогресс»? Дуглас склонен ставить знак равенства между народными требованиями XX столетия, которые часто имеют совершенно иное экономическое и социальное содержание, чем требования, выдвигавшиеся 250 лет назад, и прогрессом в области демократии вообще — в смысле управления народом, осуществляемого народом и в интересах народа. Однако нет нужды говорить, что разные столетия и разные места ставят разные вопросы.

Таким образом, когда Дуглас фиксирует обобщаемые им перемены, он в действительности рисует картину весьма значительного демократического прогресса. Далее, когда он излагает свои мысли о «либерализме», — говоря о защите против правительственного произвола, о предъявлении должностным лицам требования действовать в соответствии с установленными законами, о бдительной защите личных свобод, о стремлении утвердить концепцию государственной власти, служащей народу, а не владычествующей над ним, — он также, на мой взгляд, рисует картину подлинного прогресса в области демократии, хотя и неизбежно ограниченного рамками XVIII столетия.

Современникам бросалось в глаза прежде всего громадное революционное и демократическое значение победоносной колониально-освободительной революции; сам тот факт, что одной нации удалось сбросить с себя владычество Британской империи, несмотря на все пущенные ею в ход насилия и репрессии, был немалым демократическим прогрессом. И современникам — Томасу Пейну, например, — бросалось в глаза, что это историческое достижение не только стало явью, но и сопровождалось «революцией в принципах и практике государственного управления». Современники этих событий, изнывавшие в Европе «под властью деспотизма», как писал Бенджамин Франклин 1 мая 1777 года, «с восторгом читают переводы конституций наших отдельных колоний». Они были восхищены демократическим прогрессом, может быть и не того рода, который оказал бы на них сходное воздействие, живи они в середине XX столетия, но это, очевидно, анахронический, а не исторический критерий.

Лучшее краткое освещение данного вопроса, насколько мне известно, дано в одном из последних тру-

дов прославленного историка Американской революции покойного Эвартса Бутелла Грина. В своей книге «Революционное поколение» (1943) Грин высказал следующую мысль: «По меркам Европы XVIII столетия, американские штаты шагнули далеко вперед по пути к эгалитарной демократии».

Во всем существенном с этой оценкой согласуется аргументация такого ведущего авторитета по тому же периоду, каким является в наши дни Мерилл Дженсен. Труд Дженсена подвергся совсем недавно суровой критике — в известной мере, думается, не лишенной оснований, — но главные выводы этого исследования, в той мере, в какой это касается периода революции, на мой взгляд, верны. Вот что писал Дженсен в своей книге «Новая нация» (1950):

«Дух оптимизма, вера в то, что Америка является прибежищем для угнетенных Старого Света, обителью демократического равенства, — все это доказывает, что Американская революция — если не по происхождению, то по результатам — представляла собой больше чем движение за независимость. В ней были заложены семена, сулившие плоды демократии. Разрушение старого аппарата политической власти и создание новых правительств, как бы ни были они похожи по форме и содержанию на старые, закладывало возможность демократизации американского общества».

И далее Дженсен утверждал:

«Какого бы взгляда мы ни держались сегодня, люди XVIII столетия считали «демократию» жизненной силой, развязанной революцией. Демократия, как они ее понимали, получила выражение в революционных конституциях штатов и в отказе облечь принудительной властью центральное правительство, созданное на основе «Статей конфедерации». Революция преобразовала всю теоретическую основу системы государственного управления Америки... Как бы часто эта теория ни игнорировалась впоследствии, идея о том, что народ вправе по собственному желанию создавать и

уничтожать свое правительство, служила теоретическим исходным пунктом для всех правительств Соединенных Штатов».

Дженсен также подчеркивал — чрезмерно, на мой взгляд, — что современники придавали величайшее значение как фактору, способствовавшему развитию демократии, еще одному результату революции — «устранению с американской арены действия центрального правительства, наделенного принудительной властью».

Дженсен делает важный вывод, решительно заявляя, что революция раздвинула возможности для демократизации страны¹. Вывод этот имеет большое значение, если принять во внимание те социальные прогрессивные перемены, которые, как заметил профессор Моррис, были осуществлены *после* революции. В смысле подготовки почвы тот факт, что важные социальные реформы последовали за революцией, скорее подтверждает, а не опровергает тезис Джеймсона.

II

Какие конкретно прогрессивные социальные сдвиги могут быть с полным правом приписаны революции? В той мере, в какой речь идет об общем политическом и социальном воздействии революции, данного вопроса касался ряд историков еще до Джеймсона. Это можно сказать о Карле Беккере, выступившем со своим трудом в 1909 году, об Эдуарде Чаннинге (1912) и особенно об Аллане Невинсе, чье исследование «Американские штаты во время и после революции, 1775—1789 годы» увидело свет в 1924 году. Их труды и труды позднейших авторов, которые, как правило, касались более узких проблем, так же как и анализ современных материалов, убеждают в том, что в годы революции было осуществлено много важных перемен и предпринято много важных шагов, чтобы претворить в жизнь идею народного суверенитета.

Прежде всего, я целиком согласен с Дженсеном, что само провозглашение принципа народного суверенитета (как бы ни был он ограничен на практике по признаку, например, пола, владения собственностью,

расы и т. д.) как единственной законной основы государственной власти было глубоко революционным событием, заложившим фундамент демократического общества.

Революция представляла собой не только коренную ломку теории государственного управления; она имела своим результатом коренное преобразование системы государственного управления. Перемены эти были меньше всего заметны там, где, как в Коннектикуте, в качестве основы системы государственного управления была сохранена колониальная хартия. Однако это было исключением; в одиннадцати штатах из тринадцати революционеры, покончив со своей подчиненностью монархии, преобразовали и структуру штата.

В XVIII столетии политическая теория, основу которой составляло признание святости общественного договора и частной собственности на средства производства, знала три формы государства, зиждившиеся на данном материальном базисе и вместе с тем служившие ему опорой. Это были: наследственная монархия со всеми ее аристократическими привесками; личная тирания или индивидуальная диктатура; республика. Из них последняя являлась исключением в историческом опыте человечества, а там, где она встречалась, была ограничена весьма узкими территориальными границами. Демократическая сущность Американской революции обнаруживается в том, что она отвергла обе традиционные формы политического правления и приняла третью. И выбор этот был сделан несмотря на то, что дело касалось громадной территории. Беспрецедентность установления республиканской формы в столь обширном районе подсказывала децентрализованную, покоящуюся на весьма рыхлой федеративной связи структуру национального правительства; злосчастный опыт, испытанный колониями в пору централизации власти в руках Вестминстера, еще более усиливал тягу к децентрализации и федерализму.

Однако огромное историческое значение имел сам тот факт, что Американская революция в силу ее народного характера имела своим результатом принятие республиканской формы — сначала правительствами

штатов, а потом, в конституции, и национальным правительством. Нельзя не выразить некоторого удивления, учитывая важность данного аспекта, что историческая литература уделяла мало внимания этой стороне дела. Значительным исключением является очерк Джорджа М. Датчера («Политикал сайенс куотерли», июнь 1940 года).

В этой работе Датчер указывает, что Соединенные Штаты были «первой всецело республиканской современной нацией — первой республикой, неоспоримо покоившейся на основе, которая выходила за муниципальные рамки». Правда, фактически республиканская форма была установлена конституцией Соединенных Штатов (о чем речь пойдет уже в следующем томе); правда и то, что ни одна из революционных конституций штатов не употребляла слова «республика» (republic). Однако форма их была, бесспорно, республиканской, какой ее и считали современники. Бесспорно и то, что три из тринадцати первоначальных штатов — Виргиния, Пенсильвания и Массачусетс — называли себя в своих конституциях республиками (commonwealths) и что так же определял себя Вермонт в своих первых двух конституциях.

Когда национальная конституция в статье IV, разделе 4, заявляла, что «Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления», она фактически подтверждала то, что уже было установлено, пусть не на словах, в каждом отдельном штате. И это установление было делом революции; оно знаменовало коренной переворот в политической области и обеспечивало громадные возможности для дальнейшего прогрессивного развития.

III

Утверждение республиканской *формы* было важным фактом, но еще большее, решающее значение имело то *содержание*, которое вкладывали в эту форму широкие массы народа. Сама республиканская форма отражает давление широких масс народа и включает в себе возможности подлинного развития; вот почему ее принятие было важным фактом. Но какое

содержание было утверждено в рамках этой формы — в плане возвышения политической власти народа?

Прежде всего, как в конституциях отдельных штатов, так и в «Статьях конфедерации» и — позднее — в конституции Соединенных Штатов был воплощен ряд великих принципов, цель которых заключалась в том, чтобы гарантировать значительную степень народного суверенитета и не допустить роста тирании. Принципы эти содержали в себе следующие положения:

1. Законное правление требует согласия народа.

2. Деспотическое правление должно быть уничтожено, если необходимо — революционным путем.

3. Гражданская власть выше военной, которая должна быть ей подчинена.

4. Разделение законодательной, исполнительной и судебной сфер государственного управления препятствует сосредоточению власти и тем самым не допускает роста тирании.

5. Власть правительства ограничена и потому должна быть точно определена в писаных конституциях.

6. Правительство действует на основе обусловленных норм, которые известны всем и нарушаются лишь изменниками и деспотами; иными словами, правительство обязано соблюдать установленные законы и процедуры в ходе выполнения тех дел, которые разрешены ему основным законом государства.

7. В общем и целом должностные лица избираются; должностные лица меньшего ранга могут назначаться, но, как правило, к должностным лицам следует относиться с недоверием и связывать их ограничениями, самым важным из которых служит ограничение срока их пребывания в должности; наследственное обладание постом или властью категорически запрещено.

8. Хотя три области государственного управления разделены, законодательные органы наделены большей властью, чем исполнительные; приняты все меры к тому, чтобы установить независимость судебных органов.

9. Предусмотрена возможность внесения изменений в основной закон государства. В этом находит выражение демократическая концепция, то есть: мертвые не должны связывать живых; человеку свойственно ошибаться как в том, что он свершает, так и в том,

что он упускает, и поэтому исправление ошибок — неизбежная, а не зазорная вещь; общества растут и изменяются, меняются и социальные нужды, а потому социальные и политические учреждения должны быть подвержены изменению. Заранее предусмотреть необходимые для этого конституционные средства благо-разумно и демократично.

10. Географическая централизация власти может быть такой же опасной и пагубной, как и политическая централизация; следовательно, рассредоточение потенциала власти в местном и общенациональном масштабе усиливает контроль народа и препятствует установлению тирании.

11. Из принципа народного суверенитета логически вытекает вывод об ограничении, о точном определении власти правительства. Однако это имеет в виду перечисление не только того, что правительство может законно делать, но и того, что оно не может делать, — то есть тех прав и свобод, которые являются неотъемлемыми и изложены в билле о правах.

Прежде чем привести конкретные данные, призванные облечь в плоть и кровь нарисованную выше общую схему воздействия революции на политические учреждения, нужно отметить, что эта эпоха дала могучий толчок (пользуясь выражением профессора Чарлза А. Баркера) «политике протеста». В своем ценном исследовании «Предпосылки революции в Мэриленде» (1940) Баркер указывает на то, что на протяжении 1770-х годов постоянное и все более заметное место в политической жизни приобретали «избирательные обязательства, наказания делегатам, массовые митинги, комитеты и ассоциации». Все эти формы внепарламентского действия расширяли участие широких масс народа в политической жизни и усиливали их влияние на решение политических вопросов.

Именно деятельность этого рода привела в годы революции к значительным и многочисленным нововведениям в политической структуре.

Прежде всего, в данный период был значительно расширен круг лиц, пользующихся избирательными правами. Точную картину нарисовать не представляется возможным. Мнение Бирдов о числе избирателей в канун революции, которое они высказали в своем

труде «Возникновение американской цивилизации», написанном более тридцати лет назад, в основном остается непоколебленным новейшими историческими изысканиями:

«Многообразные ограничения избирательного права лишали права голоса большую часть населения (насколько большей процент — этого сохранившиеся до наших дней источники точно установить не позволяют). Несомненно, что в сельских округах Пенсильвании половина взрослого мужского населения не имела права голоса; а в Филадельфии ограничения лишали избирательных прав девять десятых мужского населения — факт, который вызывал негодование растущего класса ремесленников и бросает интересный дополнительный свет на концентрацию собственности в этом городском центре. Напротив, в Массачусетсе, по подсчетам, около четырех пятых мужского населения обладали правом голоса — настолько многочисленную прослойку составляли здесь владельцы мелких ферм».

Позднейшие исследования, особенно Роберта Э. Брауна, показали, что, по-видимому, закон лишал избирательных прав в предреволюционную пору меньшую долю мужского населения Массачусетса, чем это считалось до сих пор. Но даже для этого штата цифра Бирдов — 80 процентов избирателей — может быть увеличена на какие-нибудь 4—5 процентов; что же касается остальной страны, то нет никаких сомнений, что до революции закон лишал избирательных прав гораздо больший процент — вероятно, свыше половины — взрослого белого мужского населения. Все остальные жители, очевидно, права голоса не имели.

Годы революции отмечены ростом требований о расширении избирательных прав. Выдвигались даже предложения о предоставлении права голоса всему взрослому населению, независимо от пола, цвета кожи или собственности, но они являлись исключением. Более распространены были предложения, в которых указывалось на несообразность политики революционных правительств, допускающих (вопреки главному революционному лозунгу — «никакого налогообложения без

представительства») лишение избирательных прав налогоплательщиков. Показательно письмо одного жителя Нью-Джерси, датированное сентябрем 1775 года и опубликованное в печати того времени; автор письма ополчается против общепринятого порядка ограничения права голоса одними лишь землевладельцами:

«Такой порядок лишает многих истинных друзей родины, обязанных платить налоги, привилегии участвовать в выборах тех, кто облагает их налогами и даже призывает их жертвовать своей жизнью. Это величайшая несправедливость... [изменив его] мы выьем у наших врагов один из самых опасных аргументов, которым они пользуются против нас».

Характерны сдвиги, происшедшие в области избирательного права в Нью-Джерси; перемены эти явились результатом общего воздействия революции и более конкретно — требований широких масс народа, находивших свое выражение в письмах, петициях и митингах. Система избирательного права, установленная конституцией Нью-Джерси в июле 1776 года, предусматривала, что каждый взрослый², проживший на территории штата не менее года и владевший собственностью — движимой или недвижимой — на сумму не менее пятидесяти фунтов, имел право голоса.

Ученые несколько расходятся в вопросе о том, какое действительное воздействие это законодательство оказало на численность джерсийских избирателей, но авторы новейших трудов единодушно высказываются, что оно весьма значительно расширило круг лиц, пользующихся избирательным правом. Вот что писал Р. П. Маккормик в своем труде «Эксперимент независимого существования» (1951): «Практическим результатом перемены явилось, несомненно, большое увеличение числа лиц, обладавших правом голоса». А Дж. П. Поул в более позднем исследовании (1956) к этому еще добавляет, что инфляция, порожденная революцией, «уничтожила уцелевшие собственнические цензы в области избирательного права», в результате чего уже в эту эпоху на территории штата установилось всеобщее избирательное право для мужского населения.

В непосредственном смысле, когда речь идет о численности избирателей, фактором, решающим в послед-

нем счете, является число мест для голосования. В этом отношении революция также принесла решительное улучшение. Так, Маккормик в только что упомянутом исследовании замечает:

«Дополнительные места [для голосования] были созданы в трех округах [Нью-Джерси] в 1779 году, в шести — в 1782, в восьми — в 1783 и во всех тринадцати округах — в 1788 году. В 1779 году имелось только восемнадцать избирательных пунктов по выборам членов законодательного собрания; десятилетие спустя — пятьдесят».

Революционные конституции Делавэра, Нью-Гэмпшира, Северной Каролины и Пенсильвании предусматривали, что все взрослые мужчины, удовлетворяющие весьма скромным цензам оседлости, имеют право голоса независимо от владения собственностью, если они являются налогоплательщиками. Джорджия, которая по закону 1761 года ограничила право голоса белыми взрослыми мужчинами, владеющими не менее чем пятьюдесятью акрами земли, установила новые цензы в своей конституции 1777 года. Избирательное право уже не обуславливалось владением землей; требовалось лишь, чтобы взрослый белый мужчина владел любой собственностью на сумму не менее десяти фунтов или, если он не мог удовлетворить этому цензу, был бы занят в любом ремесле. Кроме того, конституция 1777 года не разрешала отдельному лицу иметь несколько голосов в разных избирательных округах (как бывало прежде на базе владения громадной земельной и иной собственностью), запрещала притязать на право голоса на основании знатного титула и предусматривала штраф (не свыше пяти фунтов) для всякого правомочного избирателя, не использовавшего без уважительной причины своей привилегии.

На революционную эпоху приходится много и других законодательных актов, значительно расширивших народный контроль над функционированием органов управления. Сюда входило: увеличение числа постов, замещавшихся выборами, а не назначением, — от губернатора Нью-Йорка (1777) и Массачусетса (1780) до избрания судей в нескольких штатах; передача законодательной инициативы в финансовых вопросах в руки

самой демократической ветви законодательного собрания; подчинение исполнительных органов в последней инстанции законодательным; перенесение столиц штатов (Виргинии, Пенсильвании, Нью-Йорка, Джорджии, обеих Каролин) на запад с целью ослабить могущество восточной аристократии и денежных тузов. Хотя большинство штатов сохранило значительные собственнические и религиозные цензы для занятия должностных постов — причем чем выше был пост, тем жестче ценз, — но даже в этом отношении были введены некоторые ослабления и перемены. Так, в Пенсильвании было установлено, что все свободные люди имеют право на занятие любого общественного поста; Далавэр отменил все религиозные критерии для занятия должности.

Еще одну важную черту политической структуры, воздвигнутой в революционной Америке, составляло разделение властей в системе государственного управления. Часто высказывался взгляд, что разделение властей ставило своей целью защиту интересов зажиточного меньшинства, но этим отнюдь не исчерпывается его значение. Правда, с установлением республиканской формы правления и торжеством теории народного суверенитета богачей действительно обуял страх, что сосредоточение власти при этой системе государственного управления, наиболее непосредственно подчиненной народному контролю, раскрывает врата для уравниательства и демократических «крайностей». Это, несомненно, было одним из мотивов иных приверженцев разделения властей.

Однако было бы неверно умолчать о том, что разделение властей *может* служить защите прав не только богачей, но и оппозиционных и радикальных меньшинств. Нельзя также не отметить, что разделение властей являлось одним из средств избежать или воспрепятствовать личной тирании, а это, несомненно, было одной из главных целей революции. Кроме того, отсутствие разделения властей в пору владычества Англии привело к должностному совместительству в аппарате государственного управления, а последнее в колониальный период служило одним из главных средств осуществления короной своего контроля. Элен Э. Бреннан в своем исследовании «Должностное совместительство в аппарате государственного управления Массачусетса,

1760—1780» (1945) доказала наличие прямой связи между борьбой за разделение властей и борьбой против должностного совмещения в аппарате государственного управления как одного из главных атрибутов антинародного правительства. Следовательно, успех такой борьбы в революционный период служил еще одним доказательством ее демократического воздействия в политической области.

Среди демократических сдвигов в политической структуре выдающееся значение имело принятие биллей о правах как особых разделов революционных конституций восьми штатов — Виргинии, Пенсильвании, Делавэра, Мэриленда, Северной Каролины, Вермонта, Массачусетса, Нью-Гэмпшира (1784) и их включение в особые положения конституций в Джорджии, Южной Каролине, Нью-Джерси и Нью-Йорке.

Первый самостоятельный билль о правах, оказавший влияние на все последующие, был принят в Виргинии 12 июня 1776 года. Он утверждал следующие принципы: свобода и независимость — внутренне присущее качество человека; суверенитет народа; правительство — слуга народа; право на революцию; недопустимость передачи поста по наследству; благоразумие разделения властей; необходимость частых и правильных выборов; никакого налогообложения без представительства; действие народного суверенитета не может быть временно приостановлено под предлогом «чрезвычайного положения»; обвиняемый имеет право знать, в чем его обвиняют, получить очную ставку с обвинителями и свидетелями, требовать рассмотрения свидетельств, говорящих в его пользу, быть судимым в короткий срок беспристрастным судом присяжных, без принуждения обвиняемого свидетельствовать против самого себя; недопустимость чрезмерных залогов и жестоких наказаний; незаконность выпуска ордеров на обыск или арест общего характера; гарантия свободы печати; подчинение военной власти гражданской; наконец, полное невмешательство государства в дела религии, поскольку в таких вопросах суд должны вершить «разум и убеждение», но никоим образом не «сила и принуждение».

Сходные установления приняли и все остальные штаты. Права и вольности (кроме тех, которые содержались в виргинском законе), провозглашенные в револю-

ционных конституциях других штатов, включали следующее: 1) никто не может быть дважды привлечен к ответственности за одно и то же преступление; 2) никто не может быть предан суду по обвинению в серьезном преступлении без предварительного приговора следственной коллегии присяжных (так называемого «большого жюри»); 3) владельцам частной собственности, изъятой на общественные нужды, обязаны выплатить компенсацию; 4) гарантируется право на свободный выезд из Штатов и свободный въезд в них; 5) запрещается расквартирование войск в частных жилищах в мирное время; 6) запрещаются монополии (мера, осуществленная Мэрилендом и Северной Каролиной); 7) закону не может быть придана обратная сила; 8) законодательные органы не могут осуждать обвиняемого в государственной измене без судебного разбирательства; 9) обвиняемый имеет право пользоваться услугами адвоката.

Нет нужды говорить, что все оказанное на предыдущих страницах, где мы дали сжатую характеристику основных законодательных актов, осуществленных революционными правительствами штатов в области политических учреждений, прибавляет новые штрихи к картине демократизации американского общества, на пути которой революция добилась столь внушительных достижений.

IV

Американская революция коренным образом преобразила взаимоотношения между церковью и государством. Мы уже отмечали в предыдущих абзацах некоторые результаты, достигнутые в этой области: в одном штате были отменены всякие ограничения избирательного права по религиозному признаку, а виргинский билль о правах открыто провозгласил, что вопросы совести находятся вне ведения государства.

Перемены, происшедшие в отношениях между церковью и государством в годы революции, как и в других областях, явились высшей точкой процесса, который характеризовал американскую колониальную жизнь. Уильям У. Суит, выдающийся авторитет по истории религии в Соединенных Штатах, указывал, что вплоть до XVIII столетия члены церкви составляли весьма малый процент колониального населения, что — больше того —

«в Америке, по отношению ко всему населению, насчитывалось больше людей, стоявших вне церкви, чем в любой другой стране христианского мира». Благодаря религиозному возрождению, связанному с «Великим пробуждением», ситуация изменилась, но в результате этого движения евангелические церкви завоевали на свою сторону многих номинальных членов государственной, англиканской церкви, а в Новой Англии конгрегационалистская и пресвитерианская церкви объединились против англиканской.

Покойный Эвартс Б. Грин, проявлявший особый интерес к вопросу об отношениях между церковью и государством, описав колониальные условия, пришел к следующему выводу: «Настала пора для более радикального отхода от теории и практики, господствовавших в начале колониальной эры. Воздействию революции суждено было вскоре вызвать дальнейший прогресс в том же направлении».

Революция ускорила разрыв с англиканской (торийской) церковью, дала толчок росту диссидентских церквей и вызвала подъем либеральной религиозной идеологии. Это, в сочетании с эгалитарными и освободительными чертами революции, усилило движение за отделение церкви от государства и за религиозную свободу. Особая сила указанным тенденциям была придана военным союзом с католической Францией и дружественными отношениями, установившимися между американцами — гражданскими и военными, в подавляющем большинстве протестантами, и тысячами французских католических офицеров и солдат, служивших здесь в армии и военно-морском флоте.

Самая передовая для того времени позиция по данному вопросу, как и по многим другим, получила яркое выражение в трудах Томаса Джефферсона. Обращаясь к аргументации Джефферсона, мы видим, что революционный протест против религиозной нетерпимости обосновывался у него общей концепцией свободы мысли, слова и союзов. В своих «Заметках о Виргинии» Джефферсон рассматривает случай заблуждающегося человека и выдвигает следующие доводы:

«Принуждение может испортить его, сделав лицемером, но никогда не обратит его на путь исти-

ны. Оно может лишь заставить его упорствовать в своих заблуждениях, но не рассеет их. Разум и свободное исследование — вот единственная действенная сила против заблуждения. Дайте им волю — и они поддержат истинную религию, познав и осудив все ложные. Разум и свободное исследование — естественные враги заблуждения и только заблуждения».

Самым передовым законодательным актом в этой области явился статут о религиозной свободе, внесенный Джефферсоном в законодательное собрание Виргинии в 1779 году, но принятый лишь в январе 1786 года после яростной борьбы.

Точно так же, как Джефферсонова Декларация независимости в ярчайшей форме раскрывает наиболее возвышенные принципы революции и тем самым обнажает ее корни, так и его статут о религиозной свободе отражает наиболее благотворные стороны воздействия, оказанного этой революцией. Человеческий ум, говорится в статуте, нельзя принуждать или устрашать, ибо «всякие попытки воздействовать на него с помощью мирских кар или тягот либо лишения гражданских прав порождают лишь лицемерие и низость». Статут обличает «нечестивую дерзость законодателей и правителей, как гражданских, так и церковных, которые, будучи сами всего лишь людьми, подверженными ошибкам и лишениями полета мысли, присвоили себе власть над верой других»; он особо осуждает всякую государственную церковь или официальную связь между церковью и государством. Статут решительно заявляет, что «наши гражданские права не зависят от наших религиозных убеждений, как несколько не зависят от них и наши взгляды в вопросах физики или геометрии»; он добавляет, что «не только ошибочно, но и опасно позволять гражданским чинам распространять свою власть на область суждений и стеснять исповедование или распространение принципов под предлогом их дурной направленности». Преамбула этого замечательного закона заканчивается следующими словами:

«Пришла пора для справедливых целей гражданского управления, для вмешательства правительственных чиновников, когда отстаивание тех или

иных принципов превращается в открытые действия против мира и доброго порядка; и, наконец, истина всемогуща и возьмет верх, если ее предоставить самой себе, она является непреклонным и непоборимым противником заблуждения, ей нечего опасаться столкновения с ним, если только людское вмешательство не лишит ее естественного оружия — свободы аргументации и обсуждения, — ибо там, где ей разрешается свободно опровергать заблуждения, последние перестают быть опасными».

Поэтому, заявляет установительный раздел закона 1786 года:

«никто не может быть принужден исповедовать какое-либо религиозное верование, посещать или поддерживать какое-либо место культа или священнослужителя, равно как и не может подвергаться насилию, стеснениям, неудобствам или тяготам в отношении своей личности или собственности либо иначе пострадать по причине своих религиозных взглядов или верований; но все люди вправе свободно исповедовать или отстаивать с помощью доводов свои взгляды в вопросах религии, и это никоим образом не умаляет, не расширяет и не затрагивает как-либо иначе их гражданские права».

Закон 1786 года представлял собой предел достижений революционной эры в области отношений между церковью и государством, рассматриваемых в плане гражданских прав; показательно, что, внесенный в 1779 году, он был принят лишь после семилетних усилий. В годы революции лишения политических прав, базировавшиеся на религии, носили еще тягостный и широкий характер. Так, Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Нью-Джерси и Каролины запрещали занятие публичных постов непротестантам; Пенсильвания и Делавэр требовали принадлежности к христианству. И все же рассматривать процесс с негативной стороны было бы антиисторично, ибо *сдвиги*, происшедшие на протяжении революции и жизни следующего поколения, характеризовались устранением, а не сохранением лишения политических прав по религиозному признаку.

Примечательно, что в годы революции восемь штатов

приняли законы, разрешавшие католикам занимать публичные посты, а четыре шагнули еще дальше, предоставив это право евреям. Тенденция к смягчению жестких религиозных запретов выразилась не только в отделении от государства англиканской церкви в Мэриленде, Каролинах, Джорджии и Виргинии, но и в таких законодательных актах, как конституция Массачусетса 1780 года, разрешавшая церковные службы католикам.

Общее влияние революции в национальном и демократическом направлении получило отражение и в сфере религии. Так, англиканская церковь Соединенных Штатов разорвала организационную связь с церковью Англии; она была преобразована в протестантскую епископальную церковь, во главе которой, как и во главе самой нации, была поставлена (в 1789 году) двухпалатная ассамблея, состоявшая из палаты епископов и палаты светских и духовных представителей. Голландская и немецкая реформистские церкви также стали совершенно независимыми от церковных властей в метрополиях, а католическая церковь Соединенных Штатов была изъята из юрисдикции английского папского каменщика.

Таким образом, хотя бесспорно, что к концу революционной эры только два штата — Род-Айленд и Виргиния — достигли полной религиозной свободы и абсолютного отделения церкви от государства, бесспорно и то, что в эту эру были сделаны большие шаги вперед в сторону демократизации, либерализации и национализации религиозных аспектов жизни.

V

Революция дала значительный толчок прогрессивному развитию и во многих других областях общественной жизни. Наибольшее значение среди них имели: положение женщин, сфера просвещения, обращение с преступниками.

Как мы старались показать, громадное большинство американского населения поддерживало революционное движение. Нет ни малейших сомнений, что эту поддержку оказывали и женщины; более того, современники сообщали, что женщины даже с большим рвением, чем мужчины, жаждали перемен и отделения от Англии.

Женщины активно поддерживали народные демонстрации и участвовали во всех формах деятельности, которые предшествовали и сопутствовали революции, особенно в бойкоте. На протяжении всех лет вооруженной борьбы они были надежной опорой, когда дело касалось морального состояния и снабжения. Особую же роль они сыграли в борьбе против коррупции и спекуляции, столь серьезно подтачивавших силу революционного лагеря. Примечательны в этом отношении действия значительной группы женщин в Бостоне в 1777 году, которые ворвались на склады одного купца-спекулянта, где тот припрятывал товары, вывезли его на повозке, а его товары разделили между собой. Таким же образом действовали женщины, доведенные до отчаяния нехваткой продовольствия или одежды, и в других местах, как, например, в Ист-Хартфорде (штат Коннектикут) в том же 1777 году.

Подлинное начало фабричного производства в Соединенных Штатах восходит к революционному периоду, и в этом процессе женщины также сыграли известную роль. Так, на филиладельфийском предприятии «Америкэн мэнюфэктори», основанном в 1775 году, работало 400 женщин. Вместе с появлением наемных рабочих началась их борьба против предпринимателей. В годы революции вспыхнул ряд забастовок, вызванных в первую очередь тем, что быстрый рост стоимости жизни обгонял рост заработной платы; положение отягощалось безудержной инфляцией. Крупным событием явилась забастовка, поднятая в Виргинии в 1777 году работницами-швеями, требовавшими увеличения почасовой оплаты за изготовляемые ими рубашки.

В годы революции была серьезно поставлена под сомнение власть родителей над детьми; особенно это касается «браков по договоренности» [между родителями], в связи с чем этот обычай начал выходить из употребления.

В силу тех же доводов, по которым любовь и взаимное уважение считались необходимыми предусловиями заключения брака, их отсутствие следовало признать оправданием для его расторжения. В результате в Соединенных Штатах, претерпевших процесс революционного обновления, было гораздо легче получить развод, чем в Европе, и пять штатов — Нью-Гэмпшир, Массачу-

сетс, Род-Айленд, Нью-Джерси и Пенсильвания — приняли соответствующие законы.

Это находилось в соответствии с известной жалобой, высказанной Эбигейл Адамс своему супругу Джону, что американцы, восставая против тирании короля, в то же время оставляли нетронутой тиранию мужа над женой. Судя по всему, миссис Адамс имела в виду не столько лишение женщин политических прав, сколько то, что по обычному праву у них не было юридических прав и особенно прав распоряжаться собственностью. Миссис Адамс изливала свой гнев в 1778 году и по поводу того, «какое жалкое, ограниченное, убогое образование получают женщины на моей родине».

Правда, однако, заключается в том, что вопрос о политических правах, и в первую очередь о несправедливости обложения имущих вдов налогами без представительства, поднимался женщинами, и их протест находил сочувственный отклик, хотя и умеренно выраженный, со стороны таких людей, как Джон Адамс, Томас Джефферсон и Ричард Генри Ли. Некоторые мужчины — выделяется в этом отношении Томас Пейн — поддерживали даже идею предоставления женщинам избирательных прав. Примечательно, что в годы революции иейльские студенты дебатировали проблему: «следует ли допускать женщин на судебные и правительственные должности в империях и республиках»; надо полагать, что в ходе диспута была представлена не только негативная, но и позитивная точка зрения. Так или иначе, сама постановка проблемы отражает воздействие революции в этой области жизни.

В годы революции были расширены права женщин на собственность и наследство. Особенно же значительный прогресс был достигнут в области образования. Представление о недостаточности того «жалкого» образования, которое получали женщины, завоевывало все более широкие круги. Создание школ для девочек стало в годы революции обыденным явлением; оно обнаруживало явную тенденцию к уравниванию положения женщины с мужчиной в Соединенных Штатах.

Революция, с ее упором на разум, народный суверенитет и человеческое равенство, способствовала крутой ломке во всей теории и практике просвещения. Тенденция этого процесса в Соединенных Штатах, весьма значительно усиленная, если не вдохновленная революцией, заключалась в движении в сторону светского, научного, гуманистического, демократического, всеобщего просвещения. Американская революция бросила вызов реакционному представлению (но отнюдь не ниспровергла его) о просвещении как исключительной привилегии богачей и орудии сохранения их господства.

Томас Пейн в своем «Серьезном обращении к жителям Пенсильвании», впервые опубликованном в декабре 1778 года, заявлял, что «есть два способа править человеческим родом»: один — «держат его в невежестве», другой — «сеять среди него просвещение». Он делал следующий вывод: «Первый способ был и остается обычаем Старого Света; второй — Нового». Развивая эту мысль, Пейн писал:

«Неизменный порядок Старого Света — представлять народу правительство как некую тайну и править им, используя порождаемое таким образом невежество. Напротив, порядок Нового Света, Америки, — делать людей как можно более просвещенными, чтобы ими можно было править, полагаясь на их разум, используя их всесторонние познания».

Точнее говоря, по мысли революционеров всеобщее просвещение населения нужно было не столько для того, чтобы им могли править, полагаясь на его разум, другие, сколько (учитывая, что цель революции заключалась в создании независимой республики, базирующейся на суверенитете народа) для того, чтобы оно могло само разумно править собой. Что же касается каверзных вопросов — о классовом характере государства и вытекающем из него господстве правителей государства в его системе просвещения, то они не казались серьезными и, во всяком случае, не всплывали в публичных обсуждениях.

Позднее, в своей книге «Права человека», Пейн четко выразил логическую связь между республикой

и всеобщим просвещением, ибо: «Нация, находящаяся под властью правительства, которое руководствуется принципами справедливости, не должна позволять ни одному человеку оставаться непросвещенным. Только монархические и аристократические правительства нуждаются для своей поддержки в невежестве».

Особенно настаивал на необходимости общественного и всестороннего просвещения как средства обеспечить и сохранить демократическую систему государственного управления Томас Джефферсон. Именно поэтому он ратовал за всеобщее просвещение, за создание публичных библиотек, галерей, музеев и других сокровищниц знания и культуры, служащих целям просвещения населения. Джефферсон видел в общественном просвещении преграду против коррупции правительства и жизненное дополнение к участию широких масс народа в управлении.

Тот факт, что будущим поколениям предстояло открыть сложные стороны проблемы просвещения и его отношения к системе государственного управления, которые не смог предвидеть Джефферсон — а полностью, пожалуй, не осознали и сами будущие поколения, — не умаляет преобразований, осуществленных под влиянием Американской революции в теории и в значительной мере в практике просвещения.

Обращаясь из Парижа в августе 1786 года к выдающемуся виргинскому юристу Джорджу Уайзу, Джефферсон заявил, что «распространение знаний среди народа» — это единственная «верная основа... сохранения свободы и счастья». Во Франции его взору предстал народ, «погрязший в нищете», порожденной вымогательствами и притеснениями «королей, знати и духовенства»; поэтому он требовал объявить «крестовый поход против невежества»:

«Пусть наши соотечественники знают, что только народ может оградить нас от этого зла и что налог, который будет заплачен для этой цели, не превысит и тысячной доли того, что будет заплачено королям, духовенству и знати, которые появятся среди нас, если мы оставим народ в невежестве».

Фредерик Толлс в своем уже упоминавшемся очерке о концепции Джеймсона по вопросу о социальном

воздействию революции правильно указывает: «Странно, что Джеймсон обнаружил так мало свидетельств прогресса в области просвещения в революционную эру, кроме основания новых колледжей». Вслед за тем Толлс, приняв «более широкую точку зрения на просвещение», подытоживает «многие важные сдвиги, прямо или косвенно связанные с опытом военного времени». Сдвиги эти он усматривает в следующем:

«улучшение состояния медицины (включая стоматологию) и медицинского образования; отделение гражданского инженерного искусства от военного; основание в 1784 году судьей Тэппингом Ривом «юридического училища» в Личфилде (штат Коннектикут); распространение научных знаний возобновившим свою деятельность Американским философским обществом и основание [в 1780 году] Американской академии искусств и наук; наконец — отнюдь не последнее по значимости, — неформальное просвещение, расширение горизонтов, бывшее результатом подвижности, которая сопутствует войне, а также того факта, что впервые многие американцы соприкасались плечом к плечу — и умом к уму — не только с европейцами, но и с другими американцами».

Часть воздействия революции в области просвещения представляло собой, несомненно, как особенно отмечали Диксон Райан Фокс и Эвартс Б. Грин, преодоление местной и провинциальной замкнутости, характеризовавшей колониальную жизнь. На этой основе педагогическая и интеллектуальная жизнь проникалась в годы революции национальным и демократическим содержанием — процесс, документированная история которого нарисована в трудах таких ученых, как Мерль Керти и Гарви Уиш.

Далее, революционные конституции пяти штатов — Массачусетса, Пенсильвании, Северной Каролины, Джорджии, Вермонта — установили ответственность общества за просвещение своих граждан. В Нью-Йорке, Коннектикуте, Виргинии, Каролинах и Джорджии часть денег и земель, перешедших в руки государства в результате конфискации поместий лоялистов, была использована непосредственно на цели просвещения.

Так, Трансильванский университет в Лексингтоне (штат Кентукки, в ту пору Виргиния) был основан на базе восьми тысяч акров земли, конфискованной у тори. Другой пример: ряд штатов выделил строго определенные и часто щедрые фонды для оказания помощи делу начального и среднего образования. Примечателен закон, принятый Джорджией в 1783 году; по нему каждому округу предоставлялось по тысяче акров земли для поддержки своих школ.

Показателен для перемен, происшедших в объеме и характере педагогической деятельности до, во время и сразу после революции, тот факт, что если из десяти колледжей, созданных к 1776 году, лишь один был светским, то на протяжении последующих двух десятилетий было основано уже четырнадцать колледжей и из них только четыре были религиозными организациями.

Джордж Уайз из Виргинии и Джеймс Уилсон из Пенсильвании, кладя начало преподаванию правовых наук, вполне сознательно стремились не только послужить интересам нации, но и утвердить независимость Америки в области юриспруденции. Сходным образом Бенджамин Уотерхауз, пионер американского медицинского образования, с чьим именем связано создание (в 1782 году) Гарвардского медицинского училища, считал, что «страна, столь полностью независимая в других отношениях, как Соединенные Штаты... должна сгорать от стыда, что ей приходится быть обязанной иностранным учебным заведениям в отношении *исходных принципов профессионального обучения*». Ной Уэбстер в правописании и Джедидиа Морзе в географии отдавали все силы созданию американских учебников, где подчеркивались национальные и демократические ценности.

Сама война благодаря своему физическому воздействию и физическим нуждам привела к значительному прогрессу в организации и к упорядочению медицинской практики. Именно в годы революции появились первые медицинские руководства, фармакопеи и системы аттестации врачей. В то же время были предприняты первые попытки выработать чисто американский подход к теории и практике общественного здравоохранения, находившимся до того в полной зависимости от английских авторитетов; особое значение в этом плане имела деятельность Джона Моргана и Бенджамина Раша,

Взаимосвязь всех этих прогрессивных перемен и тот вызов, который они бросали американской педагогике и науке, были хорошо выражены Джефферсоном в письме, посланном им из Парижа в марте 1789 года д-ру Джозефу Уилларду, президенту Гарвардского университета. С гордостью поведав о научных вкладах «двух наших соотечественников» — Томаса Пейна и Джеймса Рэмзи, — Джефферсон продолжал:

«Какое нам открывается грандиозное поприще, на котором мы можем прославить наши имена! Ботаника Америки далеко не исчерпана, ее минералогия не тронута, а естественная история, или зоология, от начала до конца перевернута и искажена... Долг именно таких учреждений, как то, во главе которого вы стоите... воздать справедливость нашей родине, ее материальным и духовным богатствам. Именно этому делу должны посвятить себя юноши, ваши ученики. Мы потратили лучшие годы жизни, чтобы доставить им драгоценные блага свободы. Пусть же они потратят свою жизнь, чтобы доказать, что свобода является великим отцом *науки* и добродетели и что нация достигнет величия в обоих отношениях всегда соразмерно степени своей свободы».

В 1776 году Джефферсон попытался убедить Виргинию создать систему публичных библиотек. Три года спустя и через несколько лет вторично Джефферсон предпринял попытку — в ту пору тщетную — добиться от Виргинии принятия плана, весьма близкого современным школьным системам. Штат по плану делился на округа, в каждом из которых открывалась государственная школа, где все дети свободных родителей могли пройти бесплатно минимум трехлетний курс обучения истории и «трем -ать»^{*}; одаренным, но бедным ученикам обеспечивалась возможность продолжать бесплатное образование вплоть до колледжа. И хотя Виргиния приняла закон о государственном просвещении только в 1796 году, — причем даже тогда он был лишь весьма бледной копией предложения Джефферсона, — само это предложение принадлежит к истории преобразующего воздействия революции.

* Умение читать, писать и считать. — *Прим. перев.*

Важную роль сыграл пункт относительно просвещения, явно вдохновленный Джефферсоном, который содержался в Указе о земле, принятом 20 мая 1785 года конгрессом конфедерации. Указ, которому предшествовала несколько запоздалая передача Виргинией своих западных земель федеральному правительству (20 декабря 1783 года), заложил основы системы государственных земель, просуществовавшей на протяжении последующих восьмидесяти лет. Он содержал следующий пункт: «В каждом районе (township) * участок № 16 сохраняется для поддержания государственных школ данного района».

Другой пример: в Указе о Северо-Западе, принятом 13 июля 1787 года, конгресс конфедерации, подталкиваемый земельными спекулянтами, объединившимися в «Огайо компани оф ассошиэйтс», определил административную структуру управления этой обширной областью. В плане утверждения системы, основанной на «коренных принципах гражданской и религиозной свободы», на которых зиждутся американские республики (то есть штаты), указ в пункте 3 предусматривал: «Поскольку для доброго управления и счастья человечества необходимы религия, высокая нравственность и знания, следует всегда поощрять школы и средства просвещения».

Мы уже знаем, что революция оказала значительное и в целом благотворное воздействие на негритянский народ и на взгляды белых в отношении негров. Нельзя не отметить, что показателем атмосферы революционной эры было появление различных экономических, общественных и религиозных организаций среди негров. Этому сопутствовало выдвижение неграми коллективных требований о различных формах облегчения их участи — от ликвидации рабства до предоставления права участвовать в выборах и получать образование.

Все вышесказанное доказывает, что частью социального воздействия Американской революции явилось то, что она оказала неоспоримое и значительное влияние на демократизацию теории и практики государственного просвещения.

* По административному делению США часть округа, являющаяся единицей местного самоуправления.— *Прим. перев.*

И все же нужно оговориться. Демократизация была лишь *тенденцией* в теории и практике просвещения, коренившейся в революции. Нет нужды говорить, что тенденция эта не достигла своей цели даже в середине XIX столетия, не говоря уже о конце XVIII. Господствующий взгляд на просвещение, естественный для общества, разделенного на классы, был выражен в анонимной статье, которая появилась в сентябре 1789 года на страницах влиятельного филаделфийского журнала «Америкэн мюзизм» и носила название «Разбор вопроса: должны ли дети бедняков получать литературное образование или нет?»

На этот вопрос дается отрицательный ответ. Он обосновывается тем, что среди нас всегда должна быть известная часть бедняков; что быть бедным значит трудиться в поте лица и получать взамен жалкие крохи и что:

«только привычка с ранних лет может сделать бедность терпимой. А потому давать низшим слоям населения образование, несоразмерное тому общественному положению, которое предназначено им провидением, значит наносить их великий вред... Мы можем относиться с состраданием к положению таких людей, но от них самих мы редко слышим жалобы. Не испытав никогда лучшей жизни, они довольствуются своей участью... И если все их усердие приносит им лишь самую грубую еду и одежду, то некоторым возмещением им служит то, что их не терзают иные заботы».

И тем не менее сама необходимость ставить вопрос и «отвечать» на него явилась известной данью общему толчку в демократическом направлении, который революция дала просвещению.

VII

Революция послужила первоисточником и ускорителем гуманистических и демократических идей и практики также в области криминалистики и пенологии*. И опять, как и в отношении просвещения, рабства, прав женщин, процесс этот органически вытекал из револю-

* Наука о наказаниях и тюрьмах.— *Прим. перев.*

ционного мировоззрения. Демократический упор на равенство, отказ от представления о врожденной и неискоренимой испорченности человека — все это требовало внимания к социальным условиям и среде, в которых происходило падение индивидуума. А ничто в такой кричащей форме не обнажало это падение, как криминалистика; так, может быть, исходя из революционных постулатов, преступник не столько грешил, сколько сам оказывался жертвой греха? И, может быть, главный упор в пенологии следовало сделать не на наказание, а на исправление?

Кроме того, вся концепция криминалистики подвергалась нападению еще с одного направления, приобретшего особое значение в глазах революционеров. Речь шла о том, что преступление одной эпохи оказывалось славой другой; что попадись Вашингтон, Адамс и Джефферсон в руки Георгу III, они сразу кончили бы свои дни на виселице как подлые преступники, а не прожили бы долгие жизни, осененные многими высокими почестями. Целые группы преступлений — заговор, бунт, клевета, измена, ересь — претерпели странные и резкие метаморфозы на памяти любого американца, достигшего зрелого возраста к 1780 году. Нет нужды говорить, что все это заставляло задуматься о природе преступления, его изменчивости, его зависимости от социальных обычаев и организации; нет нужды говорить, что эра революции должна была в корне преобразовать криминалистику и пенологию.

Американская революция с полным правом может рассматриваться как один из грандиозных результатов Века Разума. Вот почему во многих случаях социальное новаторство, толчок к которому дала революция, было заложено в самом Веке Разума. Мы убедились в справедливости этого в таких вопросах, как просвещение и рабство; справедливо это было и в области преступления, а значит, и наказания.

Не случайно в самый канун революции несколько европейских лидеров Века Разума обратили свое внимание на пенологию. К этому их побуждали не только принципы рационализма, но и зрелище зверств, которым повсюду в Европе подвергались те — мужчины, женщины и дети, — кто оказывался жертвой драконовских систем права. Выдающуюся роль в этом плане сыграли

итальянский юрист и экономист Чезаре Беккариа (1738—1794) и английский реформатор Джон Хауэрд (1726—1790).

На тот же период приходятся первые проявления интереса к судьбе заключенных (особенно брошенных в тюрьму за долги, но и не только их) в американской прессе. Начиная по крайней мере с 1749 года появляются, например, заметки о деятельности «в пользу бедных заключенных» (ню-йоркская «Пост бой», 30 октября 1749 года), а в 1760-х годах «Сыны свободы» систематически жертвовали продукты питания для заключенных тюрем города Нью-Йорка.

В 1776 году в Филадельфии возникло «Общество помощи нуждающимся заключенным». Такие деятели, как Франклин, Джефферсон, Мэдисон и Бенджамин Раш, активно участвовали в организационных и законодательных усилиях, направленных к тюремной реформе.

Показателем прогресса во взглядах по данному вопросу служит тот факт, что конституция Пенсильвании 1776 года выдвигала требование реформы уголовного кодекса, которая сделала бы наказания «менее зверскими и в целом более соответствующими тяжести преступления». Другой пример: в 1777 году Совет штата Делавэр назначил комиссию для проверки тюрем; о выводе, к которому она пришла, можно судить по одной фразе из ее отчета: «Опыт часто свидетельствует, что постыдные и позорные наказания больше ожесточают, нежели исправляют преступника».

В Виргинии начиная с 1776 года была проведена реформа варварского уголовного кодекса — скопированного с английского, который в ту пору карал 160 преступлений смертной казью — и смерть как наказание была отменена для всех преступлений, кроме убийства и измены. Джефферсон боролся против обычая сковывать каторжников-кандальников общей цепью; ему удалось убедить штат выстроить Ричмондскую тюрьму, где заключенные содержались отдельно соответственно полу и преступлению. Пенсильвания, где с 1779 по 1789 год было казнено 53 человека не за убийство, а за иные преступления, в конце концов (в 1794 году) под воздействием агитации революционной эры отменила смертную казнь для всех преступлений, кроме убийства. В городах Нью-Йорке и Филадельфии на протяжении тех же лет

были проведены важные реформы в режиме тюрем — раздельное содержание заключенных, выплата жалованья тюремщикам, запрещение раздачи заключенным спиртных напитков и т. д.

В 1787 году была создана первая в мире организация, посвященная реформе тюремных порядков. Организация эта — филладельфийское «Общество облегчения страданий заключенных государственных тюрем» — была детищем Франклина, Раша, Уильяма Брэдфорда и Калеба Лоунса. Итоги движения, которое вызвало к жизни это общество и в нем черпало новую силу, были подытожены в труде Гарри Элмера Барнса «Эволюция пенологии в Пенсильвании» (1927). Вот что писал Барнс:

«В 1775 году тюремное заключение почти или вовсе не встречалось как нормальное наказание за преступления. Воровство за редкими исключениями каралось смертью, а меньшие преступления — штрафами или зверскими формами телесного наказания вроде порки, клеймения, калечения и выставления в колодках и у позорного столба. Единой тюремной системы штата не существовало. Типичными карательными учреждениями этого периода являлись местные окружные и муниципальные тюрьмы. Группировка или раздельное содержание заключенных на какой-либо основе в них отсутствовали. Труд не применялся. Нравственного воспитания, учебных занятий не было и в помине. Никакого внимания не уделялось возможностям исправления преступников. Единственная цель уголовной юриспруденции и карательной процедуры заключалась в поголовном уничтожении серьезных преступников и в устрашении остальных с помощью зверских, мучительных и унижительных наказаний».

На протяжении жизни одного поколения — большая часть мероприятий была осуществлена за период с 1776 по 1794 год — вся эта теория и система были преобразованы в корне, и в Пенсильвании утвердилась система наказания, являвшаяся для того времени самой передовой в мире. «Выдающуюся черту перемены, — писал Барнс, — составляло то, что сочетание отмены смертной казни за большинство преступлений и широкого исполь-

зования тюремного наказания как наказания за преступления впервые потребовало создания целой системы карательных учреждений и систематического регулирования управления ими».

Самый выдающийся вклад в теорию американской пенологии в ту пору принадлежал великому революционному патриоту Бенджамину Рашу. В 1787 году было опубликовано его «Исследование о воздействии публичных наказаний на преступников и общество», а в 1792 году он выпустил «Соображения о несправедливости и неразумии наказания убийства смертью».

В трудах этих Раш ставил преступление в связь с душевной неуравновешенностью или болезнью и подчеркивал, что цель карательных учреждений должна заключаться в исцелении или восстановлении нормальной психики заключенных. С этой целью он предложил, чтобы такие учреждения носили больше характер общежитий с жилыми строениями, садами и церквями. Он был особенно возмущен применением физических наказаний и пыток и требовал отменить их во имя «разума и человечности». Раш решительно заявлял, что «вешать за убийство значит плодить убийство»; одним из первых он осудил смертную казнь в целом и *per se* *.

Взгляды Раша по вопросам пенологии находились в прямой связи с его замечательной проницательностью в проблемах психологии и психиатрии. Альберт Дейч, посвятивший Рашу специальную главу в своем труде «Душевнобольные в Америке» (1937), с полным правом назвал его «отцом американской психиатрии». Этот интерес к душевным болезням — а начальный толчок ему был дан все той же революцией — также отражает гуманистическое, демократическое и рационалистическое зерно этого великого социального переворота.

VIII

В XVIII столетии имелась одна группа преступников, наказанием для которых являлись, как правило, арест (иногда запрет покидать определенную территорию, а не здание) и тюремное заключение, а не казнь или физическое наказание: это были несостоятельные

* Как таковую (лат.).— Прим. перев.

должники. Тюремное заключение или арест за долги были в ту пору в Америке весьма распространенным явлением и охватывали многие тысячи жертв³. Так, например, половина заключенных филаделфийских тюрем в 1785 году попала за решетку за долги; в городе Нью-Йорке с января 1787 до декабря 1788 года почти 1200 человек были заключены в городскую тюрьму за долги; во многих случаях их задолженность не превышала двадцати шиллингов.

Движение за отмену тюремного заключения за долги, хотя полную победу оно одержало только в годы президентства Джексона *, началось в период революции. Оно также отражало эгалитарное и демократическое содержание революции. Не случайно иейльские старшекурсники в 1786 году утвердительно отвечали на вопрос: «Следует ли уничтожить тюремное заключение за долги во всех цивилизованных государствах?», а некий «Друг свободы» на страницах нью-джерсийской газеты «Брансуик газетт» от 9 сентября 1788 года назвал тюремное заключение за долги нелепой и жестокой мерой.

Радикальная конституция Пенсильвании 1776 года отменяла тюремное заключение за долги в случаях, когда не возникало особых подозрений в мошенничестве и все имущество несостоятельного должника передавалось кредиторам. Сходное положение содержала и конституция Северной Каролины, принятая в том же году. В Нью-Йорке попытка запретить в законодательном порядке тюремное заключение за долги, предпринятая в 1776 году, натолкнулась на вето Ревизионного совета. В 1784 году, однако, был принят закон, базировавшийся на колониальном прецеденте; он разрешал несостоятельному должнику добиваться освобождения из тюрьмы путем судебного рассмотрения дела о его банкротстве и при согласии тех кредиторов, на долю которых приходилось не менее 75 процентов его долга.

Зависимость от милости кредиторов не позволила добиться полного освобождения заключенных за долги; послевоенный экономический упадок еще более увеличил их число. Вместе с тем инфляция была использована несколькими штатами, чтобы облегчить положение долж-

* Эндрю Джексон (1767—1845) был президентом США в 1829—1837 годах.— *Прим. ред.*

ников; кроме того, Нью-Йорк по закону, принятому в апреле 1787 года, освободил из тюрьмы всех заключенных за долги на сумму меньше пятнадцати фунтов. Почва для всех этих мер была подготовлена публичными обсуждениями и многочисленными петициями как самих должников и членов их семей, так и общественных организаций, как, например, нью-йоркского «Общества вспомоществования нуждающимся должникам», основанного в январе 1787 года.

В 1789 году Нью-Йорк принял закон, по которому осужденных после его принятия должников можно было заключать в тюрьму не более чем на 30 дней, если сумма их долга не превышала десяти фунтов. Однако полная отмена тюремного заключения за долги в Нью-Йорке была делом будущих десятилетий. Она была стимулирована не только давлением широких масс, но и потребностью деловых кругов в эффективном праве по делам о банкротстве и более разумной защите интересов кредиторов, чем заключение должников в тюрьму — особенно когда, как это случилось в начале 1790-х годов, были приняты законы (например, в Пенсильвании в 1792 году), обязывавшие кредиторов нести часть расходов на питание заключенных-должников.

Одним из самых передовых законодательных актов по вопросу о тюремном заключении за долги, относящихся к непосредственно послереволюционному времени, был акт, принятый Массачусетсом в 1788 году под влиянием восстания Шейса. Закон предусматривал освобождение должников, присягнувших в том, что они не в состоянии оплатить свой долг и расходы по содержанию в тюрьме, причем кредиторам запрещалось оплачивать стоимость питания заключенных, чтобы продлить их пребывание в неволе.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Воздействие Американской революции не ограничилось значительными прогрессивными сдвигами в отдельных областях социальной несправедливости — таких, как рабство, приниженное положение женщин, непредоставление необходимых возможностей для получения образования, религиозная нетерпимость, варварская процедура разбора уголовных дел; она стимулировала деятельность по всему фронту экономического господства. Точно так же, как революция имела своим результатом значительные перемены в политической организации, она привела к пересмотру и частичному обновлению коренных экономических постулатов и форм старого общества.

В известной мере цели, которые ставили перед собой революционеры в данной области, и размеры их достижений с точки зрения современников раскрывает письмо такого деятеля (далеко не всегда стоявшего на радикальных позициях), как Джон Адамс. В 1777 году Патрик Генри обратился с письмом к Адамсу, где рассказал об усилиях патриотов Виргинии демократизировать свое южное общество, чтобы оно мало чем отличалось от общества Новой Англии. Джон Адамс всемерно поощрил Генри, а потом высказал следующую общую мысль:

«Доны, паши, гранды, патриции, тузы общества, набобы — называйте их как угодно — вздыхают, и охают, и рвут и мечут, а иногда шикают, и неистовствуют, и изрыгают проклятия, но все напрасно. Приказ отдан и не может быть отменен, — приказ об утверждении в Америке большего равенства и большей свободы, чем царили во всем остальном

мире. Безмерная гордыня, породившая наглое владычество немногих, очень немногих наглых и жаждущих все заграбастать в собственные руки семейств, будет поставлена в более строгие, чем когда-либо прежде, границы разумности и умеренности».

В то же время пронизательные современники, осознав единство двух сторон революции — внутренней и внешней — и их взаимопроникновение, стремились ускорить (или замедлить — в зависимости от взглядов) перемены в основе социальных взаимоотношений. Чувства левого крыла в данном вопросе со своей обычной ясностью выразил Джефферсон в письме, относящемся к 1780 году, когда война подходила к концу:

«Надо повторять без устали, что утверждать любое важное право на законной основе следует лишь тогда, когда нами правят честные люди, а сами мы сплочены воедино. С момента окончания войны мы покатымся по наклонной плоскости. Тогда уже не будет необходимости обращаться всякий раз к народу за поддержкой. А раз так, то о нем забудут, а его права перестанут чтить».

I

Важный компонент Американской революции составляло то, что она ополчилась против монополизации экономической власти и ресурсов, посвятила себя задаче построения подвижного, справедливого, процветающего общества, в котором отсутствовали бы исключительные привилегии, юридические или окостенелые кастовые преимущества. Революция в самой основе своей означала значительный прогресс в устранении или ослаблении препятствий, стоявших на пути капиталистического развития, а для той эпохи все, что высвобождало силы капиталистического развития, представляло собой прогрессивное экономическое изменение.

Годы революции отмечены страстной жаждой построить и отстоять общество, свободное от крайностей нищеты и роскоши, характеризовавших Англию и Францию. Это сочеталось с убеждением, что благодаря наличию громадной территории, колоссальных ресурсов, республиканской формы правления новой нации — и при

данном идеологическом фундаменте революции, уверенности в непобедимой силе познания научного исследования, — в Соединенных Штатах удастся создать действительно новый социальный порядок, который в такой же мере вдохновит угнетенных мира, в какой их новый политический порядок вдохновил поработанных.

Но в действительности произвести такое коренное социальное и экономическое преобразование было невозможно. Взаимоотношения, покоившиеся на частной собственности на средства производства — в руках промышленников, купцов, владельцев и торговцев недвижимостью, фермеров, — не только не могли быть в ту пору изменены или серьезно оспорены, а, напротив, находились в эру революции в процессе упрочения и развития. То, что имело место в действительности, представляло собой наступление против всего, вступавшего в противоречие с этими собственническими взаимоотношениями, мешавшего их развитию, бросавшего им вызов; причем это происходило в эпоху, когда взаимоотношения эти были молоды, свежи и прогрессивны. Взаимоотношения, воплощенные в революции, заключали в себе способность бесконечного повышения производительности труда и были живительной почвой для усилий, нацеленных на устранение препятствий к их всестороннему развитию.

В тех случаях, когда собственнические взаимоотношения не соответствовали «свободно-предпринимательской» сущности молодого капитализма, они подвергались нападению и почти всегда значительно преобразовывались, если не устранялись полностью. В известной мере это относится даже к системе рабства и питавшей его работорговле — как мы уже имели возможность убедиться. Однако в данном случае нападение далеко не достигло цели. Неудача объясняется следующими факторами:

1) Преобладающий характер экономики, покоившейся на свободном труде, был либо торговым — в этом случае между купцами и плантаторами существовали отношения взаимного дополнения, а не конкуренции, — либо сельскохозяйственным; но и в этом случае оснований для мирных взаимоотношений было (в ту эпоху) больше, чем для вражды.

2) Система рабства была ограничена одним районом, где она решительно преобладала; это смягчало и заты-

гивало конфликт между классически развивающимся капиталистическим обществом и плантационным рабством, придавая в то же время громадную силу системе рабства в зоне ее концентрации.

3) Сыграл свою роль злобный и широко распространенный расизм, коренившийся в насильственном порабощении Африки, человекоубийственной политике по отношению к индейским народам и в идеологических потребностях самой системы рабства; это ослабляло действенность довольно значительных выступлений белого населения (по политическим и нравственным мотивам), направленных против существования этого «своеобразного порядка».

Таким образом, хотя в годы революции и произошел известный прогресс в деле борьбы против рабства, он не шел ни в какое сравнение с прогрессивными сдвигами, осуществленными в плане искоренения остатков феодализма. Силы, заинтересованные в сохранении феодализма, хотя и могущественные и оказывавшие остервенелое сопротивление, были гораздо слабее рабовладельцев; а юридическая и экономическая система феодализма более остро и непосредственно вступала в противоречие с растущим американским капитализмом, какое бы значительное место в его системе ни занимали землевладение и торговля.

Томас Джефферсон отметил в своей «Автобиографии», что в революционный период в Виргинии были осуществлены четыре законодательные меры, образовавшие «систему, с помощью которой будет выкорчеван всякий след прошлой или будущей аристократии и заложена основа действительно республиканского правления». О двух из них — отделении церкви от государства и усилиях, направленных на создание государственного просвещения, — мы уже достаточно говорили на предшествующих страницах. Остальные два могут быть охарактеризованы словами Джефферсона:

«Отмена законов о наследовании земли без права отчуждения воспрепятствует накоплению и увековечению богатств в руках избранных семейств и положит конец тому, что земли нашей страны с каждым днем все больше и больше захватываются «мертвой рукой». Отмена права первородства и

равный раздел наследства устранят противоестественные феодальные различия, которые делали одного члена в каждом семействе богатым, а всех остальных бедняками, утвердив взамен равный раздел — наилучшую основу аграрного права¹».

Значение всех этих феодальных законов и порядков, в той мере, в какой это касалось колониальной Виргинии, и революционные побуждения к их отмене также раскрыты очень глубоко на страницах «Автобиографии» Джефферсона:

«В раннюю пору существования колонии, когда землю можно было получить за гроши или совсем даром, предусмотрительные лица заполучили громадные пожалования и, жаждая стать основателями могущественных родов, завещали их своим потомкам как лен, наследуемый на ограничительных условиях [то есть не подлежащий отчуждению]. Передача этой собственности из поколения в поколение в одном и том же роде привела к образованию замкнутой группы семейств, которые, будучи поставлены в привилегированное положение законом, дававшим им возможность вечно держать богатства в своих руках, превратились таким образом в патрицианскую касту, резко выделявшуюся великолепием и роскошью жизни. Именно из этой касты король обычно выбирал своих государственных советников; рассчитывая на такую почесть, ее представители были рабски преданы интересам и воле короны».

Джефферсон продолжал:

«Уничтожить эту привилегию, а вместо аристократии богатства, приносящей обществу больше вреда и опасности, чем пользы, положить начало аристократии добродетели и таланта, которую природа мудро предусмотрела для руководства обществом в общих интересах и поровну распределила среди всех своих творений, — эта мера была признана существенно необходимой для справедливо устроенной республики».

Джефферсон утверждал, что для осуществления этой перемены «не требовалось никакого насилия, никакого лишения естественных прав; требовалось скорее расши-

рение их путем отмены этого закона». Разумеется, нельзя не согласиться, что уничтожение права первородства и наследования земли без права отчуждения расширяло свободу, но, думается, Джефферсон погрешил против истины, заявив, что для обеспечения этого «не требовалось никакого насилия». Ведь суть заключается в том, что именно революция дала жизнь тому законодательному собранию — куда в качестве члена входил и Джефферсон, — которому в действительности принадлежала честь отмены указанных законов. Отмена феодальных земельных законов не меньше была результатом революции, чем независимость от Англии.

Кроме того, заслуживает упоминания (на что обращает внимание сам Джефферсон), что даже в революционном законодательном собрании отмена законов натолкнулась на ожесточенное и длительное противодействие, которое возглавил Эдмунд Пендлтон; успех дела решили «буквально считанные голоса».

Тот факт, что на основе капиталистического права возможно и действительно происходит сосредоточение земли в немногих руках, ни в коей мере не сводит на нет решающего прогресса в плане раскрепощения экономики и расширения социальной подвижности, который представляло собой наступление против наследования земли без права отчуждения, против права первородства и других элементов феодального права.

Томас П. Абернети в своем богатом мыслями исследовании «От «границы» к плантации в Теннесси» (1932) указал еще на одно, связанное с уже отмеченными, побуждение к наступлению против феодальных земельных законов. Это указание мы находим в разделе, где дается характеристика деятельности преобладающе консервативного законодательного собрания Северной Каролины 1784 года. Хотя собрание и приняло закон, положивший в основу земельного налогообложения количество земли, а не стоимость ее и тем самым поставивший в привилегированное положение восточных богачей, — в то же время оно отменило наследование земли без права отчуждения и право первородства. По поводу последнего законодательства Абернети и писал:

«Оно соответствовало духу эпохи, но на первый взгляд нельзя сказать, что оно соответствовало на-

строению того органа, который его ввел. И все же противоречие едва ли было столь велико, как это может показаться. Спекулянтам нужна для деятельности подвижная, а не окостенелая среда. Они заняты сколачиванием новых состояний, а не сохранением уже накопленных. Эта братия легко может расстаться с правом первородства и наследованием земли без права отчуждения».

Помимо Виргинии и Северной Каролины, отменивших наследование земли без права отчуждения и право первородства, важные законодательные акты аналогичного характера, порой с дополнительными деталями, были приняты и рядом других штатов. Так, право первородства было уничтожено в Джорджии (1777), Мэриленде (1785) и Южной Каролине (1790). Нью-джерсийский закон 1780 года, положивший конец праву первородства, предусматривал, однако, что доля наследников мужского пола будет вдвое превышать долю наследниц женского пола. В 1784 году Нью-Джерси и два года спустя Нью-Йорк запретили наследование собственности без права отчуждения. Кроме того, в Нью-Йорке революционным законодательством были уничтожены сеньориальная власть и манориальные привилегии «патронов» (patroons*) бассейна реки Гудзон, которыми те владели еще со времен голландцев. Однако все особые привилегии — в условиях аренды земли, принадлежавшей этим семействам, — остались неприкосновенными. Это явилось причиной социальных беспорядков, перераставших в настоящие восстания и тянувшихся вплоть до XIX столетия.

Одним из поборов, развившимся в пору упадка феодализма, была «квитрента». Она получила свое название, буквально означавшее «избавительная рента», от своей функции; иными словами, это был побор, которым обуславливалось держание земли и выплата которого

* Владельцы феодальных поместий («маноров») в Новой Голландии — голландской колонии, образованной на территории нынешних штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси в начале XVII века и в 1664 году захваченной Англией

«Патроны» препятствовали массовому заселению их владений и развитию фермерства; главным источником их дохода являлась торговля с индейцами (особенно скупка пушнины). — *Прим. ред.*

освобождала — избавляла — арендатора от всех других повинностей *. И еще долгое время после того, как ее первоначальная цель утратила какое-либо реальное значение, «квитрента» взималась по существу как налог, выплачивавшийся собственникам на основе феодального пережитка. «Квитрента» вызывала постоянное недовольство в колониальную эру, а в двух колониях — Мэриленде и Северной Каролине — была особенно тягостным бременем. В одном лишь 1774 году собственники собрали за счет «квитренты», главным образом в этих двух штатах, 100 тысяч долларов. Революция положила конец этой повинности.

II

Революция расширила фонд наличных земель и внесла ряд изменений в способ их распределения. Большое значение в этом плане, помимо того, о чем мы уже говорили, имело следующее: конфискация королевских лесов; конфискация поместий тори; уничтожение прав собственников — фактор, имевший особую важность для Пенсильвании и Мэриленда; пожалование земель в качестве награды солдатам; наконец, отмена власти Англии над громадным земельным массивом, простиравшимся от Аппалачей до Миссисипи. Правда, в последнем случае дело касалось земель, фактическими владельцами которых были десятки тысяч индейцев, но ни их собственнические права, ни даже их жизнь не были серьезной помехой для алчных до земли американцев.

В одних штатах революция вызвала более глубокие и быстрые социально-экономические преобразования, чем в других, — и главным образом именно в силу различий в области распределения земли. Вот что писал, например, о Мэриленде Чарлз Баркер в своем уже цитированном исследовании:

«Устранение старых — в первую очередь феодальных — сторон мэрилендской системы ознаменовало наконец победу движения против собственников. Революция в Мэриленде выполнила требования 1739 года и даже пошла еще дальше. Весь аппарат

* Отличительной особенностью «квитренты» был также ее фиксированный размер. — *Прим. перев.*

управления собственников, повинности и прерогативы, старая земельная система, взыскания «квитрент», налог в пользу церкви — все рухнуло в годы революции. А их разрушение явилось венцом векового движения протеста, знамя которого несла ассамблея».

В Пенсильвании земли собственников, владельческие права на которые не имели юридического основания, перешли в собственность штата — семейство Пеннов получило скромную компенсацию, — а «квитрента» была отменена. Положение в Нью-Йорке лучше всего подытожено Э. Б. Грином, писавшим, что «конфискация и распродажа поместий тори привели к значительному перераспределению земельной собственности и, несомненно, оказали известное уравнительное влияние, хотя оно было частично сведено на нет новой концентрацией собственности в руках торгашей-спекулянтов».

Значительное перераспределение конфискованных поместий лоялистов имело место и в Северной Каролине, где подавление тори приняло особенно резкий и затяжной характер. Красноречивым примером служит судьба колоссальных владений Генри Э. Маккалока, которые штат экспроприировал и продал восьмидесяти разным семействам.

Сходную картину мы наблюдаем в Нью-Джерси. Сдвиги в распределении собственности, происшедшие здесь благодаря революции, дали основание Ричарду П. Маккормику заметить, что и тут «структура общества не осталась нетронутой». Раскрывая свою мысль, Маккормик указывал на общую демократизацию политической жизни штатов и отмену наследования земли без права отчуждения и права первородства, о чем речь уже шла выше. Он писал также, что «на протяжении десятилетия, начиная с 1778 года, Нью-Джерси в общей сложности конфисковал и распродал или пожаловал поместья не меньше 500 активных лоялистов». Правда, несоразмерную долю этой «золотой жилы» прибрали к рукам новопришельцы вроде Уильяма Патерсона, Абрахама Кларка и Джона Нейлсона, но общим результатом революции в Нью-Джерси явилось значительное расширение круга собственников земли.

Хотя, таким образом, неоспоримо, что в немалой мере расширившиеся благодаря революции возможности

владеть землей были узурпированы и монополизированы теми «патриотами», которые имели большую мощь и стояли близко к кормилу власти, неоспоримо и то, что эти новые возможности повсеместно привели к более широкому распределению земельной собственности, чем в дореволюционный период. Кроме того, революция положила начало развитию системы щедрых земельных пожалований, продолжавшихся и в послереволюционную эру; она поощряла постоянное движение на запад изголодавшихся по земле жителей восточных штатов и новопришельцев из Европы. Постоянное наличие относительно дешевых, если не совершенно даровых, земель на Западе сыграло громадную роль в американской истории; создание и расширение фонда таких земель было одним из главных результатов Американской революции.

Таким образом, на основании всего вышесказанного мы вправе утверждать, что сдвиги, происшедшие благодаря революции в системе держания и распределения земли, оказали значительное воздействие на политическую, социальную и экономическую историю Соединенных Штатов.

III

Мы уже познакомились с воздействием революции на рабство. Какое же влияние она оказала на другую широко распространенную форму принудительного труда — кабальное рабство (*indentured servitude*)? Последнему суждено было на одно поколение пережить революцию, правда, в выхолощенной форме. Причины упадка и исчезновения кабального рабства ясны: относительно быстрая индустриализация северной части страны, ускоренная после революции, и обусловленный этим предпочтительный спрос на свободных наемных рабочих; щедрая земельная политика, естественная при наличии колоссальной империи государственных земель; утверждение в южной части страны плантационной системы, при которой решающую роль играл труд рабов.

Тем не менее и сама революция оказала известное влияние на кабальное рабство. Некоторый свет на этот процесс проливает замечательное исследование Эббота Э. Смита «Колонисты в ярме рабства» (1947):

«...в пору революции американское общественное мнение либо совершенно противилось вступлению [кабальных] слуг в провинциальную армию, либо требовало по крайней мере выплаты компенсации [хозяевам]. Мы располагаем свидетельствами о том, что несколько солдат были уволены из армии, когда обнаружилось, что они являлись [кабальными] слугами; а Пенсильванская ассамблея в 1778 году востировала денежную субсидию владельцам слуг, вступивших в армию. Эта мера находилась в соответствии с взглядами вроде тех, которые были высказаны комитетом округа Камберленд и которые звучали весьма странно в разгар битвы за свободу: «Решено, что все ученики и слуги являются собственностью их хозяев и хозяек и что лишение любым способом указанных хозяев и хозяек их собственности является нарушением прав человечества...» Провинциальный конгресс Нью-Йорка приказал должностным лицам штата не зачислять в армию [кабальных] слуг, но к 1784 году настроение изменилось, ибо в этом году группа граждан Нью-Йорка, заметив только что доставленных [кабальных] слуг, заявила, что «торговля белыми людьми» противна идее свободы, и предложила оплатить стоимость их проезда и предоставить им свободу, возместив свои убытки за счет небольшого пропорционального вычета из жалованья иммигрантов».

Уильям Миллер в исследовании, посвященном воздействию революции на систему кабального рабства в Пенсильвании, заявил, что он не обнаружил такого влияния; возможно, он не исчерпал исторических свидетельств, относящихся к данному штату. Что же касается других штатов, как, например, Нью-Йорка, то налицо прямая связь между нуждами и идеологией революции, с одной стороны, и институтом кабальных договоров — с другой.

Кроме того, не подлежит никакому сомнению, что на всей территории, охваченной восстанием, многим кабальным слугам удалось вступить в армию и военно-морской флот — легально или нелегально; в результате иные вырвались на свободу — обычно правительство выплачивало компенсацию их хозяевам. Именно это да-

до основание Элизабет Кометти заявить, что «война проложила путь к свободе для многих кабальных слуг, как мужчин, так и женщин». В известной мере показателен и, видимо, не исключителен пример одного печатника и его ученика из Вустера (штат Массачусетс). В 1780 году Исая Томас получил предписание о призыве в армию на шесть месяцев. Вместо себя он послал своего кабального ученика, который старательно выполнял свои воинские обязанности; но по возвращении юноша потребовал и добился досрочного освобождения от повинности ученичества.

Луис Харц, процитировав в своем исследовании о Пенсильвании только что упомянутый очерк Миллера, к этому еще добавил: «Революция, однако, создала серьезные практические проблемы, затрудняющие поддержание системы кабальной повинности». Проблемы эти были порождены не только массовым (нелегальным) вступлением слуг в армию, но и нападками против теории и практики тюремного заключения за долги. Об этих нападках мы уже подробно говорили на предшествующих страницах; здесь же достаточно отметить, что они имели прямое отношение к ослаблению системы кабальных договоров. Вот что писал Харц, касаясь революционной Пенсильвании:

«Однако не лишне заметить, что сам штат косвенно нанес смертельный удар кабальной повинности, и притом без особого почтения к воплощенным в ней законным правам. Этим ударом явилась отмена тюремного заключения за долги. Институт тюремного заключения за долги был той юридической твердой, на которой зиждилась кабальная повинность».

Надо еще отметить, что во время революции и сразу после нее в Пенсильвании, Нью-Йорке и Мэриленде возник ряд обществ, в первую очередь среди немецких иммигрантов, ставивших своей целью защиту интересов и здоровья новопришельцев из числа кабальных слуг. В Пенсильвании известной формой правительственного контроля над условиями их труда и жизни служил «реестр немецких пассажиров»; Мэриленд в законодательном порядке сократил предельный срок кабальной повинности до четырех лет.

Имеющиеся свидетельства показывают, что Американская революция значительно ускорила процесс уничтожения системы кабального рабства.

IV

Пенсильванская резолюция 1778 года, осудившая освобождение кабальных слуг как «нарушение прав человечества», была замечательным предшественником декрета от 14 июня 1791 года, принятого во время классической Французской революции, который запрещал профсоюзы как «наступление на свободу и Декларацию прав человека». Оба они характерны для тенденции, присущей владельцам собственности, отождествлять права собственности с правами человечества. В тех случаях, когда собственнические отношения носят прогрессивный с исторической точки зрения характер, такое отождествление может быть в известной мере правомерным; но эксплуататорскую в своей сущности природу буржуазных собственнических отношений раскрывает тот факт, что силы, чьи интересы в них воплощены, решительно ополчаются против нападков на рабовладение и кабальное рабство и ставят вне закона, когда им это удастся, объединения рабочих, даже если они нацелены своим острием против колониальных и феодальных оков.

Однако важно отметить, что и в Американской и во Французской революциях уже были сделаны первые попытки резкой формулировки противоречия между человеческими и собственническими правами и что в обеих имелись элементы, ставившие под сомнение самую основу частной собственности на средства производства. Что касается Американской революции, то эта идея была выдвинута Джефферсоном, который, исходя из своих прогрессивных воззрений, склонен был рассматривать коренные человеческие свободы как часть собственности индивидуума, заключенную в нем самом, а также выступал против концентрации собственности в руках немногих.

И если мы хотим до конца понять социальное и политическое содержание Американской революции, необходимо рассказать об этих нападках на частное владение собственностью или о выступлениях, где оно ставилось под сомнение. То, что читатель найдет на последующих страницах, представляет собой лишь ил-

люстрацию, а не исчерпывающую характеристику данных, относящихся к этой теме.

Революция обострила классовые чувства. Полковник Рандольф из Виргинии жаловался в 1780 году, что «дух независимости обратился в дух равенства». Тори Джонатан Бучер сообщал: «В отношениях между хозяевами и рабочими... исчезли преданность и сердечность; и трудящиеся классы, вместо того чтобы видеть в богачах своих опекунов, патронов и благодетелей, ныне глядят на них как на гробы павалленные и не считают зазорным их поносить».

Другой современник сообщал из Массачусетса о «тревожных признаках падения в глазах народа святости частной собственности». Некто «Агрикола» на страницах «Виргиния газетт» в 1779 году зашел настолько далеко, что предложил «изъять всю торговлю континента из рук частных лиц; и пусть она ведется на благо общества лицами, назначенными законодательным собранием и получающими строго определенное, хотя и щедрое жалованье».

Не столь крайнюю, но родственную мысль высказал четыре года спустя Бенджамин Франклин. Он считал, что владение собственностью с полным правом может быть включено в число «естественных прав» человека, но строго обозначил количественные, если не качественные, пределы собственности, относящейся к этой категории. Только та собственность, которая необходима человеку для поддержания жизни и продолжения потомства, «является его естественным правом, которого его никто не может на законном основании лишить». Все, чем человек владеет сверх того, является фактически общественной собственностью, ибо это произведено с позволения общественных законов; следовательно, общество (а под ним имеется в виду государство) может в законном порядке распорядиться такой собственностью во всех случаях, когда оно решит, что этого требует всеобщее благоденствие.

По вопросу о распределении собственности Томас Джефферсон держался взглядов, сходных с взглядами Франклина и носивших ярко выраженный эгалитарный характер. Развернутую их формулировку мы находим в письме, с которым Джефферсон обратился к Мэдисону из Парижа в октябре 1785 года. Именно в этом письме

содержится часто цитируемая фраза: «Мелкие землевладельцы являются самой драгоценной частью государства»; однако необходимо привести и предшествующие ей замечания (хотя их цитируют или на них ссылаются реже), если мы хотим понять как самую фразу, так и взгляды Джефферсона по вопросу о распределении собственности. Вот соответствующий отрывок в целом:

«Я понимаю, что равный раздел собственности практически неосуществим. Но так как это кричащее неравенство служит причиной стольких страданий для большинства человечества, законодатели не могут придумать достаточного числа способов подразделения собственности и заботятся лишь о том, чтобы их способы подразделения соответствовали естественным привязанностям человеческой души. Вот почему переход собственности всякого рода ко всем детям, или ко всем братьям и сестрам, или к иным родственникам в равной мере является благоразумной, и притом осуществимой, мерой.

Есть и другое средство без особого шума уменьшить неравенство собственности: освободить от налогообложения всю собственность меньше определенного размера, а для большей собственности повышать налог в геометрической прогрессии. Наличие в какой-либо стране невозделанных земель и бедноты, которой некуда приложить свой труд, явно указывает на то, что законы собственности преступили разумные границы и нарушают естественное право. Земля дана человеку как общее достояние, чтобы он обрабатывал ее и жил на ней. Если ради поощрения усердия мы позволяем обращать землю в частное достояние, мы обязаны позаботиться о том, чтобы дать иное занятие обделенным землею. В противном случае коренное право обрабатывать землю возвращается к тем, кому некуда приложить свой труд.

В нашей стране легко сказать, что всякий, кто не может найти работу, но может найти невозделанную землю, должен быть волен обрабатывать ее, уплачивая умеренную ренту, но трудно обеспечить любыми возможными средствами, чтобы как мож-

но меньше людей оставалось без малого участка земли. Мелкие землевладельцы являются самой драгоценной частью государства».

Настроения в пользу более или менее радикальных экономических воззрений были стимулированы не только радикализмом, составлявшим сущность революционного движения, но и беззастенчивым, эгоистическим поведением многих богачей. Действия эти, мерзостные с нравственной точки зрения, вместе с тем создавали опасность для дела революции. Протесты и предложения об исправлении зла, которые они порождали, дополняли основные выступления против экономического неравенства, примеры которых мы уже приводили на предшествующих страницах. Надо еще учитывать, что положение трудящихся слоев населения в годы вооруженной борьбы непрерывно ухудшалось; это вызывало со стороны многих из них ответные действия, что также стимулировало выступления против концентрации собственности и экономической эксплуатации.

Именно бессовестное поведение многих богачей исторгло у преподобного Томаса Аллена, радикального массачусетского патриота, следующие слова, которые мы находим в проповеди, произнесенной в феврале 1776 года:

«Народ тревожится, как бы, сражаясь против тирании короля и парламента, мы не позволили ей возникнуть в нашем собственном лоне, как бы, позабыв обо всем, кроме борьбы с Великобританией, мы не допустили появления узурпаторов из нашей собственной среды».

Многие богачи баснословно наживались за счет голодающего гражданского населения и солдат; торговали дрянными одеялами, негодным оружием, несъедобным продовольствием — все это грозило военной катастрофой; в широких размерах торговали с врагом. Одним словом, они вели себя так, как обычно ведут себя их многие собратья по классу, старающиеся обогатиться в лихую годину отчизны; их «патриотизм» тогда, как и в наше время, прежде всего и главным образом преследовал цели собственного преуспевания. «Спекуляция, казнокрадство, монополизация, скупка товаров с целью

повышения цен со всем, что этому сопутствует, — писал Вашингтон, — являют в избытке печальные доказательства упадка общественной добродетели; они красноречиво свидетельствуют, что ради этого мнимые друзья революции, которых так много среди нас, жаждут продолжать войну».

Война и грабеж исторически были главными методами «первоначального накопления капитала»; те же достославные черты буржуазного развития отличали рождение класса и в Соединенных Штатах.

В годы революции развернулась ожесточенная борьба против спекуляции и монополизации. Вот почему в первоначальном проекте билля о правах для конституции Пенсильвании 1776 года содержался следующий абзац, не вошедший, однако, в окончательную редакцию:

«Сосредоточение огромной доли собственности в руках немногих личностей опасно для прав и пагубно для общего счастья человечества; и поэтому каждое свободное государство вправе чинить препоны владению такой собственностью».

Революционная конституция Мэриленда обличала монополии как «гнусное учреждение, противное принципам свободного управления и принципам торговли». В 1799 году этот штат, разъяренный особенно беззастенчивой попыткой Сэмюэля Чейза, являвшегося членом конгресса, овладеть рынком путем скупки пшеницы, принял закон, запрещающий купцам представлять его в конгрессе.

В нескольких штатах серьезно рассматривался вопрос об обложении специальными налогами прибылей военного времени; осуществлена эта мера, однако, была лишь в Коннектикуте. Повсеместно было уделено внимание контролю над ценами, стремительный рост которых заметно обгонял рост заработной платы. Бушель пшеницы продавался в 1777 году за семь шиллингов, а два года спустя — за восемьдесят долларов; за тот же отрезок времени цена фунта говядины выросла с восьми пенсов до восьми шиллингов.

С конца 1776 года было проведено несколько междуштатных конференций, посвященных проблеме контроля над ценами. В следующем году требование принятия аналогичных мер выдвинул уже Континентальный кон-

гресс. В том же году было созвано несколько местных конгрессов, ставивших своей целью обуздать — как говорилось в решении митинга представителей одного округа в Массачусетсе, происходившего в мае 1777 года, — «алчность и вымогательство, которые, словно безудержный поток, захлестнули страну».

Коннектикут, принявший в ноябре 1776 года закон об устоявлении твердых цен, заявил, что «быстрый и непомерный рост стоимости предметов первой необходимости и жизни вообще... вызван главным образом монополистами, этой гнусной язвой общества, которые свои личные выгоды ставят выше интересов и безопасности родины». И все-таки факты свидетельствуют, что устоявление твердых цен сдержало рост заработной платы (ибо цена труда тоже была фиксирована) в большей степени, чем рост цен на товары. Даже забастовки, демонстрации и чуть ли не гражданские войны (вроде массового движения филадельфийских рабочих, развернувшегося в 1779 году и направленного против Бенедикта Арнольда и его дружков спекулянтов) оказались бессильными приостановить процесс военного времени, в результате которого считанные единицы наживали баснословные состояния, а массы терпели все большую нужду.

Тогда, как водится, была сделана попытка возложить вину за инфляцию на «непомерные» требования трудящихся вопреки тому, уже отмеченному нами, факту, что заработная плата безнадежно отставала от цен, а прибыли купцов и торговцев достигли фантастической высоты. В действительности приходилось все больше и больше прибегать к печатному станку как источнику денег именно потому, что не было действенной системы налогообложения и достаточно смелой программы конфискации собственности врага, а возможности займов были весьма ограниченными.

Весной 1780 года Континентальный конгресс объявил себя банкротом, вслед за чем последовал его отказ от своих финансовых обязательств. 18 марта 1780 года конгресс объявил об изъятии из обращения бумажных денег путем обмена их на металлические в пропорции 40 : 1, тем самым сократив свои обязательства с 200 миллионов до 5 миллионов долларов. Падение стоимости бумажных денег продолжалось; в феврале 1781 года

они обменивались уже в пропорции 75:1, к 1781 году соотношение дошло до 1000:1.

Однако подлинными причинами инфляции были спекуляция, погоня за прибылями, монополизация. Джеймс Мэдисон подверг анализу инфляцию революционных лет в заметке, написанной в 1779 году (но опубликованной лишь тринадцать лет спустя). Здесь он разошелся с ортодоксальной точкой зрения, усматривавшей главную причину инфляции в чрезмерном печатании денег, в результате чего они дешевеют, а цены растут. Мэдисон перевернул объяснение с головы на ноги: по его мнению, монополисты и спекулянты создали «искусственную нехватку товаров, необходимых для общественного пользования, а уже это привело к росту цен и, по необходимости, к выпуску бумажных денег».

Помимо обложения налогами сверхприбылей и установления твердых цен, всерьез рассматривались и другие способы ограничить погоню за прибылями, монополизацию. Так, Джефферсон в своих предложениях для конституции Виргинии 1776 года выдвинул мысль о раздаче земель штатом, с тем чтобы каждый взрослый свободный мужчина владел по меньшей мере 50 акрами. Джон К. Миллер был совершенно прав, когда, резюмируя в своем труде «Торжество свободы» (1948) дополнительные аспекты борьбы против спекуляции, он писал, что по рекомендации конгресса

«штаты сами занялись вывозом продовольствия и ввозом военных припасов и даже наладили производство пороха и селитры. Некоторые штаты, в первую очередь Пенсильвания и Виргиния, имели в своем ведении собственные предприятия по изготовлению вооружения; да и сам конгресс создал литейни для производства бронзовых пушек в Пенсильвании и Коннектикуте. Северная Каролина приобрела рудоземные земли и соорудила ряд вагранок и пил для резки металла, которые снабжали армию ружьями и пулями; мало того, штат еще воспользовался случаем провозгласить принцип, что во всяком правильно устроенном государстве предприятия такого рода должны принадлежать народу и управляться им».

Не удивительно, что уже в Континентальном конгрессе один из представителей, Джон Джей из Нью-

Йорка, поставил грозный вопрос, который с тех пор без конца использовался правящими классами: «Неужели мы закроем дверь частной инициативе?»

V

Революция оказала огромное воздействие на американскую экономику; в своей совокупности оно сводилось к бурному стимулированию развития капитализма². Уничтожение феодальных порядков и законов — таких, как «квитрента», наследование земли без права отчуждения, право первородства, — проложило путь для той гибкости социально-экономических отношений, которая является необходимым условием расцвета молодого капитализма. Процесс этот был стимулирован также уничтожением собственности короны над лесами и полезными ископаемыми и стремлением передать эти громадные природные ресурсы в руки алчных предпринимателей.

Нет нужды повторять, что сама война открывала широкие возможности для накопления громадных состояний — как более или менее законным удовлетворением нужд военного рынка, так и спекуляцией, торговлей с врагом, взяточничеством и иными способами делового воровства.

Далее, аннулирование колониями своей задолженности Англии высвободило повсеместно, особенно среди южных плантаторов, значительные капиталы, которые были вложены в разные области деловой активности, в первую очередь в спекуляции землями и торговлю пушниной. Война, естественно, дала толчок развитию промышленности (особенно текстильной и металлообрабатывающей). Мало того, именно в годы революции начался процесс правительственного субсидирования капиталистического предпринимательства, движимого целями частной наживы.

Какая ирония: хотя американская буржуазия с пеной у рта настаивала на «непоборимом индивидуализме», она в то же время домогалась деятельной помощи от государства — премиями, субсидиями и освобождением от налогов — в выколачивании прибылей. И эта помощь оказывалась ей в весьма широких размерах в годы революции и особенно в непосредственно после-революционную эру. Так, некоторые штаты освободили

от калогообложения на разные сроки многие отрасли промышленности; в других случаях жаловалась земля; в третьих — в ход пускались субсидии; не были невидалью и займы из весьма низких процентов. Нельзя умолчать также о тарифах и других формах протекционистского законодательства, служивших для штатов дополнительным средством помощи капиталистическому предпринимательству.

В годы войны «наблюдался небывалый подъем внутреннего производства», как писал Артур Х. Коул в своем исследовании, посвященном шерстяной промышленности. К 1790 году Пенсильвания сравнялась с Англией как источник снабжения Юга промышленными товарами; к тому же году американские предприятия полностью удовлетворяли потребности страны в стекле и бумаге.

Разрыв с Англией имел несколько значительных экономических результатов непосредственного характера. Соединенные Штаты, скинув оковы английских меркантилистских порядков, стали домогаться и добились торгового доступа в порты юга Европы, Вест-Индии, Южной Америки и Азии, прежде более или менее неведомые или недоступные для американских судов. И хотя разрыв связей с Англией создал известные трудности (как, например, прекращение торговли с Британской Вест-Индией), это более чем возмещалось открытием новых благоприятных возможностей.

Далее, ликвидация колониального подчинения, будучи результатом национального развития, в свою очередь способствовала ему. Одним из результатов утверждения подлинного национального суверенитета явилась подготовка почвы для беспрепятственной эксплуатации американской буржуазией ресурсов страны. Торговля, географические исследования, вложения капиталов, которым прежде чинились препоны, теперь всемерно поощрялись.

Вскоре родились на свет коммерческие и финансовые учреждения, призванные обслуживать национальное экономическое возрождение, — назовем «Бэнк оф Норт Америка», созданный в 1780 году, и «Бэнк оф Нью-Йорк» и «Бэнк оф Бостон», открытые в 1784 году.

Роберт А. Ист в своем новаторском исследовании «Деловое предпринимательство в революционную эру»

(1938) указал на то, что до революции излишки капитала, не вкладывавшиеся в торговлю, направлялись в обрабатывающую промышленность и второстепенные отрасли промышленности, такие, как винокурение, мукомольное и гончарное дело, в производство сахара-рафинада, поташа и т. д.; литейные установки и кричные горны только-только появлялись. Кроме того, зависимость от Англии в откошении коммерческого кредита наряду с имперскими ограничениями исключала возможность появления в предреволюционную эру системы и аппарата коллективного инвестирования. В годы революции и сразу после нее в области экономики во всех этих отношениях начали происходить заметные сдвиги. Обрабатывающая промышленность, особенно текстильная и металлообрабатывающая, резко пошла в гору; зависимость от Англии в отношении кредита в значительной мере ослабела; появились первые банки и другие объединенные коммерческие предприятия, созданные на акционерной основе в таких областях деловой активности, как строительство дорог, мостов и каналов, промышленное производство и спекуляция землями.

Подводя итоги, Ист пишет: «По сравнению с полдюжиной деловых привилегий, дарованных американцам за весь колониальный период, в Соединенных Штатах было предоставлено между 1781 и 1785 годами — 11, между 1786 и 1790 годами — 22 и между 1791 и 1795 годами — 114 привилегий».

Американская революция — всем своим ходом и воздействием — помогла американскому капитализму выйти из младенчества и достичь поры детства. В 1790 году экономика Соединенных Штатов была совсем иной, чем двадцатью годами раньше, — она количественно выросла, стала более многообразной и обезличенной, достигла всемирного охвата. Вот почему, пользуясь выражением профессора Вер Стига, «Американская революция, рассматриваемая как экономическое движение», была таким же значительным переворотом, каким она явилась в социальном, политическом и национальном плане. Больше того, прогрессивные сдвиги, происшедшие во всех этих областях, переплетались между собой; в своей совокупности они неопровержимо свидетельствуют, что революция имела настолько важные последствия, что они оправдывают высокий термин «революция».

VI

Мы хотим закончить нарисованную нами картину Американской революции цитатами, которые принадлежат двум выдающимся личностям, связанным с нею. Одним является Бенджамин Франклин. Вот что писал он 1 мая 1777 года из Парижа к Сэмюэлю Куперу.

«Вся Европа на нашей стороне, насколько можно судить по выражениям одобрения и доброй воли. Те, кто изнывает под властью деспотизма, тем не менее приветствуют свободу и жаждут ее. Они почти отчаялись увидеть ее восстановленной в Европе. Они с восторгом читают переводы конституций наших отдельных колоний. Многие повсюду толкуют о том, чтобы переехать в Америку с семьями и всем своим достоянием, как только наступит мир и будет утверждена наша независимость. Число их так велико, что, по общему суждению, мы заметно выиграем в силе, богатстве и мастерстве за счет эмиграции из Европы. Полагают, что для ослабления или предотвращения такой эмиграции тираниям, утвердившимся в Европе, придется смягчить власть и предоставить больше свободы своим народам. Оттого-то здесь все говорят о том, что наше дело — это *дело всего человечества* [курсив в оригинале] и что, защищая свою свободу, мы сражаемся и за свободу других. Провидение возложило на нас distinguished миссию, что и придало нам, я убежден, отвагу и добродетель, равные ей, и в конце концов увенчает наши усилия успехом».

Другим современником является Дэвид Хартли, друг Франклина, довольно известный ученый и изобретатель, член парламента от партии вигов, противник войны с Америкой, тот самый, что вел переговоры с американцами и подписал Парижский мир 1783 года, официально положивший конец войне. 9 января 1785 года Хартли подготовил меморандум для рассмотрения английского правительства, где, указав на громадные ресурсы Соединенных Штатов Америки и наличие у них колоссальных земельных массивов, выразил свое убеждение в том, что этому новому государству суждено стать, и притом в не очень далеком будущем, одной из величайших держав мира. Однако первостепенное значение с точки зрения будущего новой нации и ее влияния на будущее

мира Дэвид Хартли придавал свободе личности и суверенитету народа, которые благодаря победе революции могли стать отличительными признаками американского развития. Хартли писал:

«Для множества простых людей во всех странах мира открываются новые перспективы, когда им говорят, что в Америке, стране с умеренным климатом, имеются плодородные земли, которые можно приобрести за бесценок и которыми можно владеть в условиях свободы, соединенной со всеми естественными и гражданскими правами человечества. Конгресс уже возвестил об этом, а также о том, что при этом не требуется никаких иных условий или достоинств — только селиться на земле, независимо от того, из какой ты страны и что ты за личность. Нищий, обездоленный, поработанный европейский крестьянин, который трудится в поте лица ради скудного пропитания, — как же он не ринется в это прибежище свободного усердного труда? Из Шотландии, Ирландии, Канады может устремиться могучий поток эмигрантов в эту новую обетованную землю.

Громадная доля людей во всех странах мира лишена собственности и, как правило, находится под властью правительств, в которых они не участвуют и над которыми не имеют контроля. Конгресс же ныне открыл всему миру продажу земельных поселений, в которых свобода и собственность каждого должны быть вверены его собственной охране и защите... это такие перспективы свободного установления будущего порядка вещей, какие никогда прежде не открывались».

О том, в какой мере суждено или не суждено было осуществиться этим перспективам, будет сказано в последующих томах этого труда. Но то, что таковы были обещания (или предвещения, в зависимости от точки зрения) Американской революции и новой нации, чей суверенитет она утвердила, поскольку это касалось современников, не подлежит никакому сомнению. В продолжающейся борьбе за создание социального порядка, при котором весь народ вершит собственную судьбу во всех областях человеческого существования, Американская революция является важной вехой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава II

¹ Всесторонняя характеристика этого важного процесса дана Винсентом Т. Харлоу в *The Founding of the Second British Empire, 1763—1793, vol. I, Discovery and Revolution* (London, 1952, Longmans, Green).

² Эти соображения являются по крайней мере частичным ответом на требование О. М. Диккерсона, высказанное на страницах «Канадиэн историкал ревью» (март 1942 года): «Тот, кто пытается объяснить революцию, должен показать, почему тринадцать колоний присоединились к восстанию, а семнадцать остались верными короне». На Ямайке в 1774 году насчитывалось около 13 тысяч белых и свыше 192 тысяч рабов; серьезные восстания рабов вспыхивали здесь в 1765, 1769 и 1776 годах.

Глава III

¹ В их весьма полезном труде *The Making of American Democracy, Readings and Documents* (2 vols., Rinehart, N. Y., 1950), I, p. 72.

Глава V

¹ Один видный член парламента от партии вигов, Айзек Баррэ (кстати, ирландец по происхождению), выступая против закона о гербовом сборе, назвал американцев «сынами свободы». Баррэ и Джон Уилкс были парламентскими лидерами проамериканской группировки, имевшей очень много приверженцев среди английского народа, как мы покажем далее. Их имена обессмерчены в названии города Уилкс-Барре (штат Пенсильвания). Хотя этой организации

посвящено несколько превосходных исследований, как, например, работа Герберта М. Морейса, все они представляют собой довольно узкие очерки. Настоятельно необходимо детальное монографическое исследование, посвященное «Сынам свободы».

² Законодательные собрания Нью-Гэмпшира и Джорджии направили конгрессу заверения в поддержке; королевские губернаторы Виргинии, Северной Каролины и Джорджии отказались разрешить созыв ассамблей для выбора делегатов.

³ Необходимо современное всестороннее исследование, посвященное организации комитетов в целом и подготовке Американской революции. На эту тему есть два кратких труда, представляющих известную ценность, но оба они вышли свыше полувека назад: Edward D. Collins, «Committees of Correspondence of the American Revolution» в *Annual Report of the American Historical Association*, 1901, pp. 245—271; Agnes Hunt, *The Provincial Committees of Safety of the American Revolution* (Cleveland, 1904). Полезный материал содержит книга Margaret B. Macmillan, *The War Governors in the American Revolution* (N. Y., 1943), особенно стр. 15—25.

⁴ Официально он назывался просто «Конгресс», но наряду с ним существовало несколько провинциальных конгрессов, и поэтому понадобилось отличать их друг от друга. На первых порах использовалось название «Генеральный конгресс», но вскоре всеобщее употребление получило иное — «Континентальный конгресс». Официально с принятием в 1781 году «Статей конфедерации» конгресс стал называться «Собравшиеся в конгрессе Соединенные Штаты». Исчерпывающим трудом по теме, несмотря на консервативные предубеждения автора, является Edmund C. Burnett, *The Continental Congress* (N. Y., 1941). Он должен быть дополнен «Протоколами» конгресса, вышедшими под редакцией У. К. Форда, и восьмитомным собранием *Letters of Members of the Continental Congress*, вышедшим под редакцией Бёрнетта.

⁵ Джозеф Гэллоуэй стал тори — гражданским администратором оккупированной англичанами Филадельфии, и в 1778 году переехал в Англию. Дин был одним из ведущих революционных дипломатов во Франции, но, обвиненный в финансовых злоупотреблениях, подал в отставку со своего поста. Остаток жизни, с 1778 года до самой смерти, последовавшей в 1789 году, он провел за границей, по существу в изгнании. В связи с обнаруженными позднее доказательствами того, что обвинение в измене было чрезмерным, конгресс в 1842 году вотировал наследникам Дина 37 тысяч долларов в качестве возмещения за ранее причиненную «грубую несправедливость». И все же всплывшие еще позднее доказательства убеждают, что конгресс проявил излишнее великодушие.

Глава VI

¹ Примечательно, что лишь один из «первоподписавших» отрекся от своей подписи. Это был Ричард Стоктон из Нью-Джерси, смалодушествовавший в конце 1776 года, когда его штат был заволеван англичанами.

Глава VII

¹ Строго говоря, документ был представлен комиссией, назначенной для его составления; но автором его был Джефферсон. Члены комиссии внесли буквально считанные изменения — больше всего Джон Адамс, но даже и его изменения были совершенно незначительными.

² Здесь имелась в виду главным образом прокламация, выпущенная лордом Данмором в Виргинии 7 ноября 1775 года, где он предлагал свободу всем достигшим линии его войск рабам-мужчинам, принадлежащим повстанцам. О заговорах рабов — причем англичан обвиняли, что они были подняты по их наущению, — сообщали из Массачусетса и Джорджии в 1774, а из Нью-Йорка, Южной Каролины, Виргинии и — о самом серьезном — из Северной Каролины в 1775 году.

³ Локк открыто использовал свой тезис в аболиционистском смысле; иными словами, попытка поработить человека или самый факт порабощения были объявлены им «состоянием войны». Интересно отметить, что аргументация Локка послужила позднейшим аболиционистам для оправдания противодействия рабству силой оружия. Джон Браун, например, настаивал на том, что рабы являлись «военнопленными».

Глава VIII

¹ Важным исключением явилась кампания Бергойна 1777—1778 годов. Здесь базой служила Канада, но роль южного противовеса отводилась Нью-Йорку. Однако взаимодействие между Хау и Бергойном не было налажено, что привело последнего к катастрофе.

² Первое профессиональное исследование о партизанской войне в двух томах появилось в Германии в 1786 году; оно принадлежало перу капитана Иоганна Эвальда, служившего с «гессенцами» в Америке; позднее, уже как фон Эвальд, он служил в чине генерал-лейтенанта в датской армии.

Глава IX

¹ В 1790 году, когда была проведена первая перепись, Виргиния, насчитывавшая 750 тысяч жителей, имела такое же население, как Нью-Йорк и Пенсильвания, вместе взятые. Новая Англия насчитывала тогда миллион жителей; половина проживала в Массачусетсе — штате, уступавшем по численности населения только Виргинии.

Глава X

¹ Шелберн стал премьер-министром в 1782 году, когда крах попыток подавить американцев стал ясен даже для короля. Именно правительство Шелберна подписало в 1783 году Парижский мир, по которому была признана независимость Соединенных Штатов. Близким личным другом и советником Шелберна был Ричард Прайс; Джозеф Пристли несколько лет состоял у него библиотекарем.

² Парламентские реформы, осуществленные после падения правительства Норта, предусматривали: 1) исключение правительственных поставщиков из палаты общин; 2) ограничение числа лиц, получающих пенсии, и отмену многих синекур; 3) лишение избирательных прав чиновников ведомства государственных сборов, которые прежде были обязаны голосовать за правительственных кандидатов.

Глава XI

¹ В дополнение к весьма жестким «обычным» торговым ограничениям в 1777 году Англия установила эмбарго на вывоз из Ирландии полотна с целью лишить Америку важного источника снабжения. Мера эта имела катастрофические последствия: не прошло и месяца, как в одном лишь Дублине насчитывалось 20 тысяч безработных.

² Пытаясь с опозданием перетянуть на свою сторону Канаду, конгресс в начале 1776 года направил сюда комиссию «на высоком уровне». В нее вошли самый известный американский католический мятежник Чарлз Кэррол из Мэриленда, отец Джон Кэррол (позднее первый католический епископ Соединенных Штатов), Сэмюэль Чейз и Бенджамин Франклин.

³ В 1779 году в Индии вспыхнуло могучее восстание, в результате которого англичане были оттеснены чуть не до самого моря; одновременно англо-французская война, начавшаяся в 1778 году из-за вопроса об Америке, перекинулась на территорию Индии.

В 1784 году Англия полностью перестроила систему своего господства над Индией и эксплуатации ее богатств.

Глава XII

¹ В состав комитета входили пять членов: Бенджамин Гаррисон из Виргинии, Бенджамин Франклин из Пенсильвании, Томас Джонсон из Мэриленда, Джон Дикинсон из Пенсильвании и Джон Джей из Нью-Йорка. В апреле 1777 года комитет секретной связи был заменен комитетом по иностранным делам, а в 1781 году конгресс избрал Роберта Р. Ливингстона из Нью-Йорка государственным секретарем по иностранным делам. Хотя эти органы являлись предками нынешнего государственного департамента, следует отметить, что все они были созданы конгрессом и действовали в качестве его орудия.

² Показательно письмо Джона Адамса к Джеймсу Уоррену от 3 мая 1777 года, где он предостерегает против того, чтобы Америка «ввязалась в распри Европы». Общеизвестно, что это является важной темой в «Здравом смысле» Пейна. Проф. Бемис утверждает, что, по мнению государственных деятелей Американской революции, «одним из наиболее важных результатов, на который они могли надеяться в связи с независимостью, являлось относительное неучастие в европейских межгосударственных схватках». Дела этих государственных деятелей, однако, доказывают, что они, безусловно, не были «изоляционистами» в современном смысле слова. Я согласен с У. А. Уильямсом, когда он говорит: «Отцы-основатели» выгадывали время, чтобы набраться силы, которую они надеялись использовать в конце концов подходящим способом. Они хотели не изоляции, а свободы действий».

³ Свыше 12 тысяч немцев не вернулись домой. Около 1200 было убито в военных действиях; свыше 6 тысяч умерло от болезней и несчастных случаев; около 5 тысяч перешло на сторону американцев.

⁴ К концу 1776 года Испания предоставила в виде займов и субсидий около 650 тысяч долларов; Франция к тому же сроку — около восьми с половиной миллионов долларов.

⁵ То обстоятельство, что Родни был целиком поглощен борьбой за о. Св. Евстафия, дало возможность адмиралу де Грассе двинуться из Вест-Индии на север и принять решающее участие в осаде Корнуоллиса при Йорктауне. Англия заключила с Голландией в 1784 году сепаратный мирный договор, по которому Великобритания сделала территориальные приобретения в Индии и на Молуккском архипелаге.

⁶ Эта характеристика употреблена д-ром Я. Прессером в письме ко мне, посланном из Амстердама 9 января 1956 года. Д-р Прессер, выдающийся голландский историк, является автором объемистой истории Соединенных Штатов: *Amerika, van Kolonie Tot Wereldmacht* (Amsterdam, Brussel, 1951, Elsevier).

⁷ О мирном урегулировании с Голландией, подписанном в 1784 году, мы уже упоминали ранее. Франция сделала небольшие территориальные приобретения в Африке и Индии; пункт Утрехтского мира, запрещавший ей возводить укрепления в Дюнкерке, был отменен; она получила важные права на рыболовство в районе побережья Ньюфаундленда. (Действие последних прекратилось в 1904 году, взамен чего Англия предоставила Франции 14 тысяч кв. миль территории в Западной Африке.) Испания получила Минорку и Восточную Флориду, но вернула Англии Багамские острова и подтвердила ее права на ведение лесного промысла в Гондурасе.

⁸ В действительности английские войска занимали вплоть до 1796 года восемь американских постов — Детройт, Мичеллемакинак, Форт-Эри, Ниагару, Осуиго, Осуигетчи (ныне Огденберг), Пойнт-оф-Эр и Датчменс-Пойнт на озере Чемплейн. Все они были важны для Англии как опорные пункты торговли с индейцами и в плане ее стремления ослабить Соединенные Штаты. Играли роль и ревностные попытки Англии добиться присоединения Вермонта к территории Канады.

Глава XIV

¹ Уже после написания этого раздела появился очерк профессора Дженсена «Демократия и Американская революция», опубликованный в *The Huntington Library Quarterly*, Aug. 1957, XX, pp. 321—342. Здесь Дженсен подтверждает свою точку зрения и отвечает на некоторые критические замечания, высказанные в адрес его труда. В целом он еще более решительно высказывает свою концепцию; в отдельных пунктах преувеличения в терминологии раннего труда смягчены. Дженсен приходит к выводу, что «Американская революция была демократическим движением — не по происхождению, но по результатам». На мой взгляд, проводить такое резкое различие между происхождением и результатами, как это делает Дженсен, неверно, хотя бесспорно, что подлинно вооруженная борьба в известной мере усилила демократические устремления и демократическое содержание, имевшие место в этом движении с самого начала.

² Буквальное истолкование этого закона имело своим результатом то, что в период с 1790 по 1807 год правом голоса пользовались негры — мужчины и женщины.

³ Я пишу это, будучи отлично осведомлен о поправках (которые сами являются некоторым преувеличением) по вопросу о тюремном заключении за долги, сделанных Э. Т. Рэндаллом в его бросающем вызов общепринятой точке зрения очерке «Заключение за долги в Америке, факты и вымысел» (*Mississippi Valley Hist., Review*, June 1952, XXXIX, 89—102).

Глава XV

¹ Наследование без права отчуждения (Entail) — закрепление земельного владения за определенным родом, при котором ни один его представитель не вправе отчуждать наследуемую землю, что способствует замораживанию земельной собственности.

«Мертвая рука» (Mortmain) — владение землей собственниками, которые не вправе отчуждать ее, продавая или завещая другим лицам; иными словами, неотчуждаемое владение — необходимое следствие системы наследования без права отчуждения.

Право первородства (Primogeniture) — право, по которому старший сын наследует все имущество отца.

Все эти установления были коренными принципами феодального права, обеспечивавшими устойчивость и концентрацию земельной собственности, что имело первостепенное значение для феодализма.

² Уже после завершения первоначальной редакции данного раздела автор нашел ободряющие подтверждения его точки зрения и проливающие яркий свет мысли в статье Кларенса Л. Вер Стига «Американская революция, рассматриваемая как экономическое движение» (*The Huntington Library Quarterly*, Aug. 1957).

БИБЛИОГРАФИЯ

Американской революции посвящена колоссальная литература. Когда рассматриваешь причины, ход, воздействие революции, ее отношение к сферам экономики, дипломатии, политики, культуры, идеологии, ростки, пущенные ею на международной арене, становится очевидным, что овладеть всей этой литературой не под силу какому-либо одному человеку. Разумеется, автор настоящих строк нисколько не претендует на то, что он хоть сколько-нибудь исчерпал литературу по данной теме.

Ниже приводится перечень изученных источников; книги, помеченные звездочкой, признаны имеющими особое значение. Лучшим всеохватывающим однотомным исследованием по данной теме остается третий том «Истории Соединенных Штатов» Эдуарда Чаннинга; оно было подправлено и дополнено трудами многих позднейших ученых, но не было вытеснено ими.

В приведенной ниже библиографии автор пользовался следующими сокращениями:

- AHR* — American Historical Review.
- CaUP* — Cambridge University Press.
- CHR* — Canadian Historical Review.
- COP* — Cornell University Press.
- CUAP* — Catholic University of America Press.
- CUP* — Columbia University Press.
- DUP* — Duke University Press.
- GPO* — Government Printing Office.
- HUP* — Harvard University Press.
- JHUP* — Johns Hopkins University Press.
- LUP* — Louisiana State University Press.
- MVHR* — Mississippi Valley Historical Review.
- NYUP* — New York University Press.
- OUP* — Oxford University Press.
- PUP* — Princeton University Press.

RUP — Rutgers University Press.
UCaP — University of California Press.
UCP — University of Chicago Press.
UNCP — University of North Carolina Press.
UOKP — University of Oklahoma Press.
UPP — University of Pennsylvania Press.
UWP — University of Wisconsin Press.
YUP — Yale University Press.

Первоисточники

Письма, дневники и сочинения выдающихся участников революции были опубликованы в громадном числе. Среди них особое значение имеют собрания, связанные с именами Джона Адамса, Томаса Джефферсона, Джорджа Вашингтона, Ричарда Генри Ли, Бенджамина Франклина, Бенджамина Раша, Джеймса Мэдисона и Томаса Пейна.

Коллекции газет, восходящих ко времени революции, насчитываются в большом числе; автор использовал коллекции библиотек конгресса и Колумбийского университета. Значительные подборки из этих газет опубликованы в архивных сборниках отдельных штатов; особенно много их издано архивами Пенсильвании и Нью-Джерси. Труды, вышедшие под редакцией Фрэнка Мура и Питера Форса, отмеченные ниже, также содержат многочисленные выдержки из прессы революционной поры.

Среди других необычайно важных сборников источников надо назвать сборники, вышедшие под редакцией Альберта Б. Харта, Эдмунда К. Бёрнетта и Мерилла Дженсена, полное библиографическое описание которых читатель найдет ниже.

- Aptheke, Herbert, ed., *A Documentary History of the Negro People in the United States* (N. Y., 1951, Citadel).
- Beccaria-Bonesana, Cesare, *An Essay on Crime and Punishments* (1819, Phila. edit. reprinted by Academic Reprints, Stanford, 1953).
- Beloff, Max, ed., *The Debate [in Parliament] on the American Revolution, 1761—1783* (London, 1949, Kaye).
- Billington, R. A., Loewenberg, J. B., Brockunier, S., eds., *The Making of American Democracy: Readings and Documents* (2 vols., N. Y., 1950, Rinehart), Vol. I.
- Burnett, Edmund C., ed., *Letters of Members of the Continental Congress* (8 vols., Washington 1941, Carnegie).

- Commager, Henry S., ed., Documents of American History (4th edit., N. Y., 1948, Appleton — Century — Crofts) I, pp. 42—124.
- Commager, H. S., ed., America in Perspective: The U. S. Through Foreign Eyes (N. Y., 1947, Random).
- Commager, H. S. and Morris, R. B., eds., The Spirit of 'Seventy-Six: The Story of the American Revolution as Told by Participants (2 vols., Indianapolis, 1958, Bobbs-Merrill). Этот труд появился уже после завершения окончательной редакции настоящей книги. Он насчитывает свыше 1300 страниц и является самой полной и всеобъемлющей документальной историей революции во всей имеющейся литературе. Примечательно, что, несмотря на весьма значительную полноту указателя, в нем отсутствует ссылка на негритянский вопрос. Всего шесть страниц посвящены теме «Как примирить свободу с рабством?»; для сравнения укажем, что документация, касающаяся «Комиссии Карлайсла», занимает одиннадцать страниц.
- Crane, Verner W., ed., Benjamin Franklin's Letters to the Press, 1758—1775 (Chapel Hill, 1950, UNCP).
- Force, Peter, ed., American Archives... (9 vols., Washington, 1839—1898).
- Ford, Paul L., ed., Israel Mauduit, A Handbill Advocating American Independence... London, 1778 (Brooklyn, 1890, Hist. Printing Club).
- Hacker, Louis M., ed., The Shaping of the American Tradition (2 vols., N. Y., 1947, CUP) Vol. I.
- Hart, Albert B., ed., American History Told by Contemporaries, Vol. II 1689—1783 (N. Y., 1898, Macmillan).
- Historical Manuscripts Commission: Report of American MSS in the Royal Institution of Great Britain (2 vols., London, 1904).
- Jensen, Merrill, ed., American Colonial Documents to 1776 (представляет собой IX том труда English Historical Documents, N. Y., 1955, OUP).
- Lincoln, William, ed., The Journals of Each Provincial Congress of Massachusetts in 1774 and 1775 (Boston, 1838, Dutton & Wentworth).
- McIlwaine, H. R., ed., Official Letters of the Governors of Virginia (Richmond, 1929), Vol. III.
- Meng, John J., ed., Despatches and Instructions of Conrad Alexandre Gerard, 1778—1780 (Baltimore, 1939, JHUP).

- Moore, Frank, ed., *Diary of the American Revolution from Newspapers and Original Documents* (2 vols., N. Y., 1865).
- Nelson, William, ed., *Documents Relating to the Revolutionary History of New Jersey* (vol. III, Trenton, 1906, Murphy Pub.).
- Scheer, George F. & Rankin, Hugh F., eds., *Rebels and Redcoats: The Living Story of the American Revolution* (Cleveland, 1957, World Pub.).
- Scott, James B., ed., *The Armed Neutralities of 1780 and 1800* (N. Y., 1918, OUP).
- Smith, Adam, *The Wealth of Nations* (E. Cannan, ed.). (N. Y., 1937, Random).
- Sparks, Jared, ed., *Correspondence of the American Revolution; being letters of eminent men to George Washington* (4 vols., Boston, 1853, Little, Brown).
- Stevens, Benjamin F., ed., *Facsimiles of Manuscripts in European Archives Relating to America, 1773—1783* (25 vols., London, 1889).
- Stryker, William, ed., *Documents Relating to the Revolutionary History of New Jersey* (Trenton, 1901, vol. I, Murphy Pub.).
- Uhlenborg, Bernhard A., ed., *Revolution in America: Confidential Letters and Journals, 1776—1784 of Adjutant General Major Baurmeister of the Hessian Forces* (New Brunswick, 1957, RUP).
- Van Doren, Mark, ed., *The Voice of America* (Cleveland, 1942, World Pub.) Book III.
- Wharton, Francis, ed., *The Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States* (6 vols., Washington, 1889, GPO).
- Willard, Margaret, ed., *Letters on the American Revolution, 1774—1776* (Boston, 1925, Houghton, Mifflin).

Другие труды

- Abernethy, Thomas P., *From Frontier to Plantation in Tennessee* (Chapel Hill, 1932, UNC),
- Abernethy, T. P., *Western Lands and the American Revolution* (N. Y., 1937, Appleton—Century).
- Adams, Randolph G., *The Political Ideas of the American Revolution* (Durham, 1922, Trinity College Press).
- *Alden, John R., *The American Revolution: 1775—1783* (New American Nation Series, N. Y., 1954, Harper).
- Alvord, Clarence W., *The Mississippi Valley in British Politics* (2 vols., Cleveland, 1917, A. H. Clark).

- * Andrews, Charles M., *The Colonial Period of American History* (4 vols., New Haven, 1934—1938, YUP).
- Aptheker, Herbert, *The Negro in the American Revolution* (N. Y., 1940, International Publishers).
- Aptheker, H., *American Negro Slave Revolts* (N. Y., 1943, CUP).
- Augur, Helen, *The Secret War of Independence* (N. Y., 1956, Duell, Sloan & Pearce).
- Axelrad, Jacob, *Patrick Henry: The Voice of Freedom* (N. Y., 1947, Random).
- Azoy, A. C., *Patriot Battles, 1775—1781* (Washington, 1943, Infantry Journal).
- Bailey, Thomas A., *A Diplomatic History of the American People* (N. Y., 1950, 4th edit., Appleton—Century—Crofts).
- Bakeless, John, *Turncoats, Traitors and Heroes* (Phila., 1959, Lippincott). Этот труд появился уже после того, как настоящая книга проходила корректуру. Он представляет собой самую полную во всей имеющейся литературе историю шпионажа и военно-разведывательной деятельности обеих сторон в зонах боевых действий.
- * Baldwin, Alice M., *The New England Clergy and the American Revolution* (Durham, 1928, DUP).
- Bancroft, George, *A History of the United States* (Boston, 1860, Little Brown), Vol. VIII.
- Barker, Charles A., *The Background of the Revolution in Maryland* (New Haven, 1940, YUP).
- Barnes, Harry E., *The Evolution of Penology in Pennsylvania* (Indianapolis, 1921, Bobbs—Merrill).
- Beard, Charles A. and Mary R., *The Rise of American Civilization* (2 vols., in 1, N. Y., 1936, Macmillan). Vol. I.
- * Becker, Carl L., *The History of Political Parties in the Province of New York, 1760—1776* (Madison, 1909, UWP).
- Becker, C. L., *The Declaration of Independence* (N. Y., 1922, Harcourt, Brace).
- Becker, C. L., *The Heavenly City of the 18th Century Philosophers* (New Haven, 1932, YUP).
- Beckett J. C., *A Short History of Ireland* (London, 1952, Hutchinson).
- Beer, George L., *British Colonial Policy, 1754—1765* (N. Y., 1907, Macmillan).
- Belcher, Henry, *The First American Civil War* (2 vols., London, 1911, Macmillan).

- Bemis, Samuel F., «British Secret Service and the French-American Alliance», *AHR* (April, 1924), XXIX, 474—495.
- Bemis, S. F., «Canada and the Peace Settlement of 1782—1783», *CHR* (Sept., 1933), XIV, 265—284.
- * Bemis, S. F., *The Diplomacy of the American Revolution* (N. Y., 1935).
- Bemis, S. F., *A Diplomatic History of the U.S.* (N. Y., 1936, Holt).
- Benson, Adolph B., *Sweden and the American Revolution* (New Haven, 1926, Tuttle, Morehouse & Taylor).
- * Benson, Mary S., *Women in 18th Century America* (N. Y., 1935, CUP).
- Bodkin, M. M., *Grattan's Parliament* (London, 1912, Unwin).
- Bolton, Charles K., *The Private Soldier Under Washington* (N. Y., 1902, Scribner's).
- Bond, Beverley W., Jr., «Some Political Ideals of the Colonial Period as Realized in the Old Northwest», в *Essays in Colonial History Presented to Charles M. Andrews by his Students* (New Haven, 1931, YUP).
- Boorstin, Daniel, J., *The Genius of American Politics* (Chicago, 1953, UCP).
- Boorstin, D. J., *The Americans: The Colonial Experience* (N. Y., 1958, Random).
- Bowman, Allen, *The Morale of the American Revolutionary Army* (Washington, 1943, American Council on Public Affairs).
- Boyd, Julian P., «The Declaration of Independence», в E. N. Savelth, ed., *Understanding the American Past* (Boston, 1954, Little Brown).
- Brebner, John B., *The Neutral Yankees of Nova Scotia* (N. Y., 1937, CUP).
- * Brebner, J. B., *North Atlantic Triangle: The Interplay of Canada, the United States, and Great Britain* (New Haven, 1945, YUP).
- Brennan, Ellen E., *Plural Office-Holding in Massachusetts, 1760—1780* (Chapel Hill, 1945, UNC).
- Brown, Robert E., *Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts* (Ithaca, 1955, COP).
- Brown, Weldon A., *Empire or Independence* (Baton Rouge, 1941, LUP).
- Browne, Charles A., «Joseph Priestley and the American 'Fathers'», *American Scholar* (Spring, 1935), IV, 133—147.
- * Burnett, Edmund C., *The Continental Congress* (N. Y., 1941, Macmillan).

- Burns, Alan, *History of the British West Indies* (London, 1954, Allen & Unwin).
- *Burt, Alfred L., *The Evolution of the British Empire and Commonwealth* (Boston, 1956, Heath).
- Burt, A. L., *The United States, Great Britain, and British North America from the Revolution to the Establishment of Peace after the War of 1812* (New Haven, 1940, YUP).
- Butterfield, Herbert, *George III, Lord North, and the People* (London, 1949, G. Bell).
- Caldwell, Robert G., *The Penitentiary Movement in Delaware, 1776—1829* (Wilmington, 1946, Hist. Soc. of Del.).
- Campbell, Mildred, «English Emigration on the Eve of the American Revolution», *AHR* (Oct., 1955), LXI, 1—15.
- Canadian Historical Review* (March, 1942), XXIII, 1—39; «The American Revolution: A Symposium».
- Carter, Clarence E., «The Office of Commander in Chief», в R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*.
- Cassires, Ernst, *The Philosophy of the Enlightenment* (Princeton, 1951, PUP).
- *Channing, Edward, *A History of the United States, Volume III, 1761—1789* (N. Y., 1912, Macmillan).
- Clark, Dora M., *British Opinion and the American Revolution* (New Haven, 1930, YUP).
- Clark, William B., «John the Painter», *The Pa. Mag. of Hist. & Biog.*, (Jan., 1939), LXIII, 1—23.
- Cole, Arthur H., *The American Wool Manufacture* (2 vols., Cambridge, 1926, HUP), Vol. I.
- Coleman, J. M., «The Treason of Ralph Morden and Robert Land», *Pa. Mag. of Hist. & Biog.* (Oct., 1955), LXXIX, 439—451.
- Coleman, Kenneth, «The American Revolution in Georgia, 1763—1789», неопубликованная диссертация на степень доктора философии, защищенная в 1942 году в Висконсинском университете (позднее опубликована, Chapel Hill, 1959, UNCP).
- Collins, Edward D., «Committees of Correspondence of the American Revolution», *Annual Report of the American Hist. Ass'n.*, 1901 (Washington, 1902, GPO).
- Cometti, Elizabeth, «Women in the American Revolution», *New England Quarterly* (Sept., 1947), XX, 329—346.

- Cone, Carl B., *Torchbearer of Freedom: The Influence of Richard Price in 18th Century Thought* (Lexington, 1952, UKP).
- Cooley, Timothy, *Sketches of the Life and Character of the Rev. Lemuel Haynes* (N. Y., 1837, Harper).
- Corwin, Edward S., *French Policy and the American Alliance of 1778* (Princeton, 1916, PUP).
- * Coupland, Reginald, *The American Revolution and the British Empire* (London, 1930, Longmans, Green).
- Creighton, Donald G., *The Commercial Empire of the St. Lawrence, 1760—1850* (Toronto, 1937, Ryerson).
- Creighton, D. G., *Dominion of the North: A History of Canada* (Boston, 1944, Houghton, Mifflin).
- Crowl, Philip A., *Maryland During and After the Revolution* (Baltimore, 1943, JHUP).
- Curti, Merle, *The Growth of American Thought* (2nd edit., N. Y., 1951, Harper), главы I—VII.
- Curti, M., *Probing Our Past* (N. Y., 1955, Harper).
- * Darling, Arthur B., *Our Rising Empire, 1763—1803* (New Haven, 1940, YUP).
- Davidson, Philip, *Propaganda and the American Revolution, 1763—1783* (Chapel Hill, 1941, UNCP).
- DeMond, Robert O., *The Loyalists in North Carolina during the Revolution* (Durham, 1940, DUP).
- Deutsch, Albert, *The Mentally Ill in America* (Garden City, 1937, Doubleday, Doran).
- Dickerson, Oliver M., *The Navigation Acts and the American Revolution* (Phila., 1951, UPP).
- Dickerson, O. M., «Writs of Assistance as a Cause of the Revolution», в R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*.
- * Dorfman, Joseph, *The Economic Mind in American Civilization* (2 vols., N. Y., 1946, Viking), Vol. 1.
- * Douglass, Elisha P., *Rebels and Democrats: The Struggle for Equal Political Rights and Majority Rule during the American Revolution* (Chapel Hill, 1955, UNCP).
- Downes, Randolph C., «Indian War on the Upper Ohio, 1779—1782», *Western Pa., Hist. Mag.* (June, 1934), XVII, 93—115.
- Drake, Thomas E., *Quakers and Slavery in America* (New Haven, 1950, YUP).
- Dumbauld, Edward, *The Declaration of Independence* (Norman, 1950, OUKP).

- Dunbar, Louise B., «The Royal Governors», в R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*.
- * East, Robert A., *Business Enterprise in the American Revolutionary Era* (N.Y., 1938, CUP).
- Eckenrode, H. J., *The Revolution in Virginia* (Boston, 1916, Houghton, Mifflin).
- Egerton, Hugh E., *A Historical Geography of the British Dominions: Canada, Part II, The History from 1763—1921* (Oxford, 1923, Clarendon Press).
- Egerton, H. E., *The Causes and Character of the American Revolution* (London, 1931, OUP).
- Einstein, Lewis, *Divided Loyalties: Americans in England during the War of Independence* (Boston, 1933, Houghton, Mifflin).
- Ekirch, Arthur, A., Jr., *The Civilian and the Military* (N.Y., 1956, OUP).
- Eyck, Erich, *Pitt versus Fox: Father and Son, 1735—1806* (London, 1950, G. Bell).
- Falkiner, C. L., *Studies in Irish History and Biography* (London, 1903, Longmans, Green).
- Fisher, Sydney G., *The Struggle for American Independence* (2 vols., Phila., 1908, Lippincott).
- Fox, Dixon R., *Ideas in Motion* (N.Y., 1935, Appleton—Century).
- Friedenwald, Herbert, *The Declaration of Independence* (N.Y., 1904, Macmillan).
- Ganter, Herbert L., «Jefferson's 'Pursuit of Happiness' and Some Forgotten Men», *William & Mary Coll. Q* (July, October, 1936).
- Garner, John, «The Enfranchisement of Roman Catholics in the Maritimes», *CHR* (Sept., 1953) XXXIV, 203—218.
- Gillis, D. Hugh, *Democracy in the Canadas, 1759—1867* (Toronto, 1951, OUP).
- Ginzberg, Eli, *The House of Adam Smith* (N.Y., 1934, CUP).
- Gipson, Lawrence H., *Jared Ingersoll* (New Haven, 1920, YUP).
- Gipson, L. H., *The Coming of the Revolution, 1763—1775* (N.Y., 1954, Harper).
- Golder, Frank A., «Catherine II and the American Revolution», *AHR*, (Oct., 1915), XXI, 92—96.
- Goodman, Nathan G., *Benjamin Rush* (Phila., 1934, UPP).
- Graham, Gerald S., *British Policy and Canada, 1774—1791* (London, 1930, Longmans, Green).

- Green, Fletcher M., *Constitutional Development in the South Atlantic States, 1776—1860* (Chapel Hill, 1930, UNCP).
- Greene, Everts B. and Harrington, V. D., *American Population Before 1790* (N. Y., 1932, CUP).
- Greene, E. B., *The Foundations of American Nationality* (N. Y., 1935, rev. edit., American Book).
- Greene, E. B., *Religion and the State: The Making and Testing of an American Tradition* (N. Y., 1941, NYUP).
- * Greene, E. B., *The Revolutionary Generation, 1763—1790* (TOM IV труда *A History of American Life*, N. Y., 1943, Macmillan).
- Greene, John C., «The American Debate on the Negro's Place in Nature, 1780—1815», *The Journal of the History of Ideas* (June, 1954), XV, 384—396.
- Greene, Lorenzo J., *The Negro in Colonial New England, 1620—1776* (N. Y., 1942, CUP).
- Groce, George C., Jr., *William Samuel Johnson* (N. Y., 1937, CUP).
- Guttmacher, Manfred S., *America's Last King: An Interpretation of the Madness of George III* (N. Y., 1941, Scribner's).
- Guttridge, George H., David Hartley, M. P., *An Advocate of Conciliation* (Berkeley, 1926, UCAP).
- * Guttridge, G. H., *English Whiggism and the American Revolution* (Berkeley, 1942, UCP).
- Hacker, Louis M., *The Triumph of American Capitalism* (N. Y., 1940, Simon & Shuster).
- Hacker, L. M., *Alexander Hamilton in the American Tradition* (N. Y., 1957, McGraw, Hill).
- Halevy, Elie, *The Growth of Philosophical Radicalism*, M. Morris, tr., (Boston, 1955, Beacon).
- Handlin, Oscar and Mary F., *A Study of the Role of Government in the American Economy: Massachusetts, 1774—1861* (N. Y., 1947, NYUP).
- Hardy, Jack, *The First American Revolution* (N. Y., 1937, International).
- Harlow, Ralph V., «Aspects of Revolutionary Finance», *AHR* (Oct., 1929), XXXV, 46—68.
- * Harlow, Vincent T., *The Founding of the Second British Empire, 1763—1793: Discovery and Revolution, Vol. I* (London, 1952, Longmans, Green).

- Harper, Lawrence A., «The Effect of the Navigation Acts on the 13 Colonies», в R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*.
- Harrell, Isaac S., *Loyalism in Virginia* (Durham, 1926, DUP).
- Hartz, Louis, *Economic Policy and Democratic Thought: Pennsylvania, 1776—1860* (Cambridge, 1948, HUP).
- Hartz, L., *The Liberal Tradition in America* (N. Y., 1955, Harcourt Brace).
- * Haskett, Richard C., «Prosecuting the Revolution», *AHR* (April, 1954), 578—587.
- Hatch, Louis C., *The Administration of the American Revolutionary Army* (N. Y., 1904, Longmans, Green).
- Haworth, Paul L., «Frederick the Great and the American Revolution», *AHR* (April, 1904), IX, 460—478.
- Henderson, Archibald, «A Pre-Revolutionary Revolt in the Old South-West», *MVHR* (Sept., 1930), XVII, 191—212.
- Hill, Bridget, «The Emancipation of Women and the Women's Movement», *The Marxist Quarterly* (London, Jan., 1956), III, 40—57.
- * Hindle, Brooke, *The Pursuit of Science in Revolutionary America, 1735—1789* (Chapel Hill, 1956, UNCP).
- Historians Group, Communist Party of Great Britain, «Party Politics in the 18th Century», памфлет № 15 (mimeографическое издание) серии «Наша история», осень 1959 года. Памфлет содержит важную критику труда сэра Льюиса Нэмбера; он появился уже после завершения окончательной редакции настоящей книги.
- Hoffman, Philip G., «Australia's Debt to the American Revolution», *The Historian* (Spring, 1955), XVII, 143—156.
- Hoffman, Ross J. S., *Edmund Burke, New York Agent, with his letters to the New York Assembly...* (Phila., 1956, Amer. Phil. Soc.).
- Hunt, Agnes, *The Provincial Committees of Safety of the American Revolution* (Cleveland, 1904, Clark).
- * Jameson, J. Franklin, *The American Revolution Considered as a Social Movement* (Princeton, 1926, PUP).
- Jensen, Merrill, *The Articles of Confederation* (Madison, 1940, UWP).
- * Jensen, M., «Democracy and the American Revolution», *The Huntington Library Quarterly* (Aug., 1957), XX, 321—342.

- * Johnson, Elmer D., «The War of the Regulation: Its Place in History», неопубликованная магистерская диссертация, защищенная в 1942 году в университете Северной Каролины.
- Johnson, Emory R., et al., *History of Domestic and Foreign Commerce of the U. S.* (2 vols., Washington, 1915, Carnegie Inst.), Vol. I.
- Johnson, William, *Sketches of the Life and Correspondence of Nathanael Greene* (2 vols., Charleston, 1822, A. E. Miller).
- Jones, Howard M., *The Pursuit of Happiness* (Cambridge, 1933, (HUP)).
- Каплан, Sidney, «Rank and Status among Massachusetts Continental Officers», *AHR* (Jan., 1951), LVI, 318—326.
- Каплан, S., «Pay, Pension, and Power», *Boston Public Library Quarterly* (Jan. and April, 1951). Эта статья касается экономических жалоб революционных должностных лиц Массачусетса.
- Keppel, Thomas, *The Life of Augustus Viscount Keppel* (2 vols., London, 1842, Colburn).
- Kerr, Wilfred B., *The Maritime Provinces of British North America and the American Revolution* (Sackville, N. B., n. d., Busy East Press).
- Kerr, W. B., *Bermuda and the American Revolution, 1760—1783* (Princeton, 1936, PUP).
- Kidder, Frederick, *History of the Boston Massacre* (Albany, 1870, Munsell).
- Kimball, Marie, *Jefferson: The Road to Glory, 1743—1776* (N. Y., 1943, Coward, McCann).
- Knollenberg, Bernhard, *Washington and the Revolution* (N. Y., 1940, Macmillan).
- Koch, G. A., *Republican Religion: The American Revolution and the Cult of Reason* (N. Y., 1933, Holt).
- * Kraus, Michael, «America and the Irish Revolutionary Movement in the 18th Century» в R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*.
- Kull, Irving S., ed., *New Jersey: A History* (4 vols., N. Y., 1930, Amer. Hist. Soc.), vol. II.
- Labaree, Leonard W., *Royal Government in America: A Study of the British Colonial System before 1783* (New Haven, 1930, YUP).
- Labaree, L. W., *Conservatism in Early American History* (N. Y., 1948, NYUP).

- Lanctot, Gustav, «The Founding of French Canada», в George W. Brown, ed., Canada (Berkeley, 1950, UCaP).
- Lascelles, E. C. P., Granville Sharp and the Freedom of Slaves in England (London, 1928, OUP).
- Levene, Ricardo, A History of Argentina (Chapel Hill, 1937, UNCP).
- Lincoln, Anthony, Some Political Ideas and Social Ideas of English Dissent, 1763—1800 (London, 1938, CaUP).
- * Lincoln, Charles H., The Revolutionary Movement in Pennsylvania, 1760—1776 (Phila., 1901, UPP).
- Loveland, Clara O., The Critical Years: The Reconstitution of the Anglican Church in the U. S., 1780—1789 (Greenwich, Conn., 1956, Seabury).
- * Lowell, Edward J., The Hessians and the Other German Auxiliaries of Great Britain in the Revolutionary War (N.Y., 1884, Harper).
- * Maccoby, Simon, English Radicalism, 1762—1785 (London, 1955, Allen & Unwin).
- MacFarlane, R. O., «The Loyalist Migrations: A Social and Economic Movement», в R. C. Lodge, ed., Manitoba Essays (Toronto, 1937, Macmillan).
- Macmillan, Margaret B., The War Governors in the American Revolution (N.Y., 1943, CUP).
- Malcolm-Smith, E., British Diplomacy in the 18th Century, 1700—1789 (London, 1937, Williams & Norgate).
- Malone, Dumas, Jefferson the Virginian (Boston, 1940, Little Brown).
- Manuel, Frank E., The Age of Reason (Ithaca, 1951, CoUP).
- * Mark, Irving, Agrarian Conflicts in Colonial New York, 1711—1775 (N.Y., 1940, CUP).
- Martin, Chester, Empire and Commonwealth: Studies in Governance and Self-Government in Canada (London, 1929, OUP).
- * Martin, C., Foundations of Canadian Nationhood (Toronto, 1955, UTP).
- Maxwell, Constantia, Country and Town in Ireland Under the Georges (London, 1940, Harrap).
- Mays, David J., Edmund Pendleton (2 vols., Cambridge, 1952, HUP).
- McCormac, Eugene I., Colonial Opposition to Imperial Authority during the French & Indian War (Berkeley, 1911, UCaP).

- McCormick, Richard P., *Experiment in Independence: New Jersey in the Critical Period, 1781—1789* (New Brunswick, 1950, RUP).
- McCrary, Edward, *The History of South Carolina in the Revolution* (N.Y., 1901, Macmillan).
- McIlwain, Charles H., *The American Revolution: A Constitutional Interpretation* (N.Y., 1923, Macmillan).
- McInnis, Edgar, *Canada: A Political and Social History* (N.Y., 1947, Rinehart).
- McLaughlin, Andrew C., *A Constitutional History of the U.S.* (N.Y., 1935, Harper).
- Meng, John J., *The Comte de Vergennes: European Phases of his American Diplomacy (1777—1780)* (Washington, 1932, CUAP).
- Meng, J. J., «French Diplomacy in Philadelphia: 1778—1779», *The Catholic Hist. Rev.* (April, 1938), XXIV, 39—57.
- Miller, John C., *Sam Adams: Pioneer in Propaganda* (Boston, 1936, Little, Brown).
- * Miller, J. C., *The Origins of the American Revolution* (Boston, 1943, Little, Brown).
- * Miller, J. C., *Triumph of Freedom: 1775—1783* (Boston, 1948, Little, Brown).
- Mitchell, Broadus, *Alexander Hamilton: Youth to Maturity* (N.Y., 1957, Macmillan).
- Mohr, Walter H., *Federal Indian Relations, 1774—1788* (Phila., 1933, UPP).
- Monaghan, Frank, *John Jay: Defender of Liberty* (N.Y., 1935, Bobbs—Merrill).
- Montross, Lynn, *The Reluctant Rebels: The Story of the Continental Congress, 1775—1783* (N.Y., 1952, Harper).
- * Montross, L., *Rag. Tail and Bobtail: The Story of the Continental Army, 1775—1783* (N.Y., 1952, Harper).
- Moore, George H., *Historical Notes on the Employment of Negroes in the American Army of the Revolution* (N.Y., 1862, Evans).
- Morais, Herbert M., *Deism in 18th Century America* (N.Y., 1934, CUP).
- * Morais, H. M., «The Sons of Liberty in New York», в R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*.
- * Morais, H. M., *The Struggle for American Freedom* (N.Y., 1944, International).
- Morgan, Edmund S. and Helen M., *The Stamp Act Crisis* (Chapel Hill, 1953, UNCP).

- Morgan, E. S., *The Birth of the Republic, 1763—1789* (Chicago, 1956, UCP).
- * Morgan, E. S., «The American Revolution: Revisions in Need of Revising», *Williams & Mary Q.* (Jan., 1957), XIV, 3—15.
- Morris, Richard B., «Labor and Mercantilism in the Revolutionary Era», в R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution* (N. Y., 1939, CUP).
- * Morris, R. B., *Government and Labor in Early America* (N. Y., 1946, CUP).
- Morris, R. B., *The American Revolution: A Brief History* (N. Y., 1955, Van Nostrand).
- Muir, Ramsay, *A Short History of the British Commonwealth* (2 vols., N. Y., 1927, World).
- Mullett, Charles F., *Fundamental Law and the American Revolution, 1760—1776* (N. Y., 1933, CUP).
- Namier, Lewis B., *Structure of Politics at the Accession of George III* (London, 1929, Macmillan).
- * Namier, L. B., *England in the Age of the American Revolution* (London, 1930, Macmillan).
- Nettels, Curtis P., *The Roots of American Civilization* (N. Y., 1931, Crofts).
- * Nettels, C. P., *George Washington and American Independence* (Boston, 1951, Little, Brown).
- * Nevins, Allan, *The American States During and After the Revolution, 1775—1789* (N. Y., 1924, Macmillan).
- Newcomer, Lee N., *The Embattled Farmers: A Massachusetts Countryside in the American Revolution* (N. Y., 1953, King's Crown Press).
- Nye, Russell, B. and J. E. Norpurgio, *A History of the United States* (2 vols., London, 1955, Penguin), vol. I.
- Padover, Saul K., *The Mind of Alexander Hamilton* (N. Y., 1958, Harper).
- Pares, Richard, *King George III and the Politicians* (Oxford, 1953, OUP).
- Parkes, Henry B., *The American Experience* (N. Y., 1947, Knopf).
- Pearson, Hesketh, *Tom Paine: Friend of Mankind* (N. Y., 1937, Harper).
- Pell, John, *Ethan Allen* (Boston, 1929, Houghton, Mifflin).
- Perkins, James B., *France in the American Revolution* (Boston, 1911, Houghton, Mifflin).

- Perry, Ralph B., Puritanism and Democracy (N. Y., 1944, Vanguard).
- Phillips, Paul C., The West in the Diplomacy of the American Revolution (Champaign, 1913, UIP).
- Plumb, J. H., England in the 18th Century (Harmondsworth, 1950, Penguin).
- Pole, J. R., «Suffrage Reform and the American Revolution in New Jersey», *Proceedings of the N. J. Hist. Soc.* (July, 1956), LXXIV, 173—194.
- Pratt, Julius W., A History of U. S. Foreign Policy (N. Y., 1955, Prentice — Hall).

* Ritcheson, Charles R., British Politics and the American Revolution (Norman, 1954, UOKP).

Robbins, Caroline, The Eighteenth-Century Commonwealthman: Studies in the transmission, development and circumstances of English Liberal Thought from the Restoration of Charles II until the War with the Thirteen Colonies (HUP, Cambridge, 1959). Этот труд появился уже после завершения окончательной редакции настоящей книги. Девятая глава его содержит важные дополнительные материалы об английском радикальном движении в царствование Георга III.

Robson, Eric, The American Revolution in its Political and Military Aspects (N. Y., 1955, CUP).

Roche, John F., Joseph Reed: A Moderate in the American Revolution (N. Y., 1955, CUP).

Root, W. T., «The American Revolution in New Books and New Light», *CHR*, (Sept., 1942), XXIII, 308—315.

* Rossiter, Clinton, Seedtime of the Republic (N. Y., 1953, Harcourt, Brace).

Ryerson, Stanley B., French Canada (N. Y., 1943, International Publishers).

* Savelle, Max, Seeds of Liberty: The Genesis of the American Mind (N. Y., 1948, Knopf).

Savelle, M., «The American Balance of Power and European Diplomacy», в R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*.

Savelle, M., «The Appearance of an American Attitude toward External Affairs», *AHR*, (July, 1947), LII, 655—666.

- Saville, M., «Road to Revolution», в R. W. Leopold and A. S. Link, eds., Problem in American History (N. Y., 1952, Prentice — Hall).
- Schachner, Nathan, Thomas Jefferson (N. Y., 1957, Yoseloff).
- * Schlesinger, Arthur M., The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763—1776 (N. Y., 1918, CUP).
- Schlesinger, A. M., Prelude to Independence: The Newspaper War on Britain, 1764—1776 (N. Y., 1957, Knopf).
- Schuyler, Robert L., Parliament and the British Empire (N. Y., 1929, CUP).
- Schuyler, R. L., The Fall of the Old Colonial System (N. Y., 1945, OUP).
- Selsam, J. Paul, The Pennsylvania Constitution of 1776: A Study in Revolutionary Democracy (Phila., 1936, UPP).
- * Smith, Abbot E., Colonists in Bondage: White Servitude and Convict Labor in America, 1607—1776 (Chapel Hill, 1947, UNCP).
- Smith, Charles P., James Wilson Founding Father (Chapel Hill, 1956, UNCP).
- Smith, Justin H., Our Struggle for the 14th Colony: Canada and the American Revolution (2 vols., N. Y., 1907, Putnam).
- Spaulding, E. Wilder, His Excellency George Clinton (N. Y., 1938, Macmillan).
- Stephen, Leslie, History of English Thought in the 18th Century (2 vols., London, 1927, Murray).
- Stephens, Alexander, Memoirs of John Horne Took (2 vols., London, 1813, Johnson).
- Stock, Leo F., «The Irish Parliament and the American Revolution», *Historical Records and Studies*, XXX, 11—29 (U. S. Catholic Hist. Soc., 1939).
- Thayer, Theodore G., Pennsylvania Politics and the Growth of Democracy, 1740—1776 (Harrisburg, 1953, Pa. Hist. & Museum Comm.).
- Thomson, David, «Scientific Thought and Revolutionary Movements», Impact of Science on Society (March, 1955), VI, no. 1 (опубликовано ЮНЕСКО).
- * Tolles, Frederick, «The American Revolution Considered as a Social Movement: A Re-Evaluation», *AHR*, (1954), LX, 1—12. 1—12.
- Trevelyan, George O., The American Revolution (4 vols., N. Y., 1899—1913, Longmans, Green).

- Turner, Frederick J., «The Policy of France toward the Mississippi Valley...», *AHR*, (Jan., 1905), X, 249—279.
- Van Doren, Carl, Benjamin Franklin (N. Y., 1938, Viking).
- Van Doren, C., Secret History of the American Revolution (N. Y., 1941, Viking).
- Van Tyne, Claude H., The Loyalists in the American Revolution (N. Y., 1902, Macmillan).
- Van Tyne, C. H., The War of Independence (Boston, 1929, Little, Brown).
- * Ver Steeg, Clarence L., «The American Revolution Considered as an Economic Movement», *The Huntington Library Quarterly* (Aug., 1957), XX, 361—372.
- * Wade Mason, The French Canadians, 1760—1945 (Toronto, 1955, Macmillan).
- * Wallace, Willard M., Appeal to Arms: A Military History of the American Revolution (N. Y., 1951, Harper).
- Ward, Christopher, War of the Revolution (2 vols., N. Y., 1952, Macmillan).
- Warren, Charles, The Making of the Constitution (Boston, 1929, Little, Brown).
- Weaver, Emily P., "Nova Scotia and New England during the Revolution", *AHR* (Oct., 1904), X, 52—71.
- Wertenbaker, Thomas J., Father Knickerbocker Rebels: New York City during the Revolution (N. Y., 1948, Scribner's).
- Wilkes, John W., "British Politics Preceding the American Revolution", *The Huntington Library Quarterly* (August, 1957), XX, 301—320.
- Williams, David, A History of Modern Wales (London, 1950, Murray).
- Wishy, Bernard, "John Locke and the Spirit of '76", *Political Science Quarterly* (Sept., 1958), LXXIII, 413—425.
- Wittke, Carl, A History of Canada (N. Y., 1941, 3rd edit., Crofts).
- Wright, Louis B., Culture on the Moving Frontier (Bloomington, 1955, IndUP).
- Wrong, George M., Canada and the American Revolution (N. Y., 1935, Macmillan).
- Zeichner, Oscar, Connecticut's Years of Controversy, 1750—1776 (Chapel Hill, 1949, UNCP).

УКАЗАТЕЛЬ

- Абернети, Томас П. 49, 326
 Аболиционизм 196, 262, 263, 267, 268, 277, 347
 Австралия 44, 224
 Австрия 144
 Адамс, Джон 42, 52, 63, 78, 83, 131, 139, 143, 160, 181, 185, 187, 191, 229, 241, 243, 252, 256, 257, 262, 269—271, 307, 315, 321, 347
 Адамс, Сэмюэль 81, 83, 95, 98, 99, 102, 106, 118, 166
 Адамс, Эбигейл 143, 144, 262, 307
 Аллан, Джон 222
 Аллен, Джеймс 111
 Аллен, Томас 336
 Аллен, Этан 124, 150, 166
 Американская национальность 127, 138, 140
 Англиканская церковь 160, 302, 305
 Андрé 170
 Аннаполис (Мэриленд) 103, 179
 Аранхуэсская конвенция 1779 года 240
 Арман 248
 Армстронг, Джон 176
 Арнольд, Бенедикт 149, 153, 165, 169, 170, 171, 338
 «Ассоциации» (для бойкота) 103, 107—111, 114, 267
 Астелл, Мэри 143
 Африка 194, 223, 265, 324, 350
 Багамские острова 156, 194, 222, 350
 Баллок, Арчибальд 271
 Балтимор 81, 103, 151
 Банкер-Хилл, битва при 98, 125, 280
 Баркер, Ч. А. 295, 328
 Барнс, Г. Э. 317
 Баррэ, Айзек 184, 212, 219, 345
 Барри, Джон 276
 Баррингтон 280
 Батерфилд, Герберт 197, 200
 Баулер, Меткаф 168
 Бедфорд (Массачусетс) 149
 Беккариа, Чезаре 134, 316
 Беккер, Карл Л. 31, 69, 291
 Белфаст 206
 Бемис, Сэмюэль Флегг 246
 Бенезет, Антони 203, 262
 Бентам, Иеремия 44
 Бергойн, Джон 148, 150, 155, 218, 219, 233, 347
 Бёрд, Уильям 48
 Бёрк, Эдмунд 188, 212
 Бермудские острова 222, 223, 235
 Бернетт, Эдмунд К. 109, 110, 346
 Бёрт, А. Л., 67, 202
 Билле 248

Биллингтон, Р. А. 75
Билль о правах 184, 275, 300
Бингэм, Уильям 175
Бир, Джордж Л. 29
Бирд, Чарлз А. 28, 33, 69, 295, 296
«Бойцы с первой минуты» 98, 114
Болдуин, Э. Х. 71
Бомарше, Пьер 232
Бонвулюар 231
Бостон 65, 66, 70, 81, 82, 92, 96, 98, 101, 102, 151, 204, 213, 306
«Бостонская бойня» 82, 92, 204
Брайан, Джордж 265
Браун, Джон 63, 214
Браун, Роберт Э. 24, 25, 31, 296
Бребнер, Джон Б. 76, 221
Бредфорд, Уильям 317
Бреннан, Элен Э. 299
Бритон, Крейн 79
Броган, Д. У. 79
Брокунир, Сэмюэль Дж. 75
Брольи 191
Бурламаки, Дж. 134
Бурстин, Дэниэл Дж. 23, 24, 140
Бучер, Джонатан 92, 334
Бэйли 257, 281
Бэкон, Френсис 134
«Бэнк оф Бостон» 341
«Бэнк оф Норт Америка» 175, 341
«Бэнк оф Нью-Йорк» 341
Бэнкрофт, Джордж 152
Бэнкрофт, Эдвард 169, 254, 255
Ван Дорен, Карл 204
Ван Шаак, Генри 71
Ваттель, Э. 134
Вашингтон, Джордж 13, 17, 48, 50, 79, 96, 118, 125, 143, 145, 151, 153, 154, 158, 165, 170, 171—179, 197, 236, 247, 276—280, 315, 336
Вебер, Пауль К. 247
Везалий, А. 134
Венгрия 248
Верженн, граф 230, 231, 233, 234, 238—240, 244, 258, 259
Вермонт 265, 293, 300
Вернон, Эдвард 230

Вер Стиг, К. Л. 342
Вест-Индия 44, 45, 53, 54, 57, 108, 156, 167, 223, 228, 271, 272, 341
Виланд 247
Виргиния 50, 67, 89, 96, 100, 110, 116, 119, 125, 160, 161, 171, 266, 272, 275, 278, 293, 300, 302, 305, 306, 316, 345
Висконсин 67
Военное министерство 124
Военно-морское министерство 126
Военнопленные 149, 347
Волонтеры 207—209
Вольтер, Ф. 134, 138, 247, 259
Восстания 218, 221, 237, 239, 275, 306, 320, 327, 338
Вудуорд, У. Э. 77
Гадсен, Кристофер 94
Галеви, Эли 44
Гамильтон, Александр 17, 52, 53, 141, 175—178, 212, 279
Гарвардская медицинская школа 311
Гарвардский колледж 312
Гаррингтон, Дж. 134
Гейдж, Томас 14, 58, 66, 82, 100, 102, 103, 105, 114, 118, 120, 126, 148, 166, 167, 210
Гейтс, Гораций 55, 176
Генри, Патрик 11, 116, 117, 321
Георг II 206
Георг III 12, 133, 166, 181—184, 191, 197, 200—202, 206, 209, 226, 231, 249, 274, 315
Гердер 247
Германия 152, 246, 248
Герон, Уильям 168
«Гессенцы» 147, 200, 237, 280, 347
Гете, Иоганн Вольфганг 247
Гиббон, Эдвард 193
Гипсон, Л. Г. 29, 91
Глейм 247
Глостерский, герцог 191
Голдсмит, Оливер 137
Голландия, см. Нидерланды
Гопкинс, Эзек 156, 222
Гордона восстание 200

Городские собрания 81, 93, 94, 204, 265
Государства теория 140
Государственный департамент 126
Гофштадтер, Ричард 92
Грасе де, адмирал 157
Граттан, Генри 207, 208
Грейвс, адмирал 157, 259
Гренвиль, Джордж 50, 58
Гримальди 238, 239
Грин, Натаниэль 145, 151, 175, 279
Грин, Эвартс Б. 69, 77, 290, 302, 329
Гроций, Гуго 134
Грэхем, Патрик 117
Губерман, Лео 77
Гэллоуэй, Джозеф 71, 72, 104—106
«Гэспи», инцидент с 63, 97, 123
Далраймпл, Александр 44
Дания 144, 246, 248
Даннинг, Джон (лорд Эшвертон) 194
Данмор, лорд 100, 109, 116, 272, 273, 277, 347
Дарлинг, Артур Б. 257
Дартмут 82, 110, 148
Датчер, Д. М. 293
Даунс, Рандольф 251
Дебни, Остин 282
Дейн, Альберт 318
Декларация независимости 77, 125, 131—144, 191, 269, 284
Декларация прав 107
«Декларация причин и необходимости взяться за оружие» 119, 120
Делавэр 89, 102, 112, 160, 261, 265, 267, 298
Демонт, Уильям 168
Дефо, Даниэль 143
Джей, Джон 241, 253, 256, 265, 274, 339
Джеймсон, Дж. Ф. 27, 28, 286, 287, 291, 309
Джексон, Эндрю 154, 319
Дженсен, Мерилл 31, 69, 290, 291
Джёрмен (лорд) 148, 155, 167

Джефферсон, Томас 14, 17, 18, 48, 52, 56, 100, 118, 119, 131, 132, 135—139, 161, 164, 189, 229, 230, 267, 273, 302, 303, 307, 309, 311—316, 322, 324, 326, 333, 334, 339
Джиллис 214
Джонс, Говард Мамфорд 137
Джонс, Джон Пол 156, 276
Джонс, Дэвид 186
Джонс, Уильям 186
Джонсон, Сэмюэль 193
Джонсон, Элмер Д. 84
Джонсон, Эмори Р. 27, 28
Джорджия 45, 67, 71, 81, 89, 104, 107, 109, 116, 117, 133, 154, 160, 250, 268, 273, 275, 279, 281, 310, 345
Диггс, Томас 255
Дидро, Д. 134
Дизраэли, Бенджамин 34
Дикинсон, Джон 54, 119, 139, 229
Диккерсон, Оливер М. 29, 345
Дин, Сайлас 105, 169, 230, 232, 255, 274
Договор 1763 года 43, 209, 218
Договор Парижский (1783 года) 179, 250, 254, 343, 348
Додд, Уильям Э. 283
Долги, тюремное заключение за 316—320, 332, 351
Доносчики 56, 59, 166—168
«Дочери Американской революции» 23
«Дочери Свободы» 88
Дублин 189, 204
Дуглас, Элиша П. 288, 289
Дэвис, Уильям 154
Дюмас, Чарлз У. 243—247
Дюпортай 248

Евреи 70, 305
Екатерина II (императрица русская) 199, 236, 244

Жерар 252

Забастовки 91, 102, 198, 306
Закон о военном постое 58, 66, 82, 87
«Закон о восьмилетии» 206

- Закон о гербовом сборе 46, 58, 59, 64, 82, 83, 87—90, 94, 95, 101, 188, 204
 Закон 1764 года о денежном обращении 57
 Закон Пойнинга 205
 Законы о земле 328—330
 Законы о торговле и навигации, см. Навигационные и торговые акты
 Законы Тауншенда 61—63, 87, 88, 95—97
 «Здравый смысл» 128, 349
 Зедвиц, Герман 168
 Зенгера дело 186
- Иден, Уильям** 254
Иди, Джон 282
Иейл 93, 161, 319
Ингерсолл, Джаред 91
 «Изоляционизм» 349
Индейцы 117, 154, 218, 251, 252
Индиана 67
Индия 223, 242
Инфляция валютная 297, 338
Ирландия 42, 46, 108, 156, 183, 200, 204—209, 220, 239, 249, 255, 344
Испания 41, 45, 130, 146, 194, 225, 234, 241, 242
Ист, Роберт А. 341, 342
Италия 144
- Йорктаун** 154, 157, 194, 249
 «Йоркширское соглашение» 200
- Кабальные слуги** 26, 142, 330—332
Казначейство 124, 125, 175, 179
Канада 45, 67, 161, 192, 209—221, 226, 228, 231, 235, 272, 344, 347, 348
Капеллен, ван дер, Иоан Дерк 247
Капитализм, влияние революции на его развитие 339—342
Карлсон 211
Карлтон, Гай 190, 210, 218, 219
Кармайкл, Эдуард 255
Картрайт, Джон 191
- Кашинг, Томас** 81
Кашинг, Уильям 266
Квакеры 263
Квебек 67, 101, 107, 190, 210, 213, 216, 220
Квебекский акт 66, 67, 209, 210, 216
Квитрента 328
Кейп-Бретон (остров) 220
 «Кентское письмо» 112, 113
Кентукки 151, 310
Кеппел, Август 196
Керр, У. Б. 223
Керти, Мерль 144, 310
Кларк, Абрагам 329
Кларк, Дора М. 76
Кларк, Илайджа 154
Клингер 247
Клинтон, Генри 118, 158, 168, 170, 171
Клопшток 247
Клэп, Томас 93
Ковач, С. 248
Кок, Томас Уильям 191
Колледжей студенты 92, 93
Кометти, Элизабет 331
Комитеты безопасности 164
Комитеты связи 95—99, 103, 109—113, 125, 346
Конгресс по поводу закона о гербовом сборе 88—90, 95, 98
Кондорсэ (маркиз) 248
Конкорд (Массачусетс) 68, 118—122, 166, 185, 271, 280
Коннектикут 67, 81, 89, 91, 93, 98—101, 133, 163, 167, 171, 264, 269, 292
Конституция США 142, 293
Континентальный конгресс первый 98—108
второй 118—121
Конуэй 249
Коперник, Никола 134
Копленд, Реджинальд 24, 182, 201
Корнуоллис (лорд) 148, 157, 158
Корсика 231
Костюшко, Т. 13, 135, 248
Коул, Артур Х. 341
Кох, Г. А. 24
Крейтон 215
Крюгер, Генри 194

- Куинси, Джосия 143
 Кук, Джеймс 44
 Купер, Дэвид 263
 Купер, Сэмюэль 342
 Кэмден (лорд) 50
 Кэррола комиссия 215
- Лабрадор** 252
 Лайон, Джемс 222
 Ланкто, Гюстав 217
 Латинская Америка 228, 242
 Лафайет, Джеймс 284
 Лафайет, маркиз 13, 152, 191, 246, 248
 Левеллеры 137
 Лёвенберг, Джеймс Берд 75
 Лекки, У. Э. Х. 25
 Лексингтон (Массачусетс) 162, 173
 Ленин, В. И. 12, 37, 40
 Ленц 247
 Ли, Артур 169, 230, 255
 Ли, Ричард 50, 83, 131, 227, 229, 232, 272, 307
 Ли, Чарлз 153
 Ливингстон, Роберт Р. 118, 131, 241
 «Лига вооруженного нейтралитета» 194, 243—245
 Линкольн, Авраам 18, 144, 158, 279
 Линкольн, Чарлз Х. 30
 Ллойд, Джеймс 78
 Локк, Джон 134, 137, 347
 Лондон 48, 50, 70, 171, 184, 201, 221
 Лоренс, Генри 153, 166, 279
 Лоренс, Джон 79
 Лоринг, Джосия 150
 Лоуренс, Сэмюэль 281
 Лукас, Чарлз 134, 204
 Лью, Барзилай 276, 281
 Людвик XVI 236, 245, 246
- Майерс, Генри А.** 69
 Макдугал, Александр 82, 298
 Мак-Иннис 210
 Маккалок, Генри Э. 329
 Маккормик, Р. П. 162, 297, 329
 Маколей, Кэтрин С. 143, 185
- Маркс, Карл (и марксизм) 34—36
 Мароны 274
 Мартин, Честер 66
 Массачусетс 64, 66, 67, 86, 89, 96, 103, 105, 114, 115, 125, 133, 169, 214, 264—266, 269, 270, 275, 276, 278, 298, 300, 320, 337
 Медицина 310—311
 Менг, Джон Дж. 257
 Мередит, Уильям 194
 Мерсер, Джон 83
 Мецгер 92
 Миллер, Дж. К. 339
 Миллер, Уильям 331, 332
 Мильтон, Джон 134
 Министерство торговли 126
 Миссисипи, река 44, 226, 238, 241, 250, 253, 254
 Миффлин, Томас 179
 Молинукс, Уильям 203
 Молмсбери, граф 199
 Монархия, угроза ее установления 172—174
 Монморанси 238
 Монополия 65, 337—339
 Монреаль 213, 219
 Монтескье 134, 247, 261
 Монтросс, Линн 76, 79
 Морган, Джон 311
 Морейс, Г. М. 36, 69, 345
 Морзе, Джедидиа 78, 311
 Моррис, Гавернир 71, 72, 159, 175
 Моррис, Ричард Б. 26, 286, 287, 291
 Моррис, Роберт 175, 176
 Мортон, А. Л. 183, 184
 Мэдисон, Джеймс 164, 279, 316, 334, 338, 339
 Мэйсон, Джордж 50, 83, 96, 275
 Мэйхью, Джонатан 134
 Мэн (штат) 127, 240
 Мэнсфилд, лорд 62
 Мэньюэл, Фрэнк 44, 182
 Мэриленд 54, 81, 96, 103, 115, 125, 160, 163, 168, 269, 271, 279, 295, 328, 332, 337
 Мэрион, Фрэнсис 154, 281
 Мэррей, Джеймс 195, 214
 Мэтью, Дэвид 167
 Мятёж 153, 171—178

Навигационные и торговые акты 29, 56—58, 90, 126
Нассау 156
Невинс, Аллан 69, 74, 291
Негры 48, 92, 147, 260—284, 313
Нейлсон, Джон 329
Неккер, Жак 245
«Неоконсерватизм» 23
«Нестерпимые законы» 66
Неттелс, Кертис П. 29, 69, 172
Нидерланды 41, 46, 130, 146, 194, 243, 249
Никола, Льюис 173, 174
Нобел, Сет 222
Новая Англия 57, 67, 81, 101, 126, 155, 161, 221
Новая Зеландия 44
Новая Шотландия 25, 44, 45, 76, 107, 221, 235, 252, 272
Нокс, Генри 159, 175, 177
Нокс, Уильям 212
Норт, лорд 62, 119, 194, 199, 201, 202, 236, 237, 249, 256
Ноттингем 191
«Ньюбергские обращения» 176
Нью-Гэмпшир 89, 102, 250, 265, 269, 298
Нью-Джерси 89, 101, 102, 129, 149, 163, 164, 168, 263, 264, 266, 297, 298, 328, 329
Нью-Йорк 29, 60, 63, 65, 71, 72, 81, 86, 89—92, 95, 100, 102, 109, 111, 116, 118, 131, 149, 151, 155, 160, 162, 167, 171, 177, 190, 240, 265, 277, 278, 280, 298, 319, 328, 329, 331, 332, 339
Ньюфаундленд 45, 54, 126, 226, 252
Нэмьер, Льюис 182

Огайо 50, 67, 68
«Огайо лэнд компани» 50
Олден, Джон Ричард 26, 77, 78, 174, 182, 201
Освальд, Ричард 249, 250
Оссори, лорд 192
Ост-Индская компания 64, 65, 99
Отис, Джеймс 89, 143, 262

Паоли, Паскуале 204
Парижский мир, см. Договор Парижский (1783 года)
Парс, Ричард 202
Партизанская война 154—156
Патерсон, Уильям 163, 329
Пейн, Томас 14, 127, 168, 185, 187, 263, 265, 289, 307, 308, 312
Пендлтон, Эдмунд 272
Пенны 329
Пенология 314
Пенсильвания 30, 42, 71, 72, 102, 115, 116, 125, 129, 164, 293, 296, 316, 317, 319, 320, 328, 329, 337, 339, 341, 345
Перри, Ральф Б. 137
Пикенс, Эндрю 154
Питкери 147
Пойнинг 205
Помпей 283
Портер, Дэвид 276
Португалия 41, 239, 240, 244
Поул, А. Дж. П. 237
Право собственности 137, 333—339
Прайс, Ричард 45, 186, 187, 189, 190, 200, 247, 348
Предатели 165—178, 254, 255
Предписания о помощи 56, 58
Прескотт, генерал 280
Принца Эдуарда остров 156, 220
Пристли, Джозеф 134, 137, 190, 191, 348
Провинциальный конвент 96, 98, 125, 164
Прокламация 1763 года 49, 56
Протестанты 207, 216, 302, 305
Пруссия 144, 193, 244
Публичные библиотеки 312
Пугачева восстание 237
Пулаский 13, 248
Пур, Сейлем 280
Путнем, Израэль 152

Рабы 26, 48, 92, 133, 142, 261—279, 284, 323, 324
Равенства теория 141
Радищев, Александр 247
Разъяснительный закон 59, 60, 188, 204
Райерсон, Стэнли Б. 67

- Райт 71, 81
 Ралль 147
 Рамсей, Дэвид 79
 Рамфорд (граф) 167
 Рандольф 333
 Расизм 261—314, 323
 Ратледж, Джон 277
 Раш, Бенджамин 262, 311, 316,
 317, 318
 Ремесленники, их организации
 94, 95
 Республиканизм 226, 293
 Рив, Тэппинг 310
 Ривер, Пол 99
 Рид, Джозеф 166
 Римско-католическая церковь
 67, 199, 200, 205, 216, 301,
 302, 305
 Ритчесон, Ч. Р. 26
 Ричард II 162
 Робсон, Эрик 29, 182, 183, 195
 Род-Айленд 63, 98, 102, 133,
 168, 169, 264, 265, 278, 305,
 307
 Роджерс, Перли 281
 Родни 249, 250
 Родон, лорд 147
 Рокингем, лорд 193, 249
 Россия 25, 199, 237, 243, 244,
 247
 Рошамбо (генерал) 165, 248
 Руссо, Жан-Жак 231, 247
 Рут, Уинфред Т. 69
 Рэмзи, Джеймс 312
 Рэнкин, Уильям 168

 Самтер, Томас 154
 «Сахарный закон» 57—59
 Св. Евстафия остров 242, 249
 Свифт, Джонатан 206
 Северная Каролина 84, 89, 160,
 161, 163, 268, 275, 279, 319,
 327, 329, 345
 Сейвелл, Макс 26
 Сейлем, Питер 147
 Семилетняя война 51, 55, 198
 Сен-Симон 13
 Сидней 134
 Сиссон, Джек 280
 Скайлер, Филип 118, 170, 177
 Скилмэн, Айзек 262
 Смит, Адам 38, 45, 137
 Смит, Уильям 220
 Смит, Эббот Э. 330
 Спиноза, Барух 134
 Стайлз, Эзра 143, 161
 Старк, Джон 155, 159
 Статут о религиозной свободе
 303
 «Статьи конфедерации» 119,
 127, 175, 290, 294, 346
 Стивен, Лесли 181
 Стоктон, Ричард 347
 Стюарт, Уолтер 176
 Суит, Уильям У. 301
 «Суффолкские резолюции» 106
 «Сыны Нептуна» 88
 «Сыны Свободы» 82, 86, 88,
 91, 94, 95, 101, 316, 345
 Сьюэлл, Джонатан 159
 Сэвил, Джордж 193
 Сэвилл, Джордж 61
 Сэндвич, граф 146

 Тайкондерога 124
 Тарлтон 158
 Тауншенд, Чарлз 61, 87—88,
 198
 Тобаго 194, 222
 Токвиль, Алексис 24
 Толлс, Фредерик Б. 286, 287,
 309
 Томас, Исайя 332
 Томсон, Бенджамин 167
 Томсон, Чарлз 42, 104, 105, 131
 Тон, Уолф 208
 Тори 70, 84, 92, 111, 112, 115,
 117, 159—177, 253
 Торнтон, Уильям 169, 255
 Трайон 167
 Трентон (Нью-Йорк) 153, 171,
 201
 Трефив 186
 Тук, Джон Хори 185
 Тэйлор, М. К. 132
 Тэккер, Джосия 45
 Турго 245, 246

 Уайз, Джон 134
 Уайз, Джордж 309, 311
 Уайт, Уильям 143

Уилкс, Джон 184—186, 198, 231
Уиллард, Джозеф 312
Уиллингтон (Северная Каролина) 151
Уилсон, Джеймс 143, 311
Уильямс, Джеймс 154
Уильямс, Дэвис 186
Уильямс, Роджер 134
Уиппл, Принс 280
Уитке, Карл 217
Уиш, Гарви 310
Указ о Северо-Западе 313
Уолпол, Гораций 193, 205
«Уолпол компани» 50
Уорф, Джеймс 147
Уорд, Сэмюэль 166
Уорон, Серси Отис 143
Уорнер, Сэт 124
Уоррен, Джозеф 106, 185
Уэбстер, Ной 311
Уэйд, Мэйсон 216
Уэйн, Антони 171, 172, 283
Уэльс 44, 104, 186
Уэнтурот 254
Уэртенбейкер, Томас Дж. 29, 51
Уэст-Пойнт 170

Феодалные пережитки 324, 340, 351
Фергюсон 150
Ферзен, фон 248
Филадельфия 42, 54, 65, 79, 81, 98—100, 102—106, 118, 161, 163, 179, 191, 263, 316, 318, 338
Фиске 24
Фишер, С. Г. 77
Флакер, Томас 159
Флорида (Восточная и Западная) 25, 44, 45, 107, 194, 226, 273
Фокс, Диксон Р. 310
Фокс, Чарлз 192—194
Фокс, Эдуард 168
Фолкинер, К. Р. 207
Форд, Джон 276
Форд, Пол Лейстер 169
Форд, Хезекия 255
Фордайс 283
Фостер, Уильям З. 12, 36, 37, 38

Франклин, Бенджамин 13, 42, 46, 50, 59, 83, 98, 118, 119, 127, 131, 138, 143, 159, 169, 186, 190, 198, 204, 230, 232, 233, 241—262, 289, 316, 317, 334, 342, 343, 348, 349
Франклин, Уильям 130, 169
Франция 25, 41, 43—46, 56, 60, 64, 130, 144, 146, 157, 194, 207, 211, 225—259
Французская революция 201, 220, 333
Фридрих II (король прусский) 193, 236
Фрилингхайзен, Ф. 163

Хадди, Джосия 149
Хайнсон, Джозеф 168, 169, 254
Харпер, Л. А. 29
Харрел, Айзек 49, 161
Хартли, Дэвид 194, 237, 256, 343
Харц, Луис 24, 25, 138, 165, 332
Хаскетт, Р. К. 159, 164
Хатчинсон, Томас 64, 81
Хау, Уильям 150, 195
Хаух 248
Хауэрд, Джон 316
Хейнс, Айзек 149
Херкимер 155
Хертфордский, граф 50
Хики, Томас 167, 168
Холи, Джозеф 83
Холл, Лаймси 118
Хонимэн, Квако 284
Хоусон, Джон 271
Хэкер, Л. М. 28, 33, 69
Хэмфрис 281
Хэнкок, Джон 81, 118, 131, 159, 166

Цейхнер, Оскар 161
Цен установление 337
Церковь и государство, отношения между ними 301—305
Циклы экономические 54, 55
«Цинциннати» (общество) 178

Чайный закон 64
Чан Кай-ши 148

Чаннинг, Эдвард 25, 28, 69, 82,
181, 182, 291
Чарлстон (Южная Каролина)
65, 94, 95, 102, 148; 149, 158,
190, 273
Чатам, лорд (Питт, Уильям,
Старший) 192, 193, 196
Чейз, Сэмюэль 337
Черч, Бенджамин 118, 166, 167,
186
Чехия 237

Шарп, Гренвиль 196, 203
Шарп, Джеймс 197
Шарп, Уильям 197
Швейцарская конфедерация 216
Швеция 259
Шейса восстание 320
Шелберн, лорд 44, 188, 210,
249, 348
Шерман, Роджер 131
Шиллер 247
Шипли, Уильям Д. 186

Шлезингер, А. М. 31, 69
Штединг 248
Штойбен 13, 248
Штольберг 247
Шуазель 231
Шубарт 247

Эдди, Джонатан 222
Энгельс, Фридрих 142
Эндрюс, Чарлз М. 25, 28, 31,
36
Эпинус, Теодор 244
Эрскин, Томас 186, 195
Эфтингем, лорд 196, 204

Южная Каролина 70, 94, 102,
133, 149, 154, 160, 184, 268,
273—281

Ямайка 45, 222, 275, 345

О Г Л А В Л Е Н И Е

От Издательства	5
«История американского народа», статья Уильяма З. Фостера	7

Американская революция, 1763—1783

Глава 1. Характер революции	23
Глава 2. Родники революции	42
I. Перемены в Англии в конце XVIII века	43
II. Тринадцать колоний в конце XVIII века	45
III. Английская политика и колониальный Юг	48
IV. Английская политика и колониальный Север	50
V. Репрессивные меры Англии	56
VI. Лорд Норт становится премьер-министром	62
Глава 3. Классовые деления и революция	69
Глава 4. Была ли революция движением большинства?	76
I. Разделение населения на три трети	76
II. Современные свидетельства общественного мнения	80
Глава 5. Развитие революционных институтов	86
I. Возникновение массовых организаций	88
II. Забастовки и другие демонстрации	91
III. Комитеты связи и провинциальные конвенты	95

IV. Первый Континентальный конгресс	98
V. Работа конгресса	104
VI. «Ассоциация» конгресса	107
VII. Местные правительственные комитеты	109
VIII. События в отдельных колониях	114
IX. Второй Континентальный конгресс	118
Глава 6. Движение к независимости	122
I. Политика левых	123
II. Потребности войны	125
III. Необходимость иностранной поддержки	130
Глава 7. Декларация независимости	132
I. Политическая теория Декларации	134
II. Ограниченность и величие Декларации	140
Глава 8. Организация вооруженной борьбы в период ре- волюции	145
I. Официальное английское мнение	146
II. Общая стратегия и союз с Францией	150
III. Война на море	156
Глава 9. Тори и предатели	159
I. Отношение революции к тори	162
II. Революция и измена	165
III. Угроза мятежа	171
IV. Уход Вашингтона в отставку	178
Глава 10. Англия и революция	181
I. Король и парламент	181
II. Англо-американский радикализм	183
III. Ричард Прайс и Джозеф Пристли	187
IV. Английская оппозиция королю	191
V. Офицерский корпус и королевская война	195
VI. Массовые волнения в Англии	197

Глава 11. Британская империя и революция	203
I. Ирландия и революция	204
II. Канада и революция	209
III. Канадцы отказываются играть реакционную роль	217
IV. Воздействие революции на Канаду	219
V. Новая Шотландия и Вест-Индия	221
Глава 12. Дипломатия революции	225
I. Главные соображения	225
II. Общая стратегия	229
III. Испания и революция	238
IV. Голландия, Россия и «нейтралитет»	242
V. Влияние общественного мнения	245
VI. Парижский мирный договор	249
VII. Шпионаж и подготовка мирного договора	254
VIII. Почему Англия была «великодушной»	255
IX. Предали ли Соединенные Штаты Францию?	256
Глава 13. Негритянский народ в революции	260
I. Расизм, его сторонники и противники	261
II. Сохранение рабства на Юге	268
III. Стремление обеспечить свободу	269
IV. Мятеж в лагере революции	274
V. Негритянские революционные бойцы	276
VI. Негры как разведчики	283
VII. Краткие выводы о роли негров	284
Глава 14. Социальные последствия революции	286
I. Различные толкования влияния революции	286
II. Влияние революции на теорию и форму государственного управления	291
III. Рост политических сил народа	293
IV. Отношения между церковью и государством	301
V. Влияние революции на положение женщин	305

VI. Влияние революции на просвещение	308
VII. Влияние революции на пенологию	314
VIII. Вопрос о заключении в тюрьму за долги	318
Глава 15. Экономические последствия революции	321
I. Наступление революции на пережитки феодализма	322
II. Революционная земельная политика	328
III. Влияние революции на кабальное рабство	330
IV. Выступления против частной собственности	333
V. Стимулирование капиталистического развития	340
VI. Заключение	343
Примечания	345
Библиография	352
Указатель	370

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1763 — 1783 г.г.

Редактор *В. Е. РЕПИН*

Технический редактор *А. Г. Резоухова*

Корректор *Н. А. Булгаков*

Сдано в производство 11/IV 1962 г.

Подписано к печати 7/VIII 1962 г.

Бумага 84×108¹/₃₂ = 6,0 бум. л., печ. л. 19,7.
Уч.-изд. л. 19,8 Изд. № 6/0435. Цена 1 р. 34 к.
Зак. 305

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2